

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (42)

Киров
2026

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

**Состав редакционной коллегии:
Исторические науки и археология**

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

**Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован
в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (42)

Kirov
2026

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);
M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сафронова Алевтина Михайловна. Организация поиска минералов на Урале главным провизором Екатеринбургской аптеки Л. Х. Мейндерсом по заказу Медицинской канцелярии (1742 г.)</i>	9
<i>Печатнов Владимир Олегович, Печатнов Валентин Владимирович. Жизнь и смерть аляскинского миссионера иеромонаха Никиты</i>	19
<i>Печатнов Валентин Владимирович. «Увещевал и упрашивал их настойчиво оставить идольский образ жизни...» Из походного журнала аляскинского миссионера иеромонаха Никиты (Марченко)</i>	27
<i>Чернышев Иван Александрович. Участие православного духовенства в выборах в Государственную думу Российской империи по материалам «Вятских епархиальных ведомостей»</i>	39
<i>Архипова Любовь Михайловна. Из истории перехода церковного имущества в государственную собственность в Ярославской губернии в 1918 г.</i>	52
<i>Тряхов Илья Сергеевич. Вспомогательная деятельность торфопредприятий по обеспечению торфодобычи в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской и Ивановской областей)</i>	62

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сенников Алексей Иванович. Роль организации «Американские друзья Ближнего Востока» в ближневосточной политике США 1950–1960-х гг.</i>	73
<i>Бакшаев Максим Владимирович. Партия «Зеленых» (ФРГ) в оценках руководства СССР, 1980–1987</i>	86

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Кочегуров Дмитрий Александрович, Гасанов Камран Низами оглы. Экзистенциальный антагонизм: противоречия в отношениях США и Ирана на современном этапе</i>	96
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Ладанова Ольга Юрьевна, Фионова Людмила Римовна. История и развитие процессов управления документной информацией в России: проблемы классификации</i>	108
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Черниговский Дмитрий Николаевич. Своеобразие литературно-эстетических взглядов И. М. Долгорукова</i>	115
<i>Двоеглазов Владимир Викторович. «...полное сочувствие к добру и истине»: правда в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина (к 200-летию юбилею писателя)</i>	124

<i>Осипова Нина Осиповна. Вертикаль смыслов: палимпсест в художественной системе «Поэмы без героя» А. Ахматовой</i>	131
<i>Налимова Наталья Владимировна. Роль рекурсии в авторской стратегии Б. Дышленко (роман «Контурь и силуэты»).....</i>	141
<i>Шурыгин Андрей Владимирович. Русский литературный клуб Поволжья как феномен современной интернет-поэзии</i>	151

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Safronova Alevtina Mikhailovna</i> . Organization of mineral searches in the Urals by the chief pharmacist of the Yekaterinburg pharmacy L. H. Meinders, commissioned by the Medical Chancellery (1742)	9
<i>Pechatnov Vladimir Olegovich, Pechatnov Valentin Vladimirovich</i> . Life and Death of the Alaskan Missionary Hieromonk Nikita	19
<i>Pechatnov Valentin Vladimirovich</i> . "[I] exhorted and begged them persistently to leave the idolatrous way of life...". From the travel journal of the Alaskan missionary Hieromonk Nikita (Marchenko)	27
<i>Chernyshev Ivan Aleksandrovich</i> . The Participation of the Orthodox Clergy in the Elections to the State Duma of the Russian Empire, Based on the Materials of the Vyatka Diocesan Gazette	39
<i>Arkhipova Lyubov Mikhailovna</i> . From the History of the Transfer of Church Property to State Ownership in the Yaroslavl Province in 1918	52
<i>Tryakhov Ilya Sergeevich</i> . The Auxiliary Activities of Peat Enterprises in Support of Peat Extraction under the Conditions of the Great Patriotic War (Based on Materials from the Vladimir and Ivanovo Regions)	62

GENERAL HISTORY

<i>Sennikov Aleksey Ivanovich</i> . The Role of the American Friends of the Middle East in the US Middle East Policy of the 1950s–1960s	73
<i>Bakshaev Maxim Vladimirovich</i> . The Green Party (FRG) in the Assessments of the USSR Leadership, 1980–1987	86

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Kochegurov Dmitry Aleksandrovich, Gasanov Kamran Nizami ogly</i> . Existential Antagonism: Contradictions in US-Iran Relations at the Current Stage	96
--	----

HISTORIOGRAPHY

<i>Ladanova Olga Yurievna, Fionova Lyudmila Rimovna</i> . The History and Development of Document Information Management Processes in Russia: Classification Problems	108
---	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Chernigovsky Dmitry Nikolaevich</i> . The Peculiarities of I. M. Dolgorukov's Literary and Aesthetic Views	115
<i>Dvoeglazov Vladimir Viktorovich</i> . "... full preference for goodness and truth": Pravda (Truth) in literary world by M. E. Saltykov-Shchedrin (on the writer's 200th anniversary)	124
<i>Osipova Nina Osipovna</i> . The Vertical Stratum of Meaning: Palimpsest in the Poetic System of Anna Akhmatova's Poem Without a Hero	139

<i>Nalimova Natalia Vladimirovna. The Role of Recursion in the Author's Strategy of Boris Dyshlenko (the Novel Contours and Silhouettes).....</i>	141
<i>Shurygin Andrey Vladimirovich. The Russian Literary Club of the Volga Region as a Phenomenon of Modern Internet Poetry</i>	151

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

EDN: TIFBCN

УДК 94(470.5)

Организация поиска минералов на Урале главным провизором Екатеринбургской аптеки Л. Х. Мейндерсом по заказу Медицинской канцелярии (1742 г.)

Сафронова Алевтина Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории
госуправления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Аннотация. В настоящем исследовании впервые раскрывается попытка заменить часть минералов, использовавшихся в медицине для лечения болезней и ввезенных в Россию из-за границы, на отечественные, добытые на территории Урала. Основным исполнителем этой важной задачи стал главный провизор Екатеринбургской аптеки бергмейстер Людвиг Христиан Мейндерс. Его вкладу в организацию поиска минералов на территории Урала в 1742 г. посвящена эта статья, при этом показана и роль центральных органов управления медициной и горным делом в России, уральской канцелярии в этом мероприятии. Установлено, что инициатива поиска четырех минералов: горного хрусталя, крововика (гематита), магнетита и белой слюды общим весом до 20 пудов – исходила от Медицинской канцелярии, предложившей Генерал-берг-директориуму привлечь для этого Мейндерса, возглавлявшего аптеку Екатеринбурга. Именно Мейндерс разработал и представил уральскому начальству программу проведения поиска минералов, руководил этой операцией, сам в течение четырех месяцев с нанятыми работниками преодолел сотни верст, обследовал места их первых находок и открыл новые месторождения. Было добыто, разобрано, упаковано и весной 1743 г. отправлено с караваном железа водным путем в Москву более 76 пудов минералов (1,4 т), более чем в три раза больше затребованного. Установлены факты личных обращений Мейндерса к Медицинской канцелярии с отправкой в центр новых образцов белой глины, предложениями продолжить поиск минералов, значительно расширить их ассортимент, включив и драгоценные камни. Показано, что Берг-коллегия поддержала эти предложения Мейндерса, обязав уральское начальство оказывать ему содействие. Представленные в статье материалы будут использованы при написании монографии, посвященной истории первой аптеки Екатеринбурга (1734–1750-е гг.).

Ключевые слова: Медицинская канцелярия, Урал, минералы, Л. Х. Мейндерс.

Немец Людвиг Христиан Мейндерс, родом из Саксонии, был одним из самых успешных медиков, трудившихся в Екатеринбурге в первой половине XVIII в. По окончании службы на Олонецких Петровских заводах, имея чин бергмейстера, 9 февраля 1738 г. он заключил контракт в Генерал-берг-директориуме о работе в Екатеринбурге в качестве главного провизора до февраля 1743 г., но прослужил в течение 15 лет, до своей смерти в октябре 1753 г. Он внес большой вклад в развитие аптеки, открытой по инициативе В. Н. Татищева в 1734 г., ставшей первой на огромных просторах Урала и Сибири. В книге, посвященной Екатеринбургу, Н. С. Корепанов привел биографические сведения о Мейндерсе, но не совсем верные: прибыл в 1737 г. (!) в качестве гейзеля, подлекаря (!), при нем аптека «стала первым в городе научно-испытательным учреждением», начал свою деятельность «с ежегодного летнего сбора лекарственных растений и объездов ближних рудников для приискания лечебных минеральных веществ (камень крововик, магнитная руда, белая слюда, белая и синяя глина и др.) (!). Часть собранного отсылалась для апробации в Академию наук и Московскую (!) медицинскую канцелярию», в 1740 (!) учредил аптекарский огород. Интересом «естественника» автор объяснил примеры «поиска и описания» им «монстров» для отсылки в Кунсткамеру (!) [16, с. 44, 57–58]. В. И. Старков привел данные, будто Мейндерс в январе 1741 г. сообщил уральскому начальству об отправке им в Медицинскую канцелярию 5 пудов минералов на пробу, получил одобрение и летом собрал с работниками около 50 пудов для отправки в центр [20, с. 33], но документы сви-

детельствуют о несоответствии этих данных действительности. В нашей статье, посвященной аптеке, раскрыт вклад Мейндерса в ее устройство, приведены данные о ежегодных суммах заказанных им лекарств и других материалов в центр; общие суммы, затраченные на изготовление и рассылку лекарств по госпиталям, открытым при заводах; организацию им аптечного огорода [19, с. 39–79]. В последние годы опубликованы новые справки о Мейндерсе [17, с. 658; 21, с. 254].

Цель нашей статьи – раскрыть вклад Мейндерса в выполнение важного задания, инициированного Медицинской канцелярией и поддержанного горным ведомством по поиску минералов, используемых для лечения болезней. Организация поисковой операции ярко продемонстрировала его высокий уровень как специалиста, профессионала в медицинском и аптечном деле, определенную известность в высоких медицинских кругах, необычайную активность, проявленную при выполнении полученного задания. Приведенные нами данные важны и в плане изучения контактов сотрудников первых аптек, открытых в регионах Российской империи, с главным медицинским учреждением страны, Медицинской канцелярией, действовавшей в столице с 1721 г., ведавшей госпиталями, аптеками, медицинскими кадрами, поставкой лекарств, борьбой с эпидемиями и другими вопросами, касающимися развития медицины в России.

Источниками для написания статьи послужили личные доношения, подававшиеся Мейндерсом в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов в Екатеринбурге, его «рописи», рапорты; определения членов канцелярии, принятые при заслушивании этих документов и фиксировавшиеся в протоколах заседаний; указы канцелярии, принятые на основе определений, адресованные Мейндерсу и заводским конторам для исполнения; доношения и рапорты заводских контор, поступавшие в канцелярию. Особую группу источников составили указы центральных органов управления горным делом в России – Генерал-берг-директориума во главе с А. К. фон Шембергом (1736–1742 гг.) и восстановленной в июле 1742 г. Берг-коллегии, действовавшей уже не в столице, а в Москве. Только через них Медицинская канцелярия, как и ее московская контора, могли апеллировать к уральской Канцелярии Главного заводов правления. Документы, касающиеся медицины, рассредоточены по делам фонда 24 «Уральского горного управления» Государственного архива Свердловской области (далее – ГАСО) чисто заводского характера, объемом под 1000 и более листов. В данном же случае они выявлены при просмотре дела № 984, в котором сосредоточены документы, освещавшие действия уральского начальства по исполнению указов Берг-коллегии за 1743 г. и нескольких указов ее предшественника – за 1742 г.

Как показало изучение этих документов, отнюдь не Мейндерс явился инициатором поиска минералов, использовавшихся в качестве лекарственных препаратов. Инициатором этого мероприятия и привлечения к нему провизора Екатеринбургской аптеки стала Медицинская канцелярия – главное медицинское ведомство страны. Согласно тексту указа Генерал-берг-директориума от 22 декабря 1741 г., прибывшего на Урал небывало быстро, 16 января 1742 г., 7 декабря 1741 г. именно Медицинская канцелярия направила промеморию в директориум и объявила: *«Напередь де сего про обиход казенных аптек для приуготовления медикаментов выписываны из-за моря минеральные каменья – хрусталь, крововик, магнит и слюда белая, которая называется маркен глаз или лапис спекуляри анцеде уведо миленос, что такие каменья сыскиваются при Сибирских казенных заводах»*¹ (здесь и далее курсив наш. – Авт.).

Медицинская канцелярия официально просила директориум, «чтоб повелено б было» эти «минералии» «старанием обретающагося при Екатеринбургских казенных заводах провизора Мендерса сыскать, каждой от трех до четырех и пяти пуд и при случае к оказии отправить в Московскую Главную аптеку». Средства, потраченные на поиски, обещала возместить. Таким образом, главное медицинское ведомство страны путем привлечения Мейндерса поставило перед горным ведомством вопрос о решении важной проблемы – обеспечения Глав-

¹ Название слюды с латинского в русской транслитерации было передано с большими искажениями: Мариенглас (Marienglas) – это немецкое название, переводится как «стекло Марии», закрепившееся за прозрачными пластинами минералов, гипса-селенита, иногда и белой слюды — мусковита, которые использовали в Средние века для украшения икон Девы Марии и вставки в фонари, так как были дешевле стекла. Lapis specularis – это «камень зеркальный», так в Древнем Риме называли прозрачные слоистые минералы; Ante duos millenos с латыни означает «два тысячелетия назад». При переложении на русский язык были сделаны эти ошибки.

ной аптеки Москвы рядом отечественных минералов, определило их виды, примерный вес каждой из четырех партий, от 3 до 5 пудов, общий вес – до 20 пудов. Главная аптека располагалась в Москве на Красной площади, являлась одной из лучших в Европе. Она выполняла роль центрального склада страны, снабжала лекарствами армию, рассылала лекарства по территории всей страны, поставляла их и в аптеку Екатеринбурга. Получив промеморию из Медицинской канцелярии, Генерал-берг-директориум своим указом предписал Канцелярии Главного заводов правления: по требованию Медицинской канцелярии «камни сыскивать и старание иметь бергмейстеру Мендерсу», отправить их в Москву в Берг-контору с указанием сумм, потраченных на поиск [1]. Уральская канцелярия 21 января 1742 г. определила: чинить по этому указу, велеть Мейндерсу, когда сколько найдет камней, объявлять при доношении для отправки в Москву [2], т. е. ограничилась самым общим предписанием.

Поясним, с какой целью в медицине применялись эти минералы. Их полезные свойства были хорошо известны еще с античности. Плиний Старший (23–79 гг.) в «Естественной истории» (*Naturalis Historia*) писал, что природа создала минералы как лекарства, распределив их по земле так, чтобы человек мог найти помощь, для него минерал был частью природы, способной воздействовать на человеческое тело. Хрусталь – «это лед, отчего греки и дали ему такое название... горный хрусталь (IX, 23). «Я нахожу у медиков, что те места, которые следует прижечь, лучше всего считается прижигать с помощью хрустального шара, держа его против лучей солнца». Крововик, научное название гематит (*Haematites*), получил такое название из-за высокого содержания железа и характерного красного цвета, ассоциировавшегося с кровью, отсюда и название от греческого *haima* (кровь). Плиний ценил его высоко за «землистую» силу. Считалось, что камень останавливает любое кровотечение, если его приложить к ране (XXXVI, 126–130). Магнетит Плиний почитал одним из самых загадочных, называл его «живым камнем» из-за способности притягивать железо. В XXXVI книге сообщал, что, растертый в порошок в составе примочек, он помогает при лечении глаз, используется при ожогах, в малых дозах внутрь для выведения лишней жидкости. Слюда Плиний Старший описывал под названием *lapis specularis* (зеркальный камень), отмечал ее уникальное свойство – способность расщепляться на тончайшие прозрачные листки. Он приписывал слюде охлаждающие и подсушивающие свойства, ее растирали в порошок и смешивали с жидкостями для примочек для снятия жара с опухших мест [18]. В медицине и в Средние века, и в XVIII в. свойства этих четырех минералов продолжали активно использоваться для приготовления лекарств, поэтому их и выписывали из-за границы для российских аптек.

Получив указ начальства о поиске минералов, Мейндерс в течение двух недель обдумывал план, как лучше организовать его, и 9 февраля изложил свои размышления в доношении на немецком языке, написанном очень мелким почерком, переведенном на русский учителем немецкой школы, одновременно выполнявшим роль переводчика при канцелярии, А. Миссесом [3]. Мейндерс заявил: буду «попечение и старание иметь... если мне объявлено будет, есть ли таковые и где оные имеются, дабы не учинять напрасные убытки в прогонных деньгах»; если мне «никакое помешательство или остановка учинена [не] будет, а особливо, ежели я подъячева из канцелярии потребую, чтобы оной ко мне всегда отпущен был без замедления». Мейндерс четко сформулировал свои предложения по организации поиска, изложив их в 11 пунктах:

- 1) Дать ему роспись находок этих четырех минералов с указанием их местонахождения, расстояний от Екатеринбурга, числа верст от одного до другого, если о том имеются данные.
- 2) Приказать надсмотрщикам железных рудников, чтобы впредь найденный крововик не клали в общую руду к плавке, берегли до прибытия Мейндерса или посланного от него человека. Если минерал находится в куче руды, не запрещать ему с людьми разбирать ее.
- 3) Дать «послушной указ», чтобы как в казенных, так и в партикулярных рудниках, где будут эти четыре минерала, «до меня сохраняли» или присланным людям «помешательство чинить б не могли», т. е. предложил распространить поиск и на территорию частных заводов.
- 4) Если понадобится ехать на дальние расстояния и будет «опасность в пути», дать «довольно канвоя».
- 5) Дать достойного бергауэра для шурфования и разведывания минералов, чтоб был «безотлучно при мне» или при известии о наличии минералов «чтоб я его послать мог».
- 6) К разведыванию минералов нужны инструменты: «12 кирочек, чтоб концы сталью были наварены», 4 ручных молота, 2 больших, 4 кайла, 4 железные лопаты, железный лом, они должны быть изготовлены по его модели.
- 7) Слесарям приказать все опилки при этом сохранить.
- 8) Для поездок и посылок нужны один-два работника «или сколько от меня потребно будет», телеги давать от Екатеринбурга-

ской заводской канторы «без остановки». 9) «Наперво требую прогонных денег и на заплату инструментов и на другие малые вещи» 40 руб., если возможно, серебром, поскольку Медицинская канцелярия оплачивает «Московской горной канторе» серебряными деньгами. 10) Просит «достойного» солдата с оружием, чтоб был «безсменно». 11) Поскольку летом часто буду отлучаться, для караула аптеки определить достойного солдата.

Доношение Мейндерса обсуждалось членами канцелярии 2 апреля, по всем пунктам, кроме последнего, было вынесено положительное решение. Для разведок приказывалось дать Обвинцова, ученика рудокопщика Бабина, платить ему по плакату; работников до двух человек давать заводской канторе, платить им за работу с запискою в расход, солдата для дальних поездок давать от Екатеринбургских рот, а в солдате для караула аптеки отказать «для малолетства оных», предписывалось обходиться наличными аптекарскими учениками и работниками [4].

До середины апреля канцелярия оперативно направила указы с изложением этого определения в казначейскую кантору, заводскую, к ротным делам; на казенные заводы, где плавил железную руду и мог быть крововик – цесаревны Анны (Верх-Исетский), императрицы Анны (Сысертский), Алапаевский, Уктусский, Каменский, Полевской – чтобы хранили его до приезда Мейндерса или его людей и не мешали разборке руды. Особые указы с извещением о поиске минералов по требованию Медицинской канцелярии и нечинении препятствий были отправлены и на частные заводы – лично Г. А. Демидову; на Гороблагодатские заводы, находившиеся в 1739–1742 гг. в собственности А. К. фон Шемберга, его поверенному актариусу К. Г. Фогту; приказчикам на Билимбаевский завод Строгановых и Шайтанский А. Н. Демидова. 30 апреля приказчик Невьянского завода А. Н. Демидова отрапортовал, что указ о сохранении крововика получен и будет исполняться. 21 августа Алапаевская заводская кантора сообщила, что кровавик не найден и до зимы «сыскать ненадежно», так как летом во время добычи бывает вода, а зимою руда вымерзает, но, если что найдется, будет объявлен. 5 ноября 1742 г. Полевская кантора доложила, что там горного хрусталя, магнитной руды и слюды нет, а имеется камень крововик под охранением в канторе весом 24 фунта, на что Мейндерс заявил, что его свидетельствовал, явился негоден [5].

В деле имеется справка, составленная в канцелярии, о находках минералов на Урале с указанием даты, сведений о лице, нашедшем минерал, месторасположения, расстояния до Екатеринбурга. Данные этой справки, недатированной, представляют большой интерес, поскольку раскрывают историю предварительных поисков на Урале этих минералов. Приведем ее данные.

9 июня 1736 г. от бывшей экспедиции, от надзирателя припасов Виссариона Титова, прислано объявление о поступившем ему известии от капитана Казанского гарнизона Зимнитского о наличии слюды в 48 верстах от Уфы, в сторону Екатеринбурга или противоположную, точно не показано. От Уфы до Екатеринбурга – 443 версты. 8 ноября 1736 г. крестьянин Камышловской слободы Иван Лебедев доношением объявил «слюдное место за озером Чебаркулем в горе», в 4–5 верстах от крепости Чебаркуль, от крепости до Екатеринбурга – 296 верст. 3 октября 1739 г. рудокопатель Федор Бабин доношением заявил о находке хрусталя и просил вознаграждение за это: 1) по реке Каменке, впадающей в Патрушевку; 2) около того же места, на расстоянии 7,5 версты – хрустальная щетка. Расстояние до Екатеринбурга осталось неизвестным, канцелярия уже 4 октября приказала «каменному мастеру» Рейнеру осмотреть эти места, но осмотрел ли, неизвестно. В 1741 г., 18 августа, шихтмейстер Федор Санников объявил о магнитной руде, взятой им за Уралом с горы Утасы, что над рекою Янком, запасы – до 80 верст во все стороны, места вокруг степные, изредка дубовые. «А крововика в канцелярию... не объявляivano». В протоколе за 24 июля 1733 г. найдена запись: «на Конжаковском руднике находитца и магнит». Расстояние от завода до рудника зимнею дорогой 80 верст, летнею – 106, а от Лялинского завода до Екатеринбурга 344 версты [6].

Приведенные нами документы показывают, что о ежегодных объездах «ближних рудников для приискания лечебных минеральных веществ (камень крововик, магнитная руда, белая слюда, белая и синяя глина и др.)» с момента прибытия Мейндерса на Урал [16, с. 57] речь до 1742 г. идти не могла, поиски их еще не начинались.

С наступлением весны 1742 г. Мейндерс начал готовиться к поездкам, но начальство медлило, и 5 мая он жаловался, что еще в феврале просил отпустить ему для этого 10 дестей бумаги (240 листов), до сих пор не получил; подорожной и подвод не дано. В мае он начал объезд территории в поисках минералов, 18 мая просил предоставить от одной до четырех

подвод. 5 июля сообщил, что ездил для «сыска каменьев» и брал ученика Бабина Кирила Обвинцова, но ничего не нашел, поскольку ученик «мест негде не знает, к тому ж весьма ленив». По его просьбе ученика заменили на сына Бабина Петра, «он мне уже и места показывал». 10 июля Петр Бабин был официально назначен в помощь Мейндерсу [7].

17 ноября 1742 г. Мейндерс подает большое доношение в канцелярию об итогах поисковых работ с приложением двух «рописей» на немецком языке с переводом Миссетом на русский [8]. Подчеркивает, что добыл не только требуемое количество (до 5 пудов каждого минерала), но постарался «истинные места, где оные находятся, сыскать», если «Медицинская канцелярия впредь таковых минералов требовать будет», чтобы легче «оные добыть», т. е. выражает намерение продолжать поиски минералов на Урале в будущем.

Мейндерс сообщает: «Добыто мною горного хрусталу 23 пуда, кровавику 12 пудов, магнитного камню 12 пуд»; слюды хотя немного найдено, но не существенно, поэтому не посылается. Ясно, что на дальние поездки за слюдой под Уфу, Чебаркуль, более чем за 400 и 300 верст, не решились. На оплату прогонов и работ было издержано 33 руб. 30 коп., «ропись» трат прилагалась.

Особый интерес для нас представляет информация Мейндерса, изложенная в доношении уральскому начальству, что 3 октября он лично запрашивал Медицинскую канцелярию, всю ли партию добытого или только требуемую часть отправлять в Москву, просил известить об этом Берг-коллегию или «прямо сюда... сообщить», т. е. вел личную переписку с главным медицинским ведомством. Он докладывает уральскому начальству, что присланный в ноябре с Сысертского завода крововик разобрал, выделил 15 пудов 20 фунтов чистого минерала и 5 пудов пустой руды. Когда получит точное известие об объемах, готовых принять в Москве, то присовокупит крововик к 12 пудам, готовым к отсылке, в случае отказа – все присланное с Сысерти возвратит в канцелярию для использования в плавке. Таким образом, вес всей партии добытых на Урале минералов составил 62,5 пуда вместо 12–20 пудов, запрошенных Медицинской канцелярией, в три с лишним раза превысил их вес, даже без отправки четвертого минерала, слюды.

Мейндерс просит уральскую канцелярию, если Медицинская канцелярия будет и впредь требовать минералы, то б указом «закрепить», чтобы никто минералы не растаскивал, ему поиски стоили «немалой труд и [в] отягчение привели», вынужден был купить себе «коляску» за 26 руб., на которой, видимо, и выезжал на поиски. Поскольку эта работа велась «сверх» заключенного с ним контракта, «приказано было» выполнить, просит канцелярию представить Берг-коллегии, чтоб она «за мои многие труды довольное награждение учинила».

Особую ценность имеет «ропись», приложенная к доношению под заглавием «При розведывании минералов колико прогонных денег издержано» [9]. Она раскрывает территории, охваченные поисками, позволяет судить о больших масштабах проведенных работ, содержит точные данные о времени поездок и расстояниях, преодоленных при этом; где и какие минералы найдены. А число лошадей, использованных в каждой из поездок, позволяет косвенно судить о больших объемах вывозимого в Екатеринбург.

Удачные поездки начались 27 мая 1742 г., когда на небольшую речку Решетка, в 18 верстах от Екатеринбурга, ездили на трех лошадях – «на верху, до хрустальной ломки, и возвратно». Решетка – правый приток Исети, впадающий в нее близ Екатеринбурга. Ясно, что хрусталь был найден в верховьях Решетки, имеющей длину 26–35 км. Платили во время всех поездок по 1 коп. на версту за каждую лошадь с проводником, в данном случае 1 руб. 8 коп.

2 июня совершена поездка «для разведки для хрустальной ломки» за 16 верст от Екатеринбурга «за Шарташом, к Пышме», на трех лошадях туда и обратно. 3 июня отправлен за 14 верст «за Шарташ, к Никите Бахореву, для осмотра хрусталя ученик рудоискателя Обвинцов на одной лошади». В июне в районе Горного Щита, расположенного в 24 верстах от Екатеринбурга, разведано несколько месторождений горного хрусталя. 10 июня туда отправились работники на четырех лошадях и в 5 верстах от поселения, «на правую руку в лес до хрустальной ломки», вышли на новое месторождение. С 11 по 15 июня, в течение 6 дней, поездки велись ежедневно, работники ночевали в Горном Щиту. 11 июня найдена «другая хрустальная ломка» в 5 верстах, «в правую руку», до нее и «возвратно» ездили на четырех лошадях. 12 июня – «третья хрустальная ломка на другом месте, в правой руке в лесу», в 6 верстах от Горного Щита. 13 июня в 3 верстах от Горного Щита на руднике найден крововик, ездили туда и обратно на двух лошадях. 14 июня от Горного Щита за 17 верст ездили «на мраморную ломку» на четырех лошадях; 15 июня на 6 верст «от этой ломки, в правую руку – к хрустальной ломке», на тех же лошадях.

16 июня совершена поездка на двух лошадях с Полевского завода «для кровавика» на два рудника, отстоявших от завода на 15 верст, и в тот же день с Полевского завода съездили на соседний Северский, за 7 верст, опять же «для кровавика», и вернулись на Полевую. 17 июня с Полевского завода на четырех лошадях «возвратно» ездили «на мраморную ломку» за 19 верст, вернулись на завод. В этот же день другая группа на двух лошадях ездила «к прежней хрустальной ломке... чтоб далее разведать», за 6 верст, туда и обратно. Состоялась поездка и третьей группы с Полевского завода на четырех лошадях к Горному Щиту за 14 верст. 18 июня с Горного Щита работники на двух лошадях ездили «в левую руку в лес» для разведки слюды, 5 верст туда и обратно. В тот же день с Горного Щита выехали группой в Екатеринбург на пяти лошадях.

22 июня группа из Екатеринбурга на четырех лошадях отправилась на Сысертский завод, расположенный в 43 верстах. 23 июня – поездка на трех лошадях на ближайший рудник от завода, за 6 верст, «для кровавика камню», туда и обратно. В этот же день другая группа на двух лошадях послана для разведывания слюды «в диком лесу», в 40 верстах от завода, и вернулась. 25 июня вся группа на четырех лошадях возвратилась с Сысерти в Екатеринбург.

Следующие поездки состоялись в июле, в северном направлении. 2 июля из Екатеринбурга отправилась группа на четырех лошадях в Мерзинскую слободу «горной хрусталь розведать», до Шайтанского завода А. Н. Демидова, за 62 версты. Зафиксированы поездки от Шайтанского завода до Безсоны (11 верст); от нее до Камловой (13 верст); от Камловой до Мурзинской слободы (8 верст); от Мурзинской слободы до Быньгов (58 верст). Судя по суммам затрат, ездили всей группой на четырех лошадях, ночевали в этих деревнях и селах и двигались дальше. «Здесь, в Невьянской канторе... Демидова прикащики мне объявили, что на их железных рудниках магниту и кровавика камня не имеется». Из этой записи следует, что Мейндерс проехал вместе с работниками весь этот путь. Без сомнения, ездил с ними и по другим местам. Следующая запись датирована 3 августа: от Быньгов до Екатеринбурга уплачено за 95 верст. Таким образом, по нашим подсчетам, только в течение месяца, со 2 июля по 3 августа, группа во главе с Мейндерсом преодолела расстояние в 247 верст, или более 263 км (верста – 1,066 м).

Отдохнув несколько дней в Екатеринбурге, 9 августа снова на четырех лошадях отправились за 42 версты «на Волчью гору для разведывания магнитного камня». 11 августа на трех лошадях за 18 верст – на гору Хрустальную и реку Решетку, где прежде находили месторождение хрусталя. Гора Хрустальная получила такое название в народе еще в XVIII в. не из-за этого минерала, а за крупное месторождение молочно-белого кварца. И последняя запись Мейндерса гласит, что он послал рудокопателя Петра Бабина к месту за 8 верст от Горного Щита по Уткинской дороге на лошади, от Екатеринбурга за 28 верст, не указав, в поисках чего. Всего на оплату прогонов в поездках за минералами было потрачено 29 руб. 59 коп.

В следующей «росписи» Мейндерс приводит сведения об оплате работ «рудоискателю Петру Бабину, ученику ево Кириле Обвинцову и протчим работникам». 1 июня 1742 г. Обвинцову за 3 дня дано по плакату, 10 числа – 5 коп.; 11-го – работнику из Горного Щита, 12-го – за 6 дней; Петру Бабину вместо работника – за 6 дней; 16-го – рудоискателю с Полевского завода Илье Рубрикову за 1 день; 22-го – Обвинцову за 7 дней; 24-го – арамильскому крестьянину Алексею Ситникову «за показание слюды, 40 верст за Сысертью, за 2 дня». В июле выплаты были произведены двум работникам от Екатеринбургской заводской канторы, Михайле Волкову и Филиппу Моторину, за 7 дней; за 1–3 августа – работникам заводской канторы Прокопию Костромину и Александру Матурину. 8 августа «привез Петр Бабин на своей лошади 2 пуда кровавика камню от Горного Щита» до Екатеринбурга, за 19 верст. 10 августа «на Хрустальной ломке за Решотами имел для разведывания трех работников» – Палкина с сыном Александром и работника Никиту. Петру Бабину заплачено за 16 дней. Итого всем – 33 руб. 13 коп. [10].

Из этих документов, поданных Мейндерсом в канцелярию в ноябре 1742 г., следует, что поездки для поиска минералов охватывали огромную территорию Урала, проводились на протяжении четырех месяцев, с мая по август 1742 г., и в них наряду с самим Мейндерсом было задействовано за особую оплату по меньшей мере 12 человек.

Это итоговое доношение провизора от 17 ноября с приложением двух «росписей» было заслушано на заседании Канцелярии лишь по прошествии трех месяцев с момента подачи, 18 февраля 1743 г., что свидетельствует о явном затягивании с его рассмотрением. Члены канцелярии определили: все разысканные и добытые Мейндерсом минералы и присланные с

Сысертского завода, чтобы расход на их добычу «втуне потерян не был, все отправить в Москву, в Государственную Берг-коллегию... весною в караване с прочими припасы на коломенках». Используя зимний путь, заводской конторе заранее организовать доставку минералов на Уткинскую пристань на тех же подводах, на которых будет доставляться туда железо для отправки по реке в Москву. Отрапортовать в Берг-коллегию, что минералы будут отправлены с караваном, об их количестве, суммах расхода на них и что слюды здесь такой, какая требовалась, не найдено.

1) Издержанные Мейндерсом на поиск, добычу, оплату прогонов и за работу 33 руб. 13 коп. поставить в счет, остальные 6 руб. 87 коп., на данные ему инструменты, принять в канцелярскую контору, а инструменты – в заводскую контору, что их убудет, «положить на... минералы» особо.

2) Немедленно рапортовать в канцелярию о расходах на добычу и провоз в Екатеринбург с Сысерти крововику, также и другим заводским конторам сообщить, не было ли дополнительных расходов, помимо указанных Мейндерсом; если были, приложить к счету для Медицинской канцелярии. Негодный сысертский крововик отослать на плавку чугуна на Верх-Исетский завод.

3) О награждении Мейндерсу представить в Берг-коллегию с мнением, что «награждения ему никакова дать не надлежит, ибо он может доволен быть и одним жалованьем». Хотя заявляет, что этот труд был сверх заключенного с ним контракта, но «не сверх, а по должности его, потому что он то время при аптеке никакой должности не исправлял» [11].

Берг-коллегия в своем указе от 19 апреля 1743 г., полученном 19 июня, известила уральское начальство, что Медицинская канцелярия своей промеморией сообщила ей содержание документов, поступивших в нее лично от Мейндерса. Он «мемориалами, полученными в Медицинской канцелярии, объявил» о количестве добытых минералов, «при том прислал пробу некоторой белой глины и ежели де оную к пользе употребить можно, то о том ожидает повеления, ибо от того можно многое число невеликим коштом поставить». Желая сохранить месторождения, не освоенные полностью, просит «о избережении тех мест Главной горной канцелярии мемориалом представить с требованием, чтоб... указом опубликовано было – показанные от него места содержать в хранении для Медицинской канцелярии, ежели впредь что потребно будет».

Мейндерс пояснял медицинскому ведомству, что можно отправить минералы в Москву зимой на санях, но для этого «много кошту требуется», а можно – «будущим весенним временем з железным караваном... почти никаким коштом на переезд», и предлагал «требовать» указа от Берг-коллегии об отправке минералов весной с караваном, передаче их в Московскую медицинскую контору с точным объявлением, сколько за все денег израсходовано, и отдачей, кому в Берг-коллегии повелено будет. Таким образом, он не преминул дать совет и по поводу доставки минералов в Москву. Караваны, груженные уральским железом, ежегодно отправлялись с Уткинской пристани весной, как только вскрывались реки, по Чусовой, Каме, Волге, Оке, Москве-реке и прибывали в Москву в конце лета или осенью. Это был более надежный и дешевый путь. Такое решение уральское начальство и приняло в феврале 1743 г.

Мейндерс предложил Медицинской канцелярии не только продолжить начатый поиск минералов на Урале, но и перейти к новому этапу – резко расширить ассортимент разыскиваемых минералов – и просил поставить вопрос об этом перед органом управления горным делом: «чтоб от Берг-коллегии повелено б было, как вышеобъявленных вещей (четырех минералов. – Авт.), так и протчих минералов, которые употреблены бывають в аптеках, яко имеют по несколько пуд нашатырю, горной соли, белого купоросу, белой слюды, серы горючей, руды и чисто текущей (так в тексте. – Авт.), да несколько пунктов камня изумруду, яхант (рубин и сапфир. – Авт.), карниол (сердолик. – Авт.), аметист и тому подобных, обретающемуся при Екатеринбургских заводах бергмейстеру Мендерсу сыскивать случаем, без употребления к тому излишних коштов, и о том Медицинской канцелярии уведомлять». Таким образом, Мейндерс не просто заявил о возможностях расширения ассортимента минералов, разыскиваемых на Урале, но и определил их конкретный состав, включая драгоценные камни, использовавшиеся в медицинских целях.

Как же отреагировала Берг-коллегия на предложения, поступившие в Медицинскую канцелярию от Мейндерса и сообщенные ей? От своего имени коллегия предписала уральскому начальству: отправить минералы в караване, как и предлагал Мейндерс, если караван уже уйдет, то «хотя на лехком каком судне до того каравана оные отправить и отдать посланному управителю». Она согласилась с предложенными Мейндерсом услугами по поиску мине-

ралов и распорядилась: «О присылке впредь потребных в аптеку вещей бергмейстеру Мендерсу объявить имянно, чтоб он по оному имел старание и что ему к тому будет потребно, от оной канцелярии чинить вспоможение». О расходе денег на поиск минералов прислать в Берг-коллегию ведомость. Указ подписали президент Берг-коллегии А. Томилов, ее члены В. Райзер, М. Чебышев, Я. Дашков [12].

В следующем указе Берг-коллегии от 5 мая 1743 г., полученном 13 июня, сообщалось: как только караван прибудет в Москву, о его прибытии будет сообщено в Медицинскую контору. От уральского начальства нужна ведомость о расходах для возмещения их Медицинской канцелярией. В награждении Мейндерсу отказать с учетом мнения начальства. Снова повторялось: «А впредь, какие в прииске будут минералы и кровавик, оных для пробы по несколько присылать в Берг-коллегию» [13].

Канцелярия Главного заводов правления во исполнение этого указа 22 июня 1743 г. определила: «Какие минералы приисканы им, Мендерсом, впредь будут, велеть ему объявлять в здешнюю канцелярию с надлежащим описанием, в каких местах оные приисканы, к отсылке в Берг-коллегию для пробы с приложением расходов» [14].

Ведомость о расходах на поиск минералов была составлена только 14 октября 1743 г., через месяц отправлена в Берг-коллегию. Данные о расходах на их упаковку показывают: минералы были закупорены в 11 деревянных бочек по 6 коп. каждая; на их изготовление истрачено 70 гвоздей размером 1,5 вершка (вершок – 4,4 см), 6 простых рогож, веревки. Отмечен вес груза, перевезенного до Уткинской пристани в закупоренном виде, – 76 пудов 11 фунтов, т. е. около 1,4 тонны. Получается, за счет упаковок вес груза увеличился на 13,5 пуда, видимо, бочки были огромными, каждая сама весила больше пуда. Путь от Екатеринбурга до Уткинской пристани составил 68 верст, за доставку минералов было «зачтено здешним жителям» по плакату по деньге за версту – 1 руб. 3 $\frac{3}{4}$ коп. Общий расход на поиск минералов, их упаковку и доставку до пристани составил 37 руб. 96 $\frac{1}{4}$ коп. Оставался неизвестным только счет за доставку их по рекам до Москвы [15].

Таким образом, выявленные нами документы позволяют сделать вывод, что Медицинская канцелярия инициировала проведение поисков минералов, использовавшихся в медицине для лечения болезней и выписывавшихся ранее для аптек России из-за рубежа: горного хрусталя, гематита, магнита и белой слюды. Ее инициатива получила поддержку со стороны горного ведомства, возложившего их поиск на Канцелярию Главного заводов правления в лице Мейндерса. Бергмейстер Людвиг Мейндерс, главный провизор Екатеринбургской аптеки, стал основным исполнителем и организатором этих поисков, составил программу их проведения, четко сформулировал задачи, определил участников. Он руководил поисками на протяжении четырех месяцев, с мая по август 1742 г., принимал в них непосредственное участие, исколесил сотни верст, разведал новые месторождения, предложил план доставки минералов в Москву. Общий вес найденных минералов в упакованном виде составил 1,4 тонны. Этот результат можно расценить как важный вклад в обеспечение страны отечественным минеральным сырьем, ранее выписывавшемся из-за границы.

Понимая важность поставленной Медицинской канцелярией задачи, Мейндерс выразил готовность продолжать поиск минералов в будущем, более того, предложил в несколько раз расширить ассортимент добываемых на Урале минералов в медицинских целях, включить в их состав и такие драгоценные камни, как изумруд, рубин, сапфир, сердолик, аметист. Берг-коллегия поддержала это предложение и обязала уральское начальство содействовать Мейндерсу. Необходимо продолжить выявление и изучение документов, чтобы ответить на вопрос, была ли претворена в жизнь предложенная провизором программа поисков минералов и в каких масштабах.

Список литературы

1. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 235–235об.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 236.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 237–238, 239–241.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 242–242 об.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 244–252, 261, 254, 275–275об.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 259–260об.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 262–263, 256–256об.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 278–282, 283–288об.

9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 286–288.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 288–288об.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 289–289об.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 304–305.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 307–307об.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 308.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 984. Л. 321–321об.
16. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 274 с.
17. Корепанов Н. С. Мейндерс (Meinders) Людвиг Христиан // Екатеринбург. Энциклопедия : в 2 т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. Т. 1. 696 с.
18. Плиний Старший. Естественная история. URL: http://annales.info/ant_lit/plinius/36.htm.
19. Сафронова А. М. Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734–1750-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 19. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 56–79.
20. Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 152 с.
21. Черноухов А. В., Уланов К. А. Русские мастера и иностранные специалисты на горнозаводском Урале и в Сибири в 20-х – 50-х гг. XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. 420 с.

Organization of mineral searches in the Urals by the chief pharmacist of the Yekaterinburg pharmacy L. H. Meinders, commissioned by the Medical Chancellery (1742)

Safronova Alevtina Mikhailovna

Doctor of History, professor of the Department of Records Management, Archival Science and the History of Public Administration, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Abstract. This study reveals for the first time an attempt to replace some of the minerals used in medicine to treat illnesses, imported into Russia from abroad, with domestically produced minerals mined in the Urals. The primary implementer of this important task was the chief pharmacist of the Yekaterinburg pharmacy, Bergmeister Ludwig Christian Meinders. This article examines his contribution to organizing mineral prospecting in the Urals in 1742, and also demonstrates the role of the central medical and mining authorities in Russia, including the Ural Chancellery, in this effort. It is established that the initiative to search for four minerals – rock crystal, bloodstone (hematite), magnetite, and white mica, weighing up to 20 poods – came from the Medical Chancellery, which proposed to the General Berg-Directory that Meinders, who headed the Yekaterinburg pharmacy, be engaged for this purpose. It was Meinders who developed and presented a mineral exploration program to the Ural authorities, supervised the operation, and spent four months with hired workers, traveling hundreds of miles, surveying the sites of their first finds, and discovering new deposits. More than 76 poods (1.4 tons) of minerals, more than three times the requested amount, were mined, sorted, packaged, and shipped by water to Moscow in the spring of 1743 with an iron caravan. It has been established that Meinders personally contacted the Medical Chancellery, requesting new samples of white clay and proposing to continue the mineral search and significantly expand their range to include precious stones. It is shown that the Mining Collegium supported Meinders's proposals, obliging the Ural authorities to assist him. The materials presented in this article will be used in writing a monograph dedicated to the history of Yekaterinburg's first pharmacy (1734–1750).

Keywords: Medical office, Urals, minerals, L. H. Meinders.

References

1. SASR (State Archive of the Sverdlovsk Region). F. 24. Op. 1. D. 984. L. 235–235rev.
2. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 236.
3. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 237–238, 239–241.
4. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 242–242rev.
5. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 244–252, 261, 254, 275–275rev.
6. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 259–260rev.
7. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 262–263, 256–256rev.
8. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 278–282, 283–288rev.
9. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 286–288.

10. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 288–288rev.
11. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 289–289rev.
12. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 304–305.
13. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 307–307rev.
14. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 308.
15. SASR. F. 24. Op. 1. D. 984. L. 321–321rev.
16. Korepanov N. S. *V rannem Ekaterinburge (1723–1781)* [In Early Yekaterinburg (1723–1781)]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii (Bank of Cultural Information), 2005. 274 p.
17. Korepanov N. S. *Mejnders (Meinders) Lyudvig Hristian* [Meinders, Ludwig Christian] // *Ekaterinburg. Enciklopediya : v 2 t. – Yekaterinburg. An Encyclopedia : in 2 vols.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta (Ural University Press), 2023. Vol. 1. 696 p.
18. *Plinij Starshij. Estestvennaya istoriya* [Natural History]. Available at: http://annales.info/ant_lit/plinius/36.htm.
19. Safronova A. M. *Pervaya apteka Ekaterinburga i ee rol' v medicinskom obsluzhivanii naseleniya kazennyh zavodov Urala i Sibiri (1734–1750-e gg.)* [The First Pharmacy of Yekaterinburg and Its Role in the Medical Service of the Population of the State-Owned Factories of the Urals and Siberia (the 1734–1750s)] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : sb. nauch. tr. Vyp. 19 – Document. Archive. History. Modernity : a collection of scholarly papers. Is. 19.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta (Ural University Press), 2019. Pp. 56–79.
20. Starkov V. I. *Istoricheskij opyt razvitiya sistemy zdravoohraneniya na gornozavodskom Urale v XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [The Historical Experience of the Development of the Health Care System in the Mining Urals in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii (Bank of Cultural Information), 2007. 152 p.
21. Chernouhov A. V., Ulanov K. A. *Russkie mastera i inostrannye specialisty na gornozavodskom Urale i v Sibiri v 20-h – 50-h gg. XVIII veka* [Russian Craftsmen and Foreign Specialists in the Mining Urals and in Siberia in the 1720s–1750s]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta (Ural University Press), 2025. 420 p.

Поступила в редакцию: 12.05.2026

Принята к публикации: 05.06.2026

EDN: VHCHGO

УДК 94(73)+27-76-051

Жизнь и смерть аляскинского миссионера иеромонаха Никиты

Печатнов Владимир Олегович¹, Печатнов Валентин Владимирович²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6733-031X. E-mail: vopechatnov@gmail.com

²кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Аннотация. В статье дается краткий документальный очерк жизненного пути иеромонаха Никиты (Марченко) – русского православного миссионера из Валаамского монастыря, служившего в Русской духовной миссии на Аляске в 1880-х гг. Эта фигура практически неизвестна в российской и зарубежной историографии, между тем она являет собой яркий пример рядового православного подвижника, который начал свой жизненный путь армейским офицером, а затем, приняв монашеский постриг, положил все свои силы и саму жизнь ради духовного окормления автохонного населения Аляски. В его трагической судьбе отразилась жизнь далекой Алеутской и Аляскинской епархии РПЦ со всеми ее проблемами и нуждами: тяготы и успехи миссионерского служения в суровом северном краю среди чуждых туземных племен, образ жизни и мышления скромного российского священнослужителя в этом окружении, отношения и нравы внутри самой епархиальной среды с ее строгими требованиями к рядовым миссионерам. Показана также роль дипломатов и бюрократии Св. Синода в судьбе героя очерка. Статья написана на основе документов Российского государственного исторического архива (фонды Св. Синода и К. П. Победоносцева), Архива внешней политики Российской империи, а также малоизвестных источников из Архива Русской Церкви на Аляске (Рукописный отдел Библиотеки Конгресса США). Знакомство с реальностью миссионерского служения иеромонаха Никиты, отложившейся в этих архивных документах, помогает лучше понять историю Русской духовной миссии в Америке в конце XIX в. и дополнить существующие в научной литературе представления о ней новыми индивидуальными красками.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Америке, Алеутская и Аляскинская епархия, иеромонах Никита (Марченко), епископ Нестор (Засс).

Неисповедимы пути Господни... Кто бы мог подумать, что поручик Николай Марченко оставит военную службу, уйдет в монастырь, станет монахом Никитой, отправится миссионером в Америку и окончит свой земной путь на Аляске рядом с могилой своего идеала – другого валаамского монаха Германа Аляскинского? Но именно так сложилась судьба этого необычного человека, о котором в научной литературе упоминается в капитальном труде митрополита Клементия (Капалина) о Русской духовной миссии на Аляске [6, с. 310n, 426–429].

О его происхождении почти ничего не известно. Согласно скудным сведениям из его послужного списка, родился Николай Марченко около 1837 г. и обучался в Полоцком кадетском корпусе – начальном военном учебном заведении, созданном по повелению императора Николая I в 1835 г. для подготовки дворянских детей Витебской и соседних с ней губерний к воинской службе. Были среди них и выходцы из других сословий, так что Николай не обязательно происходил из дворян. Принимали в корпус мальчиков в возрасте от 12 до 14 лет. Обучение продолжалось до 10 лет, после чего выпускники получали первый офицерский чин прапорщика или подпоручика. Судя по тому, что Николай Марченко вскоре после выпуска дослужился до поручика, он окончил полный курс этого военного училища. Служил в батальоне внутренней стражи Петрозаводска, то есть во внутренних войсках, располагавшихся в каждом губернском городе. Неизвестно, что именно побудило его оставить военную службу и в мае 1864 г., 27 лет от роду, уйти в соседний Спасо-Преображенский монастырь на Валааме – знаменитую на всю Россию монашескую обитель. Ясно только, что духовный зов оказался для него сильнее соблазнов мирской жизни. Через два года, получив разрешение военного начальства уйти в отставку, Марченко стал послушником Спасо-Преображенского монастыря. Это был не единственный бывший офицер на Валааме: в архиве монастыря, в частности, есть дело о принятии в послушники подпоручика Макара Игуменова в 1859 г. [2, с. 29]. Из послужаний в послужном списке Марченко упомянута полугодовая служба братом милосердия на

санитарных поездах и при эвакуационном бараке во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Возложенные на него обязанности исполнял со знанием дела и с полным самоотвержением, как свидетельствует Ясская эвакуационная комиссия», – говорится в послужном списке [10]. Недаром уже во время службы в Америке он будет награжден Красным Крестом и бронзовой медалью в память об этой войне. Еще до этого, в начале 1874 г., послушник Марченко был пострижен в монахи под именем Никиты. Имя это греческого происхождения и образовано от слова νικητής – «победитель», что в православной традиции символизирует победу Христа над смертью.

В монастыре о. Никита был много наслышан о духовных подвигах первых русских миссионеров в Америке – валаамских монахах, основавших в 1794 г. по велению Екатерины II первую православную Духовную миссию в Русской Америке. Особенно жива на Валааме была память о самом легендарном из них – монахе Германе, прослужившем на Аляске 42 года до самой своей смерти и прозванном за это Германом Аляскинским. Его письма и другие связанные с ним документы бережно хранились в монастыре [3, с. VIII–XIII]. Именно этот пример вдохновил отставного поручика на попытку повторить подвиг отца Германа. Еще находясь в монастыре, он организовал отправку образа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев XIV в., для помещения его в часовне на Еловом острове, где жил и был погребен преподобный Герман Аляскинский. А затем, находясь уже на службе в Америке, просил епископа Нестора утвердить его в должности попечителя Елового острова и мощей преподобного, что «будет мне великою наградой и побуждением к подражанию трудам приснопамятного старца, оставившего по себе между алеутами незабвенную память» [10].

Мы не знаем подробностей назначения о. Никиты в Америку: сам он попросился туда или был рекомендован монастырем в ответ на запрос Св. Синода. Известно лишь, что куратор тогда вдовствующей Алеутской и Аляскинской епархии митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (Никольский), Первенствующий член Св. Синода, рекомендовал его архимандриту Нестору (Зассу), назначенному летом 1878 г. новым главой океанской епархии. Сам Нестор, озабоченный нехваткой достойных священнослужителей в своей новой епархии, искал людей аскезы, выбравших его путь. Он писал митрополиту Исидору, который был его духовным наставником: «Хотелось бы иметь более надежных людей, лучше всего – из монахов» [7, л. 12]. 17 декабря 1878 г. о. Никита был рукоположен в иеродиакона. Видимо, уже в то время это делалось с прицелом на предстоящее назначение о. Никиты в Америку: не случайно в тот же день, 17 декабря, митрополит Исидор хиротонисал в Александро-Невской Лавре самого Нестора во епископа Алеутского и Аляскинского. Но колеса синодальной бюрократии крутились медленно, и оформление командирования о. Никиты в монастыре было начато только в июле следующего года [2, с. 28]. 24 сентября 1879 г. Св. Синод определил его миссионером в Америку, о чем митрополит Исидор лично уведомил вл. Нестора, препроводив тому послужной список соискателя и подписавшись «С братскою о Господе любовью» [10].

Получив прогонные и заграничный паспорт, новоиспеченный миссионер отправился в дальний путь и прибыл в Сан-Франциско 19 декабря 1879 г., в тот же день доложив об этом в рапорте преосвященному Нестору: «Имею честь донести Вашему Преосвященству, что я сего дня, Богохранимый, благополучно прибыл в Сан-Франциско, будучи переведен определением Святейшего Синода из С. Петербургской епархии во вверенную Вашему Преосвященству епархию Алеутскую...» [10]. «К присяге и исповеди», – приписал на рапорте преосв. Нестор. Он решил безотлагательно повысить о. Никиту в сане для определения его на священническое место миссионером на Кенайский полуостров, несмотря на отсутствие у того духовного образования. 31 декабря член Духовного Правления иеромонах Герман исповедовал испытуемого перед посвящением, донеся, что «при открытии его совести препятствий к его рукоположению в иеромонаха не оказалось». [10]. Уже на следующий день, 1 января 1880 г., вл. Нестор рукоположил о. Никиту в иеромонаха в Александро-Невском кафедральном соборе Сан-Франциско.

Перед отъездом из России его напутствовал сам преосв. Исидор, передавший с ним письмо для вл. Нестора. «С несказанной радостью прочел Ваше письмо, – отвечал митрополиту Нестор. – ...Сразу возникла перед глазами наша богохранимая Лавра, Ваш дом и гостиная, где мы пили чай за духовной беседой». «Он (о. Никита. – *Авт.*) будет жить у меня в квартире до весны, а когда я поеду, если Бог благоволит, на Алеутские острова, тогда и его возьму с собою, а в настоящее время нет никаких сообщений с островами», – писал он митрополиту несколькими днями позже. О. Никита, добавлял он, «обещал мне списаться с некоторыми более

опытными в духовной жизни Валаамскими подвижниками» на предмет службы в Америке, хотя «если только найдутся таковые охотники, то как их отправить одних в Сан-Франциско, когда они дальше своей монастырской ограды ничего не видали?» [17, с. 64, 67]. Тем не менее, возможно, именно при посредстве о. Никиты в Америку впоследствии приехали служить еще несколько монахов из Валаама.

Жалование миссионеру было вначале определено скромное, причетническое – 223 доллара 44 цента на полгода, которые о. Никита запросил выплатить ему вперед для покупки необходимого для миссионера снаряжения – походной палатки, складного престола и жертвенника, а также других вещей.

Кенайская миссия к тому времени находилась в весьма запущенном состоянии: местный храм обветшал и требовал капитального ремонта, после перевода приходского священника М. Соломатова на другое место паства распустилась без духовного попечения. Не было священника и на соседнем острове Кадыяк, куда вл. Нестор отправил миссионера в первую очередь как временно исполняющего должность приходского священника. Там в местной церкви тот обнаружил присланный из Валаама образ чудотворцев Сергия и Германа, предназначавшийся для часовни Елового острова. «Имея личное участие в присылке этого образа и приняв на себя попечение об Еловом острове непосредственно, – писал он вл. Нестору, – имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство разрешить мне взять этот образ из церкви Воскресения Христова на Кадыяке и перевезти, по желанию монастыря, на Еловый остров в часовню...» [10]. Владыка Нестор с пониманием отнесся к радению миссионера о дорогой для него реликвии и дал соответствующее разрешение.

В июне 1881 г. о. Никита перебрался на постоянное место жительства в Кенай, откуда начал совершать миссионерские поездки по окрестностям. «Кенайский миссионер иеромонах Никита, – докладывал в своем ежегодном отчете Св. Синоду вл. Нестор, – ...отплыл из Кенай на двух байдарках с причетником в конце июля месяца и посетил селения Кусташаны, Туюнак и берега реки Сушитны, где, исполнив все требы, возвратился обратно в Кенай; 27 сентября снова отправился в путь и посетил селения Кассимово, Ненильчик, Лайдинское и Сельдево. В этих местах было сильно развито шаманство, но миссионер надеется, что с Божией помощью и ежегодным посещением этих мест вовсе искоренится таковое суеверие» [16]. В другом отчете о миссионерской деятельности о. Никиты, составленном прот. В. Вечтомовым, говорилось о тяжелых условиях этих поездок: «Путешественники несколько ночей провели под открытым небом, все без исключения принимали участие в гребле на быстрых местах течения, перетаскивали байдарки на своих плечах с одного места на другое» [8, л. 40–41].

О. Никита начинал свое миссионерское служение бодро и с оптимизмом, хотя к началу миссионерских поездок ему было уже около 44 лет. Все было новым и непривычным: дикая природа, суровый климат, незнакомые племена с их языками и обычаями, проблемы их обращения в православную веру. Но помогал советом епископ Нестор, близкий по жизненному опыту как бывший морской офицер, в бытность свою монахом тоже служивший братом милосердия. Именно к нему обращался начинающий миссионер в трудных ситуациях и всегда получал ясный и точный ответ. Так, во время своей первой миссионерской поездки летом 1880 г. он постоянно обращался к владыке с вопросами о том, как поступать в случаях распространения в тех краях кровосмешения (ответы преосвященного даются в скобках):

«1. Что делать с женщинами, которые оставили своих законных мужей, и с мужчинами, которые оставили своих законных жен и живут теперь с другими мужчинами и женщинами, хотя их бывшие супруги еще живы? Они не хотят оставлять своих сожителей, да еще имеют незаконных детей. Допускать ли их к причастию? (Тех, кто не хочет прекращать незаконного сожительства, нельзя допускать к причастию в течение семи лет, но при смерти они могут получить отпущение грехов).

2. Что делать с двоюродными братом и сестрой, которые живут как супруги, если у них есть дети? (Их следует наказывать за прелюбодеяние в течение 15 лет, но при искреннем раскаянии не допускать к причастию в течение 7 лет).

3. В одном селении есть два родных брата: один живет в законном браке, а второй незаконно взял родную сестру жены старшего брата и имеет с ней троих детей. Могу ли я благословить их брак? (Им запрещено жениться, и они не допускаются к причастию в течение 7 лет.)» [17, с. 92–93].

Но летом 1882 г. вл. Нестор погиб – утонул во время обозрения епархии. Когда в начале сентября о. Никита вернулся с Кенай на Калык, он получил указ Правления «с печальным из-

вестием о кончине нашего архипастыря» и отслужил по нем панихиду [11]. Управляющим делами епархии на время ее вдовствования стал достойный прот. Вечтомов, но он не мог заменить для о. Никиты покойного Нестора.

Постепенно накапливались и другие проблемы: слабеющее здоровье, память, болезнь ног плюс растущее разочарование в пастве и возможности ее наставления на путь истинный. Не дремал враг рода человеческого, и о. Никиту все чаще терзали сомнения в действенности своих трудов: столько усилий и неужели все напрасно? Даже после обращения туземцев в православие – где гарантия, что, как только пастырь уедет, они опять не «примутся за прежнее, потому [что] при лености своей и беспечности им нечего больше делать. Опять будут производить свои языческие пляски и “колотушки” при одре покойника (а иногда еще и умирающего) или выносить его через окно непременно, а не через двери, и другое, тому подобное» [14]. К тому же нередко приходилось обходиться без переводчика: «Жаль только, что нет хорошего толмача, через которого можно было бы лучше передать понятие о христианской религии», – писал о. Никита прот. Вечтому в августе 1885 г. Приходилось объясняться жестами, «вплоть до пантомимы» [12]. К этому добавлялась тягота одиночества – вечного спутника миссионеров: «Скучно нам здесь, не слышно новостей из родной России...» – сетовал он тому же Вечтому в мае 1885 г. [12]. Дальние поездки давались все тяжелее, приходилось отказываться от далеких путешествий. Осенью 1883 г. о. Никита планировал посетить язычников на большой реке Медной, пересекающей Аляску с севера на юг, но пришлось отказаться. «На Медной реке я не был, так как труд этого пути оказался столь громаден, в особенности для меня, что нам и не воображалось! – докладывал иеромонах прот. Вечтому. – Да и ноги мои и спина оказались ныне совсем негодными к пешему хождению. Кроме местности гористой и изрытой главное приходится беспрестанно переходить быстрые и глубокие довольно речки горные по плечи иногда, упираясь при этом в противоположный берег длинным шестом, чтобы водой не снесло. Лопни шест в руках такого пловца, как я, и прощай свет...» [15]. Недаром прот. Вечтомов в письме митрополиту Исидору сомневался в исполнимости этого замысла: «Исполнит ли он это свое намерение – не знаю. Думаю, что нет, так как в настоящем году он поздно возвратился в Кенай из Кадьяка, где пробыл восемь месяцев». «О пребывании иеромонаха Никиты в Кадьяке, – продолжал в том же письме прот. Вечтомов, – дошли до меня слухи самые неутешительные. Я просил местного священника уведомить меня, насколько эти слухи справедливы, но ответа еще не получил. В частном письме иеромонах Никита сообщает мне, что он намерен оставить свое миссионерское служение. Полагаю, что это было бы к лучшему» [8, л. 32–32об.]. Это было первое упоминание о желании о. Никиты уйти на покой и о слухах вокруг него.

О. Никита разрывался между Кенаем, Кадьяком и Еловым и потому просил перевести его на Еловый, а Кенай оставить только на лето. «Ежели дозволено будет мне проводить зиму, но не на Кадьяке, конечно, а на Еловом острове, – писал он прот. Вечтому, – то я могу продлить службу еще на два или три года, ежели только, конечно, есть в этом нужда для епархии – и притом же готов пользоваться только за первую половину года жалованием; ежели это неудобно почему-нибудь, чтобы позволить мне ездить в Кенай только на лето для исполнения треб и доставления годовых отчетов, то я служить не могу более и имею на это весьма законные и основательные причины. Два хозяйства я не могу завести – одно на Кенае, а другое на Еловом острове. Кенай я должен оставить и обеспечить себе трудовую жизнь на Еловом. Все в Кенае пойдет своим обычным порядком, и школа. Я от попечения над Кенаем совсем не отказываюсь, пока не найдется на мое место новый миссионер» [12]. Да и само Правление не торопилось с увольнением о. Никиты, поскольку прот. Вечтомов, по словам самого миссионера, советовал ему «не торопиться в этом шаге» [12].

Тем не менее Правление препроводило это прошение миссионера митрополиту Исидору, приписав, что, не дождавшись согласия от Правления, о. Никита в августе самовольно оставил свой кенайский приход и прибыл в Кадьяк, где пробудет, видимо, до мая 1885 г. [12].

Ответ Духовной консистории из Санкт-Петербурга, за которым, видимо, стоял Первенствующий член Св. Синода, не заставил себя ждать, тем более что к этому времени в столицу поступила жалоба российского консула в Сан-Франциско А. Е. Оларовского, адресованная непосредственно обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву. Консул поднял вопрос об увольнении о. Никиты в Россию, назвав его «страшно пьющим человеком», «негодным быть священником в заграничной епархии» [9, л. 43об.]. Оларовский не бывал на Аляске, не называл источников этой дискредитирующей информации, и обер-прокурор, видимо, решил проверить ее с помощью Св. Синода.

В указании Духовной консистории Аляскинскому духовному правлению прошение миссионера было названо «неопределенным», а позиция Правления – невнятной, высказанной «безо всякого со своей стороны мнения, основанного на соображении местных условий и обстоятельств». Консистория потребовала от Правления «1) дать отзыв о том, благонадежен ли Иеромонах Никита к продолжению службы и если благонадежен, то 2) дать ясные и обстоятельные сведения по содержанию его прошения и 3) высказать мнение о том, признается ли его просьба удобною к исполнению» [12].

Ко времени получения этого указания из Санкт-Петербурга в Сан-Франциско уже рассматривалось другое прошение о. Никиты, в котором тот просил уволить его из епархии по причине многих болезней (глухота, расстройство памяти, потеря зрения, боль в спине и ногах), которые «не дают мне возможности к исправному выполнению моих обязанностей». «И нынешнее лето, – продолжал он, – я с большим трудом и страданиями душевными и телесными совершил морской объезд округа вверенной мне миссии на байдарках. При всем моем искреннейшем желании быть полезным чем-нибудь Святой Православной церкви в сем крае я решительно сознаю всю неспособность свою к миссионерской деятельности и к церковно-приходской практике вместе со священнослужением. Поэтому, не желая быть бесполезным представителем Православной церкви и дорожа своим спасением, я умоляю, на милость Бога, Аляскинское Духовное Правление исходатайствовать мне увольнение от настоящей должности Кенайского миссионера с оставлением и священнослужения и с благословением уединиться на покой на Еловый остров (Новый Валаам) близ Кадьяка, тем более что и цель моего приезда в Аляску была та, чтобы поселиться именно на этом острове при гробе приснопамятного старца Германа...» В заключение он просил в качестве «незаслуженной награды» выдать ему хотя бы половину положенных прогонных для обзаведения на Еловом [12]. К тому же на Кенае не осталось пригодного жилья, так как прежний дом миссионер уступил вдове Ивановой, «оставшейся по смерти своего мужа, местного дьячка, безо всяких средств с большим семейством в ветхом доме, который также развалился, как и старый миссионера дом близ церкви» [12].

Препровождая это прошение на усмотрение митрополита Исидора, Правление высказалось за увольнение просителя в Россию, но против удовлетворения остальных его просьб: нецелевое использование прогонных денег, по мнению Правления, могло создать нежелательный прецедент для других священнослужителей, а разрешенное уединение на острове Еловый противоречит «сохранению церковной дисциплины», а также «единству действий православных священников на Аляске» (что бы сие ни значило). В заключение Правление просило о замене о. Никиты на другого миссионера [12]. Так административная перестраховка возобладала над соображениями гуманности.

Не больше сочувствия проявили к воплю души о. Никиты и в Санкт-Петербургской духовной консистории. На рапорт Правления с приложенным к нему прошением миссионера была наложена следующая резолюция: «Иеромонаха Никиту от занимаемой им должности уволить; в дозволении ему проживать на острове Еловом отказать, так как от Г. Обер-Прокурора Св. Синода уже телеграфировано Ген. консулу Оларовскому о высылке его в Россию» [13].

Телеграмма консулу последовала, видимо, после его очередного доноса К. П. Победоносцеву от 2 апреля 1886 г., в котором он еще более настойчиво ратовал за безотлагательный отзыв миссионера, ссылаясь на новые полученные им сведения. Причины: «постоянное не трезвое состояние Отца Никиты, доведшее его до Delirium Tremens (белая горячка. – *Авт.*), и вследствие этого полное неуважение к нему его паствы; второе – безнравственное поведение его вследствие того же виновного возбуждения, каковое уронило его окончательно в глазах не только его паствы, но, что еще важнее, в глазах местных властей и американских таможенных судов и, наконец, в третьих, желание его, не испросив предварительного благословения Св. Синода, ни мнения Алеутского Духовного Правления, открыть мощи Иеромонаха Германа на Еловом острове» [9, л. 39об.].

Трудно сказать, в чем крылась причина вендетты консула против о. Никиты. Оларовский вообще проявлял повышенное рвение в отслеживании поведения русского духовенства на Аляске, взяв на себя роль главного надзирающего за их нравственным обликом. О. Никита был не единственным объектом его преследования: в 1882 г. консул добился отзыва в Россию другого православного миссионера – о. Василия Кашеварова из многочисленной династии священнослужителей креольского происхождения. Когда же тот сумел оправдаться перед Св. Синодом и даже вернуться в Сан-Франциско, консул в письме своему начальнику – российскому послан-

нику в Вашингтоне К. В. Струве – с неподдельным возмущением писал: «Если всех мною высланных они будут обратно присылать, то я должен буду отказаться от приведения здешних духовных лиц к должному порядку» [1, л. 2об.]. Как видно, от этой роли консул не отказался и в дальнейшем. Получив от К. П. Победоносцева телеграмму об отзыве о. Никиты, он с явным злорадством потребовал от его причетника Николая Сороковикова срочно принять дела у опального миссионера, которому по сдаче дел «предписано... явиться в Сан-Франциско» [13].

Во всяком случае, рапорты и путевые журналы о. Никиты вплоть до самого конца его служения отнюдь не похожи на записи спившегося до белой горячки дебошира. Скорее, их писал просто измученный и больной человек, у которого осталось единственное только стремление – в покое завершить свой земной путь отшельником рядом с могилой своего приснопамятного предшественника. Но и в этом ему было отказано.

На сообщение консула о. Никита вежливо, но с достоинством ответил Правлению, что передача дел и подписание всех связанных с этим документов потребуют времени и не могут быть завершены ранее весны следующего года, после чего он будет «иметь честь явиться в Сан-Франциско» [13]. Миссионер просил известить о том «господина Генерального консула». Но тот не унимался. По получении этого сообщения он продолжал теребить Правление, требуя информировать его, когда наконец о. Никита «думает выехать из Кеная, так как мне необходимо уведомить об этом Г-на Обер-Прокурора Св. Синода» [13]. Но в Сан-Франциско о. Никита так и не вернулся.

Не получив благословения удалиться на покой, он сам отправился на Еловый остров, поселился в бывшем скиту отца Германа, построил там келью и привел в порядок могилы преподобного Германа и монаха Иоасафа (Евсеева), установив над ними надгробия. Судя по всему, отмечает ведущий историк православной Аляски митрополит Климент (Капалин), он хотел, как и Герман Аляскинский, «посвятить себя подвигу уединенной молитвы» [6, с. 310n]. Но промысл Божий был иным, как свидетельствует рапорт священника Кадыякской церкви о. Петра Добровольского о гибели о. Никиты в конце 1887 г. «Известие сие получено мною 29 декабря вечером от жителей Еловского селения, что случился пожар, сгорела Келья и в ней сам отец Никита сгорел дотла». Посланная на Еловый комиссия констатировала: «При исследовании оказалось: келья сгорела до основания; в углу, у выходных дверей, оказались останки усопшего, обратившиеся в пепел. По свидетельствовании Доктора в присутствии всех членов оказалось несгоревшее, но испекшееся Сердце при совершенно обгоревшей малой частишке хребта. Останки привезены были в Кадыак 1 января 1888 года и преданы земле по чиноположению погребения монахов» [13].

Эти обстоятельства, конечно, не случайны. Иеромонах Никита уехал на Еловый остров вопреки решениям своего церковного начальства – Аляскинского духовного правления и Санкт-Петербургской духовной консистории – независимо от того, чем эти решения были мотивированы. Этим он, конечно, нарушил один из трех монашеских обетов – послушания. Послушание, отречение от своей воли основано на призыве Спасителя: «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»¹. Учение о послушании является ключевым в монашеской традиции. В тематическом собрании изречений монашеских подвижников первого христианского тысячелетия, пользующихся в Православной церкви безусловным авторитетом, есть следующее высказывание: «Сказал снова [авва Моисей]: монах, <...> не имеющий послушания и смирения, никакой не стяжет добродетели и даже не знает, что такое монах» [5]. Общим местом для монашеской традиции, да и вообще для классической христианской традиции является убеждение, что, оказывая непослушание людям, монах (а с некоторыми оговорками и каждый христианин) грешит перед Богом [4].

Однако в монашестве о. Никита жил по сердцу, да и в монастырь ушел по зову сердца, оставив военную карьеру. Нет оснований сомневаться в искренности его слов о своем «искреннейшем желании быть полезным чем-нибудь Святой Православной церкви». И как миссионер и пастырь, он принес очевидную пользу Русской духовной миссии на Аляске, подавая при этом своим сподвижникам пример христианского братолюбия и терпения. Несомненно, о. Никита старался служить на совесть, по сердцу. Потому, наверное, его сердце и осталось несгоревшим, к торжеству высшей справедливости и во свидетельство его сердечности и искренности для знавших его.

¹ Мф 26. 24.

Список литературы

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 170. Оп. 512/1. Год 1884. Д. 11.
2. Булах А. Г. Три Валаама моей души. Россия, Северная Америка, Финляндия. СПб., 2015. 112 с.
3. Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия). СПб., 1900. 307 с.
4. Дионисий (Шлёнов), иг. Три монашеских обета: каноническое и богословское содержание : докл. на конф. «Монастыри и монашество: традиции и современность» (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 23 сентября 2013 года). URL: <https://azbyka.ru/tri-monasheskih-obeta-kanonicheskoe-i-bogoslovskoe-soderzhanie> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Древний патерик, или Тематическое собрание изречений-апофтегм отцов-пустынников / пер. с древнегреч. еп. Феофана (Говорова). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/drevnik-paterik-per-svt-feofana-zatvornika/14#source (дата обращения: 13.02.2026).
6. Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009. 604 с.
7. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 205. Д. 488.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 467.
9. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 129.
10. ARCA (Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress Manuscript Division). Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1880–1881.
11. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1882–1883.
12. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1883–1885.
13. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1885–1887.
14. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882.
15. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1883–1885.
16. ARCA. Cont. D 474–475. Folder 1879–1881.
17. The Right Reverend Nestor, Bishop of Aleutians and Alaska 1879–1882 : Correspondence, Reports, Diary / transl. and ed. by G. Soldatov. Minneapolis, 1993. Vol. 1. 198 p.

Life and Death of the Alaskan Missionary Hieromonk Nikita

Pechatnov Vladimir Olegovich¹, Pechatnov Valentin Vladimirovich²

¹Doctor of History, professor of the Department of History and Politics of the Countries of Europe and America, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-6733-031X. E-mail: vopechatnov@gmail.com

²PhD in History, associate professor of the A. F. Shishkin Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Abstract. The article presents a documentary biographical sketch of hieromonk Nikita (Marchenko) – a Russian Orthodox missionary who served in Alaska during 1880-s. His personality has been neglected in historiography yet it provides a vivid example of a humble ascetic's life which had started in professional military service and then after taking monastic vows became fully devoted to conversion of Alaska natives into Eastern Orthodox faith. Father Nikita's tragic fate reflects everyday life of a distant Aleutian and Alaskan diocese of the Russian Orthodox Church with all its challenges and achievements: hardships and joys of missionary work in the cold and severe land inhabited by alien tribes, a way of life and mentality of a Russian monk in this harsh environment, the inner world of daily existence and human relations inside this diocese with its strict rules and requirements. Also shown is a grim role that Russian diplomats and the Holy Synod bureaucracy played in the hieromonk's life. The article is based on the documents from Russian State Historical Archive, Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire and most importantly – the little known sources from the Archive of Russian Church in Alaska (Library of Congress Manuscript Division). Getting to know the reality of hieromonk Nikita's life provides a new human dimension to the history of Russian Orthodox Mission in America and contributes to a better understanding of its significance.

Keywords: Russian Orthodox Mission in the USA, Aleutian and Alaska diocese, Nikita Marchenko, Bishop Nestor (Zass).

References

1. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. F. 170. Op. 512/1. God 1884. D. 11.
2. Bulah A. G. *Tri Valaama moej dushi. Rossiya, Severnaya Amerika, Finlyandiya* [The Three Valaams of My Soul. Russia, North America, Finland]. SPb., 2015. 112 p.
3. *Valaamskie missionery v Amerike (v konce XVIII stoletiya)* [Valaam Missionaries in America (in the Late 18th Century)]. SPb., 1900. 307 p.

4. Dionisij (Shlyonov), ig. *Tri monasheskih obeta: kanonicheskoe i bogoslovskoe sodержanie : dokl. na konf. "Monastyri i monashestvo: tradicii i sovremennost'"* (Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 23 sentyabrya 2013 goda) [The Three Monastic Vows: Canonical and Theological Content : a paper delivered at the conference "Monasteries and Monasticism: Traditions and Modernity" (Holy Trinity–St. Sergius Lavra, September 23, 2013)]. Available at: <https://azbyka.ru/tri-monasheskih-obeta-kanonicheskoe-i-bogoslovskoe-soderzhanie> (date accessed: 10.02.2026).

5. *Drevnij paterik, ili Tematicheskoe sobranie izrechenij-apoftegmy otcov-pustynnikov* [The Ancient Patericon, or a Thematic Collection of the Sayings-Apophthegms of the Desert Fathers] / transl. from Ancient Greek by Bishop Feofan (Govorov). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/drevnik-paterik-per-svt-feofana-zatvornika/14#source (date accessed: 13.02.2026).

6. *Mitropolit Kliment (Kapalin). Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' na Alyaske do 1917 goda* [The Russian Orthodox Church in Alaska before 1917]. M., 2009. 604 p.

7. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 205. D. 488.

8. RSHA. F. 796. Op. 205. D. 467.

9. RSHA. F. 1574. Op. 2. D. 129.

10. ARCA (Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress Manuscript Division). Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1880–1881.

11. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1882–1883.

12. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1883–1885.

13. ARCA. Cont. B 18. Marchenko, Nikita (Nikolai) (monk), 1879–1887. Folder 1885–1887.

14. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882.

15. ARCA. Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1883–1885.

16. ARCA. Cont. D 474–475. Folder 1879–1881.

17. *The Right Reverend Nestor, Bishop of Aleutians and Alaska 1879–1882 : Correspondence, Reports, Diary* / transl. and ed. by G. Soldatov. Minneapolis, 1993. Vol. 1. 198 p.

Поступила в редакцию: 25.03.2026

Принята к публикации: 29.04.2026

EDN: ZOWYWT

УДК 94(73)+27-76-051

«Увещевал и упрашивал их настойчиво оставить идольский образ жизни...» Из походного журнала аляскинского миссионера иеромонаха Никиты (Марченко)

Печатнов Валентин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина,
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Аннотация. Материал представляет собой научную публикацию документа «Из путевых записок Кенайского миссионера Иеромонаха Никиты. 1881 год», хранящегося в Архиве Русской Церкви на Аляске (Alaska Russian Church Archive) в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Library of Congress, Manuscript Division). «Записки» представляют собой подробный походный журнал, который каждый священник-миссионер на Аляске должен был направлять епархиальному архиерею. Публикуемая часть «записок» посвящена первому миссионерскому походу иером. Никиты (Марченко), предпринятому в то время, когда Алеутскую и Аляскинскую епархию возглавлял епископ Нестор (Засс). Перед нами живое, подробное описание миссионерского похода, отражающее миссионерские труды нередко с раннего утра до поздней ночи, быт, религиозность и обычаи кенайцев, открытое противостояние шаманам с рассуждениями об их психологии и мировоззрении, тяжелые условия похода, включившего в себя несколько ночей под открытым небом в субарктическом климате, которые сам автор как бывший военный называл «солдатской военно-бивуачной жизнью». Документ позволяет лучше понять историю Русской духовной миссии на Аляске в 80-х гг. XIX в., а также имеет этнографическую ценность, включая описания обычаев, быта и религиозности автохтонов Аляски. Публикация снабжена обстоятельным предисловием и научно-справочным комментарием.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Америке, Алеутская и Аляскинская епархия, иеромонах Никита (Марченко), Кенай, шаманизм.

Среди тысяч документов по истории Русской духовной миссии в Америке, хранящихся в Архиве Русской Церкви на Аляске (Alaska Russian Church Archives) в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США, выделяются подробные «путевые записки» аляскинского миссионера иеромонаха Никиты (Марченко), служившего в 1881–1886 гг. на Кенайском полуострове [8]. 70-е и 80-е гг. XIX столетия были трудным временем для духовной миссии Русской православной церкви в Америке. Основным ареалом распространения православия на Северо-Американском континенте продолжала оставаться Аляска и Алеутские острова, проданные Российской империей Соединенным Штатам в 1867 г. После продажи этой территории русскоязычное население там резко сократилось, туда прибыли протестантские и католические миссионеры, а власти США проводили политику американизации и игнорировали нужды и запросы православных священников. В 1870 г. Св. Синод РПЦ учредил отдельную американскую епархию (Алеутских островов и Аляски), однако Российско-Американская компания, обязанная обеспечивать – и во многом обеспечивавшая – материальную сторону деятельности миссии [6, с. 128–129], в 1867 г. была упразднена, в результате чего у новообразованной епархии не было средств на ремонт храмов и содержание церковных школ [7, с. 43]. Паства состояла в основном из крещеных автохтонов, но численность ее уменьшилась в результате прозелитизма протестантских миссионеров, в особенности пресвитерианцев. Оставшемуся большинству православных не хватало духовного окормления из-за нехватки священников, в результате чего миряне морально опускались и возвращались к своим языческим обычаям и даже верованиям.

В этих условиях и пришлось трудиться автору публикуемых записок – иеромонаху Никите (Марченко), служившему миссионером на полуострове Кенай, что на Аляске. Кенайская миссия была основана в 1843 г. (Миссия в данном случае означает административно-территориальную единицу внутри епархии с миссионерским станом в центре и с определенной территорией, которую с миссионерской целью регулярно объезжают сотрудники миссии, постоян-

но проживающие в стане.) Ее территория охватывала весь одноименный полуостров, расположенный в центре бывшей Русской Америки, рядом с полуостровом Аляска, а также местность к востоку от него, прилегающую к заливу Принс-Уильям (называемому тогда Чугачским), остров Нучек (ныне Хинчинбрук) у входа в этот залив и далее вплоть до бассейна реки Атна (Медной) включительно [6, с. 212–213]. По этой территории о. Никита и совершал миссионерские поездки, описанные в его «путевых записках».

Климат в этой части Аляски умеренный субарктический, со средней температурой июля + 13 °С, января – 8 °С¹.

Центром миссии был редут св. Николая, основанный в 1791 г. русскими промышленниками на территории индейской деревни Кенай. Большинство местного населения составляли индейцы атапаски племени танаина, которых русские называли кенайцами. По берегам Чугачского залива проживали эскимосы чугачи (от которых и произошло это название залива), сильно отличающиеся по языку и культуре от индейцев атапасков. На территории миссии существовали русские поселения, такие как Николаевский редут и Ненильчик. Имея опыт общения, а иногда и совместного проживания с русскими поселенцами, коренное население перенимало у них христианские традиции и было готово следовать их примеру в отношении церковной жизни, в частности говению (душевному и телесному приготовлению ко св. Причащению), исповеди и Причастию на большие церковные праздники. Это облегчало христианизацию региона [6, с. 201–202, 213] и не позволяло автохтонам забыть свое христианство в периоды, когда на Кенае не было православного священника.

Публикуемые «путевые записки» в полном объеме выполняют синодальные требования к походному журналу миссионера, согласно которым в нем записываются все его пастырские действия, главные мысли и слова, высказанные в беседах с местными жителями, и «всё, что стоит внимания» [6, с. 197]. Перед нами живое, подробное описание миссионерского похода, где отражены и миссионерские труды нередко с раннего утра до поздней ночи, и быт и обычаи кенайцев, и открытое противостояние шаманам с рассуждениями об их психологии и мировоззрении, и тяжелые условия похода, включившего в себя несколько ночей под открытым небом в субарктическом климате. Помимо этого «записки» дышат бодростью и увлеченностью автора, ревностно начинающего новое для себя служение. При этом о. Никита писал их не просто по долгу службы, но и по велению сердца в помощь своим преемникам: он надеялся (как писал своему наставнику вл. Нестору), «что записки эти не бесполезны были бы тем, кто готовится на служение церкви в местности, подобной Кенайской миссии... наипаче же нашему брату, из России приезжающим, чтобы, встретившись с такими же неудобствами, еще не ведомыми, не придти в смущение, не упасть духом и не опуститься так, что и встать самому уже будет трудно... Воистину солдатская военно-бивуачная жизнь будет неразлучный спутник священника при таких путешествиях» [8].

Ценность миссионерских путевых журналов как важного первоисточника о жизни Русской духовной миссии в США признавалась еще современниками событий. Главный печатный орган Алеутской и Аляскинской (с 1900 г. – Алеутской и Североамериканской) епархии «Американский Православный Вестник» часто публиковал выдержки из журналов более поздних русских миссионеров рубежа XIX–XX вв. [2–5], но предшествовавший период оставался вне поля зрения. В последнее время российские историки стали уделять большее внимание таким источникам [1], однако они еще ждут более активного использования.

Документ микрофильмован. На одной пленке отсняты записки о. Никиты о двух миссионерских походах 1881 г., сопровождающее их письмо вл. Нестору от 10/22 апреля 1882 г., путевой журнал о. Никиты за 1885 г., гораздо более краткий и формальный, чем «записки», охватывающий три его миссионерские поездки, а также ряд его рапортов епархиальному начальству.

Исходя из вышесказанного, «записки» о. Никиты 1881 г., будучи, по существу, походным журналом, были направлены главе епархии вл. Нестору, а он, как отмечено в биографическом очерке об о. Никите, использовал их в своем ежегодном отчете Св. Синоду. В тексте видны подчеркивания, рядом с которыми на полях стоит «NB» («нотабене», «заметь хорошо») в виде монограммы, а иногда вопросительный знак или комментарий малоразборчивым почерком. Предположительно эти пометки принадлежат вл. Нестору.

¹ Климат и средняя погода круглый год в Кенай. URL: <https://ru.weatherspark.com/y/215/Обычная-погода-в-Кенай-Аляска-Соединенные-Штаты-весь-год> (дата обращения 16.03.2026).

Из соображений объема публикуются записи лишь о первом походе 1881 г., да и они с небольшими сокращениями. На момент похода о. Никите было около 44 лет. «Записки» публикуются в современной орфографии, но с сохранением синтаксиса автора и старых русских названий аляскинских топонимов (напр., Туюнак – Тайоник). Текст снабжен краткими комментариями справочного характера.

Из путевых записок Кенайского миссионера Иеромонаха Никиты. 1881 год. 25 июля / 6 августа, суббота. После посещения нашей миссии Его Преосвященством Преосвященнейшим Нестором, Епископом Алеутским и Аляскинским, оправившись от болезни, в которой и застало меня посещение Архипастыря, я, пользуясь благоприятной погодой и теплым временем, отправился по приходу² «в поход» с причетником Николаем Сорокиным на 2^х байдарках трехлючных. Мы отправились из Кеная («из Редута») в 8^м часу дня, провожаемые с берега пожеланиями немногочисленных обывателей – русских креолов³. Попутным течением, часам к одиннадцати мы достигли селения «ближние Микишки», где и пристали.

Расположившись на лагерь и повытащив байдарки, гребцы стали хлопотать о чае и обеде, а я тем временем посетил селение, расположенное на высоком утесистом глинисто-песчаном берегу, где причастил Св. Таин трудно больного кенайца, сподобившегося сего дара по истечении более 9 лет.

Пообедав по-походному, мы около половины второго часа отправились через залив в селение «Кусташаны», куда и прибыли благополучно около 5 часов. (Селение Кусташаны расположено на одном довольно обширном и довольно возвышенном над уровнем моря острове, представляющем к селению крутой и трудный не только подъем, но и спуск к лайде⁴ делает крайне утомительным для ног.)

Распорядившись поставить походную палатку для служения, я заповедал жителям говеть и пост на 26 и 27 число.

Жители селения встретили меня по-видимому радостно и с благоговением. Всех семей в селении 5^{ть}, в коих всех жителей обоего пола и детей не будет и 25 душ.

Вечер 25 числа употребили в поверке метрик и церковных ведомостей до поздней ночи, что составило громадный и скучный труд при переборке туземцев по домам, переходивших и пропавших частично умышленно и по простоте, не понимая, для чего их переписывают. Труд этот достался на долю причетника с переводчиком, что нужно вменить ему в заслугу; но в результате мы едва ли достигли своей цели.

26 июля / 7 августа, воскресенье. Утром рано отслужил всенощное бдение /в 4^м часу/, после которого говорил через переводчика поучение, объясняя им церковное богослужение и значение каждого священнодействия насколько было возможно вкратце, по недостатку времени и доступно их понятию, причем подыскивать нужно было выражения, применяясь к их быту, а также и к понятию переводчика, что делало немало затруднения мне, как вновь практикующемуся в этом деле. Так именно: лишь только я давал ход речи, вводя изречения из св. Писания, о котором никто из слушателей /и сам переводчик такой же простак/ и воображения не имеет, как тотчас переводчик был безгласен, опустил голову и потупив глаза в землю. И вот пришлось, спохватившись, философствовать от тех [вещей. – Авт.], что кенаец видит и чем окружен в своей обыденной жизни, передавая поучение свое как бы по складам. Однако и в такой речи я успел дать им хотя поверхностное понятие о всем, что говорил.

В 9 часов отслужил часы и обедницу для говельщиков, после которых опять начал беседу с кенайцами: о Боге и Его бесконечности и безначалии, о Св. Троице, о создании мира и первого человека и о его согрешении и изгнании, о причинах уклонения потом в идолопоклонство, намекая на их прошедшее состояние, от которого остались следы еще и теперь в разных суевериях и обычаях; о пришествии Христа Спасителя и о предопределении человека ко блаженству в будущей жизни со Христом; а для того, чтобы заслужить эту блаженную жизнь и не быть предану диаволу за злые дела и шаманство на вечное мучение – нужна твердая вера во Христа и по вере этой жизнь христианская, согласная с обычаями Православной церкви. Дал им приблизительное понятие о причинах или, по крайней мере, о времени разделения церквей и о происшедших потом из католичества различных исповеданий, причем не-

² Поскольку о. Никита был в то время единственным православным священником в регионе, все селения Кенайской миссии и их жители составляли его приход.

³ Так в XVIII–XIX вв. на Аляске называли потомков этнических русских, вступивших в брак с местными жительницами.

⁴ Лайда – заболоченный луг у моря, затопляемый во время морских приливов и обсыхающий при отливах.

которые из них назвал, и увещевал твердо стоять в Православии. Все это говорено через переводчика с трудом и по возможности сжато, без всякого приготовления, что, впрочем, было бы и бесполезно.

Все слушали с видимым благоговением и вниманием, и насколько они поняли из всего, ведает один Бог; но что все это произвело на всех впечатление, было заметно.

Кончив с поучением и подкрепившись пищею около 2^х часов по полудни, я отпел всех обще покойников на кладбище, и затем начал крещение еще не крещеных детей, а потом как над вновь крещеными, так и над крещеными раньше причетником совершил таинство Св. Миропомазания.

После 4^х часов по полудни, собрав народ в палатку⁵ и поучив, через переводчика, жителей о необходимости подробного исповедания грехов, объяснив им приблизительно главные, по тяжести своей препятствующие к причащению Св. Таин, просил всех, ежели кто таковые имеет, объяснить мне даже хоть через переводчика; но это все, что я мог сделать, а исповедь происходила почти глухая⁶, за весьма малыми исключениями.

Уже в 7^{мь} часов вечера я начал служить вечерню, после которой прочитал малое повечерье и акафист Пресв. Богородице; а после вечерни опять продолжал исповедь до 10^{ти} часов ночи.

27 июля / 8 августа, понедельник. В 4^{ре} часа утра разбудил народ к утрени, по окончании которой прочитал для себя и для говельщиков причастный канон и молитвы ко причащению, совершил Св. Литургию, на которой и причастил 26^{ть} человек.

После молитв по причащении, дав им наставление, как соблюдать себя по сем, обвенчал одну пару и, подкрепившись пищею и нечто мало отдохнув, отправился в селение Туюнак в 11 часов дня.

После 5^{ти} часовой езды в 4^{ре} часа по полудни пристали в Туюнаке на лайду, где жители встретили нас с пальбою и по высадке торопились все взять благословение.

Вечер прошел опять в проверке метрик и росписей церковных, для чего опять причетник ходил с переводчиком по домам, борясь с теми же неудобствами и невежеством, после чего мы успели еще осмотреть часть кладбища и отдаленную гробницу бывшего здешнего тоена (старшины), устроенной вроде часовеньки с дверями и окном и столом, в которой мы нашли следующие вещи: на стене висела хорошая пара платья, легкое суконное пальто, цымермановская шляпа⁷ и т. п., одним словом, полный костюм. На столе стоял хороший самовар с чайным прибором, чай, сахар, сухари и т. под. Далее находились: ружье, револьвер, порох, дробь, пули, табак, кисет, 3^{ри} пары перчаток и рукавичек из ровдуги⁸, отделанные по-кенайски бисерами и суклями для них дорогими, умывальная чашка, мыло, бритва и так далее, то есть все предметы житейского потребления и притом зажиточного человека. Вообще кенайцы придерживаются древнеязыческого обыкновения своего класть на могилы покойников подобного рода вещи, веруя, вероятно, что и по смерти собратия их пользуются правами живых, и надобно быть крайне бессмысленным, чтобы не видеть суетности такого обычая. Вот до какой степени детски их понятия. Так в селении Касилове по моему увещанию был снят с могилы большой самовар еще новый, который по здешним ценам стоит не менее 30^{ти}, а то, пожалуй, и 40^{ка} долларов. Кенаец после продал этот самовар, и это ему понравилось более, чем бесполезное стояние его на могиле.

Возвратясь из осмотра могил тоена и прочих, я встретил его сына, ныне на месте покойного отца занимающего его место, и объяснив ему и окружающим нас нелепость такого понятия, происходящего от прежних языческих верований и обычаев, непристойного вовсе христианину, а притом и вредного для души покойника, увещевал снять все это с могил и употребить или на церковь, или на бедных, ежели они желают помочь душам умерших на суде Христовом. Толковал им о бессмертии души и о смерти тела и о восстании последнего уже вместе с душою лишь во второе пришествие Христа Спасителя, и далее в этом роде. Тоен изъявил согласие снять все вещи с гробницы отца, оправдываясь тем, что отец сам завещал положить все это на гроб свой⁹.

⁵ Имеется в виду церковная палатка, в которой совершалось богослужение; о ней упоминается выше.

⁶ «Глухая» исповедь – это та, во время которой кающийся по тем или иным причинам молчит. Священник надеется на то, что тот кается в своем сердце.

⁷ Круглая шляпа из магазина известного во второй половине XIX в. петербургского фабриканта К. Ф. Циммермана.

⁸ Ровдуга – замша из оленьей или лосиной кожи.

⁹ Подробнее об остатках язычества в погребальных ритуалах коренных племен Аляски см. [9].

28 июля / 9 августа, вторник. Служил в 5^м часу утреню, после которой раздавал неимущим крестики, а в 9^м часов отслужил часы и обедницу. После обедницы говорил опять с народом через того же переводчика, наставляя, как нужно готовить себя к достойному причащению Св. Таин чистосердечным и искренним раскаянием с подробным исповеданием грехов своих, ставя на вид долгое время, протекшее без всякого их напутствия, и советовал дорожить случаем настоящего приезда священника и не пренебрегать очищением совести. Не надеясь, однако, получить от них какую-нибудь исповедь по многим причинам нравственным и физическим, как со стороны кенайцев, так и со стороны моей, я ограничился тем, что, давая забвение прошлому, быть может, в неведении ими содеянному, увещевал и упрасивал их настойчиво оставить идольский образ жизни, языческие пляски при умерших, незаконную жизнь и кровосмешение, волшебные свои бубны и заколдованные куклы вместе с шаманами, обманывающими их легковерие и простоту, будучи сами более хитры и ловки и ленясь сами промышлять себе пропитание. Советовал слушать наставления как священника, так и других благочестивых и более сведущих в этом деле людей из креолов или из своего брата даже, более просвещенного.

Затем время шло в разыскании еще не крещеных или не миропомазанных, которым, заранее нарекая имя, навешивал к крестику, назначавшемуся к возложению на крещаемого, во избежание ошибок билетик из ровдуги с написанным именем.

К крещению оказалось 11^{ть} детей почти младенцев и 31^н человек к Св. Миропомазанию, детей, мальчиков и девочек, приходящих уже в возраст. В 6^{ть} часов отслужил вечерню и потом утреню с вечера по необходимости, дабы на другой день рано можно было начать крещение, для которого ходил смотреть место на речке и избрал более удобное.

29 июля / 10 августа, среда. С раннего утра начали собирать всех, кого следует, к месту крещения, что было тоже с затруднениями, так как вообще жители всего северного края привыкли утром долго спать, и едва около 8^{ми} часов утра можно было начать крещение, что и совершил с причетником при помощи переводчика, крестив всех 11^{ть} детей и 33^{ри} человека помазал Св. Миром, крещеных прежде причетником или мирянами. Кончилось все в 11^{ть} часов.

После крещения служил часы и обедницу для говеющих, после которой поучал народ через толмача по прежнему образу. После обеда собрал народ опять и, прочитав молитву, начал исповедь, на которой было около 130^{ти} человек с лишком обоего пола. При этом случае многие и исповедовались как должно, настроенные предварительным поучением, – которые могли по-русски кое-как, иные исповедывались по-своему. Хотя я, конечно, их не понимал, но это все-таки было похоже несколько на исповедь. Вообще большая часть из них, особенно женщины, походили на детей, к которым надо было отнестись снисходительно.

После исповеди, дав им наставление, как вести себя до св. Причастия, я начал вечерню, повечерие и акафист Пр. Богородице, а потом отслужил утреню. К вечеру все жители заметно были в движении, чему я не подозревал причины, но на другой день, к моему удивлению, явились все с остриженными волосами по-русски в кружок. Оказалось, что с вечера согласились все обрезать свои густые черные волосы, которыми дорожили, и притом без всякого с моей стороны намека или побуждения. Я даже не догадался и тогда, когда причетник пришел просить у меня ножницы, не говоря мне причины настоящей. Они хотели мне сделать сюрприз и доказали этим, что поучения мои и беседы с ними не прошли совершенно бесполезно.

30 июля / 11 августа, четверг. В 5^{ть} часов утра велел будить народ, чтобы успел приготовиться, а в 6^{ть} часов начал читать канон и молитвы ко причащению и служил Литургию в палатке, на которой и причастились все, кроме 2^х [...].

Затем совершено бракосочетание последовательно 6^{ти} пар, соединенных между собою уже давно, после чего, поручив причетнику собрать имена по возможности всех покойников селения, отпевал их обще всех на кладбище.

Окончив отпевание, я пошел в дом моего переводчика Ивана Кириллова, который есть тоже житель Туюнакского селения, где нашел тоена и других, между которыми был и местный шаман, ловкий, как видно, пройдоха из креол[ов] или из бывалых, по крайней мере, кенайцев, что доказывает его разговор по-русски и довольно ухарская наружность. Здесь я, воспользовавшись его присутствием, при всех стал обличать его в обмане своих собратий легковерных и простодушных, в лености к труду и в том, что он отказался говеть, боясь, вероятно, обличения. Советовал раскаяться и в знак своего раскаяния требовал от него регалии его гнусного промысла добровольно; но он отказывался и отвечал беспорядочно и невпопад, видимо, находясь в состоянии человека, желающего скрыться, – и ушел бы, вероятно, немедлен-

но, ежели бы не боялся уронить себя в мнении своих клиентов и тем потерять совсем свой авторитет. Тогда я, не желая оставить присутствующих под сомнением /не исключая и причетника/ и подать хоть малейшую тень торжества негодяю, а притом зная и послушание кенайцев к словам Священника и запрещениям, от церкви исходящим, стал грозить шаману совершенным отлучением: не только от церкви и св. Причащения, от которых он сам добровольно отказался и потому сотворил себя недостойным, но и от общества, в полном смысле этого слова, для чего здесь же наложил запрещение на всех жителей Туюнака и окрестных селений, приказав перевести следующее. Чтобы никто не решился принимать его к себе в дом, говорить ему здравствуй, беседовать с ним, брать его в партии на промыслы, дарить его, ходить к нему в дом, есть с ним из одного котла или чашки и иметь какое бы то ни было общение; а не исполнившим этого запрещения угрожал также строгим церковным наказанием. Все замолкло в избе. Потупившись, шаман стоял тоже в раздумии с минуту или более опустив голову и потом вышел, не говоря ни слова. Через несколько минут он принес грязный засаленный мешочек, по высыпанию которого оказались в нем принадлежности его ремесла, как то: плясовые побрякушки из дерева, разные размалеванные киноварью или суриком палочки и планки, перья, кукла с волосами и косой и т. под. безделицы, из которых по большей части все так грязны, что без некоторого отвращения нельзя взять в руки. За шаманом еще одну или две куколки таких же принесли какие-то бабы; что мы все и сожгли при них же на улице. Интересно было видеть негодование одной старухи, когда причетник плюнул на куклу, принятую им от нее в руки.

Не знаю, все ли шаман принес мне, сомнительно; но во всяком случае развязка подобная имела большое влияние на слушателей, и тоен первый после этого же пошел и убрал вещи с могилы своего отца, остальные же обещали последовать его примеру.

Почувив после шамана немного, я дал ему благословение и обещал принять его к общению в будущий объезд мой, ежели он докажет самым делом, что не будет более заниматься этим делом.

Трудно, конечно, ожидать /и нельзя/ – чтобы кенайцы так легко расстались со своими вековыми привычками и предрассудками при крайнем недостатке просвещения, при своей разобщенности, так сказать, с миром, а не только от священника, тем более что и в России в простолудном народе вообще, существует тоже шаманство /ворожба, колдовство, ведьмы и т. п./ и разные, иногда и очень грубые предрассудки, а ведь русский крестьянин /без исключения/ все же более просвещен в сравнении с нашими аляскинскими народами. Вот уедет священник, и они опять примутся за прежнее, потому [что] при лености своей и беспечности им нечего больше делать. Опять будут производить свои языческие пляски и «колотушки» при одре покойника /а иногда еще и умирающего/ или выносить его через окно непременно, а не через двери; и другое, тому подобное... что и случилось в действительности по нашем отъезде в одном неподалеку от Туюнака маленьком селении, как видно будет ниже¹⁰.

Пообедав наскоро, я отправился на байдарке с переводчиком и со Св. Дарами к одному селению /из 1^{го} дома/ миль за 5 напутствовать больную женщину, велел причетнику тем временем готовиться к отъезду. Сев в байдарку, по обыкновению ноги просунув вперед, вовнутрь байдарки под прямым углом, я тотчас от изнеможения уснул крепко, свесив голову на грудь, и разбужен был только по приезде на место. Расспросив хорошенько женщину сначала об обстоятельствах ее жизни и причинах болезни, я причастил ее и затем возвратился в Туюнак. По приезде моем, тотчас уложив байдарки и простившись с гостеприимным приказчиком здешним от Ал. Ком. компании¹¹ Джоном Шмидт, мы близ берега отплыли далее. Перед отъездом все жители селения теснились принять благословение, и лишь только мы несколько отвалили, тотчас открыли пальбу из ружей, так же как и при встрече.

По пути за несколько миль или поболее мы посетили еще одно селение из 2^х домов, где причастил я 2^х женщин и слабую совсем старуху. Вот в этом-то селении одна женщина умерла, кажется, на другой день по нашем отъезде, а хотя и тут, по-видимому, встречали нас с благоговением и проводили с пальбою, но не преминули похоронить ее по-своему, с пляскою и в

¹⁰ Подобнее о проблемах преодоления шаманизма в христианизации автохтонов Аляски см. [10].

¹¹ Аляскинская коммерческая компания (Alaska Commercial Company) – преемник колониальной Российско-Американской компании, формально прекратившей свою деятельность и вывезшей своих сотрудников в Россию в 1867 г., после продажи Аляски США. Занималась, как и в настоящее время, управлением магазинами розничной торговли в сельских районах Аляски, а также, до конца XIX в., пушным промыслом. И сегодня существует под этим же названием.

колотушки и справить ей поминки, которые лишь на ½ часа едва не застали, плывя на возвратном пути ночью /в 1^м часу/ мимо этого селения.

Отправляясь из Туюнака, мы намеревались подняться в реку Сушитну, а оттуда ехать в Кнык и тем закончить наш поход. Погоду Бог дал нам во все время нашего плаванья тихую и ясную.

Нас застигла ночь на половине дороги в Сушитну, и мы по необходимости должны были расположиться бивуаком на малом возвышении низменной, болотисто-глинистой равнины, не доезжая устья «белужьей речки», заливаемой сплошь водою во время прилива моря. Разложив большой огонь на пригорке, мы расположились вокруг одного, ядомые немилосердно комарами и мошками, начав готовить себе чай из мутной густо-глинистой и солоноватой воды, – и я думаю, что ни одному из добрых русских любителей не удавалось еще полакомиться таким вкусным чаем; но наш действительно был вкусен, хотя я и чувствовал гримасу на лице после каждого глотка. Значит, нравилась только теплота горячности, приятно согревающая желудок.

Гребцы настреляли дичи, и у нас, сравнительно с положением нашим, составилась довольно роскошный ужин из еще не доваренных гусей и какого-то мудреного супа.

Надобно заметить, что равнина, на которой мы расположились, есть пристанище диких гусей и уток /но гусей в особенности/ на ночь и преимущественно осенью. Вечером вся местность заливается приливом вплоть до нашего пригорочка /чуть не под наши ноги/, образуя много открытых /от травы/ болот и протоков, а множество выкидного торчащего леса составляет немалое прикрытие для стад. Время этих сборов гусей еще не пришло в нашу бытность, но и то можно было удивляться [количеству птиц. – Авт.].

На ночь гребцы разложили свои оленины, а мы с причетником подостлали медвежины, которыми я нарочно запасся на этот предмет, укрылись с головами одеялами и крепко уснули от усталости.

Погода была хорошая и без ветра.

31 июля / 12 августа, пятница. Утром вставши, я отпустил гребцов стрелять дичь на обед, а также и на дорогу что-нибудь, тем более что приходилось выжидать необходимую нам прибылую воду далеко за полдень. После обеда, отдежуривав на болоте в войне с комарами и мошками чуть не сутки, мы перенесли байдарки и груз несколько вперед, на берег речки белужей, где гребцы – ошибочно, впрочем, – находили удобным спуск. Уложив все по-прежнему в байдарки, мы начали спускать их по весьма обрывистому, совершенно глинистому и склизкому от недавней воды берегу – круто вниз по несколько сажен, поддерживая и протаскивая с осторожностью, чтобы не переломить байдарок или чтобы от перегибания /при порядочном грузе/ как-нибудь не лопнул фартук. Я сам буквально весь перепачкался в глине, но благодаря Бога все обошлось благополучно. Садясь в байдарку, я, придерживаясь за оную с сильным напряжением, чтобы не сползти в реку, обмыл сначала одну ногу тщательно от весьма липкой глины и поставил ее в люк, затем, присев на люк, обмыл другую ногу и отчасти штаны, и наконец уселся. Прочие тоже, обмывшись, уселись, и мы отправились в дальнейший путь.

Обогнув тупой и широкий мыс на десяток миль, отделяющий Белужью речку от реки «Сушитна», мы вскоре проехали бухту или лиман последней и начали подниматься в реку. Так как, до первых селений даже, оставалось около ½ суток езды, а нас застал уже вечер, то мы принуждены были остановиться на ночь в пустых бараборках¹² или лучше сказать в дырявых шалашах, находящихся в некотором расстоянии от устья, в местности, называемой «Сушитна», куда на лето жители реки Сушитны и других мест спускаются для запаса рыбы /«юкала»/ в летнее время. Расположившись в полуразрушенных бараборках, на середине одной из них разложив огонь на насыпи, нарочно для этого делаемой, стали готовить ужин из оставшейся дичи и чай из такой же воды такой же мутной, ежели еще не гуще, разве только не столь солоноватой; между тем вода стала прибывать все более и более, залило всю местность и барабору, в которой мы вселились, вплоть почти до самого огня – и мы очутились арестованными, забравшись на нары в ожидании, когда сбудет вода. К кухне нашей нужно было подходить уже по колено в воде. Поужинав чем Бог послал и запив мутным чаем, мы расположились на ночлег, где кто нашел для себя удобнее, и я думал уснуть крепко, чувствуя усталость во всех членах, но ошибся в своем ожидании. Всю ночь я в полудремоте отмахивался от комаров, немилосердно пьющих кровь мою, и свои монотонным пением наводящих ка-

¹² Барабора – жилище алеутов и эскимосов Аляски.

кую-то просто тоску на сердце; под одеялом же, укрывшись с головою, я не мог решительно уснуть, или даже просто лежать в бараборе.

1 / 13 августа, суббота. Наконец я встал весьма рано, на рассвете поднял всех и начал готовиться к отплытию. Напоив всех чаем из той же белесоватой воды и позавтракав чем могли, мы, нагрузив свои байдарки и спустив на реку, отправились вверх против сильного течения, с трудом подвигаясь вперед, придерживаясь то одного, то другого берега, для чего нужно было делать быстрые, усиленные переезды, иногда в довольно широком месте. Так мы продвигались медленно по пути, не делая, кажется и 2^х миль в час; притом же пришлось помогать гребцам, действуя гребком /как мне, так и причетнику/ в более быстрых местах, или выходить /т. е. с трудом вылазить/ и брести по воде, чтобы облегчить байдарки на слишком мелких местах, то снова садиться по необходимости, хотя и желал бы пройти лучше пешком даже и по воде, то опять браться за гребок и выручать гребцов, видя, что байдарка противится их усилиям и стоит на месте...

Река, чем выше мы поднимались, тем делалась мельче и изменчивее в своем русле, местами разливается широко, делая множество банок /отмелей/, не видных под мутною водою, иногда же суживается и усиливает в таких местах течение и без того быстрое, и тут нужны были неестественные усилия, чтобы выбиться из таких мест, даже на байдарке, которая несравненно легче идет против воды, чем лодка. Вообще при въезде в Сушитну я помогал гребцам сколько мог; но по выезде из 1^{го} селения буквально не выпускал гребня из рук и работал беспрестанно, будучи весь в поту. О причетнике нечего и говорить, но все же это дело ему более привычно. Скоро, однако, я удостоверился, что река течет преимущественно берегами, или обеими разом, или переходит вдруг на один берег, соединяя воду 2^х русл, и в этих-то местах казались байдарки как бы на месте, не поддаваясь усилиям гребцов; на середине же образует только банки с песком, быстро наносимым сверху, поэтому я предложил ехать, придерживаясь середины, и действительно байдарки пошли легче, разве в местах, где река переводит свое русло с одного на другой берег.

К вечеру добрались мы до так называемого островка, на котором располагается главное селение, состоящее из 3^х изб, срубленных из бревешек с малыми окнами. Избы расположены фасадами приблизительно на север, запад и юг, плотно примыкая к кажиму¹³, закрывающему входы в избы. В кажиме по обеим сторонам устроены нары, а под нарами какие-то конурки вроде курятников. На середине кажима обычно разводится огонь и варится пища, над огнем в дыму коптится юкало и другое, в кажиме же на нарах и под нарами помещается иногда много семейств беспечного народа, а в избах живут хозяева и их семейства, из коих есть один то-ен /старшина/.

В каждой стене избы на все 3 стороны по две маленькие бойницы, настоящие с раструбом, а окна в бытность нашу я видел закрытыми толстыми ставеньками из колотых, грубо отесанных плашек, вероятно в виду защиты. Крепость эту кенайцы селения устроили против колчан¹⁴, которые их никогда, кажется, не беспокоили, да и не думают; но однако какая-нибудь была причина этой предосторожности. Они положительно, впрочем, не живут в этой крепости летом, а уходят все, кто только может, в окрестные леса и горы на промыслы, остающиеся же жители ютятся вообще в палатках и шалашах по берегу реки, рассыпавшись отдельными семействами. По приезде нашем мы расположились в этой крепости на нарах в кажиме, но не нашли здесь ни одной души. Впрочем, переводчик наш скоро разыскал неподалеку 2^е или 3^{ьи} палатки с жильцами и столько же узнал шалашей поблизости в окрестностях, где находились только старики, дети и больные, да один или 2^{ва} человека здоровых, вероятно, для присмотра.

Все вообще живут в здешнем крае, союзом брака не венчанные, издавна по не зависящим от них причинам /за неимением священника/, и поэтому осторожная осмотрительность для разбирательства этой путаницы между ними необходима, чтобы не впасть в крайнюю погрешность и не обвенчать родственников между собою, даже и близких, как напр.: отчима с падчерицей и т. п.

2 / 14 августа, воскресенье. Из оставшихся на островке причастил старика одного, по берегу несколько дальше вверх по реке 1^{му} больную женщину и одного мужчину, потом на дру-

¹³ Большой общинный дом эскимосов, рассчитанный на несколько десятков человек.

¹⁴ Колчане – индейцы атапаски танана, жившие в верховьях рек Кускоквим и Сушитна по соседству с кенайцами.

гой стороне двух больных мужчин, валявшихся в своих шалашах без помощи, куда я ездил нарочно на байдарке.

Кроме того, окрестил 10 человек и Св. Миром помазал семерых подростков и детей обо-его пола на реке.

Живут здесь крайне грязно, до содрогания, и невозможно не быть у них разным эпиде-мией. В палатках их вонь и духота, несмотря, кажется, на проходной воздух. Дети бегают в грязных, донельзя засаленных миткальных¹⁵ рубашонках полуразорванных, черные как грязь и сами; между тем как те же самые дети по крещении оказались вовсе не черными, но доволь-но чистыми и белыми.

Чем дальше вглубь Кныковского залива и вверх по Сушитне, тем резче выдается ди-кость жизни и грубость нравов убогих жителей. Язык, начиная от селения Кусташины, раз-нится от кенайского много, а медновский /по реке Медной, где я еще не был/ разнится от обоих первых. На промысл ходят и зимою, но домой редко что приносят съестное, а едят все на месте, и без меры, и без разбору – что бы ни попало. Спят на каком-то засаленном тряпье или на вытертых оленинах и подушках каких-то, до того черных и лоснящихся, что из них можно было бы выварить порядочное количество грязно-потного жиру. Питаются больше сушеной рыбой /юкалом/, для запасения которой спускаются к устью реки, как выше сказано, и любят донельзя крепкий чай и табак.

Управления никакого не знают, кроме семейного, но имеют тоенов /старшин/, из коих, впрочем, редкие имеют какое-нибудь влияние на односельчан, разве более ловкий и умный; но тогда он непременно шаман и живет зажиточнее других, потому что его больше боятся, через него просят милости, не у Бога, конечно, но у злого духа, и его дарят. Тоены эти почти всегда имеют кроме жены законной еще половинщицу, а то и 2^х, пожалуй, причем и о родстве понима-ется по-своему, хотя бы таковой тоен или шаман был и христианин. Шаманы, как я заметил, не всегда бывают шарлатаны и аферисты, но есть и фанатики-изуверы, воображающие себя дей-ствительными ведунами, могущими через посредство злого духа нечто сотворить в области злых дел, и таковые всегда бывают ожесточеннее и бегают от священника по большей части. Один таковой говорил мне /когда я наедине увещевал его, чтобы в присутствии других не со-творить его ожесточиться/, что ему открывает Бог и что он молится и верует, а ему Бог дает и он знает все, и тому подобную путаницу без всякой связи. Тогда я ему сказал: Ежели Бог тебе открывает, то зачем же ты держишь три жены, да еще, как я слышал, одна как-то сродни ему? Ежели ты знаешь все, то как не знал того, что Бог такой мерзости ненавидит и таким людям не только ничего не открывает, но и лишает его человеческого достоинства, уподобляя скоту бессмысленному и предает его диаволу – по смерти в геенну огненную? Разве он не знал, что Бог почивает только во святых Богоугодных людях, провождающих чистую, непорочную жизнь, исполняя Его Св. закон, угождающих Ему как духовною, так и телесною жизнью, и им только дает свое ведение; между тем человек, предающийся неистово кривлянию и пляске в безумной надежде на призвание какого-то духа, неужели еще может думать, что он этого духа принимает от Бога?! Беззаконное сожительство с тремя женщинами старику, почти седому, служащему диаволу шаманом, не дает права даже называться христианином. Подобным разговором попро-сту наконец шаман был приведен в сознание и дал обещание больше не шаманить и оставить беззаконную жизнь; но я наложил на него испытание, обещая ему прощение и примирение с Церковью, ежели он оправдает свое обещание.

Неудивительно поэтому, ежели сердце бедного кенайца или алеута, преисполненное мраком тайного страха и суеверного, верит и трепещет при виде беснующегося фанатика-ша-мана, а ум, воспаленный воображением, страдает иногда гибельные последствия такой уве-ренности.

Легко ли отвратить этот темный и удаленный от общения с миром /не говорю уж от священника/ народ, тогда как и в России, не только в самых глухих, но и в более просвещен-ных местах сравнительно с Аляской, но и не только в России, а и во [в]сех государствах про-свещенных народов в сравнении более даже России, преимущественно, конечно, в простом народе и в особенности в глуши, процветают колдуны-чародеи, ведьмы и разные, даже очень иногда грубые предрассудки.

Начиная с селения Кусташины, вновь крещеным приходилось навешивать вместе с кре-

¹⁵ Миткаль – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань сероватого цвета, состоящая из довольно толстых нитей неотбеленной пряжи. Является полуфабрикатом для производства различных тканей и других материалов.

стиком на шею и имена, написанные на кусочке ровдуги; а чем далее вглубь залива и вверх по реке «Сушитни», то это потребовалось уже и для многих взрослых и стариков, которые забыли свои имена. На будущий разъезд по приходу, кроме этих билетиков, потребуется приготовить еще партию хоть миткалевых рубашечек для крещаемых обою пола, так как весьма редкие имеют возможность предложить для этого таинства чистую одежду.

Кенайцы, тем более отдаленные от центра миссии, носят длинные густые черные вообще волосы, завязанные сзади в пучок, имеют привычку ходить без шапок. Болезни обыкновенные: катар горячки и чахотка, отчасти и глазные болезни, почему имеют много слепых.

3 / 15 августа, понедельник. Наутро крестил еще одного мальчика и помазал Св. Миром одну девочку, а затем, наскоро закусив, я решился возвратиться в Кенай, оставив предположенную было поездку в Кнык, так как получил известие, что и там народ весь разошелся по своим промыслам, да и жители Сушитновские уверяли меня, что я туда напрасно только поеду. Итак, я решился ехать обратно, тем более что в Кенае мое присутствие было необходимо при строившемся новом доме, который уже, при отъезде моем еще, покрывался.

Уложив все в байдарки и простившись с оставшимися жителями, мы быстро спустились по течению реки к первому селению, в котором на этот раз застали одного хозяина, умного и степенного кенайца, с мальчиком и девочкой, но живущего так же, как и другие, по обстоятельствам, не повенчанный со своею названною женою. Открыв свою ризницу, я крестил у него приемного сына и помазал Св. Миром дочь, а брак пришлось отложить до будущего раза, по уважительным причинам. Хозяин этот угощал как нас, так и гребцов наших всех чаем, хлебом и рыбой, что доказывает знакомство его с жизнью хоть отчасти; между тем как в других местах как кенайцы, так и алеуты, напротив, смотрят, когда священник начнет греть чайник, и, придя туда, рассядутся на корточках по стенкам молча. Конечно, приходится напоить их всех из участия хотя к их убожеству, а иногда обделить сухарями или хлебом. Таким образом, в путешествиях этих провизии, а в особенности чаю, выходит много.

Кончив свой обед после всего, мы отправились в путь и к ночи прибыли к белужьей речке, где опять расположились на болоте с гусями несколько подальше от пригорочка ближе к берегу моря между выкидником¹⁶. Разложив и на этот раз большой огонь и отпустив гребцов некоторых за дичью, мы принялись готовить себе известный уже чай, стараясь приспособиться получше на ночь под открытым небом.

Гребцы принесли трех гусей и утку, и мы изготовили себе ужин по прежнему образу. День до самого вечера был хороший, и не предвиделось ничего дурного, на каковой случай у нас не было другой палатки, кроме старенькой церковной /да и места для другой палатки не было бы/; но, когда все уснули, небо заволокло тучами и стал моросить мелкий дождик, и я проснулся. Место я выбрал себе у одной колоды выкидного дерева, у которой, нас[т]лав немного нарванной мною руками и нарезанной ножом травы, разостлал медвежину и улегся в одежде, укрывшись одеялом не с головою, а олен[ин]у свою отдал гребцам. Видя, что идет мелкий дождь и надеясь, что от такого дождя не успеет промокнуть двойное грубое шерстяное одеяло, я укрывшись с головою и опять уснул, и проснулся тогда только, когда почувствовал под левым боком, на котором лежал, воду. Одеяло мое было совершенно мокрое, как бы прямо из воды, и тяжелое, напивав вместе с тем и мою одежду до самой рубахи. Нечего было делать – я встал. Накинув на себя дождевик худой и накинув на голову резиновый колпак, весь дрожа, я долго и быстро расхаживал под дождем взад и вперед, придумывая средства, как бы помочь горю, так как мне очень не хотелось употребить для этого церковную палатку из благоговения к ее назначению. Первым долгом я поспешил развести огонь, а затем, не видя никого, стал рассматривать, где кто лежит. Причетник с моим гребцом из Кеная забрались в байдарку мою, успев, впрочем, промокнуть заранее. Прочие три человека гребцов, чуть не на голой земле, скорчившись и прижавшись друг к другу плотно, лежали под моей единственной олениной, мокрые и босые, но, по-видимому спящие. Сердце у меня скорбно сжалось и не выдержало, и я поторопился поскорее поднять всех и ставить палатку, желая движением несколько хоть согреть их. Разместившись в палатке, тотчас велел согреть чай и напоил всех довольно, после чего все опять улеглись, к удивлению моему, и уснули, кроме меня.

4 / 16 августа, вторник. Наутро дождь шел недолго и часам к 8^{ми} прекратился, но ехать было нельзя, не только потому, что поднялся противный, довольно свежий ветер, но и по причине мокрой нашей поклажи, которую трудно и неблагоприятно погружать было на байдарки, чтобы не перегрузить до опасности эти кожаные суда, и без того грузные.

¹⁶ Части деревьев и другие деревянные обломки, выбрасываемые водой на берег.

Итак, невольно пришлось выждать, чем мы воспользовались, чтобы просушить нашу одежду, постели и вообще груз, что на ветру и на солнце все хорошо и просохло к нашему утешению.

К вечеру как будто стихло, и мы решились ехать на ночь, не дожидаясь попутного течения, около восьми часов вечера. Скоро, впрочем, мы настигли попутную /убылую/ воду¹⁷, через какой-нибудь час или слишком, и байдарки заметно быстрее понеслись вдоль берега, который во мраке ночи мы старались не терять из виду. Наконец в час по полуночи мы прибыли в сел. Туюнак, где были приняты тем же (*) Джоном Смит, радушно, удовлетворенные чаем и ужином, после чего все успокоились и уснули крепко от усталости, почему проспали далеко за утро.

5 / 17 августа, среда. Вставши в Туюнаке после хорошего отдыха, в ожидании удобного времени к отъезду, мы приняли предложенный нам обед радушным хозяином, после которого немедленно начали собираться, а затем, простившись с хозяевами, отправились через залив по направлению опять к селению «Микишки», куда и пристали на лайдю после пятичасовой езды. Я пошел в селение и, найдя больного¹⁸ еще живым, напутствовал его Св. Дарами. После этого, уложив снова ризничный ящик и перекусив наскоро, отправились дальше.

В девять часов вечера мы благополучно пристали к берегу в Кенае, накануне праздника Св. Преображения Господня; а так как было поздно, уже за 10^{ть} часов, прихожане же совершали с вечера бдение по своему обычаю, то я на другой день отслужил только часы и обедницу, после которой сказал прихожанам краткое объяснение праздника и его значение. Затем обратил внимание на дом новый, который и застал уже покрытым и в котором постилали полы.

Все возвратились из путешествия, благодаря Бога, здоровыми.

Список литературы

1. Акимов А. Г. «В каждом месте, где я останавливался, находил я православных людей». Отчет о миссионерской поездке Иеромонаха Севастиана (Дабовича) по Западу Северной Америки в 1892 г. // Американский Ежегодник 2024. М., 2024. С. 340–352.
2. Американский Православный Вестник. 1901. № 4. По Ситхинскому округу (из путевого журнала Благодинного Ситхинского округа Иеромонаха Антония).
3. Американский Православный Вестник. 1902. № 12. Из путевого журнала Священника Иоанна Бортовского за 1900 г.
4. Американский Православный Вестник. 1902. № 19. Путевой журнал Священника Афогнакского прихода Василия Мартыша за 1901 г.
5. Американский Православный Вестник. 1904. № 8. По миссии (дневник Священника Тихона Шаламова).
6. Климент (Капалин), митроп. Православие на Аляске: ретроспектива развития в 1741–1917 гг. Тверь, 2014. 432 с.
7. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Американская эпопея епископа Нестора (Засса) // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 41–56. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.019.
8. ARCA (Alaskan Russian Church Archives). Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882, 1885.
9. Kan S. Memory Eternal: Orthodox Christianity and the Tlingit Mortuary Complex // Arctic Anthropology. 1987. Vol. 24, No. 1. Pp. 32–55.
10. Kan S. Shamanism and Christianity: Modern Day Tlingit Elders Look at Their Past // Ethnohistory. Autumn 1991. Vol. 38, No. 4. Pp. 363–387.

¹⁷ Убывающую, т. е. воду отлива.

* Баптист. Жена и все семейство православные. – Прим. о. Никиты.

¹⁸ См. выше, первую страницу «записок».

"[I] exhorted and begged them persistently to leave the idolatrous way of life...". From the travel journal of the Alaskan missionary Hieromonk Nikita (Marchenko)

Pechatnov Valentin Vladimirovich

PhD in History, associate professor of the A. F. Shishkin Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia, Moscow.
ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Abstract. The material is a scholarly publication of the document "From the travel notes of the Kenai missionary Hieromonk Nikita. The year 1881", which is stored in the Alaskan Russian Church Archive of the Manuscript Division of the U.S. Library of Congress. These "Notes", in essence, represent a detailed travel journal that every missionary priest in Alaska had to send to the diocesan bishop. The part of the "notes" being published describes Hieromonk Nikita's first missionary journey, undertaken at a time when the Aleutian and Alaska diocese was headed by Bishop Nestor (Zass). It is a vivid, detailed description of the missionary journey, reflecting the missionary labors often from early morning till late at night, the way of life, religiosity and customs of the Kenai people, open confrontation with shamans with excursions into their psychology and worldview, the difficult conditions of the journey, which included several nights in the open air in a subarctic climate. No wonder Hieromonk Nikita (a former military officer) called it "a soldier's military bivouac life". The document guides to a better understanding of the history of the Russian Ecclesiastical Mission in Alaska in 1880s, and also has ethnographic value, as it contains descriptions of customs, way of life and religiosity of the Alaskan autochthons. The publication has a detailed preface and a scholarly reference commentary.

Keywords: Russian Orthodox Mission in the USA, Aleutian and Alaska diocese, Nikita Marchenko, Kenai, shamanism.

References

1. Akimov A. G. "V kazhdom meste, gde ya ostanavlivalsya, nahodil ya pravoslavnyh lyudej". *Otchet o missionerskoj poezdke Ieromonaha Sevastiana (Dabovicha) po Zapadu Severnoj Ameriki v 1892 g.* ["In Every Place Where I Stopped, I Found Orthodox People". A Report on the Missionary Trip of Hieromonk Sebastian (Dabovich) across the West of North America in 1892] // *Amerikanskij Ezhegodnik 2024 – American Yearbook 2024*. M., 2024. Pp. 340–352.
2. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1901. No. 4. *Po Sithinskomu okrugu (iz putevogo zhurnala blagochinnogo Sithinskogo okruga ieromonaha Antoniia)* [On the Sitka District (from the Travel Journal of Hieromonk Antony, Dean of the Sitka District)].
3. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1902. No. 12. *Iz putevogo zhurnala svyashchennika Ioanna Bortnovskogo za 1900 g.* [From the Travel Journal of Rev. Ioann Bortnovsky for 1900].
4. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1902. No. 19. *Putevoj zhurnal svyashchennika Afognakskogo prihoda Vasiliia Martysa za 1901 g.* [The Travel Journal of Rev. Vasily Martys of the Afognak Parish for 1901].
5. *Amerikanskij Pravoslavnyj Vestnik – Orthodox American Messenger*. 1904. No. 8. *Po missii (dnevnik svyashchennika Tihona Shalamova)* [Around the Mission (the Diary of Rev. Tikhon Shalamov)].
6. Kliment (Kapalin), mitrop. *Pravoslavie na Alyaske: retrospektiva razvitiya v 1741–1917 gg.* [Metropolitan Kliment (Kapalin). *Orthodoxy in Alaska: A Retrospective of Its Development in 1741–1917*]. Tver, 2014. 432 p.
7. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Amerikanskaya epopeya episkopa Nestora (Zassa)* [Bishop Nestor's (Zass) American Epic] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2022. No. 2 (144). Pp. 41–56. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.019.
8. ARCA (Alaskan Russian Church Archives). Cont. D 300. Kenai Peninsula Travel Journal. Marchenko, Nikita (monk). Folder 1881–1882, 1885.
9. Kan S. *Memory Eternal: Orthodox Christianity and the Tlingit Mortuary Complex* // *Arctic Anthropology*. 1987. Vol. 24, No. 1. Pp. 32–55.
10. Kan S. *Shamanism and Christianity: Modern Day Tlingit Elders Look at Their Past* // *Ethnohistory*. 1991. Vol. 38, No. 4. Pp. 363–387.

Поступила в редакцию: 25.03.2026

Принята к публикации: 29.04.2026

EDN: ZVXLDF

УДК 94(470)+322.571.12

Участие православного духовенства в выборах в Государственную думу Российской империи по материалам «Вятских епархиальных ведомостей»

Чернышев Иван Александрович

кандидат богословия, священнослужитель Череповецкой епархии Русской православной церкви.

ORCID: 0009-0006-3189-2496. E-mail: iov.monk@gmail.com

Аннотация. В данной статье изучаются материалы «Вятских епархиальных ведомостей», касающиеся проведения выборов в Государственную думу Российской империи. Актуальность работы определяется привлечением такого малоизученного, но богатого источника по истории российского парламентаризма, как епархиальные печатные органы начала XX в. Целью исследования является определение оценок организации и итогов выборов в Государственную думу российских иерархов, священнослужителей и общественных деятелей Вятской епархии. В работе последовательно изучены статус Государственной думы и цели ее деятельности, рассмотрены призывы к духовенству и мирянам об активном участии в выборах, выявлены формы организации просветительской работы со стороны духовенства в предвыборной работе, сформулированы необходимые деловые и нравственно-моральные качества, предъявляемые к кандидатам в Государственную думу. Важным элементом данного исследования стало определение отношения духовенства к действующим в начале XX в. политическим партиям, сформулированного в официальном печатном органе. В статье проанализирован канонический аспект участия священнослужителей в работе парламентских органов. В ходе исследования было выявлено, что, несмотря на активные призывы епархиальной прессы к участию в выборах в Вятской губернии, духовенство проявило крайне низкую активность в формировании I–III созывов Государственной думы. Духовенство не реализовало в полной мере предоставленные им государством возможности в формировании российского парламента. Авторы публикаций епархиальных ведомостей оставили негативную оценку I–II созывам Думы, не были удовлетворены и результатами III–IV созывов. В работе дан сравнительный анализ оценки выборного процесса в Думу в исследуемом источнике и официальных печатных органах иных епархий. Результаты проведенного исследования в дальнейшем применимы для изучения участия духовенства в истории российского парламентаризма, епархиальной журналистики. Оценка духовенством деятельности Государственной думы является перспективной областью для изучения церковно-государственных отношений в XX в.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, депутаты Государственной думы, средства массовой информации, церковно-государственные отношения, «Вятские епархиальные ведомости», Вятская епархия.

Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.) в своей деятельности отразила со всей пестротой многообразие нашего Отечества. В 1905 г. в России произошли серьезные государственные изменения, приведшие к зарождению отечественного парламентаризма. Провозглашенные свободы должны были дать новый импульс российскому обществу, мотивировать его гражданскую активность, модифицировать государственные управленческие институты, консолидировать общественные и политические силы. В этом отношении на Думу возлагались большие надежды, которые, как показал опыт, в полной мере не оправдались.

Цель данной работы – анализ участия духовенства Вятской епархии в думских выборах по материалам официального епархиального печатного органа. Объектом данного исследования является общественно-политическая деятельность духовенства Вятской епархии, предметом – публикации «Вятских епархиальных ведомостей», посвященных участию духовенства в думских выборах. В рамках данной работы применялись методы контент-анализа, сравнительного анализа и типологии на материалах епархиальных печатных органов.

В исследовании участия духовенства в работе российского парламента традиционно выделяется три периода, определяющихся сменой теоретико-методологических парадигм: дореволюционный, советский и современный [17]. В дореволюционный период преимущественно были представлены характеристики депутатов-клириков и анализ их деятельности [1; 60–61]. В советской историографии, анализирующей явления общественной жизни с пози-

ции классовой борьбы, духовенство воспринималось как контрреволюционная сила [10; 16; 46; 57; 63]. Современная историография отличается комплексностью подхода к изучению парламентской деятельности духовенства и свободой от идеологической ангажированности. Анализ участия духовенства в выборах в Государственную думу содержится в трудах Г. А. Ивакина [20], Р. А. Цианчука [68–69], Е. Д. Замаховой [19]. Отдельно стоит выделить работы О. В. Калюжной [22–26] и А. А. Сорокина [62], в которых исследуется освещение думских выборов на страницах церковной периодической печати.

Современные исследователи подчеркивают относительно низкую активность православного духовенства в выборах в I–II Государственную думу, причиной которой были различные взгляды на участие священнослужителей в общественно-политической жизни, отсутствие опыта политической работы, плохая осведомленность о выборном процессе и распределение духовенства по различным политическим партиям. Негативный опыт работы духовенства Думы I–II созывов, отличающегося левыми политическими взглядами, был исправлен новыми выборными законами, позволившими увеличить в последующих парламентских созывах количество священнослужителей – центристов и правых. Однако, по сравнению с представителями других религиозно-национальных думских групп (например, мусульманская группа, польское коло), православное духовенство не проявило консолидации ни в проведении выборов, ни в думской работе.

Анализ деятельности вятских депутатов Государственной думы представлен в работах М. Ю. Половниковой [47; 49], А. А. Дмитренко [11–12], А. С. Масютина [35], С. А. Лоскутова [33]. Отдельных исследований, посвященных участию вятского православного духовенства в выборах и работе Думы, в настоящее время не существует.

Важным историческим источником является корпус официальных периодических церковных изданий епархий Российской православной церкви, получивших наименование епархиальных ведомостей и выходявших в 1860–1922 гг. в 63 епархиях [64, с. 493]. Религиозная печать – «один из самых неизученных разделов истории российской журналистики» [4, с. 29]. Актуальность этого тезиса, сформулированного тридцать лет тому назад, сохраняется и в наши дни.

«Вятские епархиальные ведомости» издавались в 1863–1918 гг. и состояли из двух частей: официальной и неофициальной [65, с. 164]. Неофициальная часть – это исторические исследования, церковно-археологические заметки, описания церковных и гражданских значимых событий, размышления о практических вопросах пастырского служения и приходской жизни, миссионерстве, педагогике, слова и проповеди епархиальных архиереев и выдающихся священнослужителей. Именно этот богатый в своем содержании раздел представляет особый интерес для современного исследователя [59, с. 44]. Редактором неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей» в 1903–1917 гг. был Николай Григорьевич Гусев, выпускник Вятской духовной семинарии и Казанской духовной академии, историк, преподаватель, публицист, член Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. от Вятской епархии [48, с. 164–165; 58, с. 68, 101, 128].

Выборы в Государственную думу активно обсуждались в «Вятских епархиальных ведомостях» в 1906–1912 гг. Епархиальный печатный орган представлял своим читателям обращения архиерея перед выборами в Государственную думу, мнения священнослужителей, причем не только Вятской, но и иных епархий, размышления относительно требований к кандидатам, оценки результатов выборного процесса и деятельности созывов Государственной думы. Ведомости были сугубо церковным официальным органом, в котором невозможно было представить появление материалов либеральной политической повестки. Материалы епархиальных ведомостей по определению отражали верноподданнические чувства епископов, клира и мирян к российскому самодержцу и к его государственным деяниям, в том числе и в отношении учреждения Государственной думы и организации выборов.

Исследование публикаций «Вятских епархиальных ведомостей» выявляет единую и оптимистическую позицию их авторов в отношении учреждения Государственной думы. Решение императора Николая II, обладающего полнотой власти в России, воспринимается как благо, дарованное государству и народу. Народные избранники призваны разделить «труды царя по управлению государством» [46, с. 913], император буквально освободил народ от правительственной опеки и возложил на него бремя власти [52, с. 1311]. Только Дума была в состоянии донести подлинные народные нужды самодержцу. Предложенный государем законодательный идеал Думы в жизнь мог быть воплощен только при условии достойной организа-

ции выборов. Епископ Глазовский Павел (Поспелов), викарий Вятской епархии, прямо указывал на выборный процесс как ответственную и насущную задачу, стоящую перед всем народом империи [42, с. 3–6; 43, с. 1162–1163].

На архиерея, управляющего Вятской епархией, и подведомственное ему духовенство возлагались важные функции для проведения выборов в Государственную думу: духовно-нравственное окормление избираемых и избирателей, информационное обеспечение паствы, в первую очередь сельского населения. Согласно императорскому указу от 12 декабря 1906 г., епископу надлежало обеспечить участие в выборах I Государственной думы всего духовенства, имеющего право по церковно-общественному цензу. Священнослужители должны были приложить все усилия к тому, чтобы в число выборщиков, а затем и в состав Думы вошло максимально большее число духовных лиц, пользующихся общественным доверием. Выборные собрания предварялись молебнами, а на самих собраниях духовенством активно должны были быть раскрыты идеи необходимости существования Государственной думы и ее роль в жизни Российской империи, ответственность населения, участвующего в историческом выборе. Император призывал священнослужителей «особенно горячо убеждать, угрожая гневом Божиим, чтобы люди не продавали свою совесть на выборах за деньги и обещания, за вино или опасения угроз» [66, с. 2]. Сами выборы предварялись архиерейским молебном в кафедральном соборе и напутственной речью духовенства.

Опыт избрания в I и II составы Государственной думы, оцениваемый большинством духовенства как негативный, привел к осознанию необходимости проведения перед последующими выборами специальных пастырских, приходских и благочиннических собраний, на которых бы детально обсуждались личности кандидатов [30, с. 174–176].

В этих собраниях, в официальных обращениях управляющего епархией, в призывах духовенства и неравнодушных мирян были сформулированы критерии, предъявляемые к депутатам Государственной думы и нашедшие свое отражение на страницах «Вятских епархиальных ведомостей».

В первую очередь епархиальный печатный орган указывал на необходимость принадлежности избираемых депутатов к Российской православной церкви. Православная вера депутата позволяла бы ему пребывать в единомыслии с императором, который своей волей призвал Думу к жизни, и быть в числе защитников Церкви от внешних и внутренних врагов. Необходимо выбирать «людей богобоязненных, правдивых, честных и вполне преданных своему государю, людей, готовых всегда постоять за веру, царя и отечество» [40, с. 193], «истинных мужей совета, крепких верой, неподкупных радетелей о благе родины, без лести преданных верховному своему вождю» [14, с. 7]. Деятельность депутата Думы как помощника государя и защитника Церкви представлялась в том, чтобы «избавить Родину от пут бюрократического режима и вывести ее на широкий путь свободы и прогресса, а Церковь сохранить от всякого вмешательства в ее жизнь со стороны бюрократии ли или парламента» [15, с. 6].

Совокупность этих требований, предъявляемых к народным избранникам, способна гарантировать успешное выполнение основной задачи Думы – объединение Российского государства. Епископ Глазовский Павел так определил условие единства монарха, Думы и народа: «Национальная связь между нами устанавливается лишь тогда, когда мы искренно и нелицемерно воодушевлены одной и той же верой своей православной» [41, с. 1116].

Принадлежность к православной вере должна обеспечить положительный духовно-нравственный облик избираемого народного представителя. Он должен быть безупречным в моральном плане, быть человеком добропорядочным, честным, отличающимся доброй совестью и пользующимся доверием народа.

Кроме духовно-нравственных качеств, для депутата необходим набор деловых способностей, которые смогут обеспечить качественную работу Думы: «Для избранников народа русского требуется много труда и самоотвержения для того, чтобы внести порядок в волнуемое море общественной жизни» [67, с. 1175]. У депутатов Думы, по мнению епископа Глазовского Павла, должны быть «здравый природный ум, ясное и трезвое понимание людей и вещей, мудрый житейский такт и практическая опытность» [40, с. 193]. Интересен тот факт, что на страницах епархиальных ведомостей приводится мнение депутата конституционно-демократической фракции I Думы Д. Д. Протопопова о требуемом деловом опыте кандидата. Он утверждал, что работа в Думе «требует огромного напряжения более всего формального, юридического мышления; привычка же к такого рода мышлению – удел немногих... в Думе некогда читать и учиться – в Думу нужно приносить готовый капитал знаний, подлежащий израсходованию в ней» [38, с. 89].

Одно из необходимых условий – хорошее знакомство с местными условиями жизни, приверженность традициям, в первую очередь русским [40, с. 193]. Особо подчеркивалось, что необходимо выбирать тех кандидатов, которые хорошо знакомы лично избирателям, жизнь которых проходит перед их глазами [45, с. 915]. Например, в ходе архипастырского посещения в 1911 г. Глазовского уезда епископ Вятский Филарет выразил удивление, что «в 6-ом округе Глазовского уезда выборщиком в Государственный совет был указан священник из другого уездного города, лично никому неизвестный из духовенства благочиния» [53, с. 372]. Этот священник еще в 1905 г. выступал против преподавания закона Божия в школе, относился к левым.

На страницах ведомостей обсуждался также вопрос сословной принадлежности депутатов Государственной думы. Важной мотивацией в процессе выборов являлся экономический фактор. Как замечал один из авторов епархиальных ведомостей, дворянство, купечество, мещанство, крестьянство, фабриканты, рабочие – все обладали личными сословными и классовыми экономическими трудностями. Количественное преобладание и политическая активность этих групп определяют вектор работы Думы [28, с. 1303]. Именно в связи с этим публицисты и священнослужители Вятской епархии опасались игнорирования крестьянских интересов в Думе. Опыт показывал, что в работе Думы выступления простого крестьянина-«мужичка» терялись на фоне ярких либеральных речей [32, с. 1236–1237]. Как следствие, продвигалась идея активного участия крестьян в работе Думы. И. Афанасьев писал, что незнакомые с крестьянским бытом напрасно считают нежелательным преобладание крестьянского элемента в парламенте. Будучи земельными собственниками и крепкими хозяйственниками, крестьяне в решении государственных экономических задач своей «основательностью, разумностью, практичностью своих взглядов и суждений приведут в изумление не только нас, русских, но и иностранцев» [2, с. 654].

Безусловно, обсуждалась партийная принадлежность народных представителей. Еще в 1905 г. в епархиальных ведомостях было высказано отрицательное отношение к решению московского съезда земских и городских деятелей, который призвал к политической борьбе за права Думы. Среди проектов, одобренных тем съездом, – дарование автономии окраинам Российской империи. Целесообразно, по мнению редактора, исключить политическую борьбу партий за свои права, стремиться к сохранению территориальной целостности империи. Свободы слова, печати, союзов и т. п. необходимы, но при условии принятия законов, защищающих государство и население от любой опасности [5, с. 1177–1178].

Депутатам не стоит искать партийных выгод, необходимо избегать распространения индивидуалистических тенденций, партийные интересы должны быть принесены в жертву интересам народным [55, с. 710]. Ведомости знакомили своих читателей с существующими политическими партиями и кратко передавали их программы [37]. Основной призыв, который звучал в адрес читателей епархиальных ведомостей, – пожелание уклоняться от участия в работе какой-либо из существующих партий [14, с. 7–8, 14].

Особым моментом церковно-общественной дискуссии стал вопрос об участии духовенства в выборах в качестве кандидатов в Государственную думу. Бытовало мнение, что исполнение обязанностей депутата священнослужителем является нарушением норм канонического права. Поводом к этому послужили 81-е и 83-е Апостольские правила (IV в.), предписывающие священнослужителям не заниматься «делами народного управления» и не совмещать «римское начальство и священническую должность» [70, с. 121]. Но участие в Думе как в представительском органе не наделяет, по сути, священнослужителей какими-либо управленческими функциями. Святейший синод и епархиальные консистории, управлявшие церковной жизнью в Российской империи, являлись государственными учреждениями, следовательно, деятельность клириков в Государственной думе в защиту жизни Церкви не должна рассматриваться как нарушение канонических правил.

Участие в выборном процессе для духовенства осуществлялось в следующих вариантах: разъяснение пастве значения Думы и политических программ партий, стремящихся в нее; участие в качестве выборщиков; деятельность в качестве депутата Государственной думы. Проводились специальные пастырские собрания, посвященные думским выборам [6]. Основное требование к подобным собраниям – организация их без партийной борьбы, согласно известному принципу «В главном – единство, во второстепенном – свобода, в остальном – любовь» [15, с. 1].

Призыв духовенства к просветительской деятельности в отношении думских выборов и общественно-политических изменений в государстве звучал со стороны государственной и цер-

ковной власти. Император Николай при встрече с членами Святейшего синода в ноябре 1906 г. выразил надежды на духовенство, особенно сельское, в деле водворения мира среди паствы. По мнению епископата, данная задача для духовенства – это исполнение возложенных на них самодержцем ответственных обязанностей: «Пастыри... пользуясь законно принадлежащим им правом учительства, должны объяснять прихожанам монаршую милость» [50, с. 1176].

Духовенство обязано было разъяснять смысл дарованных свобод и положения о Государственной думе, знакомить с истинным смыслом свобод личности, слова, совести, собраний, предостерегать народ и рабочих от влияния социал-демократов и социал-революционеров. Методами воздействия стали живая церковная проповедь, частные беседы, распространение существующих и создание новых брошюр с изложением сущности дарованных манифестом свобод и правильного пользования ими. Средства на издание брошюр обеспечивались добровольными пожертвованиями в размере 20 процентов с братских доходов духовенства, были созданы специальные комиссии по редакции текстов брошюр [44, с. 1247]. «Пусть спешат они в деревни своих приходов, в шумные собрания, где неминуемы столкновения, пусть присутствуют на выборах в Думу, пусть будут в самой Думе, но только не забывая своего долга – вносить всюду свет Христов, мир, братство и любовь евангельские» [21, с. 22], – призывал священнослужителей один из авторов ведомостей. Цель выборов и заключалась в том, чтобы обеспечить состав Думы такими людьми, которые были бы действительным оплотом «единства, могущества и величия России, а не раздробления и расчленения» [52, с. 1312].

Успешность призывов и рекомендаций епископата и духовенства в отношении думских выборов, выраженную на страницах епархиальных ведомостей, стоит оценивать по результатам выборов и плодам деятельности Думы.

В I Государственную думу от Вятской губернии вошло 13 человек, из которых был один священнослужитель – протоиерей Николай Огнев [9, с. 442]. Он был организатором и председателем Яранского отдела Конституционно-демократической партии, в Думе выступил с речью против смертной казни [39]. За поддержку Выборгского воззвания о. Огнев был лишен священного сана, впоследствии трудился юристом. Во II Государственную думу, в которой Вятскую губернию представляло также 13 человек, вошел миссионер, организатор Всероссийского Крестьянского союза в Уржумском уезде священник Феодор Тихвинский [9, с. 635–636]. Он придерживался левых политических взглядов, состоял во фракции Крестьянского союза и Трудовой группе. В 1907 г. вместе с другими думскими священниками, уклонившимися от осуждения планируемого покушения на императора, был извергнут из священного сана. Интересно, что 6 марта 1917 г., сразу после событий Февральской революции, бывшие священники Николай Огнев и Феодор Тихвинский получили поддержку и приветственный адрес от вятского духовенства как пострадавшие при старом режиме за свои убеждения [56]. Стоит заметить, что в «Вятских епархиальных ведомостях» отсутствует критика, обращенная лично в адрес отцов Огнева и Тихвинского, а дается лишь негативная оценка работы всей Думы в 1906–1907 гг.

В последующих созывах Государственной думы Вятская губерния была представлена восемью депутатами. В III Думе состояли священник Александр Попов [9, с. 500], вошедший во фракцию прогрессистов, и инспектор Вятского духовного училища С. С. Липягов, принадлежавшей фракции кадетов, а во время выборов в I Думу являвшийся одним из выборщиков. В состав IV думского созыва вошли три священнослужителя: протоиерей Иоанн Короваев (фракция правых, с августа 1915 г. – группа прогрессивных националистов и Прогрессивный блок) [9, с. 251], протоиерей Стефан Попов, брат депутата III Думы Александра Попова (фракция правых, с 1916 г. – группа независимых правых) [9, с. 503], протоиерей Сергей Сырнев (фракция правых, с августа 1915 г. – группа прогрессивных националистов и Прогрессивный блок) [9, с. 620].

Одна из проблем, с которой столкнулось население во время первых выборов в Думу, – это плохая осведомленность в выборном процессе, приведшая к низкой активности духовенства. Так, «в Вятке из 3,5 тысяч избирателей явились на выборы менее половины... то же явление заметно было и в уездных городах» [27, с. 1757]. Результаты были явно не удовлетворительны. Даже присутствие духовенства в I Думе не воспринималось положительно ни правыми политическими кругами, ни оппозицией. В епархиальных ведомостях упоминается протоиерей Н. Огнев, который вошел в Думу от партии кадетов, а не как представитель духовенства. «На первом предвыборном собрании... один из членов этой партии, не зная о принадлежности о. Огнева к кадетской партии, дико закричал: “Не надо попа! Не надо попа!” Причем кричал это не какой-то “сознательный товарищ”, а человек с высшим образованием» [27, с. 1758].

Кандидаты в I Думу своей задачей считали не помощь императору в преодолении бюрократических проблем, а борьбу с правительством [15, с. 4]. Пройдя испытания выборами, депутаты словно забыли о своей принадлежности к православию, стали противниками исторических заветов самодержавия и «взамен охраны Отечества сразу же изъявили готовность на его раздел и распадение» [14, с. 9].

Авторы публикаций в ведомостях прямую вину за неудачный выбор депутатов I Думы возлагали на духовенство, отстранившееся от активного участия в предвыборных процессах и предпочитавшее «выбирать лиц, оппозиционно настроенных и к епархиальному началу, и к правительству» [53, с. 372].

Впрочем, негативные оценки результатов выборов касались также II и III созывов Думы. Духовенство отнеслось к своим прямым обязанностям по отношению к выборам без должной активности, стремясь «обосновать свою инертность принципиально» [13, с. 50]. Хотя в III Думе духовенство было достаточно широко представлено, а исход выборов в IV Думу аналитики епархиальных ведомостей определяли по тем предпочтениям, которое проявит духовенство [29, с. 33], потенциальные преимущества духовенства и их паствы не были воплощены в жизнь. Пассивность духовенства в выборах священник М. Медведков объяснял тем, что духовенство не реализовало полный объем своих возможностей в формировании российского парламента [36, с. 1039].

Епархиальные ведомости оставили негативную оценку I–II созывам Думы, не были удовлетворены результатами III созыва. IV Дума не получила итогового анализа на страницах епархиального печатного органа в силу исторических обстоятельств, приведших к кардинальным переменам в сферах государственного управления и религиозной жизни.

Позиция, выраженная в «Вятских епархиальных ведомостях», не отличалась кардинально от прочих епархиальных изданий. В других регионах формулировались близкие определения деловых и моральных качеств народных избранников и критерии их избрания: необходимо избирать «отличающихся умом здравым и рассудительностью... разумных, испытанных... правдивых, ненавидящих корысть, отличающихся благородством душевным» (епископ Кишиневский Владимир (Сеньковский)) [18, с. 361–362]; зрелых возрастом, опытом, известных честностью, неподкупностью и твердыми убеждениями («Оренбургские епархиальные ведомости») [34, с. 69]; «возвышающихся над всякой партийностью» (архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин)) [54, с. 32–33]; «здоровый народный инстинкт и разум являются у нас лучшей гарантией успеха, нежели предвыборная агитация с чуждыми нам европейскими приемами» («Архангельские епархиальные ведомости») [71, с. 110].

Призыв к политической грамотности и активности, озвученный в материале «Вятских епархиальных ведомостей», был единомыслен с призывами епископата и священнослужителей в изданиях других епархий. Например, священник Владивостокской епархии Н. Балабан писал, что пастырский долг клириков состоит в том, чтобы выбирать самим и помогать другим выбирать в Думу православных русских людей [3]. Священник Воронежской епархии М. Аполосов призывал духовенство не только самим приходить на думские выборы, но и «приносить с собой голоса» [1].

Материалы «Вятских епархиальных ведомостей» однозначно свидетельствуют о неуместности апелляции духовенства к каноническим правилам с целью устранения от общественно-политической жизни. Поддержку данной позиции можно встретить в публикациях Воронежской [8], Костромской [7] епархий. Плохая организация выборов и низкая активность духовенства в рамках выборной кампании в Думу I–II созывов, напоминающая ситуацию в Вятской епархии, упоминалась в публикациях изданий Владивостокской [31], Воронежской [51] епархий.

Активность публикаций материалов «Вятских епархиальных ведомостей», связанных с думскими выборами и работой российского парламента, вполне сопоставима с аналогичными публикациями Астраханской, Воронежской, Кишиневской, Костромской епархий. По сравнению с ними материалы печатного органа Владивостокской епархии достаточно скудны.

Конечно, каждый регион обладал неповторимым обликом местной религиозности, нашедшим свое отображение в епархиальных печатных органах. Оригинальность каждого епархиального издания, в том числе и Вятского, определялась личностными качествами епископата, клира и авторского коллектива ведомостей. «Вятские епархиальные ведомости» запечатлели исторический опыт участия губернии в создании и работе первого русского парламента.

Выводы. «Вятские епархиальные ведомости» – ценный источник для исследования оценок деятельности Государственной думы Российской империи епископатом и духовенством Российской православной церкви. В ведомостях публиковались обращения архиерея перед выборами в Государственную думу, размышления священнослужителей относительно требований к кандидатам, оценки результатов выборного процесса и деятельности составов Государственной думы. Епархиальные ведомости – сугубо церковный ведомственный печатный орган, в котором невозможно было представить появление материалов либеральной политической повестки. В них явно выражена единая и оптимистическая позиция в отношении учреждения Государственной думы.

Цель выборов – обеспечить состав Думы такими людьми, которые были бы действительным оплотом единства, могущества и величия России, православными людьми, наделенными соответствующими деловыми и духовно-нравственными качествами. Безусловно, политическое разнообразие, созданное политическими партиями России начала XX в., нашло свое отражение в думской работе. В епархиальных ведомостях призывали читателей уклоняться от участия в работе какой-либо из существующих партий, обращали внимание на то, что поддержку целесообразно проявлять только правым монархическим политическим организациям.

Участие в выборном процессе для духовенства осуществлялось в разъяснении пастве значения Думы и политических программ партий, стремящихся в нее; деятельности в качестве выборщиков и депутатов Государственной думы.

Неудача работы I Думы была возложена на духовенство, которое не реализовало полный объем своих возможностей в формировании российского парламента. Епархиальные ведомости оставили негативную оценку I–II созывам Думы, не были удовлетворены результатами III созыва. IV Дума не получила итогового анализа на страницах епархиального печатного органа.

Позиция, выраженная в исследуемом источнике, не отличалась кардинально от прочих епархиальных изданий. «Вятские епархиальные ведомости» запечатлели исторический опыт участия губернии в создании и работе первого русского парламента.

Список литературы

1. Аполосов М., свящ. Участие духовенства Воронежской епархии в выборах в Государственную думу // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 5. С. 217–226.
2. Афанасьев И. О церковно-приходских учреждениях // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 19. С. 651–655.
3. Балабан Н., свящ. Гражданский долг каждого пастыря // Владивостокские епархиальные ведомости 1912. № 16. С. 524–527.
4. Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века) : учеб. пособие. Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 1994. 109 с.
5. Взгляды и программы политических партий в России // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 1177–1179.
6. Вниманию духовенства Вятского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 6.
7. В. С. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях // Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 638–645.
8. Горьковский В., прот. К вопросу об участии духовенства в выборах в четвертую Государственную думу // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 24. С. 773–778.
9. Государственная Дума России: энциклопедия : в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906–1917 / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М. : РОССПЭН, 2013. 849 с.
10. Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. (2-я половина XIX – начало XX в.). М. : Наука, 1969. 184 с.
11. Дмитриенко А. А. Крестьяне Вятской губернии и I Государственная дума // Отечественная история. 2006. № 5. С. 86–91.
12. Дмитриенко А. А. Крестьяне Вятской губернии и выборы в I и II Государственной Думы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Пермь, 2006. 222 с.
13. Думы пастыря пред выборами в 4 Государственную думу относительно участия в них духовенства // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 2. С. 49–53.
14. Думы перед Думой // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 7–14.
15. Духовенство и выборы в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 1–6.
16. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л. : Наука, 1978. 246 с.
17. Егоров А. Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец : ЧГУ, 2007. 275 с.

18. Епархиальная хроника // Кишиневские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 355–362. С. 361–362.
19. Замахова Е. Д. Депутаты от православного духовенства в Третьей государственной думе : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 1994. 230 с.
20. Ивакин Г. А. Православное духовенство в Государственных думах Российской империи : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2006. 228 с.
21. Как нам быть? (к вопросу об общественно-политической деятельности духовенства) // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 1–2. С. 9–23.
22. Калюжная О. В. Выборы в III Государственную думу в оценках газеты «Нижегородский церковно-общественный вестник» // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2024. № 4 (56). С. 102–115.
23. Калюжная О. В. Православные священники во II Государственной думе Российской империи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 22–32.
24. Калюжная О. В. Русская православная церковь и выборы в I и II Государственные думы (по материалам журнала «Вера и разум») // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2002. № 6. С. 17–23.
25. Калюжная О. В. Русская православная церковь и выборы в I и II Государственные думы (по материалам журнала «Церковно-общественная жизнь») // Новый ракурс. 2024. № 1. С. 96–105.
26. Калюжная О. В. Русская православная церковь и выборы в I Государственную думу (по материалам церковной периодической печати) // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2024. № 5. С. 25–31.
27. К вопросу о выборах в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 50. С. 1755–1758.
28. К выборам в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 23. С. 1302–1310.
29. К предстоящим выборам в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 2. С. 29–35.
30. К предстоящим выборам в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 174–176.
31. Креминский И., свящ. Отголоски выборов в г. Владивостоке // Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. № 21. С. 680–683.
32. Лопатин В., свящ. Ответ на предложенный мне вопрос: «следует ли духовенству высказываться по вопросу об отмене смертной казни?» // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 33. С. 1236–1246.
33. Лоскутов С. А. Монархические партии Вятской губернии в период выборов в IV Государственную думу // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 29–31.
34. Марсов П., свящ. Слово перед совершением молебна по случаю предстоящих выборов в Государственную думу // 1907. № 5. С. 65–71.
35. Масютин А. С. Вятские социалисты-революционеры – депутаты Государственных дум Российской империи // Клио. 2018. № 5 (137). С. 85–90.
36. Медведков М., свящ. Пора духовенству действовать // Вятские епархиальные ведомости. 1911. № 49. С. 1037–1039.
37. Наиболее известные политические партии в России // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 711–715.
38. Направо или налево? // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 4. С. 85–89.
39. Огнев Н., прот. Против смертной казни: речь депутата от Вятской губернии в I Государственной думе протоиерея Н. В. Огнева. Вятка, 1906. 10 с.
40. Павел, еп. Речь по случаю выборов в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 189–194.
41. Павел, еп. Речь по случаю выборов в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 30. С. 1111–1117.
42. Павел, еп. Речь, сказанная перед молебном (на кафедр. площади) 22 октября 1905 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 3–8.
43. Павел, еп. Слово, сказанное в Александро-Невском соборе 17 октября 1905 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 1157–1163.
44. Пастырские собрания духовенства г. Вятки // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 1247–1252.
45. Перед выборами в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 36. С. 912–920.
46. Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России // Ежегодник ИРиА. 1960. № 4. С. 103–209.
47. Половникова М. Ю., Немчанинова Е. Н. Взаимодействие власти и духовенства Русской православной церкви в организации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии). Киров : Радуга-ПРЕСС, 2020. 227 с.

48. Половникова М. Ю. Н. Г. Гусев и его деятельность по устройству чтений о Святой Земле // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. Иваново : Ивановский государственный университет, 2018. С. 164–168.
49. Половникова М. Ю. Деятельность Государственной думы в начале XX в.: к истокам (на материалах Вятской губернии) // Молодёжь и выборы : материалы VIII межрегион. форума. Киров, 23 апреля 2019 года. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 68–73.
50. Положение и обязанности духовенства при нынешних обстоятельствах // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 1175–1177.
51. Попов П., свящ. О чем говорят наши реформы // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 491–513.
52. По поводу Высочайшего манифеста 17 октября // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 23. С. 1310–1314.
53. Посещение Преосвященнейшим Филаретом, епископом Вятским и Слободским, с. Святогорья Глазовского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1911. № 18. С. 371–375.
54. Послание Преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского, к пастырям Воронежской епархии по поводу первого их пастырского собрания в г. Воронеже // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 27–33.
55. Правда и мир // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 707–710.
56. Приветствие бывшим священникам – борцам за свободу // Слово и жизнь. Вятка, 1917. № 21. С. 4.
57. Ростов Н. М. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М. : Атеист, 1930. 156 с.
58. Священный собор Православной российской церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I: предисловие, документы и материалы к созыву деятельности Предсоборного совета и Собора. М. : Издание Соборного совета, 1918. 143 с.
59. Семибратов В. Чтобы знать свою веру: Из истории вятской духовной печати // Журнал Московской патриархии. 1998. № 8. С. 44–51.
60. Сендерко М., свящ. Государственная дума и жизненные вопросы православного духовенства. СПб. : Обществ. польза, 1912. 54 с.
61. Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу : со вступ. ст. и заключ. проф. П. Н. Милюкова. СПб. : Обществ. польза, 1907. 294 с.
62. Сорокин А. А. Русская Православная Церковь и выборы в I Государственную Думу (по материалам журнала «Церковный вестник») // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г. : сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2022. Ч. 1. С. 55–60.
63. Титлинов Б. В. Православие на службе самодержавия в русском государстве Л. : Гос. изд-во, 1924. 210 с.
64. Троицкий А., прот. Епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 493–497.
65. Троицкий А., свящ. «Вятские епархиальные ведомости» // Православная энциклопедия. Т. X. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 164–165.
66. Указ Его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Филарету, епископу Вятскому и Слободскому, от 12 декабря 1906 года № 11, по поводу выборов в Государственную думу в 1907 году // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 51–52. С. 1–3.
67. Участие духовенства в предстоящих выборах в Государственную думу // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 1172–1175.
68. Цианчук Р. А. Думская избирательная система как фактор оформления новой этнополитической географии Российской империи // Российская Государственная дума: исторический опыт и перспективы развития парламентаризма. М. : ГД РФ, 2012. С. 172–199.
69. Цианчук Р. А. Этноконфессиональная составляющая в программах и предвыборных думских платформах национальных партий Царства Польского и Западного края // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма : сб. материалов Всерос. науч. конф. 1–3 октября 2015 г. Орел : Орлик, 2015. С. 163–172.
70. Цыпин В., прот., Литвинова Л. В. Апостольские правила // Православная энциклопедия. Т. III. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 119–121.
71. Чем должен руководствоваться избиратель Государственной думы при подаче своего голоса? // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 109–112.

The Participation of the Orthodox Clergy in the Elections to the State Duma of the Russian Empire, Based on the Materials of the Vyatka Diocesan Gazette

Chernyshev Ivan Aleksandrovich

PhD in Theology, clergyman of the Cherepovets Diocese of the Russian Orthodox Church.

ORCID: 0009-0006-3189-2496. E-mail: iov.monk@gmail.com

Abstract. This article examines the materials of the Vyatka Diocesan Gazette concerning the conduct of the elections to the State Duma of the Russian Empire. The relevance of the work is determined by drawing upon such a little-studied but rich source on the history of Russian parliamentarism as the diocesan printed organs of the early 20th century. The aim of the study is to determine the assessments of the organization and the results of the elections to the State Duma made by Russian hierarchs, clergy and public figures of the Vyatka diocese. The work consistently examines the status of the State Duma and the goals of its activity, considers the appeals to the clergy and the laity for active participation in the elections, identifies the forms of the organization of educational work on the part of the clergy in the pre-election work, and formulates the necessary business and moral qualities required of candidates for the State Duma. An important element of this study was the determination of the clergy's attitude towards the political parties active in the early 20th century, as formulated in the official printed organ. The article analyzes the canonical aspect of the participation of clergy in the work of parliamentary bodies. In the course of the study, it was revealed that, despite the active appeals of the diocesan press for participation in the elections in the Vyatka province, the clergy displayed extremely low activity in the formation of the 1st–3rd convocations of the State Duma. The clergy did not fully realize the opportunities granted to them by the state in the formation of the Russian parliament. The authors of the publications of the diocesan gazette left a negative assessment of the 1st–2nd convocations of the Duma and were not satisfied with the results of the 3rd–4th convocations either. The work provides a comparative analysis of the assessment of the electoral process for the Duma in the source under study and in the official printed organs of other dioceses. The results of the study conducted are further applicable to the study of the participation of the clergy in the history of Russian parliamentarism and of diocesan journalism. The clergy's assessment of the activity of the State Duma is a promising area for the study of church-state relations in the 20th century.

Keywords: the State Duma of the Russian Empire, deputies of the State Duma, mass media, church-state relations, the Vyatka Diocesan Gazette, the Vyatka diocese.

References

1. Apollosov M., *svyashch. Uchastie duhovenstva Voronezhskoj eparhii v vyborah v Gosudarstvennuyu dumu* [The Participation of the Clergy of the Voronezh Diocese in the Elections to the State Duma] // *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti* – Voronezh Diocesan Gazette. 1906. No. 5. Pp. 217–226.
2. Afanas'ev I. *O cerkovno-prihodskih uchrezhdeniyah* [On Church-Parish Institutions] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 19. Pp. 651–655.
3. Balaban N., *svyashch. Grazhdanskij dolg kazhdogo pastyrya* [The Civic Duty of Every Pastor] // *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti* – Vladivostok Diocesan Gazette. 1912. No. 16. Pp. 524–527.
4. Vahrushev A. A. *Stanovlenie i razvitie pechati Vyatskoj gubernii (XIX – nachalo XX veka) : ucheb. posobie* [The Formation and Development of the Press of the Vyatka Province (19th – Early 20th Century) : a textbook]. Izhevsk, Izd-vo Udmurtskogo universiteta (Udmurt University Press), 1994. 109 p.
5. *Vzglyady i programmy politicheskikh partij v Rossii* [The Views and Programmes of the Political Parties in Russia] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 21. Pp. 1177–1179.
6. *Vnimaniju duhovenstva Vyatskogo uezda* [To the Attention of the Clergy of the Vyatka District] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 1. P. 6.
7. V. S. *Ob uchastii svyashchennosluzhitelej v obshchestvennykh uchrezhdeniyah* [On the Participation of Clergymen in Public Institutions] // *Kostromskie eparhial'nye vedomosti* – Kostroma Diocesan Gazette. 1905. No. 21. Pp. 638–645.
8. Gor'kovskij V., *prot. K voprosu ob uchastii duhovenstva v vyborah v chetvertuyu Gosudarstvennuyu dumu* [On the Question of the Participation of the Clergy in the Elections to the Fourth State Duma] // *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti* – Voronezh Diocesan Gazette. 1912. No. 24. Pp. 773–778.
9. *Gosudarstvennaya Duma Rossii: enciklopediya : v 2 t. T. 1: Gosudarstvennaya Duma Rossijskoj imperii, 1906–1917* [The State Duma of Russia: An Encyclopedia : in 2 vols. Vol. 1: The State Duma of the Russian Empire, 1906–1917] / ed. board: V. V. Shelohaev (ed.-in-chief) et al. M., ROSSPEN, 2013. 849 p.
10. Grekulov E. F. *Cerkov', samodержavie, narod. (2-ya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Church, the Autocracy, the People. (The 2nd Half of the 19th – Early 20th Century)]. M., Nauka (Sciences), 1969. 184 p.
11. Dmitrienko A. A. *Krest'yane Vyatskoj gubernii i I Gosudarstvennaya дума* [The Peasants of the Vyatka Province and the 1st State Duma] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian History. 2006. No. 5. Pp. 86–91.

12. Dmitrienko A. A. *Krest'yane Vyatskoj gubernii i vybory v I i II Gosudarstvennoj Dume* : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [The Peasants of the Vyatka Province and the Elections to the 1st and 2nd State Dumas : dis. ... PhD in History : 07.00.02]. Perm, 2006. 222 p.
13. *Dumy pastyrya pred vyborami v 4 Gosudarstvennuyu dumu otnositel'no uchastiya v nih duhovenstva* [A Pastor's Thoughts before the Elections to the 4th State Duma Regarding the Participation of the Clergy in Them] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1912. No. 2. Pp. 49–53.
14. *Dumy pered Dumoj* [Thoughts before the Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 1. Pp. 7–14.
15. *Duhovenstvo i vybory v Gosudarstvennuyu dumu* [The Clergy and the Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 1. Pp. 1–6.
16. Dyakin V. S. *Samoderzhavie, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg.* [The Autocracy, the Bourgeoisie and the Nobility in 1907–1911]. L., Nauka (Sciences), 1978. 246 p.
17. Egorov A. N. *Ocherki istoriografii rossijskogo liberalizma konca XIX – pervoj chetverti XX v. (dorevolucionnyj i sovetskij periody)* [Essays on the Historiography of Russian Liberalism of the Late 19th – First Quarter of the 20th Century (the Pre-Revolutionary and Soviet Periods)]. Cherepovec, ChGU, 2007. 275 p.
18. *Eparhial'naya hronika* [Diocesan Chronicle] // *Kishinevskie eparhial'nye vedomosti* – Kishinev Diocesan Gazette. 1906. No. 11. Pp. 355–362, 361–362.
19. Zamahova E. D. *Deputaty ot pravoslavnogo duhovenstva v Tret'ej gosudarstvennoj dume* : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [The Deputies from the Orthodox Clergy in the Third State Duma : dis. ... PhD in History : 07.00.02]. M., 1994. 230 p.
20. Ivakin G. A. *Pravoslavnoe duhovenstvo v Gosudarstvennykh dumakh Rossijskoj imperii* : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [The Orthodox Clergy in the State Dumas of the Russian Empire : dis. ... PhD in History : 07.00.02]. M., 2006. 228 p.
21. *Kak nam byt'? (k voprosu ob obshchestvenno-politicheskoj deyatel'nosti duhovenstva)* [What Are We to Do? (On the Question of the Socio-Political Activity of the Clergy)] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 1–2. Pp. 9–23.
22. Kalyuzhnaya O. V. *Vybory v III Gosudarstvennuyu dumu v ocenках gazety "Nizhegorodskij cerkovno-obshchestvennyj vestnik"* [The Elections to the 3rd State Duma in the Assessments of the Newspaper "Nizhny Novgorod Church-Public Herald"] // *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki* – MCU Journal of Historical Studies. 2024. No. 4 (56). Pp. 102–115.
23. Kalyuzhnaya O. V. *Pravoslavnye svyashchenniki vo II Gosudarstvennoj dume Rossijskoj imperii* [Orthodox Priests in the 2nd State Duma of the Russian Empire] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2020. No. 1. Pp. 22–32.
24. Kalyuzhnaya O. V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' i vybory v I i II Gosudarstvennye dumy (po materialam zhurnala "Vera i razum")* [The Russian Orthodox Church and the Elections to the 1st and 2nd State Dumas (Based on the Materials of the Journal "Faith and Reason")] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. N. Lobachevskogo* – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2002. No. 6. Pp. 17–23.
25. Kalyuzhnaya O. V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' i vybory v I i II Gosudarstvennye dumy (po materialam zhurnala "Cerkovno-obshchestvennaya zhizn")* [The Russian Orthodox Church and the Elections to the 1st and 2nd State Dumas (Based on the Materials of the Journal "Church-Public Life")] // *Novyj rakurs* – New Perspective. 2024. No. 1. Pp. 96–105.
26. Kalyuzhnaya O. V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' i vybory v I Gosudarstvennuyu dumu (po materialam cerkovnoj periodicheskoy pechati)* [The Russian Orthodox Church and the Elections to the 1st State Duma (Based on the Materials of the Church Periodical Press)] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. N. Lobachevskogo* – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2024. No. 5. Pp. 25–31.
27. *K voprosu o vyborah v Gosudarstvennuyu dumu* [On the Question of the Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 50. Pp. 1755–1758.
28. *K vyboram v Gosudarstvennuyu dumu* [Towards the Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 23. Pp. 1302–1310.
29. *K predstoyashchim vyboram v Gosudarstvennuyu dumu* [Towards the Upcoming Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1912. No. 2. Pp. 29–35.
30. *K predstoyashchim vyboram v Gosudarstvennuyu dumu* [Towards the Upcoming Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1912. No. 7. Pp. 174–176.
31. Kreminskij I., svyashch. *Otgosloski vyborov v g. Vladivostoke* [Echoes of the Elections in Vladivostok] // *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti* – Vladivostok Diocesan Gazette. 1912. No. 21. Pp. 680–683.
32. Lopatin V., svyashch. *Otvet na predlozhennyj mne vopros: "sleduet li duhovenstvu vyskazyvat'sya po voprosu ob otmene smertnoj kazni?"* [An Answer to the Question Put to Me: "Should the Clergy Speak Out on the Question of the Abolition of the Death Penalty?"] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 33. Pp. 1236–1246.
33. Loskutov S. A. *Monarhicheskie partii Vyatskoj gubernii v period vyborov v IV Gosudarstvennuyu dumu* [The Monarchist Parties of the Vyatka Province during the Period of the Elections to the 4th State Duma] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: social'no-gumanitarnye nauki* – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities. 2012. No. 10 (269). Pp. 29–31.

34. Marsov P., *svyashch. Slovo pered soversheniem molebna po sluchayu predstoyashchih vyborov v Gosudarstvennyuyu dumu* [A Homily before the Celebration of a Moleben on the Occasion of the Upcoming Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 5. Pp. 65–71.
35. Masyutin A. S. *Vyatskie socialisty-revolucionery – deputaty Gosudarstvennyh dum Rossijskoj imperii* [The Vyatka Socialist-Revolutionaries as Deputies of the State Dumas of the Russian Empire] // *Klio* – Klio. 2018. No. 5 (137). Pp. 85–90.
36. Medvedkov M., *svyashch. Pora duhovenstvu dejstvovat'* [It Is Time for the Clergy to Act] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1911. No. 49. Pp. 1037–1039.
37. *Naibolee izvestnye politicheskie partii v Rossii* [The Best-Known Political Parties in Russia] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 21. Pp. 711–715.
38. *Napravo ili nalevo?* [To the Right or to the Left?] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 4. Pp. 85–89.
39. Ognev N., *prot. Protiv smertnoj kazni: rech' deputata ot Vyatskoj gubernii v I Gosudarstvennoj dume protoiereya N. V. Ogneva* [Against the Death Penalty: A Speech by Archpriest N. V. Ognev, Deputy from the Vyatka Province in the 1st State Duma]. Vyatka, 1906. 10 p.
40. Pavel, *ep. Rech' po sluchayu vyborov v Gosudarstvennyuyu dumu* [A Speech on the Occasion of the Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 8. Pp. 189–194.
41. Pavel, *ep. Rech' po sluchayu vyborov v Gosudarstvennyuyu dumu* [A Speech on the Occasion of the Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1907. No. 30. Pp. 1111–1117.
42. Pavel, *ep. Rech', skazannaya pered molebnom (na kafedr. ploshchadi) 22 oktyabrya 1905 g.* [A Speech Delivered before a Moleben (on Cathedral Square) on October 22, 1905] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 21. Pp. 3–8.
43. Pavel, *ep. Slovo, skazannoe v Aleksandro-Nevskom sobore 17 oktyabrya 1905 g.* [A Homily Delivered in the Alexander Nevsky Cathedral on October 17, 1905] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 21. Pp. 1157–1163.
44. *Pastyrskie sobraniya duhovenstva g. Vyatki* [The Pastoral Assemblies of the Clergy of the City of Vyatka] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 22. Pp. 1247–1252.
45. *Pered vyborami v Gosudarstvennyuyu dumu* [Before the Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1912. No. 36. Pp. 912–920.
46. Platonov N. F. *Pravoslavnaya cerkov' v bor'be s revolyucionnym dvizheniem v Rossii* [The Orthodox Church in the Struggle against the Revolutionary Movement in Russia] // *Ezhegodnik IRIa* – Yearbook of the History of Religion and Atheism. 1960. No. 4. Pp. 103–209.
47. Polovnikova M. Yu., Nemchaninova E. N. *Vzaimodejstvie vlasti i duhovenstva Russkoj pravoslavnoj cerkvi v organizacii religiozno-prosvetitel'skoj i missionerskoj deyatel'nosti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na materialah Vyatskoj gubernii)* [The Interaction of the Authorities and the Clergy of the Russian Orthodox Church in the Organization of Religious-Educational and Missionary Activity in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Based on Materials of the Vyatka Province)]. Kirov, Raduga-PRESS, 2020. 227 p.
48. Polovnikova M. Yu. N. G. *Gusev i ego deyatel'nost' po ustrojstvu chtenij o Svyatoj Zemle* [N. G. Gusev and His Activity in Organizing Readings about the Holy Land] // *Gosudarstvo, obshchestvo, Cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* – The State, Society and the Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 17th International Scientific Conference. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet (Ivanovo State University), 2018. Pp. 164–168.
49. Polovnikova M. Yu. *Deyatel'nost' Gosudarstvennoj dumy v nachale XX v.: k istokam (na materialah Vyatskoj gubernii)* [The Activity of the State Duma at the Beginning of the 20th Century: Towards the Origins (Based on Materials of the Vyatka Province)] // *Molodyozh' i vybory: materialy VIII mezhtregion. foruma. Kirov, 23 aprelya 2019 goda* – Youth and Elections: Proceedings of the 8th Interregional Forum. Kirov, April 23, 2019. Kirov, Raduga-PRESS, 2019. Pp. 68–73.
50. *Polozhenie i obyazannosti duhovenstva pri nyneshnih obstoyatel'stvah* [The Position and Duties of the Clergy under the Present Circumstances] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 21. Pp. 1175–1177.
51. Popov P., *svyashch. O chem govoryat nashi reformy* [What Our Reforms Are Telling Us] // *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti* – Voronezh Diocesan Gazette. 1906. No. 11. Pp. 491–513.
52. *Po povodu Vysochaishego manifesta 17 oktyabrya* [On the Occasion of the Supreme Manifesto of October 17] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 23. Pp. 1310–1314.
53. *Poseshchenie Preosvyashchennishim Filaretom, episkopom Vyatskim i Slobodskim, s. Svyatogor'ya Glazovskogo uезда* [The Visit of His Grace Filaret, Bishop of Vyatka and Slobodskoy, to the Village of Svyatogorye in the Glazov District] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1911. No. 18. Pp. 371–375.
54. *Poslanie Preosvyashchennogo Antoniia, arhiiepiskopa Voronezhskogo i Zadonskogo, k pastyryam Voronezhskoj eparhii po povodu pervogo ih pastyrskogo sobraniya v g. Voronezhe* [The Epistle of His Grace Antony, Archbishop of Voronezh and Zadonsk, to the Pastors of the Voronezh Diocese on the Occasion of Their First Pastoral Assembly in Voronezh] // *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti* – Voronezh Diocesan Gazette. 1906. No. 4. Pp. 27–33.
55. *Pravda i mir* [Truth and Peace] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 21. Pp. 707–710.

56. *Privetstvie byvshim svyashchennikam – borcam za svobodu* [A Greeting to the Former Priests – Fighters for Freedom] // *Slovo i zhizn'* – Word and Life. Vyatka, 1917. No. 21. P. 4.
57. Rostov N. M. *Duhovenstvo i russkaya kontrrevolyuciya konca dinastii Romanovykh* [The Clergy and the Russian Counter-Revolution at the End of the Romanov Dynasty]. M., Ateist (Atheist), 1930. 156 p.
58. *Svyashchennyy sobor Pravoslavnoj rossijskoj cerkvi. Deyaniya. Kn. I. Vyp. I: predislovie, dokumenty i materialy k sozyvu deyatelnosti Predsobornogo soveta i Sobora* [The Sacred Council of the Orthodox Russian Church. Acts. Book I. Is. I: Preface, Documents and Materials for the Convocation of the Activity of the Pre-Council Council and of the Council]. M., Izdanie Sobornogo soveta (Published by the Council Assembly), 1918. 143 p.
59. Semibratov V. *Chtoby znat' svoyu veru: Iz istorii vyatskoj duhovnoj pečati* [To Know One's Faith: From the History of the Vyatka Ecclesiastical Press] // *Zhurnal Moskovskoj patriarii* – Journal of the Moscow Patriarchate. 1998. No. 8. Pp. 44–51.
60. Senderko M., *svyashch. Gosudarstvennaya дума i zhiznennye voprosy pravoslavnogo duhovenstva* [The State Duma and the Vital Questions of the Orthodox Clergy]. SPb., Obshchestv. pol'za (Public Benefit), 1912. 54 p.
61. Smirnov A. *Kak proshli vybory vo 2-yu Gosudarstvennuyu dumu : so vstup. st. i zaklyuch. prof. P. N. Milyukova* [How the Elections to the 2nd State Duma Went : with an Introductory Article and Conclusion by Prof. P. N. Milyukov]. SPb., Obshchestv. pol'za (Public Benefit), 1907. 294 p.
62. Sorokin A. A. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i vybory v I Gosudarstvennuyu Dumu (po materialam zhurnala "Cerkovnyy vestnik")* [The Russian Orthodox Church and the Elections to the 1st State Duma (Based on the Materials of the Journal "Church Herald")] // *Tavrisheskie chteniya 2021. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' : mezhdunar. nauch. konf.* [The Tauride Readings 2021. Topical Problems of Parliamentarism: History and Modernity : an international scientific conference] / ed. by A. B. Nikolaev. SPb., 2022. Part 1. Pp. 55–60.
63. Titlinov B. V. *Pravoslavie na sluzhbe samodержавiya v russkom gosudarstve* [Orthodoxy in the Service of the Autocracy in the Russian State]. L., Gos. izd-vo (State Publishing House), 1924. 210 p.
64. Troickij A., *prot. Eparhial'nye vedomosti* [Diocesan Gazettes] // *Pravoslavnaya enciklopediya. T. XVIII* [The Orthodox Encyclopedia. Vol. 18]. M., Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaya enciklopediya" (Church Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia"), 2008. Pp. 493–497.
65. Troickij A., *svyashch. "Vyatskie eparhial'nye vedomosti"* ["The Vyatka Diocesan Gazette"] // *Pravoslavnaya enciklopediya. T. X* – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 10. M., Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaya enciklopediya" (Church Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia"), 2005. Pp. 164–165.
66. *Ukaz Ego imperatorskogo velichestva, samodержzha Vserossijskogo, iz Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda Preosvyashchennomu Filaretu, episkopu Vyatskomu i Slobodskomu, ot 12 dekabrya 1906 goda № 11, po povodu vyborov v Gosudarstvennuyu dumu v 1907 godu* [The Decree of His Imperial Majesty, Autocrat of All Russia, from the Most Holy Governing Synod to His Grace Filaret, Bishop of Vyatka and Slobodskoy, of December 12, 1906, No. 11, Concerning the Elections to the State Duma in 1907] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette. 1906. No. 51–52. Pp. 1–3.*
67. *Uchastie duhovenstva v predstoyashchih vyborah v Gosudarstvennuyu dumu* [The Participation of the Clergy in the Upcoming Elections to the State Duma] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette. 1905. No. 21. Pp. 1172–1175.*
68. Cianchuk R. A. *Dumskaya izbiratel'naya sistema kak faktor oformleniya novoj etnopoliticheskoy geografii Rossijskoj imperii* [The Duma Electoral System as a Factor in the Shaping of the New Ethnopolitical Geography of the Russian Empire] // *Rossiyskaya Gosudarstvennaya дума: istoricheskij opyt i perspektivy razvitiya parlamentarizma* [The Russian State Duma: Historical Experience and the Prospects for the Development of Parliamentarism]. M., GD RF (State Duma of the Russian Federation), 2012. Pp. 172–199.
69. Cianchuk R. A. *Etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya v programmah i predvybornyh dumskih platformah nacional'nykh partij Carstva Pol'skogo i Zapadnogo kraya* [The Ethno-Confessional Component in the Programmes and Pre-Election Duma Platforms of the National Parties of the Kingdom of Poland and the Western Krai] // *Etnokonfessional'nye i nacional'nye problemy razvitiya otechestvennoj gosudarstvennosti v teorii, programmatike i politiko-pravovoj praktike rossijskogo liberalizma : sb. materialov Vseros. nauch. konf. 1–3 oktyabrya 2015 g.* [Ethno-Confessional and National Problems of the Development of National Statehood in the Theory, Programmatics and Political-Legal Practice of Russian Liberalism : a collection of materials of the All-Russian Scientific Conference, October 1–3, 2015]. Orel, Orlik, 2015. Pp. 163–172.
70. Cypin V., *prot. Litvinova L. V. Apostol'skie pravila* [The Apostolic Canons] // *Pravoslavnaya enciklopediya. T. III* – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 3. M., Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaya enciklopediya" (Church Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia"), 2003. Pp. 119–121.
71. *Chem dolzhen rukovodstvovat'sya izbiratel' Gosudarstvennoj dumy pri podache svoego golosa?* [By What Should a Voter of the State Duma Be Guided When Casting His Vote?] // *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti – Arkhangelsk Diocesan Gazette. 1906. No. 4. Pp. 109–112.*

Поступила в редакцию: 30.05.2025
Принята к публикации: 24.03.2026

EDN: PUELWK

УДК 94(470.316)

Из истории перехода церковного имущества в государственную собственность в Ярославской губернии в 1918 г.

Архипова Любовь Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0001-8285-5720. E-mail: lubov.a2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная в научном отношении история имущественных отношений между Русской православной церковью (далее – РПЦ) и государством в первый год реализации антирелигиозных декретов Советской власти. Если в фундаментальных исторических трудах, посвященных антицерковной политике периода диктатуры пролетариата, представлен концептуально осмысленный взгляд на ее причины, масштабы, средства проведения и достигнутые результаты, то в региональных исследованиях всегда открывается перспектива наполнения концепций новым конкретно-историческим материалом, введения в научный оборот архивных источников и информации о местной специфике. Данное исследование выполнено в русле социальной истории с использованием принципов неопозитивистской методологии и приемов источниковедческого метода в сборе и интерпретации исторической информации. Объектом изучения послужила организационная сторона реализации антирелигиозного законодательства. Предметом являются особенности формирования новых имущественных отношений между ярославскими советами депутатов и епархией. Основную источниковую базу составили циркуляры, деловая переписка, отчеты, доклады, описи имущества и акты его реквизиции, заявления приходских общин, банковские справки о капиталах церквей и монастырей, сохранившиеся в фондах губернского и уездного отделов (исполкомов совдепов) по отделению церкви от государства в Государственном архиве Ярославской области и его Рыбинском филиале. В заключении статьи представлены наблюдения об особенностях перевода церковного имущества в собственность государства в Ярославской губернии. Области применения полученных результатов исследования – культурно-образовательная и научно-исследовательская.

Ключевые слова: РПЦ, Советская власть, Ярославская губерния, отделение церкви от государства, финансово-материальная основа, реквизиции, сопротивление.

Введение. Побудительным мотивом для обращения к теме послужила современная историографическая ситуация по проблематике государственно-церковных отношений в условиях становления советской власти. Несмотря на достигнутые за последние тридцать лет позитивные научные результаты в ее изучении, сохраняется дискуссия даже по концептуальным позициям. Преодоление политизации истории, расширение источниковой базы исследований и, соответственно, введение в научный оборот новой информации не привели к единству мнений по принципиальной оценке антирелигиозной политики большевиков. Под сомнение поставлена научная объективность, казалось бы, прочно вошедшего в оборот определения ее как жестоких «гонений на Церковь» [15]. Наряду с этим предлагается изменить угол зрения на взаимоотношения государства и церкви в 1917–1937 гг.: проанализировать основные точки их взаимодействия не сквозь призму непримиримых противоречий, а с учетом не реализовавшейся перспективы сотрудничества. В этой концепции Гражданская война рассматривается как период, когда реализация декрета об отделении церкви от государства не отличалась наступательным характером, поскольку у советской власти на это еще не хватало сил. Они появились с наступлением голода в 1922 г. [12]. Очевидно, что отвлеченные от конкретно-исторического анализа фактов построения, основанные либо на изучении нормативно-правовых актов без учета реалий «революционной законности», как в первой концепции, либо на размышлениях над периодизацией антирелигиозной политики во втором случае, не выглядят убедительно. Однако они побуждают к усилению регионального аспекта в освещении темы. Цель статьи состоит именно в том, чтобы создать представление о реализации декрета об отделении церкви от государства в сфере имущественных отношений в 1918 г. в Ярославской губернии. Объектом изучения послужила организационная сторона реализации антирелигиозного законодательства. Предметом являются особенности формирования но-

вых имущественных отношений между ярославскими советами депутатов и епархией. В работе использовалась делопроизводственная документация по теме из фондов губернского и уездного отделов (исполкомов совдепов) по отделению церкви от государства Государственного архива Ярославской области. Исследование выполнено в русле социальной истории с учетом такого принципа неопозитивистской методологии, как признание ценности исторического факта, и использованием приемов источниковедческого метода в сборе и интерпретации исторической информации.

Результаты исследования. Первый удар советской власти по РПЦ был нанесен одним из двух поистине эпохальных законов, принятых 26 октября 1917 г. II Съездом рабочих и солдатских депутатов. «Декрет о земле» устанавливал: «...земли... монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания» [9, с. 17].

Следующим шагом в том же направлении стала резолюция ВЦИК от 4 ноября 1917 г. о печати, она санкционировала конфискацию частных типографий [9, с. 43]. 20.01 (02.02) 1918 г. в «Правде» были опубликованы два декрета. Первый – о немедленном запрещении Комиссии государственного призрения выдавать средства на церковные нужды, включая содержание священнослужителей и законоучителей, второе – об увольнении лиц духовного звания всех вероисповеданий из армии, где они служили протопресвитерами, благочинными, священниками [18, с. 98].

Через два дня там же был опубликован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», утвержденный 20.01 (02.02) 1918 г., послуживший еще одним юридическим обоснованием для лишения Церкви материальной основы ее существования. Его проект был опубликован заранее 31 декабря 1917 г. в газете «Дело народа» [17, с. 24]. Все церковные и религиозные общества приравнивались к частным, они лишались прав юридического лица, не имели права владеть собственностью. «Все имущества церковных и религиозных обществ являются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [9, с. 374].

Издание декретов проходило в обстановке прямых угроз и открытых разбойных нападений на священников, грабежей церковного имущества. В обеих столицах и в провинции десятки тысяч людей (в Петрограде до 500 тыс.) прошли крестным ходом, проводились приходские собрания, создавались приходские союзы для защиты святынь, что наталкивалось на вооруженное сопротивление со стороны антицерковных сил. В начале февраля крестные ходы в Туле, Харькове, Шацке Тамбовской губернии, Сычевке Смоленской губернии были расстреляны [13, с. 144–145, 152, 156].

В этой атмосфере исполком Ярославского Совета депутатов готовился к подавлению активного сопротивления верующих большевистской политике в отношении Церкви, местная власть ожидала «погромов», подразумевая массовые протесты, организованные «темными силами», то есть контрреволюционными. Местной власти предстояла борьба за церковные богатства Ярославской епархии, которая по их размерам занимала пятое место по оценке доходности, пропустив вперед только Санкт-Петербургскую, Московскую, Киевскую и Владимирскую епархии. К началу 1914 г. в ней насчитывалось 967 храмов, 782 часовни и молитвенных домов, 25 монастырей, архиерейский дом, 888 церковных библиотек, 4 мужских и 2 женских духовных училища, 586 церковных школ и 575 начальных училищ, 239 церковно-приходских попечительств, 6 больниц и 39 богаделен. Доходная часть бюджета достигла более 3,5 млн р. [3]. Епархия была не только духовным центром культурно-нравственного воспитания населения, но и мощным хозяйственным укладом в экономическом строе Российской империи. Вполне ожидаемо, что жители губернии встали на его защиту.

Уже в январе население Ярославля стихийно собралось на центральных улицах и площадях на многочисленные по представительности митинги, на которых прозвучало резкое осуждение политики большевиков. «Советом были предприняты меры. По городу разъезжали отряды Красной Гвардии. Город был объявлен на осадном положении, толпы рассеялись, но настроение оставалось тревожным» [7, с. 51]. Даже спустя несколько лет ярославские большевики вспоминали об этих событиях как о попытке восстания. «Еще в январе 1918 г. ярославские попы пытались устроить что-то вроде восстания, но их попытка была быстро подавлена. Уже тогда попы призывали православных христиан покаяться и причаститься пред

вступлением в бой с большевиками» [10, с. 62]. О протестах сообщали «Церковные ведомости»: «В Ярославле попытка завладеть церковным достоянием вызвала грозное народное движение, так что власть вынуждена была объявить военное положение. Много убитых и раненых» [20, с. 207].

Первые действия местной власти по реализации декрета об отделении церкви от государства натолкнулись на сопротивление верующих даже в самом глухом углу губернии. «В Пошехонье в связи с применением декрета об отделении Церкви от государства подверглись расстрелу трое граждан и 56 человек арестовано; последним угрожает революционный суд, первые казнены без суда» [22, с. 380].

Местная власть Мологского уезда угрожала священникам расправой в духе революционной законности («будут караться по всей строгости революционного времени») за саботаж антицерковных декретов – невыдачу метрических книг исполкому совдепа [6, л. 8]. Учет и сбор описей церковно-монастырского имущества проходили в условиях чрезвычайно-осадного положения, введенного в Мологе с 23 октября 1918 г. для борьбы с контрреволюцией [6, л. 63, 94–94об., 108–108об.].

Этому предшествовал организованный приходской общиной Воскресенского храма Мологи 13 октября многоядный крестный ход в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Он сопровождался встречей икон из Афанасьевского женского монастыря. 15 октября произошел незаконный арест известного по всей округе священника церкви в с. Иловна М. А. Урусовского [6, л. 40, 41, 43–43об.], а 26 октября в Сить-Покровской волости Мологского уезда началось выступление крестьян, подавленное 31 октября вооруженной силой [14].

Конкретная программа реагирования на антицерковные декреты советской власти последовала в форме Постановления Святейшего Патриарха и Священного Синода от 15.02 (28.02) 1918 г. Ее проект был составлен Священным Собором, который отметил чрезвычайный характер обстоятельств: «В последнее время участились донесения из епархий на имя епархиальных преосвященных – членов Священного Собора о разбойных грабежах в приходских храмах и монастырях, соединяющихся нередко с кощунственным поруганием святыни Господней, а равно о насильственном отобрании церковных и монастырских земель со всем хозяйственным инвентарем и иного имущества, как жителями окружающих селений, так и лицами, именующими себя носителями власти» [23, с. 685–686].

В Постановлении указывалось на необходимость создавать союзы для защиты церковного имущества, не называя их церковными или религиозными; чтобы иметь права юридического лица, они должны быть просветительскими или благотворительными. Монастырям рекомендовалось создавать такие союзы из постоянных богомольцев обители. Предписывалось уберечь священные сосуды и другие предметы богослужения от поругания и расхищения, метрические книги не выдавать светской власти, в случае нападения на церковное имущество бить в набат, собирая православный народ на защиту Церкви. Насильственные захваты церковного имущества документировать актами и описями. Церковный брак может сопровождать гражданский, если нет к этому канонических препятствий. Родителям, учителям – требовать и добиваться сохранения религиозного воспитания и обучения. Мирянам запрещалось самовольно, без обращения к правящему архиерею, отстранять от духовного служения пастырей [21, с. 33–34].

12 сентября 1918 г. Священный Собор вынес определение, согласно которому всякое отторжение от Церкви ее достояния: храмов, часовен и священных предметов – есть кощунственный захват и поругание, противостоять которому обязан каждый православный христианин, нельзя допустить, чтобы к священным предметам прикасались не священники. Священный Собор предупреждал о возможном закрытии храмов по распоряжению епархиальной власти, если прихожане проявят безразличие к захвату и поруганию святынь [13, с. 196–197]. Это находило отклик у тех верующих, кто решительно заявил свой протест против антицерковных декретов советской власти, что подтвердили и последующие события, когда государство приступило к их непосредственной реализации.

В январе 1918 г. повсеместно при Исполнительных комитетах Советов рабочих и солдатских депутатов губернского и уездного уровней создавались отделы по церковным делам под разными названиями, например: «вероисповедный» в Твери, «отдел култов» в Рыбинске, «комиссариат по религиозным делам» в Калуге, «комиссия по ликвидации церквей» в Вятке [13, с. 220, 250, 264].

Руководство их деятельностью осуществлял Отдел по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства при Наркомате юстиции РСФСР, в официальных документах

он проходил под номером VIII и имел характерное определение «ликвидационный». Рекомендовалось привлекать к его работе как в центральный отдел, так и местные подотделы «официальных представителей вероисповеданий или их уполномоченных» в качестве экспертов [13, с. 204–212].

В Ярославле был создан Комиссариат церковно-монастырских имуществ, в ноябре 1918 г. он уже назывался Ярославский ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ [5, л. 6; 12, с. 220].

В январе 1918 г. церковные причты и старосты Ярославля получили официальное распоряжение предоставить описи церковно-монастырского имущества и справки «об уплате денег по очередным статьям» комиссариатам. Общее собрание приходских советов Ярославля отреагировало на требование власти решительным отказом в форме официального постановления. В нем юридическое право распоряжаться церковным достоянием признавалось исключительно за православным населением города и подчеркивалось, что владельцем имущества каждого храма является приход. Соответственно, указывалось, что распоряжение поступило не по адресу, обращаться следует не к причетникам, а к приходским советам. Кроме того, признавалось, что все доходы церквей и монастырей являются единственными источниками их содержания, поэтому не могут быть переданы комиссарам. Постановление при его передаче местной власти сопровождалось запиской, в которой требование комиссаров было названо «злостной попыткой задушить Церковь» [19, с. 419].

Скорой реакции ярославского комиссара по церковно-монастырскому имуществу на постановление собрания приходских советов города не последовало. Это укрепило церковную общественность в мысли о необходимости дальнейшего сплочения приходских сил для противодействия покушениям советской власти на церковное имущество. На следующем собрании приходских советов обсуждалось предложение об объединении всех приходских советов епархии в благочиннические уездные союзы и, наконец, в общую епархиальную организацию. Была создана Комиссия Соборного Совета, куда направлялись сведения о гонениях на Церковь в Ярославской епархии [13, с. 410].

Инициатива ярославцев была не только поддержана высшим руководством Церкви, но и получила дальнейшее развитие. Церковные ведомости со ссылкой на эту историю предложили сформированным по такому вертикальному принципу объединениям создать Всероссийскую приходскую организацию под покровительством Святейшего патриарха для защиты церковного и монастырского имущества от государственных реквизиций [19, с. 419].

В феврале 1918 г. в духовные учебные заведения Ярославля поступило постановление губернского совдепа об отмене преподавания всех религиозных вероучений и о прекращении выплаты жалованья учителям этих дисциплин. В марте учащиеся семинарии были досрочно распущены, в мае исполком совдепа отобрал здание семинарского общежития для своего отдела призыва [1, с. 171–172].

В Рыбинском уезде с января и до 1 октября 1918 г. реализацию декрета об отделении церкви от государства осуществлял единолично комиссар церковно-монастырских имуществ. С апреля 1918 г. им был священник Д. А. Розов, 30 лет, настоятель храма села Никольского на Шексне, вскоре лишенный сана [5, л. 34]. Прежде всего, он потребовал от церквей, монастырей и часовен уезда описи имущества, сведения о земле, домах, капиталах, а также об арендной плате религиозных общин [5, л. 14]. Настоятели храмов и приходские советы долгое время не выполняли этого требования, следуя позиции высшего церковного руководства и указаниям епархиальной власти. Впоследствии качество представленных ими под давлением советской власти описей церковно-монастырского имущества не удовлетворило комиссара, последовали ревизии описей, после которых число отмеченных в них объектов, предметов и их денежной оценки увеличилось [5, л. 34об.].

К сентябрю стал очевидным большой масштаб работы, потребовалась организация отдела в составе семи служащих. При своем создании в октябре он получил название Рыбинский уездный ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ, 15 ноября 1918 г. был переименован в Отдел культов при Совдепе, а спустя еще месяц – в Отдел по отделению церкви от государства [4, л. 25; 5, л. 9, 14].

К этому времени некоторые капиталы приходских общин Рыбинского уезда были учтены, реквизированы и переданы в казначейство в размере 600 тыс. р. К концу 1918 г. Рыбинский ликвидационный отдел передал в отделение Народного банка на депозиты казны 1 507 034 р. денежными документами и 28 335 р. наличными [5, л. 14, 34об.]. Результаты уче-

та и реквизиции церковно-монастырского имущества, осуществленные рыбинским отделом, могли быть более значительными, по мнению его руководителя, если бы на это имущество не посягали другие уездные совдепы и их отделы [5, л. 14об.]. Спустя полгода при национализации банков в доход государства поступило 8,4 млн р. церковного и монастырского капитала Ярославской епархии [8, с. 119].

Механизм национализации денежных средств, применяемый советским государством, был достаточно прост, о чем свидетельствуют документы, сопровождавшие финансовые операции с церковными капиталами. Например, при закрытии домового храма городской тюрьмы в Мышкине ее вклады в сберегательную кассу были переведены Мышкинскому комиссариату по охране и учету церковно-монастырского имущества на его текущий счет в уездном казначействе [13, с. 396–397].

К первой годовщине Октябрьской революции по решению местного исполкома совдепа в Рыбинске были проведены акции по «снятию предметов культа из общественных и государственных учреждений, с улиц». Одновременно были закрыты шесть часовен и церковь при Рыбинском подворье Толгского монастыря. Настоятель церкви был убит, монахи изгнаны, а культовые предметы часовен реквизированы и отправлены на склад церковно-монастырского имущества [5, л. 14об., 33].

20 ноября Отдел предложил через газету «Известия Рыбинского Совдепа» всем религиозным общинам и приходам города и уезда в течение десяти дней подать заявление о своем желании взять в пользование для богослужебных целей храм и необходимые предметы культа. В объявлении указывалось, что всем этим имуществом теперь «ведает» совдеп, с которым следует заключить договор на право пользования. От желающих требовалось приложить к заявлению список всех членов общины или прихода (не менее 20), заверенный милицией, домовым комитетом и руководителями общин [4, л. 11].

Тем самым Отдел выполнял соответствующую инструкцию Наркомата юстиции от 30 августа 1918 г. В ней указывалось также на обязанности общин и приходов содержать, хранить и беречь полученное в пользование имущество как общенародное достояние, а в случае любого ущерба нести ответственность «по круговой поруке» [13, с. 173–183].

В условиях слабого государственного контроля за общественным порядком, разгула бандитизма и постоянной угрозы грабежей, которыми было отмечено время революции и Гражданской войны, степень ответственности за сохранность «общенародного имущества» в виде церковных ценностей становилась соразмерна жизни. Тем не менее 83 приходские общины Рыбинска и Рыбинского уезда сразу заключили такие договоры, чтобы сохранить богослужение в новых государственно-политических условиях [5, л. 33].

Наряду с мероприятиями по передаче церковного имущества в пользование приходам губернскими отделами продолжалось изъятие «религиозных изображений» из государственных и общественных учреждений, публичных мест с передачей их в распоряжение местных совдепов, в случае ценности – в казначейства [5, л. 7].

31 августа 1918 г. Наркомат юстиции направил в ликвидационные отделы еще одну инструкцию о порядке выполнения декрета. В ней разъяснялось: церковно-монастырские земли, угодья, подворья, гостиницы переходят в ведение жилищно-земельных отделов городских и уездных исполкомов совдепов, соответственно, и доходы с этих имуществ также поступают им. «Неприкосновенные капиталы» отбираются ликвидационными отделами. Отчитываясь о выполнении инструкции, Рыбинский отдел сообщал, что к концу 1918 г. общее количество отобранных им владений составило 364, в том числе жилых помещений каменных 64 и деревянных 160; нежилых каменных и деревянных – 70, их «стоимость неизвестна». Епархиальный свечной завод был национализирован, имущество его передано на склад [5, л. 34].

Для того чтобы лучше представить себе, каким было сознание людей, приступивших к реализации антицерковных декретов, следует обратиться к конкретным примерам этой практики. Осенью 1918 г. в Мусоргской волости Пошехонского уезда на общих собраниях членов и сочувствовавших партии большевиков принимались следующие решения: о книгах, отобранных у гражданина деревни Дубничново И. Д. Мохова, – «означенные старообрядческие книги продать за большую сумму для усиления средств партии»; о помещении для Архангело-Сарского клуба – «перевести клуб в помещение священника...» [16, л. 2об., 12].

Живое представление о том, как осуществляли свою работу ликвидационные отделы, дает письмо Ярославского епархиального совета в Комиссию Соборного Совета. В нем сообщалось о народном волнении в ходе реквизиции имущества Богоявленского монастыря Углича. События развернулись на территории обители весной 1918 г.

14 (28) мая угличский комиссар церковных и монастырских имуществ потребовал от ее настоятельницы предоставить в трехдневный срок разнообразные сведения, в том числе об имуществе и доходах. Совет общины верующих, организованной при монастыре, принял решение никакого ответа не давать, что и было выполнено игуменьей Маргаритой. 21 мая комиссар явился в монастырь лично составить опись имущества, но ему в этом было отказано. 22 мая после безуспешных переговоров представителей монастыря с исполкомом городского совдепа требование повторилось в ультимативной форме – под угрозой лишения монастыря земельных угодий. Приходской совет вновь обсудил ситуацию и решительно отказался выполнять волю исполкома. 4 июня отряд вооруженных красноармейцев окружил монастырь со всех сторон. Двоим из них удалось перелезть через ограду на монастырский двор. Один, беспорядочно стреляя, побежал к колокольне, с которой уже звучал набат. Столкнувшись с одной из послушниц, он выстрелил в упор, рана оказалась смертельной. Другой красноармеец сбил замок на воротах, и весь отряд ворвался во двор обители. «Собравшийся от произведенной тревоги со всех сторон г. Углича народ был разогнан силой оружия (произведены были выстрелы). Вдоль монастырских стен были выставлены пулеметы, и до 2 часов утра следующего дня отряд оставался у монастыря» [13, с. 410]. Начальник отряда объяснил вооруженное нападение контрреволюционным сопротивлением монастыря советской власти.

О дальнейшей судьбе Богоявленской обители сообщалось в официальной справке эксперта VIII Отдела НКЮ РСФСР М. Галкина (в прошлом священника, лично предложившего свои услуги СНК незадолго до принятия декрета о «свободе совести») [13, с. 88–89]. 13 ноября 1918 г. он докладывал заведующему Отделом П. А. Красикову о положении дел в Угличе: «Небольшой уездный городок... населения всего 6 тыс. человек, пролетариата почти нет, в большинстве случаев – рядовой обыватель, все еще находящийся под влиянием кудесников в рясах. В городе 45 церквей и 2 монастыря. ...Местный Совет решил пустующие храмы обратить в настоящий момент в школы и другие общепользные народные учреждения. ...совдеп ожидает санкции на свое решение со стороны VIII Отдела. Один из двух монастырей – женский Богоявленский – населен 300 монахинями, другой – мужской Алексеевский – населен 20 монахами. Что касается последнего монастыря, совдеп решил его упразднить. В монастырских корпусах будет устроен санаторий, а монастырская церковь отдана группе граждан для совершения религиозных обрядов в соответствии с инструкцией... Престарелые монахи будут размещены по богадельням, все трудоспособные – выселены. Эти свои предположения совдеп предполагает осуществить на самых ближайших днях. До настоящего же времени все монахи с монахинями привлечены на принудительные общественные работы. Установлен 8-ми часовой рабочий день. Род принудительных работ – устройство бульвара и изготовление кирпичей... Местный Совет производит впечатление слишком мягкого и нерешительного. Его необходимо побудить к более энергичным шагам по проведению инструкции в жизнь. ...Что касается остального духовенства, то, как известная политическая сила, оно сейчас раздавлено и по отношению к местному Совету держится вполне лояльно. Записи актов состояния в Угличе ведет Нотариальный отдел» [13, с. 229–230].

С самого начала реализации «Декрета о свободе совести» правительство озаботилось передачей в собственность государства изделий из драгоценных металлов. Особое значение это приобрело в середине ноября 1918 г., когда VIII Отдел НКЮ РСФСР разослал местным подотделам распоряжение о производстве в пятидневный срок тщательного учета вещей из золота, серебра и драгоценных камней с указанием их веса и количества. При этом местным комитетам большевиков следовало сопровождать эту акцию агитационно-пропагандистской кампанией [5, л. 9].

В директиве от 15 ноября Ярославский отдел рекомендовал выделить из партийной среды лекторов, организаторов митингов. Им предстояло объяснить гражданам, что в то время, когда церковные ценности не приносят никакой пользы, республика находится в беднейшем состоянии, а также напомнить о снятии колоколов для переплавки их на орудия по указу Петра Великого [5, л. 9].

Под учет попадало буквально все, вплоть до бытовых предметов. Во время изъятия церковного имущества в Толгском монастыре в ноябре 1918 г. ликвидаторы реквизировали наряду с 4245 старинными серебряными монетами 20 столовых серебряных ложек, 2 ситки серебряные, 29 чайных ложек серебряных. При этом они не имели четкого представления, кому следует передать столовые предметы [11].

По мнению заведующего Ярославским отделом А. Овсянникова, наряду с членами большевистской партии в пропагандистской кампании по изъятию церковного имущества надлежало принять участие работникам совдепа, следовало также привлечь церковных старост, а для канцелярской работы – грамотных монахинь и монахов с оплатой их труда [5, л. 9об.].

Однако уже 22 ноября новый заведующий Ярославским губернским отделом Д. Серов со ссылкой на Москву и с пометкой «срочно» давал очередное распоряжение уездным отделам по поводу изъятия ценностей. В нем указывалось «оставить в покое деревенские церкви», а по городским богатым храмам и монастырям «сделать выборку...: бесприходные церкви подлежат закрытию», о чем сообщать через газету за неделю до закрытия. Все имущество таких храмов рекомендовалось передавать по инструкции VIII Отдела НКЮ РСФСР от 30 августа 1918 г. в пользование приходов наиболее бедных церквей и с обязательным составлением описей имущества. Относительно капиталов предписывалось включать в договоры с религиозными общинами только небольшие суммы до 500 р., остальные же подлежат изъятию и передаче в местное казначейство [5, л. 10–10об.]. Несомненно, местная власть опасалась массовых выступлений против реквизиций и постаралась внести успокоение в сознание людей, отчасти «спутать карты». По этой причине в установленный Наркоматом юстиции срок к 30 октября 1918 г. реализация декрета об отделении церкви от государства в части имущественных отношений в Ярославской губернии не была завершена [5, л. 21].

В декабре Д. Серов обвинил бывших до него руководителей Ярославского губернского отдела, а также заведующих уездными ликвидационными отделами в саботаже и потребовал завершения всех работ к годовщине декрета, к 23 января 1919 г. [5, л. 21].

Он также обязал служащих отделов объехать все монастыри с подписными листами для сбора денежных средств и вещей на нужды Красной армии, подчеркнув при этом «красным революционным карандашом»: «Нажмите, как следует... не будьте соглашателями с попами, особенно с черноризцами, монахами, которым не будет места в Советской России... организуйте во всех монастырях коммуны, гоните тунеядцев на работу» [5, л. 21–21об.].

Несмотря на весь революционный пафос подобных инструкций, полностью выполнить декрет Советской власти ярославским «ликвидаторам» не удалось и к новому сроку. Так, в конце февраля 1919 г. Рыбинский ликвидационный отдел отчитался: в уезде сохранилось 2 монастыря и 50 храмов, в городе 8 приходских храмов, 7 домовых церквей, 3 подворья, 7 часовен, 1 католический костел, 1 лютеранская церковь и 5 «других общин». Все приходы заключили договоры с совдепами, жилые помещения Софийского монастыря были заняты воинскими частями, «в Югском монастыре также произведено уплотнение, и освобожденные помещения» поступили в распоряжение исполкома. Преподавание религии во всех школах прекращено, специальных богословских учебных заведений для взрослых в уезде больше нет, кладбища и похоронные бюро национализированы. На все вопросы отчета о том, были ли столкновения с духовенством или населением на почве реализации декрета об отделении церкви от государства; были ли открытые выступления черносотенцев и «возбуждение преследований» перед Революционным трибуналом, заведующий отделом ответил решительным «нет», «не было» [5, л. 34об., 35]. Его ответ противоречил фактам. Репрессии против защитников церковного имущества и православных святынь оставили заметный след в истории Ярославской епархии, о чем свидетельствует трехтомник ярославского мартиролога [2].

Заключение. Таким образом, рассмотренные факты убеждают в том, что, во-первых, центральным звеном в последовательной цепи первых антирелигиозных декретов было лишение РПЦ ее финансово-материальной основы и обогащение таким путем государства. Обратной стороной этой «победы» послужило разрушение одного из крепких культурно-хозяйственных укладов в экономическом строе бывшей Российской империи. Во-вторых, «вертикаль» исполнительных органов при местных советах депутатов, призванная выполнять циркулярные распоряжения от Наркомата юстиции РСФСР, окончательно сложилась в Ярославской губернии только в ноябре 1918 г., хотя к претворению в жизнь декрета об отделении церкви от государства губернская и уездная власть в лице комиссаров по церковно-монастырскому имуществу приступила в январе. Если вначале задержка на организационном, подготовительном этапе была связана с проявлениями массового сопротивления верующих антицерковным мероприятиям в форме митингов, крестных ходов и, главным образом, бойкота приказов о составлении и сдаче описей имущества, то летом – уже с антисоветским мятежом, за которым последовали аресты и отвлечение сил на восстановление порядка. В-третьих, намеченные сроки завершения перехода всего церковного и монастырского имущества под кон-

троль местных советов депутатов не были выполнены. По словам губернского руководства реализацией антирелигиозных декретов, причиной послужил «саботаж» со стороны самих «ликвидаторов». За этим может скрываться не только стремление переложить собственную вину на подчиненных, но и реальная уступчивость служащих перед напором приходских общин, выполнявших соответствующие указания Священного Синода.

Список литературы

1. Благовестник. Епископ Романовский Вениамин (Воскресенский). Жизнеописание. Письма / сост. Е. И. Большакова. Б. м., б. г. 393 с.
2. Все мы Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918–1953. Краткие биографические сведения / сост. Еп. Вениамин (Лихоманов), др. Ч. 1–3. Ярославль ; Рыбинск, 2012–2017.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 гг. СПб. : Синодальная тип., 1915. 316 с., прил. 1. Табл. № 1–4, 6–8, 17–19; прил. 21. табл. № I, II.
4. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Рыбинский филиал (РбФ). Ф. Р 118. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАЯО. РбФ. Ф. Р 118. Оп. 2. Д. 29.
6. ГАЯО. РбФ. Ф. Р 118. Оп. 2. Д. 32.
7. Гольдберг Р. Город перед мятежом // Шестнадцать дней. Материалы по истории белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль : Издание Ярославского Губкома РКП, 1924. С. 47–53.
8. Дашковская О. Д. Русская православная церковь и кредитные учреждения в конце XVIII – начале XX вв. (по материалам Ярославской епархии) // Духовная миссия, цивилизационная идентичность и ценностно-смысловые аспекты истории Ярославско-Ростовской епархии в X–XXI вв. Ярославль : Шукаева и семья, 2022. С. 114–119.
9. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. 626 с.
10. Малинин Б. У Белых под пятой. «Союз защиты Родины и свободы» // Шестнадцать дней. Материалы по истории белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль : Издание Ярославского Губкома РКП, 1924. С. 57–87.
11. Монахиня Смарагда (Зыкова). Толгский монастырь в годы гонений на Церковь в XX веке // Жизнь во Христе. 2014. № 1(2). С. 71–72.
12. Орлов И. Б. Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 июня 2015 года, г. Ярославль / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2016. С. 420–436.
13. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 : сб. док. / отв. ред. прот. В. Воробьев ; отв. сост. Л. В. Милякова. М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. 944 с.
14. Рязанцев Н. П. К истории Мологского восстания 1918 года // Мологский край: страницы прошлого. Некоуз, 1997. С. 39–47.
15. Сомов В. А. Взвешенный подход к оценке взаимоотношений государства и церкви в первоначальный советский период // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1 (34). С. 32–38. DOI: 10.24412/2541-9056-2025-134-32-38.
16. ЦДНИ ЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). Ф. 16. Оп. 1. Д. 3.
17. Церковные ведомости. 1918. 5 янв. № 1. Неоф. ч.
18. Церковные ведомости. 1918. 20 янв. № 2. Неоф. ч.
19. Церковные ведомости. 1918. 31 янв. № 3–4. Неоф. ч.
20. Церковные ведомости. 1918. 7 (20) февр. № 5. Неоф. ч.
21. Церковные ведомости. 1918. 2–15 марта. № 7–8. Оф. ч.
22. Церковные ведомости. 1918. 16 (29) марта. № 9–10. Неоф. ч.
23. Церковные ведомости. 1918. 1(14) июля. № 23–24. Неоф. ч.

From the History of the Transfer of Church Property to State Ownership in the Yaroslavl Province in 1918

Arkhipova Lyubov Mikhailovna

Doctor of History, professor of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University
n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0001-8285-5720. E-mail: lubov.a2011@yandex.ru

Abstract. The article examines the relevant scientific history of property relations between the Russian Orthodox Church and the state in the first year of the implementation of the anti-religious decrees of the Soviet government. While fundamental historical works on the anti-church policy of the proletarian dictatorship pre-

sent a conceptually meaningful view of its causes, scope, means, and results, regional studies always offer the prospect of filling concepts with new specific historical material, introducing archival sources and information about local specifics into scientific discourse. This study is based on the principles of social history and the use of neo-positivist methodology and source studies techniques in the collection and interpretation of historical information. The object of study is the organizational aspects of the implementation of anti-religious legislation. The subject is the formation of new property relations between the Yaroslavl Soviets of deputies and the diocese. The main source base was made up of circulars, business correspondence, reports, presentations, inventories of property and acts of its requisition, applications of parish communities, bank certificates on the capital of churches and monasteries, etc., preserved in the funds of the provincial and district departments (executive committees of soviets) on the separation of church from state in the State archive of the Yaroslavl region and its Rybinsk branch. In conclusion, the article presents observations on the peculiarities of the transfer of church property to the state in the Yaroslavl province. The areas of application of the research results are cultural, educational, and research.

Keywords: Russian Orthodox Church, Soviet government, Yaroslavl province, separation of church and state, financial and material basis, requisitions, resistance.

References

1. *Blagovestnik. Episkop Romanovskij Veniamin (Voskresenskij). Zhizneopisanie. Pis'ma* [The Evangelist. Bishop Veniamin (Voskresensky) of Romanov. A Biography. Letters] / comp. by E. I. Bolshakova. S. l., s. a. 393 p.
2. *Vse my Hristovy. Svyashchennosluzhiteli i miryane zemli Yaroslavskoj, postradavshie v gody gonenij za veru pravoslavnyyu. 1918–1953. Kratkie biograficheskie svedeniya* [We Are All Christ's. Clergy and Laity of the Yaroslavl Land Who Suffered during the Years of Persecution for the Orthodox Faith. 1918–1953. Brief Biographical Information] / comp. by Bishop Veniamin (Lihomanov) et al. Parts 1–3. Yaroslavl ; Rybinsk, 2012–2017.
3. *Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Svyatejshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 gg.* [The Most Humble Report of the Chief Procurator of the Most Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1913]. SPb., Sinodal'naya tip. (Synodal Printing House), 1915. 316 p., appx. 1. Tables No. 1–4, 6–8, 17–19; appx. 2. Tables No. I, II.
4. SAYR (State Archive of the Yaroslavl Region). Rybinsk Branch. F. R 118. Op. 2. D. 5.
5. SAYR. Rybinsk Branch. F. R 118. Op. 2. D. 29.
6. SAYR. Rybinsk Branch. F. R 118. Op. 2. D. 32.
7. *Gol'dberg R. Gorod pered myatezhom* [The City before the Mutiny] // *Shestnadcat' dnei. Materialy po istorii belogvardejskogo myatezha (6–21 iyulya 1918 g.)* [Sixteen Days. Materials on the History of the White Guard Mutiny (July 6–21, 1918)]. Yaroslavl, Izdanie Yaroslavskogo Gubkoma RKP (Published by the Yaroslavl Provincial Committee of the RCP), 1924. Pp. 47–53.
8. *Dashkovskaya O. D. Russkaya pravoslavnaya cerkov' i kreditnye uchrezhdeniya v konce XVIII – nachale XX vv. (po materialam Yaroslavskoj eparhii)* [The Russian Orthodox Church and Credit Institutions in the Late 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials of the Yaroslavl Diocese)] // *Duhovnaya missiya, civilizatsionnaya identichnost' i cennostno-smyslovye aspekty istorii Yaroslavsko-Rostovskoj eparhii v X–XXI vv.* – The Spiritual Mission, Civilizational Identity and Value-Semantic Aspects of the History of the Yaroslavl-Rostov Diocese in the 10th–21st Centuries. Yaroslavl, Shukaeva i sem'ya, 2022. Pp. 114–119.
9. *Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 1. 25 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918* [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1. October 25, 1917 – March 16, 1918]. M., Gos. izd-vo polit. lit. (State Publishing House of Political Literature), 1957. 626 p.
10. *Malinin B. U Belyh pod pyatoj. "Soyuz zashchity Rodiny i svobody"* [Under the Heel of the Whites. "The Union for the Defence of the Motherland and Freedom"] // *Shestnadcat' dnei. Materialy po istorii belogvardejskogo myatezha (6–21 iyulya 1918 g.)* [Sixteen Days. Materials on the History of the White Guard Mutiny (July 6–21, 1918)]. Yaroslavl, Izdanie Yaroslavskogo Gubkoma RKP (Published by the Yaroslavl Provincial Committee of the RCP), 1924. Pp. 57–87.
11. *Monahinya Smaragda (Zykova). Tolgskij monastyr' v gody gonenij na Cerkov' v XX veke* [Nun Smaragda (Zykova). The Tolga Monastery during the Years of Persecution of the Church in the 20th Century] // *Zhizn' vo Hriste – Life in Christ*. 2014. No. 1 (2). Pp. 71–72.
12. *Orlov I. B. Sovetskoe gosudarstvo i Cerkov' v 1920-e gody: problemy i perspektivy sotrudnichestva* [The Soviet State and the Church in the 1920s: Problems and Prospects of Cooperation] // *Epoha knyazya Vladimira i razvitie Rossijskoj gosudarstvennosti : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 26 iyunya 2015 goda, g. Yaroslavl'* [The Era of Prince Vladimir and the Development of Russian Statehood : Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference, June 26, 2015, Yaroslavl] / ed. by Yu. Yu. Ierusalimsky. Yaroslavl, 2016. Pp. 420–436.
13. *Otdelenie Cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot Cerkvi v Sovetskoj Rossii. Oktyabr' 1917–1918 : sb. dok.* [The Separation of the Church from the State and of the School from the Church in Soviet Russia. October 1917–1918 : a collection of documents] / ed. by Archpriest V. Vorobyov ; comp. by L. V. Milyakova. M., Izd-vo PSTGU (St. Tikhon's Orthodox University Press), 2016. 944 p.
14. *Ryazancev N. P. K istorii Mologskogo vosstaniya 1918 goda* [On the History of the Mologa Uprising of 1918] // *Mologskij kraj: stranicy proshlogo* [The Mologa Land: Pages of the Past]. Nekouz, 1997. Pp. 39–47.

15. Somov V. A. *Vzveshennyj podhod k ocenke vzaimootnoshenij gosudarstva i cerkvi v pervonachal'nyj so-vetskij period* [A Balanced Approach to Assessing the Relations between the State and the Church in the Early Soviet Period] // *Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii* – Humanities Researches of the Central Russia. 2025. No. 1 (34). Pp. 32–38. DOI: 10.24412/2541-9056-2025-134-32-38.
16. Documentation Centre for the Contemporary History of the Yaroslavl Region. F. 16. Op. 1. D. 3.
17. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Jan. 5. No. 1. Unofficial part.
18. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Jan. 20. No. 2. Unofficial part.
19. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Jan. 31. No. 3–4. Unofficial part.
20. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Feb. 7 (20). No. 5. Unofficial part.
21. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. March 2–15. No. 7–8. Official part.
22. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. March 16 (29). No. 9–10. Unofficial part.
23. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. July 1 (14). No. 23–24. Unofficial part.

Поступила в редакцию: 13.04.2026

Принята к публикации: 29.04.2026

EDN: QLFQYI

УДК 947.8(470.314+470.315)

Вспомогательная деятельность торфопредприятий по обеспечению торфодобычи в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской и Ивановской областей)

Тряхов Илья Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Россия, г. Владимир.
ORCID: 0000-0001-6488-5205. ResearcherID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена неосновной деятельности торфопредприятий в условиях Великой Отечественной войны. В годы военного лихолетья торф являлся одним из важнейших источников энергии как для выработки электричества, так и для заводов и фабрик ряда отраслей промышленности. Кроме того, этот вид топлива активно использовался городскими коммунальными хозяйствами Владимирской и Ивановской областей. Основная деятельность предприятий была связана с целым рядом мероприятий, которые были необходимы для эффективной работы торфодобытчиков с учетом сложных условий труда и жизни трудящихся. Источниками послужили фонды государственных архивов Владимирской и Ивановской областей, среди которых особое значение имели документы первичных парторганизаций ряда предприятий. В них содержатся сведения (не всегда полные) о функционировании подсобных хозяйств, социальных практиках военных лет, работе и поведении членов и кандидатов в члены ВКП(б) среди работников, а также руководителей торфоразработок. Свою роль в исследовании сыграли фонды областных, городских и районных партийных комитетов, в которых в различной степени обсуждалась работа торфопредприятий, а также материалы периодической печати. В указанных источниках отражены усилия пропагандистских органов, целью которых было мотивировать трудящихся к выполнению и перевыполнению плановых заданий. В результате проведенного исследования следует констатировать многообразие деятельности предприятий по добыче торфа и их активное участие в помощи фронту. Одновременно с этим социальная инфраструктура поселков торфяников была недостаточной, самообеспечение предприятий продовольствием было хуже, чем в других отраслях промышленности. Удаленность мест торфодобычи от городских центров чаще приводила к различным злоупотреблениям со стороны администрации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, торфопредприятия, продовольственная проблема, агитация и пропаганда, социальные практики военных лет.

Введение. Отступление Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны привело к топливному дефициту в СССР в 1941–1942 гг. Частично компенсировать потерю угля Донбасса и значительных объемов нефти с Северного Кавказа в советском тылу предполагалось увеличением торфо- и дровозаготовок. В 1920–1930-е гг. торф стал важным сырьем для советской электроэнергетики, так как немалая часть теплоэлектростанций вырабатывала электричество путем сжигания торфа. Одна из таких ТЭС (известная как ИвГРЭС) находилась на территории Ивановской области в поселке Комсомольский. Кроме того, крупными потребителями торфа во Владимирской и Ивановской областях были промышленные предприятия: стекольные заводы в Гусь-Хрустальном и Курловском районах, машиностроительные предприятия Коврова, Владимира и Кольчугино, а также городские коммунальные хозяйства (горкомхозы). Особенно большое количество топлива требовалось областному центру Иваново, население которого по предвоенной переписи 1939 г. превышало 285 тыс. человек [6].

С началом войны Совет народных комиссаров (СНК) СССР издал указание шире использовать местные источники энергии, что предполагало наращивание торфодобычи во Владимирской и Ивановской областях, богатых этим сырьем [43]. Однако в силу целого спектра факторов (мобилизация мужчин на фронт, недостаточная механизация) роста добычи не произошло.

По плану в 1941 г. в Ивановской области было необходимо добыть 1920 тыс. т торфа. Фактически было добыто 1785 тыс. т. В последующие годы план понижали. В 1943 г. запланировали добыть 1755 тыс. т, но фактически добыли 1771 тыс. т. На 1944 г. предполагалось к добыче и того меньше – 1625 тыс. т. На долю Ивановской и Владимирской областей в годы военного лихолетья приходилась примерно десятая часть добываемого в стране торфа [37, л. 55].

Добыча торфа в целом (по СССР с учетом потери всей БССР) в годы войны снизилась. Динамика показана в таблице 1 ниже.

Таблица 1

Общие показатели добычи торфа в СССР в 1940–1945 гг. [цит. по: 43]

Годы	1940	1942	1943	1944
Всего добыто (тыс. т)	32055,5	14644,7	21250,7	22938,6

Тем не менее самоотверженный труд работников предприятий позволил добывать минимально необходимое количество торфа, нужного для функционирования военных заводов в исследуемых регионах. Часто это делалось в ущерб прочим потребителям, прежде всего отраслям промышленности, ориентированным на выпуск гражданской продукции, и социальной инфраструктуре.

В историографическом плане тема деятельности торфопредприятий недостаточно изучена из-за падения значения отрасли начиная с 1960-х гг., особенно в постсоветский период. В исторической памяти страны отрасль также не заняла должного места, так как не только почти не отражена в кино или художественной литературе, но и не имеет своего профессионального праздника или хотя бы упоминания на памятных досках.

Отечественная историография торфодобычи в годы Великой Отечественной войны сравнительно скудна. Историки в большей степени обращали свое внимание на дровозаготовки, добычу нефти и угля. Как сам процесс добычи торфа и его значение для функционирования военной экономики СССР, так и жизнь тружеников торфяной отрасли (многие из которых были мобилизованы для этой работы) мало изучены. Еще в меньшей степени историки обращали внимание на неосновную деятельность торфопредприятий, которая в то же время обеспечивала основную задачу – добычу торфа.

Среди работ, посвященных процессу добычи торфа, его динамике, использованию различных способов извлечения данного полезного ископаемого, следует выделить труды Л. В. Копенкиной [40; 41]. Значение торфа для электроэнергетики центральных регионов СССР показано в статье Г. А. Будник, Т. В. Королевой и Т. Б. Котловой [4]. Существуют исследования регионального характера по Удмуртии, Чувашии и Ярославской области [39; 44–48]. Участие советских сельских жителей в заготовках топлива, в том числе торфа, рассматривается рядом отечественных историков как трудовая повинность советского колхозного крестьянства [1; 49–51]. В незначительной степени проблема вспомогательной деятельности торфопредприятий по обеспечению условий для торфодобычи на примере Ярославской области показана Кербиковым, другие исследователи данных аспектов не затрагивали.

Целью статьи является анализ неосновной деятельности торфопредприятий, которая служила средством для выполнения основной задачи – добычи торфа. К такой деятельности относится функционирование подсобных хозяйств, агитация и пропаганда среди трудящихся, а также социальные практики военных лет, необходимые для обеспечения безопасности торфоразработок.

Источниками для исследования послужили, прежде всего, документы партийных организаций торфопредприятий. Были использованы фонды Второвского, Гусевского, Мезиновского, Метенинского, Панфиловского, Петушинского, Покровского, Софроновского, Тасиноборского предприятий. Отдельные сведения по изучаемой проблеме содержатся в фондах Владимирского и Ивановского обкомов, а также отдельных горкомов и райкомов, на территории которых имелись торфоразработки. Весьма интересный пласт источников представлен в местной прессе, к которой относятся как газеты, издаваемые партийными комитетами («Большевик» и «Большевистский путь»), так и многотиражные издания («В бой за торф»). В таких источниках в определенной степени отражена специфика деятельности предприятий, добывающих торф.

Основная часть. Самым важным вопросом, требующим ежедневного разрешения, был продовольственный. Наряду с централизованным выделением продовольственных фондов значительную часть продуктов работники торфоразработок получали от подсобных хозяйств. Общая обстановка в этом деле в советском тылу была сложной, но торфопредприятия здесь выделялись, скорее, в худшую сторону. Как и в других отраслях экономики, здесь имелись случаи обвешивания и недодачи по нормам на многих предприятиях. Кадровый состав, работавший в системе общественного питания, подбирался зачастую без учета прошлого таких работников [14, л. 31]. Расположение предприятий по заготовке торфа должно было, по

идее, способствовать активному использованию дополнительных источников продовольствия. Это прежде всего относилось к заготовкам грибов и дикорастущих ягод, тем более что немалое количество торфопереработок находилось в районах, богатых дарами леса. Однако в большинстве случаев заготовки такого рода велись неорганизованно и были слабым дополнением к питанию работников [14, л. 31].

Выполнение планов по выращиванию тех или иных сельскохозяйственных культур в подсобных хозяйствах сталкивалось с большими трудностями. На Гусевском предприятии плохой уход за овощами в 1941–1943 гг. привел к низкой урожайности, невысоким было качество подготовки почвы под озимые культуры. В тех хозяйствах, которые держали скот, нередко были случаи гибели животных [15, л. 67], что, в свою очередь, вело к нехватке тягловой силы [17, л. 5]. Для подсобных хозяйств не хватало семян, в том числе важнейших для питания людей и лошадьми культур: картофеля и овса.

Каждому предприятию нужно было переживать зиму, а потому необходимо было заготавливать продовольствие. Под него требовались собственные хранилища либо договоренность с совхозами и колхозами, расположенными по соседству, о временном хранении продуктов. Так поступало руководство гороховецкого торфопредприятия «Большое». На зиму 1943–1944 гг. удалось заготовить 130 т овощей, в том числе 107 т картофеля. 57 т хранилось на предприятии, еще 50 т под распиской в Фоминском районе [29, л. 2об.].

Не слишком хорошие показатели имело подсобное хозяйство Второвского торфопредприятия. С 26 га удалось собрать всего лишь 44 т урожая, и, таким образом, на зиму 1945 г. овощами и картофелем предприятие не было обеспечено. Недостатки имело общественное питание: пища приготавливалась недоброкачественно и в плохих санитарных условиях. Тракторный парк не был обеспечен запчастями, хотя владимирский завод «Автоприбор» обычно быстро выполнял задания по ним для предприятия [28, л. 13об.]. Это было предметом обсуждения на самом заводе, пригородное хозяйство которого недополучало запчасти (в сравнении с Второво) [12, л. 10].

Площадь пригородного хозяйства Мезиновского предприятия к 1944 г. насчитывала 13 га, выделенных для посева, но для покрытия потребности столовых необходимо было 30 га [11, л. 2]. В то же время торфопредприятия обычно находились в лесисто-болотистой местности, где изначально территория для ведения сельскохозяйственных работ была сильно ограничена.

Для упорядочения работы подсобного хозяйства предприятия и индивидуальных огородов трудящихся было решено закрепить земельную площадь отдельными участками за цехами. Только к концу войны была упорядочена чересполосица пригородного хозяйства, землеустройство постепенно организовали с учетом индивидуальных огородов рабочих. Недостающую землю изыскивали в своем хозяйстве, в частности, стали использовать фрезерные поля. Повышение урожайности тесно увязывали с советами агрономов, которых следовало активнее привлекать к работе [11, л. 3].

В качестве удобрений было решено использовать торфяную крошку. С учетом того что государственные фонды не предполагали выделение централизованным образом многих видов овощей, под них строились парники.

На крупнейшем торфопредприятии Ивановской области Марково-Сборном было значительных размеров подсобное хозяйство, занимавшее 170 га, засеянное в 1944 г. на 95 %. Среди выращиваемых растений наибольшая площадь была отдана под зерно и крупу, чуть меньше было выделено под картофель. Кроме того, выращивались овощи, корм для скота и силосные культуры [38, л. 59].

Имелись в хозяйстве и животные, правда, если по рогатому скоту (в т. ч. коровам) отставания от плана почти не было, то свиней в 1944 г. имелось чуть больше половины от запланированного. Удой молока на одну корову был не самым высоким, но и тут была разница в зависимости от подсобного хозяйства конкретного предприятия. Например, на текстильной фабрике в Карабаново удой составлял 131 л вместе 143 по плану, на владимирском «Автоприборе» одна корова в среднем давала 105 л молока, а вот на предприятии Марково-Сборное удой был совсем незначительным – 65 л вместо 105 плановых [38, л. 62об.]. Сохранившиеся данные показывают, что в 1944 г. в Марково-Сборном коровы дали 17764 л молока, из них ОРСу было передано 9069 л, работающим в подсобном хозяйстве полагалось 2169 л, остальные 6526 л шли телятам, поросятам, ягнятам, цыплятам и другим животным [38, л. 63].

Увеличилось подсобное хозяйство на Метенинской торфопереработке. Если в 1942 г. посевная площадь составляла лишь 4 га, то в 1943 г. она выросла до 14,1 га. Удалось увеличить поголовье лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Удалось даже получить незначительную прибыль в 5 тыс. руб. [32, л. 8].

В то же время эффективность все равно признавалась низкой, а рабочий и продуктивный скот находился в истощенном состоянии [33, л. 23]. В 1944 г. предприятие выполнило план по посеву яровых культур на 118 %, но урожай с одного гектара по картофелю и овощам был ниже запланированного в 3–4 раза. Это объяснялось невыполнением заданий по вывозке удобрений, обработке и уходу за посевами. Подсобное хозяйство оставалось второстепенным для руководства предприятия. Имелись потери продуктов из-за их несвоевременной доставки в хранилища, неправильный уход за животными привел к падежу молодых поросят. Работой ОРС и подсобного хозяйства были недовольны как руководители предприятия, так и работники. В то же время руководителю ОРСа лишь объявили выговор за недостатки, недозовы, хищения и слабый контроль над материально ответственными лицами [35, л. 6–7].

Война породила новые социальные практики как для руководства, так и для персонала торфопредприятий. Здесь имела своя специфика в силу отдаленности торфоразработок от крупных населенных пунктов, а также слабой инфраструктуры вокруг рабочих поселков. С началом войны стали уделять определенное внимание оборонной работе, прежде всего оборудовали убежища на случай авианалетов. Особенности местности привели к тому, что часть заготовленных в предвоенные годы щелей не могла использоваться в качестве укрытий из-за заливания их водой. Это привело к дополнительным затратам материальных и человеческих ресурсов [12, л. 30]. В поселках, где проживали работники предприятий, имелись пробелы со светомаскировкой, но в то же время из-за небольших размеров таких населенных пунктов опасность вражеских авианалетов была минимальной [13, л. 42об.]. В документах Второвского предприятия указывается, что «неверно понята светомаскировка, ее надо переделывать». Что под этим подразумевалось, источник не пояснил [27, л. 72]. Как и в других отраслях промышленности, противовоздушная и противохимическая оборона (далее – ПВХО) виделась второстепенной задачей.

Добыча торфа неразрывно связана с пожароопасностью, так как сопряжена с осушением торфяников и возможным воспламенением полезного ископаемого как по причине нарушения требований пожарной безопасности, так и из-за погодных условий. Тушение горящего торфяника проблематично из-за глубины залегания пластов торфа, труднодоступности ископаемого, а в годы войны еще из-за нехватки материальных средств и противопожарных агрегатов. Наилучшим способом борьбы с пожарами на торфоразработках считаются превентивные меры, которые могут минимизировать чрезвычайное происшествие. 5 августа 1944 г. Было издано отдельное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, посвященное мероприятиям по борьбе с торфяными пожарами. В документе было прописано требование об очистке территории торфяников от валежника и сухостоя. В связи с этим до 1 января 1945 г. все пожарные торфопредприятий Наркомата электростанций освобождались от призыва [36, л. 24–25]. Однако нередко директора предприятий пренебрегали мерами безопасности, сводя свою деятельность к выполнению поставленного плана, надеясь на то, что подобного рода трагедии обойдут их стороной [23, л. 15]. Проверки ряда предприятий показывали неудовлетворительную готовность к противопожарной работе, а отношение директоров предприятий к состоянию пожарных команд было пренебрежительным.

С началом войны распространилась шпиономания. На нее немалый отпечаток накладывали особенности местности, где обычно располагались торфоразработки. Это была лесисто-болотистая местность, которая могла служить неплохим укрытием для потенциальных диверсантов [12, л. 30]. Одновременно усиливалась борьба с паническими слухами и настроениями, а также поиск и задержание так называемых «шептунов» [12, л. 31].

Как и прочие фабрики и заводы страны, с началом войны торфопредприятия брали на себя различные обязательства. Они были связаны как с обещанием ударного труда, так и с оказанием различной помощи фронту: сбор теплых вещей, участие в военных займах, помощь эвакуированным, шефство над госпиталями и т. п. [12, л. 20, 24, 30об.]. На партийных собраниях первичных парторганизаций принимались соответствующие резолюции.

Сборы по денежно-вещевой лотерее перевыполнили в 1942 г. работники Второвского предприятия. Вместо плановых 16 000 руб. удалось собрать 48 700 руб. Для красноармейцев были собраны теплые вещи, конверты с бумагой, различные ткани, сливочное масло, водка [27, л. 79ж]. Денежно-вещевой лотереей на Гусевском торфопредприятии в 1942 г. был охвачен 2741 человек, на нужды фронта собрали в общей сложности 122 240 руб. [15, л. 62]. Собирались средства на танковую колонну на Петушинской торфоразработке, вещи для детей Сталинграда [26, л. 1]. Торфопредприятия участвовали в помощи населению освобожденных от гитлеровской оккупации районов страны. Собирались вещи и предметы домашнего обихода [19, л. 5об.].

В 1944 г. Гусевское предприятие смогло реализовать второй и третий военные займы, организовало сбор теплых вещей для бойцов Красной армии и реализовало билеты денежно-вещевой лотереи [17, л. 17]. Активность участия рабочих и служащих в таких мероприятиях зависела не только от их сознательности или личного желания, но и от давления со стороны администрации и парторганизации. Сведения, которые сохранились в архивных документах, больше говорят об участии в таких мероприятиях, чем об их игнорировании. При этом отношение отдельных работников к этим практикам было неоднозначным.

Политико-массовая работа среди трудящихся торфопредприятий являлась одним из мотивирующих факторов к ударному труду. Тяжелые условия труда и жизни необходимо было объяснить работникам, поэтому велась деятельность партийных агитаторов, проводились собрания среди труженников, издавались многотиражные и стенные газеты. Документы эпохи зафиксировали как позитивные настроения рабочих и служащих, так и антисоветские и панические высказывания.

Один из участников собрания парторганизации Межиновского предприятия в 1942 г. обратил внимание, что «торф с Межиновки идет для завода, который производит детали танков и самолетов, а следовательно, дополнительная выработка тонны торфа есть удар по врагу» [10, л. 14]. Похожее утверждение встречается в документации Покровского торфопредприятия: «Долг каждого рабочего выполнять и перевыполнять нормы ежедневно, этим мы дадим возможность бесперебойно работать текстильным фабрикам, обеспечивающим нашу доблестную Красную [армию] всем необходимым, которая защищает нашу родную землю от немецких захватчиков» [23, л. 9]. В протоколах партсобраний Софроновского предприятия от 1943 г. сохранилась проработка трудящимися письма на фронт с выражением поддержки красноармейцам и обещанием перевыполнять план по добыче торфа [30, л. 2].

Одновременно с этим встречались и негативные настроения, более всего характерные для первых военных месяцев. На Второвской разработке на одном из участков были зафиксированы разговоры в духе, что «если Гитлер придет, то мы вас всех передадим» [27, л. 78]. Антисоветские разговоры фиксировались на Межиновском предприятии, правда, протоколы собраний парторганизации их не конкретизируют [9, л. 10]. Шапкозакидательские настроения также имелись. 11 ноября 1941 г. во Второво обсуждали доклад Сталина от 6–7 ноября 1941 г. На заседании присутствовавших убеждали, что немцы потеряли четыре с половиной миллиона человек, а потери РККА незначительны. Общим выводом собрания было то, что «слухи распространяют не нужные нам элементы» [27, л. 79].

Трудные условия работы и повседневной жизни, по мысли части ответственных работников, могли быть облегчены убедительной агитмассовой работой, но для ее успешного ведения не хватало грамотных партийных агитаторов [13, л. 41об.–42]. Некоторые предприятия имели свои газеты, предназначенные для распространения среди сотрудников. Однако им хронически не хватало грамотного персонала, и работа редакций часто была делом «пары-тройки человек». В частности, на Гусевском торфопредприятии издавалась газета «Торфяник», но она не имела актива, в частности рабкоров. И хотя в газете имела редколлегия, злободневные вопросы там поднимались редко, по-видимому, из-за нехватки сотрудников и слабого участия в ее работе членов и кандидатов партии. Все заметки писали два человека – руководители редакции [16, л. 16–16об.].

На Покровском предприятии в 1943 г. партсобрание постановило проводить читку газет каждые шесть дней, и дважды в шестидневку беседовать с рабочими на политические темы [22, л. 5]. В конце войны здесь решили запустить звуковое кино, что было предписано сделать до 5 мая 1945 г. [24, л. 17].

На партийных собраниях предприятий иногда говорили о текущем международном положении, но в целом эта тема в документах отражена незначительно. 5 июля 1944 г. на партийном собрании на предприятии «Тасин Бор» обсуждали текущее положение Японии и отношения СССР с ней, а также ситуацию вокруг считавшейся нейтральной Швеции. Трудящиеся задавались вопросы о том, какое новое вооружение есть у Германии, а также о том, какие химические средства борьбы существуют в настоящее время [20, л. 13].

Проблемы в деятельности Межиновской торфодобычи в 1943 г. были даже описаны в центральной газете Ивановской области «Рабочий край» и главном партийном рупоре «Правде». Партийное бюро предприятия признавало статьи правильными и в целях изжития недостатков потребовало провести ряд мероприятий, а именно заключить договоры для участия в соцсоревнованиях; с 20 мая 1943 г. начать систематически проводить агитационно-полити-

ческую работу и читку газет в бригадах и общежитиях. Кроме того, была отмечена слабая работа ряда агитаторов. Также было решено создать общее партийно-комсомольское собрание и потребовать выпускать два раза в месяц стенгазеты и печатать боевые листки [10, л. 22]. Помимо этого в течение трех дней было необходимо восстановить радио и кино, а также обустроить витрину для газет [10, л. 23].

Вопросы деятельности торфопредприятий были актуальны и для местной прессы. Например, в 1942 г. в петушинской газете «Большевистское знамя» вышел ряд публикаций о недостатках в работе местного предприятия им. Дзержинского, которые были признаны правильными на партсобраниях первичной парторганизации предприятия [25, л. 11].

В Государственном архиве Владимирской области сохранилась часть номеров многотиражной газеты Второвского предприятия «В бой за торф». В ней преобладают сообщения общего характера, перепечатанные из центральных и областных газет. До августа 1944 г. Камешковский район относился к Ивановской области, где главным изданием была газета «Рабочий край. С созданием Владимирской области областным изданием, на которой ориентировались многотиражки стал «Призыв». Основное содержание газеты посвящено официальным сообщениям о событиях на фронтах, но зато другая часть материалов касается узкопрофессиональных тем: рационального порядка работы, ремонта и деятельности торфяных машин и т. п. [5, 1943. 5 марта]. Через газету велась санитарная пропаганда, призывающая к порядку и чистоте в общежитиях, частыми были сообщения и статьи, обращенные к различным руководителям предприятия, о необходимости заботиться о быте и питании работников [5, 1943. 11 июня, 18 июня, 29 окт.].

В газете, как и на собраниях парторганизаций, требовали вежливо обращаться с рабочими [5, 1943. 11 июня]. На партийные группы и профсоюзную организацию возлагалась обязанность вести борьбу со всеми, кто беспечно относится к живым людям. На Второвском торфопредприятии почти на всех участках молодежь (по утверждению автора газетной заметки) учат бережливости и изо дня в день прививают навыки производственной культуры, кроме трактористов, предоставленных самим себе. Автор вопрошал: «Спросите молодых трактористов, беседовал ли кто-нибудь с ними о производственной культуре, об уважении к труду товарища, о взаимной вежливости. Ставились ли эти вопросы в партийной и профсоюзной организациях? Ответ только один: нет...» [5, В бой за торф. 1943. 9 июля].

Газета должна была стать важнейшим способом агитации. Здесь публиковались мотивирующие призывы к ударному труду. В июле 1944 г. во второвской многотиражке вышла статья под названием «Государственный план – это закон». В ней отмечалось: «Главная задача коллектива торфяников – покрыть задолженность государству... На борьбу за выполнение государственного плана надо мобилизовать все силы и возможности. Пора организовать не бумажное, а подлинное, действенное социалистическое соревнование» [5, 1944. 28 июля]. В том же номере были процитированы слова одной из работниц, бывшей в довоенный период домохозяйкой. Славил своих подчиненных коллег бригадир Николаева, отмечая, что «они (торфушки – *Прим. авт.*) работают, как говорят, не за страх, а за совесть» [5, 1944. 28 июля]. И далее в публикации цитировались слова труженицы М. Даниловой: «Мужья наши погибли за Родину, но мы своим трудом готовим возмездие врагу, которые отнял у наших детей отцов и нас оставил вдовами. Будем работать не покладая рук, не допустим, чтобы торф остался неубранным. Погода стоит хорошая, надо пользоваться каждым днем. Призываем и остальных домохозяек помочь предприятию» [Там же]. Такой приглашенный агитационный призыв был характерным явлением эпохи.

Отдельные упоминания тяжелого труда торфодобытчиков встречались в районных газетах из мест, где имелись торфоразработки. В газете «Большевик», печатном органе горкома Гусь-Хрустального, в заметке «Больше заботы о торфяниках, больше торфа государству» была размещена фотография И. М. Соболева, бригадира передовой бригады гидроторфистов Гусевского торфопредприятия [2, 1941. 24 июня, вторник].

В газете «Большевистский путь», издававшейся райкомом Курловского района, автор Е. Пискунов повествовал о подсобном хозяйстве при местной торфодобыче. Образец успешного, по мнению автора, подсобного хозяйства должен был стать примером обычным гражданам и другим предприятиям района [2, 1942. 22 июня, понедельник].

Слабая политико-массовая работа и, как правило, удаленность мест добычи торфа от городов вела к тому, что их работники были слабо осведомлены о положении на фронтах. По мнению уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ивановской области В. Г. Татаринцева, это вело к уменьшению мотивации со стороны трудящихся [37, л. 16].

В условиях войны и идеократического советского государства важное значение имело поведение членов и кандидатов в члены ВКП(б). Наряду с патриотическими настроениями имели место и недостойные, с точки зрения коммунистов, образцы поведения. На собрании первичной парторганизации Мезиновского предприятия 14 ноября 1941 г., помимо прочих текущих вопросов, обсуждали нежелание кандидата в члены ВКП(б) М. С. Маринина идти на службу в Красную армию. причем он отказывался от вступления в армию еще в октябре, мотивируя это болезнью, хотя по военному билету не имел ограничений. Доводы Маринина не удовлетворили однопартийцев, и единогласно было решено исключить его из партии с заключением, что «он пролез в партию для своих личных – шкурнических целей» [9, л. 24].

В протоколах собраний парторганизаций регулярно обсуждалась деятельность или бездеятельность тех работников предприятий, которые были членами или кандидатами в партию и комсомольцами. И наряду с хвалебными упоминаниями намного чаще приводятся примеры неподобающей работы таких лиц, с которых спрос, по идее, должен был быть выше, чем с непартийной массы трудящихся. В 1942 г. на партсобрании Гусевского предприятия обсуждался работник Воронцов – кандидат в члены ВКП(б), который не только нарушал трудовую дисциплину, но и говорил, что ему не дают должные условия работы, обещая за это уйти в армию, но так туда и не отправившись. Работница по фамилии Кулдыркаева спала на рабочем месте, что в зимний период привело к заморозке водопроводящей сети, следствием чего стала задержка работы паровозов. Обоих работников исключили из партии [14, л. 1–2]. Лишился партийного билета и был привлечен к судебной ответственности начальник торфотранспорта Гусевского предприятия Ганичев за регулярные пьянки и неумение организовать труд рабочих, специально отправленных в поселок Гусевский из Коврова в сентябре 1942 г. Такое его поведение было названо антигосударственным поступком [14, л. 36об.]. При этом меры воздействия на членов партии чаще были более мягкими. Так, помимо вышеуказанного Ганичева, в пьянках участвовали и некоторые другие руководящие работники предприятия (Кириллов и Серебряков). И хотя их положение должно было усугубиться тем, что их недостойное поведение проявилось не в небольшом поселке, а в соседнем районном центре – Гусь-Хрустальном, они отделались «легким испугом»: им объявили выговор, но сохранили за ними партийные билеты [14, л. 37–38]. Для улучшения идейно-политического состояния предприятия в 1943 г. в Гусевский мобилизовали 15 суздальских комсомольцев [7, л. 3].

На одном из партсобраний Гусевского торфопредприятия в 1945 г. обсуждалось поведение работницы Беляковой, которой было 42 года. Ее муж находился на фронте, на ее попечении было несколько детей, и она состояла в партии. Поводом к обсуждению послужило то, что она задушила недавно родившегося собственного ребенка. В свое оправдание работница указывала, что «бывает в забытии», на что ей было указано на возможность отдать ребенка на воспитание государству. Общим решением ее исключили из партии [18, л. 5об.].

На Пасху в 1945 г. подрались два работника Гусевского предприятия Г. В. Тутаев и И. Н. Федоров. Первый из них «напился на религиозный праздник», хотя и считался лучшим стахановцем, но не имевшим никакого авторитета («над ним всякий ученик-мальчишка смеется»). Он объяснил участие в драке «нервами». Своеобразие ситуации добавляло то, что оба были членами партии и за свои действия получили выговор. Г. В. Тутаеву занесли его в личное дело. Партсобрание сделало вывод о необходимости внимательнее заняться молодежью для поднятия авторитета стахановцев и старшего поколения [18, л. 16–17].

На Второвском предприятии в 1945 г. работнице А. Н. Рыжковой отказали в приеме в партию несмотря на то, что она считалась хорошей работницей, за то, что она посещает церковь. При этом в Камешковском районе многие жители так делали [28, л. 3].

Острая проблема многих торфопредприятий – пристрастие руководителей к алкоголю. Наиболее неприятная ситуация произошла осенью 1942 г. в Гусь-Хрустальном, где руководители соседнего с городом Гусевского предприятия были замечены в коллективной пьянке и неподобающем поведении. Этот скандальный эпизод стал известен местным жителям. В той или иной степени к ситуации оказались причастны уже упоминавшиеся директор предприятия Серебряков, начальник транспорта Ганичев, начальник рабочего снабжения Кириллов. При этом к данным руководящим лицам не сразу применили жесткие меры и процесс обсуждения их действий растянулся на несколько осенних недель. В конечном итоге их действия были признаны недостойными, их сняли с должностей, Ганичева исключили из партии, Серебрякову и Кириллову сделали выговор с занесением в личное дело [8, л. 114–117]. При этом тут надо обратить внимание на руководство горкома Гусь-Хрустального, которое и само не всегда соответствовало своим должностям и высокому званию коммуниста, что также привело к его замене.

Торфопредприятиям не хватало квалифицированной рабочей силы не только для добычи, сушки и вывозки топлива, но и для качественной административной работы. В документах Метенинского предприятия отмечалась отсталость аналитического учета и несвоевременная сдача отчетности, которую объясняли недоукомплектованностью счетного аппарата на 50 %, имевшийся же счетный аппарат состоял из малоквалифицированных работников и учеников [31, л. 11].

Своеобразным внутренним контролером деятельности предприятий должны были быть парторганизации. Однако они не всегда имели должное влияние на администрацию или же сами не стремились к активной работе. Так, заседания партийного собрания Петушинского торфоразработки им. Дзержинского проходили без директора, были нарекания и на руководителя партийной организации, которого в конце 1943 г. освободили от должности за расстрату [26, л. 14–14об., 25].

На Гусевской торфодобыче в 1943 г. обсуждали вопрос о вступлении в коммунистическую партию работника Бурычева, который в протоколе заседания партбюро назван уже пожилым человеком, в молодости принадлежавшим к партии эсеров. Несмотря на то что его называли грубым человеком, он прошел «хорошую жизненную школу», и его приняли кандидатом в члены ВКП(б) с рекомендацией «учесть свои отрицательные стороны» [16, л. 20об.].

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на определенные пропагандистские усилия, торфопредприятия не смогли в течение Великой Отечественной войны в исследованных регионах добывать торфа больше запланированного. Торфоразработки не только испытывали дефицит работников и специального оборудования, но и имели не самую опытную и физически выносливую рабочую силу. Значительной проблемой становилась и не самая лучшая трудовая дисциплина со стороны руководства ряда предприятий, которое было замечено в пристрастии к алкоголю. Такое поведение ответственных работников, конечно, негативно влияло на подчиненных. Второстепенной для местного начальства считалась деятельность, связанная не только со специфическими социальными практиками военных лет (прежде всего, организацией ПВХО), но и с работой по обеспечению пожарной безопасности, которую приходится вести на торфодобыче постоянно. Одновременно с этим торфодобытчики, подобно рабочим и служащим других отраслей экономики, оказывали фронту помощь, участвуя в военных займах, денежно-вещевых лотереях, сборе теплых вещей и т. д. Здесь их вклад в целом не отличался от вклада других советских граждан.

Из-за специфики залегания торфа предприятия испытывали трудности с эффективностью деятельности подсобных хозяйств. Это вело к тому, что весомым подспорьем в обеспечении работников продовольствием такие вспомогательные подразделения быть не могли. В большей степени приходилось полагаться на централизованные фонды.

И все же, несмотря на усилия агитации, тяжелые условия труда и жизни торфяников и торфушек, многие из которых в военные годы набирались из женщин и подростков, были главным фактором, влиявшим на низкую производительность труда и невозможность перевыполнять плановые задания. Таким образом, торфопредприятиям в лучшем случае удавалось добыть и доставить до потребителя лишь самый необходимый минимум. В годы войны это неоднократно приводило к недостатку топлива у предприятий стекольной и текстильной промышленности, городских коммунальных хозяйств и социальных объектов.

Список литературы

1. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. Вологда : Вологодский НИЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
2. Большевик – печатный орган горкома ВКП(б) г. Гусь-Хрустальный. 1941–1944 гг.
3. Большевицкий путь – печатный орган райкома ВКП(б) Курловского района. 1942–1945 гг.
4. Будник Г. А., Королева Т. В., Котлова Т. Б. Проблемы энергетики прифронтовых областей центра России в 1941–1945 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 91. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-88-96.
5. В бой за торф – печатный орган первичной парторганизации Второвского торфопредприятия. 1943–1944 гг.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php.
7. ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. П. 112. Оп. 3. Д. 147.
8. ГАВО. Ф. П. 118. Оп. 1. Д. 82.
9. ГАВО. Ф. П. 175. Оп. 1. Д. 10.
10. ГАВО. Ф. П. 175. Оп. 1. Д. 12.
11. ГАВО. Ф. П. 175. Оп. 1. Д. 13.
12. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 41.

13. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 43.
14. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 44.
15. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 45.
16. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 47.
17. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 48.
18. ГАВО. Ф. П. 1017. Оп. 1. Д. 51.
19. ГАВО. Ф. П. 1035. Оп. 1. Д. 7.
20. ГАВО. Ф. П. 1035. Оп. 1. Д. 8.
21. ГАВО. Ф. П. 1263. Оп. 1. Д. 12.
22. ГАВО. Ф. П. 1268. Оп. 1. Д. 2.
23. ГАВО. Ф. П. 1268. Оп. 1. Д. 3.
24. ГАВО. Ф. П. 1268. Оп. 1. Д. 4.
25. ГАВО. Ф. П. 1905. Оп. 1. Д. 1.
26. ГАВО. Ф. П. 1905. Оп. 1. Д. 2.
27. ГАВО. Ф. П. 2353. Оп. 1. Д. 1.
28. ГАВО. Ф. П. 2353. Оп. 1. Д. 3.
29. ГАВО. Ф. П. 2419. Оп. 1. Д. 3.
30. ГАВО. Ф. П. 3602. Оп. 1. Д. 2.
31. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 7.
32. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 14.
33. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 16.
34. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 19.
35. ГАВО. Ф. Р. 3289. Оп. 1. Д. 22.
36. ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1135.
37. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1141.
38. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1271.
39. Кербиков М. Д. Торфушки. Взгляд на историю забытого труда // Георгиевские чтения : сб. тр. по военной истории Отечества. РВИО. М. : Яуза-Каталог, 2021. С. 521–536.
40. Копенкин В. Д., Копенкина Л. В. Гидроторф в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № S4. С. 479–484.
41. Копенкина Л. В. Добыча торфа в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы) // Труды Инсторфа. 2020. № 31 (84). С. 55–60.
42. Копенкина Л. В. Научные исследования в области добычи, переработки и применения торфа в годы Великой Отечественной войны // Труды Инсторфа. 2020. 21(74). С. 48–52.
43. Марков В. И. Периоды развития торфяной промышленности в России // Труды Инсторфа. 2012. № 6 (59). С. 10–21.
44. Пиксайкин В. К. Добыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг. // Экономическая история. 2011 (14). № 3. С. 37–46.
45. Родионов Н. А. Вопросы использования трудовых ресурсов Мордовской АССР в торфодобывающей промышленности Удмуртской республики (1940–1960-е годы) // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 53–64.
46. Родионов Н. А. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941–1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 1 (51), ч. I. С. 168–172.
47. Родионов Н. А. Прием, устройство и трудоустройство спецпереселенцев в торфяной промышленности Западного Урала в 1940–1950-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2016. № 8(70). С. 184–187.
48. Родионов Н. А. Рабочие-торфяники Удмуртии в период Великой Отечественной войны // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Глазов : Изд-во Глазовского гос. пед. ин-та, 2002. С. 26–28.
49. Уваров С. Н. Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 64–74.
50. Хисамутдинова Р. Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начале 50-х гг. XX века (на материалах Урала) // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2013. № 2. URL: <http://www.vestospu.ru>.
51. Шалак А. В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск : ИГЭА, 1998. 183 с.

The Auxiliary Activities of Peat Enterprises in Support of Peat Extraction under the Conditions of the Great Patriotic War (Based on Materials from the Vladimir and Ivanovo Regions)

Tryakhov Ilya Sergeevich

PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of Russian History, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0001-6488-5205. ResearcherID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the non-core activities of peat enterprises under the conditions of the Great Patriotic War. During the hard times of the war, peat was one of the most important sources of energy both for generating electricity and for the plants and factories of a number of industries. In addition, this type of fuel was actively used by the municipal utilities of the Vladimir and Ivanovo regions. The main activity of the enterprises was connected with a whole range of measures that were necessary for the effective work of the peat producers, given the difficult working and living conditions of the workers. The sources were the collections of the state archives of the Vladimir and Ivanovo regions, among which the documents of the primary party organizations of a number of enterprises were of particular importance. They contain information (not always complete) about the functioning of subsidiary farms, the social practices of the war years, and the work and conduct of the members and candidate members of the CPSU(b) among the workers and the managers of the peat workings. The collections of the regional, city and district party committees, in which the work of the peat enterprises was discussed to various degrees, as well as periodical press materials, also played their part in the study. These sources reflect the efforts of the propaganda bodies, the aim of which was to motivate the workers to fulfil and overfulfil the planned targets. As a result of the study, one should note the diversity of the activities of the peat-extraction enterprises and their active participation in aid to the front. At the same time, the social infrastructure of the peat workers' settlements was insufficient, and the self-provision of the enterprises with food was worse than in other industries. The remoteness of the peat-extraction sites from urban centres more often led to various abuses on the part of the administration.

Keywords: the Great Patriotic War, peat enterprises, the food problem, agitation and propaganda, the social practices of the war years.

References

1. Beznin M. A., Dimoni T. M., Izyumova L. V. *Povinnosti rossijskogo krest'yanstva v 1930–1960-h gg.* [The Obligations of the Russian Peasantry in the 1930s–1960s]. Vologda, Vologodskij NC CEMI RAN (Vologda Scientific Centre of the Central Economics and Mathematics Institute of the RAS), 2001. 141 p.
2. *Bol'shevik – pechatnyj organ gorkoma VKP(b)* – Bol'shevik – the printed organ of the City Committee of the CPSU(b). Gus-Khrustalny. 1941–1944.
3. *Bol'shevistskij put' – pechatnyj organ rajkoma VKP(b)* – The Bolshevik Path – the printed organ of the District Committee of the CPSU(b). Kurlovo District. 1942–1945.
4. Budnik G. A., Koroleva T. V., Kotlova T. B. *Problemy energetiki prifrontovykh oblastej centra Rossii v 1941–1945 gg.* [Problems of the Power Industry of the Frontline Regions of Central Russia in 1941–1945] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Vestnik of Kostroma State University. 2020. Vol. 26, No. 2. Pp. 88–96. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-88-96.
5. *V boj za torf – pechatnyj organ pervichnoj partorganizacii Vtorovskogo torfopredpriyatiya* – Into the battle for peat – the printed organ of the primary party organization. Vtorovskoe Peat Enterprise. 1943–1944.
6. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g.* [The All-Union Population Census of 1939]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php.
7. SAVR (State Archive of the Vladimir Region). F. P. 112. Op. 3. D. 147.
8. SAVR. F. P. 118. Op. 1. D. 82.
9. SAVR. F. P. 175. Op. 1. D. 10.
10. SAVR. F. P. 175. Op. 1. D. 12.
11. SAVR. F. P. 175. Op. 1. D. 13.
12. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 41.
13. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 43.
14. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 44.
15. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 45.
16. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 47.
17. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 48.
18. SAVR. F. P. 1017. Op. 1. D. 51.
19. SAVR. F. P. 1035. Op. 1. D. 7.
20. SAVR. F. P. 1035. Op. 1. D. 8.
21. SAVR. F. P. 1263. Op. 1. D. 12.
22. SAVR. F. P. 1268. Op. 1. D. 2.

23. SAVR. F. P. 1268. Op. 1. D. 3.
24. SAVR. F. P. 1268. Op. 1. D. 4.
25. SAVR. F. P. 1905. Op. 1. D. 1.
26. SAVR. F. P. 1905. Op. 1. D. 2.
27. SAVR. F. P. 2353. Op. 1. D. 1.
28. SAVR. F. P. 2353. Op. 1. D. 3.
29. SAVR. F. P. 2419. Op. 1. D. 3.
30. SAVR. F. P. 3602. Op. 1. D. 2.
31. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 7.
32. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 14.
33. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 16.
34. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 19.
35. SAVR. F. R. 3289. Op. 1. D. 22.
36. SAIR (State Archive of the Ivanovo Region). F. P. 327. Op. 7. D. 1135.
37. SAIR. F. P. 327. Op. 7. D. 1141.
38. SAIR. F. P. 327. Op. 7. D. 1271.
39. Kerbikov M. D. *Torfushki. Vzgl'yad na istoriyu zabytogo truda* [The Peat Girls. A Look at the History of a Forgotten Labour] // *Georgievskie chteniya : sb. tr. po voennoj istorii Otechestva* – The St. George Readings : a collection of works on the military history of the Fatherland. RVIO. M., Yauza-Katalog, 2021. Pp. 521–536.
40. Kopenkin V. D., Kopenkina L. V. *Gidrotorf v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Hydropeat during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal)* – Mining Informational and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal). 2006. No. S4. Pp. 479–484.
41. Kopenkina L. V. *Dобыча торфа в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы)* [Peat Extraction during the Great Patriotic War (On the 80th Anniversary of the Great Victory)] // *Trudy Instorfa* – Proceedings of Instorf. 2020. No. 31 (84). Pp. 55–60.
42. Kopenkina L. V. *Nauchnye issledovaniya v oblasti dobychi, pererabotki i primeneniya torfa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Scientific Research in the Field of the Extraction, Processing and Application of Peat during the Great Patriotic War] // *Trudy Instorfa* – Proceedings of Instorf. 2020. No. 21 (74). Pp. 48–52.
43. Markov V. I. *Periody razvitiya torfyanoy promyshlennosti v Rossii* [The Periods of the Development of the Peat Industry in Russia] // *Trudy Instorfa* – Proceedings of Instorf. 2012. No. 6 (59). Pp. 10–21.
44. Piksajkin V. K. *Dобыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг.* [Peat Extraction by the Enterprises of the Local Fuel Industry of the Mordovian ASSR in the 1940s–1990s] // *Ekonomicheskaya istoriya* – Economic History. 2011. No. 3 (14). Pp. 37–46.
45. Rodionov N. A. *Voprosy ispol'zovaniya trudovyh resursov Mordovskoj ASSR v torfodobyvayushchej promyshlennosti Udmurtskoj respubliki (1940–1960-е годы)* [Issues of the Use of the Labour Resources of the Mordovian ASSR in the Peat-Extraction Industry of the Udmurt Republic (the 1940s–1960s)] // *Ekonomicheskaya istoriya* – Economic History. 2012. No. 2 (17). Pp. 53–64.
46. Rodionov N. A. *Mobilizaciya torfjanyh resursov Urala na nuzhdy voennogo proizvodstva (1941–1945 gg.)* [The Mobilization of the Peat Resources of the Urals for the Needs of War Production (1941–1945)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. Tambov, Gramota, 2015. No. 1 (51), part I. Pp. 168–172.
47. Rodionov N. A. *Priem, ustrojstvo i trudoispol'zovanie specpereselencev v torfyanoy promyshlennosti Zapadnogo Urala v 1940–1950-е гг.* [The Reception, Accommodation and Labour Use of Special Settlers in the Peat Industry of the Western Urals in the 1940s–1950s] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. Tambov, Gramota, 2016. No. 8 (70). Pp. 184–187.
48. Rodionov N. A. *Rabochie-torfyaniki Udmurtii v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Peat Workers of Udmurtia during the Great Patriotic War] // *Material'naya i duhovnaya kul'tura narodov Povolzh'ya i Urala: istoriya i sovremennost'* [The Material and Spiritual Culture of the Peoples of the Volga Region and the Urals: History and Modernity]. Glazov, Izd-vo Glazovskogo gos. ped. in-ta (Glazov State Pedagogical Institute Press), 2002. Pp. 26–28.
49. Uvarov S. N. *Trudovye povinnosti krest'yan Udmurtii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Labour Obligations of the Peasants of Udmurtia during the Great Patriotic War] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* – Bulletin of Udmurt University. History and Philology. 2015. Vol. 25, is. 1. Pp. 64–74.
50. Hisamutdinova R. R. *Gosudarstvennye trudovye povinnosti sovetskogo krest'yanstva v 40-е – nachale 50-х гг. XX veka (na materialah Urala)* [The State Labour Obligations of the Soviet Peasantry in the 1940s – Early 1950s (Based on Materials of the Urals)] // *Vestn. Orenb. gos. ped. un-ta. Elektron. nauch. zhurn.* – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2013. No. 2. Available at: <http://www.vestospu.ru>.
51. Shalak A. V. *Usloviya zhizni i byta naseleniya Vostochnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [The Living Conditions and Everyday Life of the Population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Irkutsk, IGEA, 1998. 183 p.

Поступила в редакцию: 13.10.2025

Принята к публикации: 27.04.2026

Роль организации «Американские друзья Ближнего Востока» в ближневосточной политике США 1950–1960-х гг.*

Сенников Алексей Иванович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839. ResearcherID: I-4292-2018.
Scopus Author ID: 57694744000. SPIN-код: 3759-1295. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению деятельности организации «Американские друзья Ближнего Востока» как компонента политики культурных войн США в рамках идеологического противостояния 1950–1960-х гг. с СССР в ближневосточном регионе. На примере некоммерческой организации прослеживаются подходы Центрального разведывательного управления к созданию аффилированных организаций, выполнявших «фронтальную» роль в культурной холодной войне. В статье использованы документы из архивов ЦРУ, Государственного департамента, Национального архива США, частных коллекций и фондов, а также периодические и отчетные издания самой организации, что позволяет подробно рассмотреть ее деятельность. «Американские друзья Ближнего Востока» появились в результате совпадения чаяний части американских интеллектуалов и общественных деятелей по сохранению доброжелательных отношений с арабским миром с интересами разведки по продвижению позитивного образа США для противодействия росту советского влияния на периферии холодной войны. ЦРУ сыграло важную роль в создании организации, притом что ее зарождение происходило на общественных началах. Последнее выразилось в том, что «Американские друзья» оказались одной из ведущих антисиионистских сил и в 1950-е гг. активно боролись с влиянием растущего израильского лобби внутри США. Ряд внешнеполитических неудач Вашингтона в контексте ближневосточных кризисов середины 1950-х гг. привел к перестановкам в организации, ее большей зависимости от государственных органов, снижению антисиионистской пропаганды. С другой стороны, при администрации Эйзенхауэра, заинтересованной в «психологической войне» с СССР, организация была востребована как одно из ее орудий на Ближнем Востоке. С приходом к власти президентов-демократов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона «Американские друзья» утратили привилегированное положение, вынуждены были еще больше снизить публичную активность и встать под плотный патронаж ЦРУ. Вместе с тем роль культурной дипломатии и информационно-пропагандистских войн при Кеннеди только усиливалась, что позволяло организации оставаться на плаву. Это не спасло ее от преследования произраильскими силами в США, которые стали вскрывать связи организации с структурами. В начале 1967 г. «Американские друзья Ближнего Востока» – в эпицентре скандала о спонсировании разведкой пропагандистских культурных организаций в США. Сильным ударом по организации стала третья арабо-израильская война 1967 г., сведшая на нет многолетние усилия по продвижению позитивного образа США. Однако, как показывают документы, организация смогла пережить эти неурядицы и продолжила существовать в менее публичном и обновленном виде.

Ключевые слова: «Американские друзья Ближнего Востока», ближневосточная политика США, периферия холодной войны, культурные войны, ЦРУ.

Введение. В годы холодной войны американо-советское противостояние принимало различные формы, в том числе идеологической борьбы, которая велась не только в пропагандистском поле, но и через применение «мягкой силы», воздействие на общества стран Третьего мира – периферии холодной войны. В качестве инструментов «мягкой силы» США использовали некоммерческие организации (далее – НКО), которые на основе выстраивания межличностных и межкультурных отношений должны были продвигать проамериканские взгляды на мир, возвращать западно-ориентированную политическую, экономическую и культурную элиту.

Частная НКО «Американские друзья Ближнего Востока» (American Friends of the Middle East, далее – АДБВ), будучи структурой, аффилированной с американской разведкой, являлась частью широкой стратегии США по противодействию советскому влиянию на Ближнем Востоке

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10179-П).
© Сенников Алексей Иванович, 2026

и продвижению американских интересов посредством культурного и образовательного обмена. Одновременно с этим АДБВ выступала в качестве одной из первых организаций, лоббировавших арабские интересы, и интеллектуального противовеса усилению произраильских настроений в обществе и политическом дискурсе Америки. Хотя данная организация была не единственной в структуре культурных активов американской разведки, она заняла видное место в реализации ближневосточной стратегии США начального этапа холодной войны.

Изучение деятельности организации нашло ограниченное отражение в работах американских авторов. Х. Уилфорд в монографии «Американская большая игра» проанализировал истоки формирования американской политики на Ближнем Востоке и ту роль, которая отводилась в ней тайным операциям разведки США [70]. В другой статье он осветил историю создания АДБВ [69]. В фокусе внимания Уилфорда – роль НКО как инструмента борьбы за умы американцев, тогда как влияние организации в продвижении американизма на Ближнем Востоке затрагивалось вскользь. Дж. Левин и Д. Россиноу рассматривали деятельность АДБВ в контексте борьбы проарабских и произраильских движений внутри США [52; 61]. Среди отечественных научных трудов упоминание о АДБВ встречается только у Н. А. Цветковой [6]. В целом можно констатировать, что в контексте изучения идеологической борьбы за умы стран периферии холодной войны АДБВ не получила должного освещения.

Настоящее исследование призвано на примере деятельности АДБВ в 1950–1960-е гг. осветить политику США в области организации культурно-идеологической борьбы США с СССР на Ближнем Востоке. Проблема препарируется через призму документов Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Государственного департамента, Национального архива США (NARA), документов АДБВ, периодики. Фактическое признание факта взаимосвязи ЦРУ и АДБВ содержится в обнародованной NARA в 2023 г. брошюре, посвященной тайной поддержке управлением американских антикоммунистических групп в период холодной войны [68]. Хотя текст этого документа серьезно отредактирован, версия 2023 г., в отличие от более ранней версии 2014 г. [69, р. 94], уже не скрывает, что АДБВ являлась «фронтальной» организацией идеологической борьбы США против советского влияния.

Исторический контекст становления АДБВ. Ключевую роль в создании НКО сыграл К. Рузвельт¹. Во второй половине 1940-х гг. он увлекался религиозно-философскими идеями о древнем долге Запада перед Востоком и благодатности синтеза христианской и мусульманской цивилизаций, которые пытался совместить с геополитическими императивами ближневосточной политики США: удержанием западного влияния в регионе, противодействием проникновению туда коммунизма. Рузвельт находился под определенным влиянием старших товарищей и ближайших друзей: У. Эдди², С. Пенроуза³, Э. Бергера⁴ и Г. Левинсона (бывшего

¹ Кермит «Ким» Рузвельт (1916–2000) – внук президента США Т. Рузвельта, в годы Второй мировой войны служил в Управлении стратегических служб (УСС), предшественнике ЦРУ. В 1945–1949 гг. занимался общественной и академической деятельностью. С ноября 1949 г. начал сотрудничать, а в начале 1950 г. поступил на работу в ЦРУ, где отвечал за ближневосточное направление. Поддерживал контакты с лидером египетской революции 1952 г. Г. А. Насером; руководил операцией «Аякс» по свержению антизападного премьер-министра Ирана М. Моссадыка в 1953 г., разрабатывал операции по смене режимов в Египте и Сирии во второй половине 1950-х гг. В 1958 г. покинул разведку и занялся PR- и GR-деятельностью для нефтяных и оборонных фирм США [49]. Был среди основателей АДБВ и до 1967 г. оставался членом попечительского совета организации. Через семейные связи был с юности знаком с А. Даллесом, который и привлек Кима в ЦРУ [69, р. 101].

² Уильям А. Эдди (1896–1962) – американский военный разведчик, педагог и дипломат. В годы Второй мировой войны служил в морской разведке и УСС. В 1943–1946 гг. – заместитель посланника и посланник США в Саудовской Аравии, был переводчиком при исторической встрече Ф. Д. Рузвельта с королем Абдулазизом ибн Саудом в феврале 1945 г. После войны был среди организаторов Бюро разведки и исследований Госдепартамента и ЦРУ. После 1947 г. был резидентом ЦРУ в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке под прикрытием должности консультанта АРАМКО. Поддерживал деятельность АДБВ [48].

³ Стивен Б. Л. Пенроуз-младший (1908–1954) – американский ученый-физик, религиозный философ и разведчик. В 1942–1945 гг. был начальником Ближневосточного отдела УСС, под чьим началом служил К. Рузвельт. С 1948 г. до своей смерти в 1954 г. был президентом Американского университета Бейрута (Ливан). Сторонник развития американо-арабских отношений, справедливого раздела Палестины. Был в дружеских отношениях с братьями Дж. и А. Даллесами. Состоял в АДБВ.

⁴ Элмер Бергер (1908–1996) – американский реформистский раввин, основатель антиссионистского Американского иудейского совета – АИС – в 1942 г., председателем которого оставался до 1955 г. и членом до 1968 г. Автор ряда полемических книг против еврейского национализма – сионизма. Был среди основателей как Комитета, так и АДБВ [28; 60].

сотрудника Госдепартамента, члена АИС) [69, р. 98; 70, р. 123, 124], указывавших на ущербность сионистских идей как оторванных от традиций иудаизма и близких по духу к социалистической доктрине.

Рузвельту принадлежала инициатива создания Комитета за справедливость и мир на Святой Земле – предшественника АДБВ. Комитет был образован 2 марта 1948 г. при поддержке общественной деятельницы В. Гилдерслив⁵ (номинальный председатель и «лицо» проекта), христианского активиста Г. Хопкинса⁶, а также Левинсона и Бергера [10, р. 3], чье еврейское происхождение позволяло отбиваться от обвинений в антисемитизме. Комитет выступил с осуждением идеи раздела Палестины, ратовал за восстановление традиционных американо-арабских дружеских отношений, которым навредила поддержка Вашингтоном сионизма [27, р. 1, 2; 53]. После завершения первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. и временного обострения отношений арабских стран с США деятельность комитета фактически прекратилась, он был распущен в феврале 1950 г. По утверждению Х. Уилфорда не последнюю роль в этом сыграло отсутствие финансирования [69, р. 99].

Антисионистские идеологические установки, распространенные Комитетом, нашли отклик в американском обществе. Сторонницей идей комитета стала Д. Томпсон⁷. На основе антисионистских взглядов она завязала переписку с Э. Бергером, а через него с К. Рузвельтом. Последний, уже находясь на службе в ЦРУ, помог организовать для Томпсон новую поездку на Ближний Восток в декабре 1950 – январе 1951 гг. [70, р. 117] По наводке заместителя директора ЦРУ А. Даллеса в марте 1951 г. Рузвельт выступил посредником между Д. Томпсон, Э. Бергером и К. Энгертом⁸, параллельно вынашивавшими планы создания «небольшой группы содействия дружеским отношениям и интересу к Ближнему Востоку». Они составили прокламацию к видным американским общественным деятелям, провозглашавшую важность «духовных и культурных связей» между цивилизациями Ближнего Востока и Запада, для защиты от «наступления, которое готовит коммунизм» [70, р. 118, 119].

Историю АДБВ до 1967 г. можно подразделить на два периода: 1) с 1951 по 1957 г. – время открытой идеологической борьбы за сближение с арабами и противодействие сионизму; 2) с 1958 по 1967 г. – переход к менее публичной пропагандистской деятельности и углублению культурной работы по заказу американской разведки.

Первый период существования АДБВ. НКО «Американские друзья Ближнего Востока» была основана 15 мая 1951 г. в Нью-Йорке 24 американскими интеллектуалами, включая Д. Томпсон (председатель первого совета попечителей в 1951–1957 гг.), Г. Хопкинса (заместитель председателя в 1951–1956 гг.), К. Энгерта (казначей) и др. [10, р. 4] Согласно официальной документации, это была членская организация, созданная для содействия взаимопониманию и дружбе между народами Ближнего Востока и Соединенных Штатов. Она предостав-

⁵ Вирджиния Гилдерслив (1877–1965) была американским филологом и исследователем-международником, деканом Барнард-колледжа (1911–1946), соучредителем Международной федерации женщин – университетских преподавателей и единственной женщиной в составе американской делегации на Сан-Францисской конференции в апреле 1945 г., где обсуждалось создание Организации Объединенных Наций. После завершения академической карьеры в 1946 г. Гилдерслив стала одним из наиболее известных и влиятельных участников христианского антисионистского движения в США. Была членом АДБВ.

⁶ Гарланд Э. Хопкинс (1913–1965) – священник Методистской церкви США из Вирджинии, ставший известным в 1940-е гг. благодаря религиозным дебатам с евангельскими христианами – сторонниками христианского сионизма. Был одним из основателей АДБВ [38].

⁷ Дороти Томпсон (1893–1961) – известная американская журналистка и радиоведущая, прославилась как борец против фашизма и нацизма, активист за права человека. В 1939 г. журнал «Тайм» назвал ее самой влиятельной женщиной США после Элеоноры Рузвельт (жены президента Ф. Д. Рузвельта). Если в 1930-е гг. она была сторонником сионистского движения, то после посещения Палестины в 1945 г. стала выступать с антисионистских позиций, что стоило ей популярности. Вела активную переписку по арабо-израильской проблеме с президентами Г. Трумэном и Д. Эйзенхауэром, госсекретарями Дж. Маршаллом, Д. Ачесоном, Дж. Даллесом и его братом А. Даллесом (в 1950–1953 гг. заместителем директора и в 1953–1961 гг. директором ЦРУ).

⁸ Корнелиус В. Х. Энгерт (1887–1985) – американский дипломат и ученый-востоковед, в 1912–1936 гг. служил на различных дипломатических должностях в Османской империи, Турецкой Республике, Иране, Ираке, Афганистане, Латинской Америке, затем был временным поверенным и послом-резидентом в Эфиопии (1935–1937 гг.), поверенным в делах в Иране (1937–1940 гг.), посланником в Афганистане (1942–1945 гг.). После 1945 г. занимался научной и общественной деятельностью, связанной с борьбой против сионистского влияния в США. Ближайшим другом Энгерта был А. Даллес.

ляла специализированные услуги в области ближневосточной аналитики, организации образовательных и культурных обменов, издания журналов, книг и брошюр, посвященных специфике стран Ближнего Востока; осуществляла спонсорские и благотворительные акции в отношении ближневосточных библиотек, просветительских лекционных мероприятий между США и мусульманскими странами; организовывала программы по работе со студентами для развития у них лидерских качеств [65]. С другой стороны, критики АДБВ из антисиионистского лагеря указывали на самоцензуру, недемократичность, закрытость и элитарность организации [70, р. 235].

«Американские друзья» практически сразу стали не просто проарабской организацией, а платформой открытого продвижения антисиионистских взглядов, притом что к 1950-м гг. произраильское лобби уже было достаточно сформированным и обладало значительным информационным ресурсом, благодаря которому антисиионистские силы были почти полностью маргинализированы [61, р. 25]. АДБВ ожидала такая же участь, если бы не поддержка государственных структур. Госдепартамент и ЦРУ были заинтересованы в ее использовании в качестве инструмента культурной дипломатии США на Ближнем Востоке, а антисиионистские взгляды членов организации воспринимались скорее положительно [42]. Поскольку Рузвельт был занят тайными операциями на Ближнем Востоке, вместо него куратором АДБВ от ЦРУ стал кадровый разведчик М. Элиот⁹, которого члены организации называли между собой «мальчиком на побегушках Кима» [69, р. 101, 102].

Первый период деятельности АДБВ прочно связан с личностями Д. Томпсон и Г. Хопкинса. Первая выступала в качестве «лица» организации, занимаясь вербовкой и распространением влияния АДБВ внутри США [10, р. 8]; второй был ответственен за практическую работу, под его присмотром создавались региональные офисы в странах Ближнего Востока: Каире, Бейруте, Тегеране, Алеппо, Дамаске, Иерусалиме и Багдаде [10, р. 5, 7]. АДБВ удалось обзавестись связями в истеблишменте и руководстве ряда арабских стран, получить поддержку со стороны Лиги арабских государств, что приносило плоды американской культурной политике, но вместе с громкими антисиионистскими заявлениями стало привлекать внимание израильтян и их сторонников в США [25, р. 23, 24].

Финансовой основой работы АДБВ были членские взносы и пожертвования частных фондов, которые в будущем будут раскрыты как «отмывочные» ЦРУ. В 1952–1954 гг. финансовую поддержку АДБВ оказывала американо-саудовская нефтяная компания АРАМКО [69, р. 101, 111], что было напрямую связано с разведывательной деятельностью Рузвельта в Саудовской Аравии и Иране [29, р. 114]. На пике в 1955 г. у АДБВ был бюджет в 500 тыс. долл. [69, р. 103], за 1952–1957 гг. организации поступило свыше 1,5 млн долл. пожертвований [52, р. 133].

Под эгидой АДБВ в 1952 г. была создана Организация арабских студентов в США [11, р. 16], в апреле 1954 г. в Саудовской Аравии прошло совещание христианских и мусульманских богословов, результатом которого стало создание Постоянного комитета по мусульманско-христианскому сотрудничеству (далее – ПКМХС) [12, р. 36, 37]; выходили книги, продвигавшие образ «бескорыстной доброжелательности» США на Ближнем Востоке, противопоставляемый «традиционному русскому экспансионизму» [14, р. 35]. Американское руководство поддерживало участие АДБВ в формировании «морального содружества христиан и мусульман против безбожного коммунизма» [13, р. 6].

В то же время руководители организации оставались убежденными антисиионистами, продолжили открыто выступать против Израиля и его палестинской политики, особенно после прихода на президентский пост в 1953 г. Д. Эйзенхауэра, считавшегося не зависящим от еврейского лоббизма. Администрация Эйзенхауэра быстро взяла на вооружение арсенал «психологических войн», благодаря чему значимость АДБВ в ближневосточной политике Вашингтона возрастала. Способствовал этому и определенный религиозный морализм госсекретаря Дж. Даллеса [1, с. 179]. К сожалению для руководителей организации, интересы Белого дома быстро сузились до простой формулы: удержать контроль над нефтью и сдержать советское влияние [57, р. 131].

⁹ Мэтер Г. Элиот (1911 – н. в.) – потомок известного бостонского семейства Элиотов, пятиюродный племянник американского поэта Т. С. Элиота – любимого автора Кима Рузвельта. С 1950 г. на работе в ЦРУ. В 1951–1953 гг. курировал АДБВ под прикрытием должности личного секретаря Д. Томпсон, в 1953–1956 гг. был директором ближневосточного отдела АДБВ. В 1956 г. покинул НКО и продолжил работу под прикрытием в арабских странах [12, р. 32; 14, р. 10; 70, р. 56].

Рубежом первого периода стали события 1956–1957 гг., которые руководством организации были названы «временем испытания» [15, р. 1]. Свои посты покинули Г. Хопкинс в 1956 г. (согласно отчету АДБВ, чтобы сосредоточиться на работе в ПКМХС) и Д. Томпсон в 1957 г. (согласно отчету АДБВ, из-за «серьезной загруженности писательской и лекторской работой»). Реальной причиной было давление со стороны администрации Эйзенхауэра [68; 69, р. 102, 103, 104; 70, р. 238] в ответ на попытки выступить с поддержкой режима Г. А. Насера в Египте [14, р. 7, 8; 52, р. 139, 162; 66; 70, р. 210], что в условиях Суэцкого кризиса 1956 г. официальным Вашингтоном не приветствовалось [1, с. 295; 4, с. 44, 50, 63, 68, 71]. В 1956 г. АДБВ покинул М. Элиот, его сменила сотрудница ЦРУ Лорр-эйн Нортон (в будущем жена Элиота). Примерно в это же время активную роль в организации перестал играть К. Рузвельт¹⁰, ушедший из разведки в 1958 г. Несмотря на подобные перестановки, ЦРУ весьма высоко оценивало вклад АДБВ в продвижение образа США в регионе [68].

Израильский кейс. В деятельности АДБВ значительное место занимала критика конкретных действий государства Израиль в отношении оккупированных арабских территорий и обращения с беженцами, а антиссионистские выпады отдельных ее членов преподносились в качестве их личного мнения [14, р. 12]. НКО в целом поддерживала миротворческие инициативы в арабо-израильском конфликте [12, р. 6; 14, р. 20].

Активность АДБВ практически сразу начала вызывать подозрения еврейских сионистских организаций (Американского еврейского совета, Антидиффамационной лиги Бней-Брит и Американского еврейского конгресса), однако курировавшие их израильские дипломаты рекомендовали наблюдать и собирать информацию, но не чинить препятствия «Американским друзьям» и не пытаться вступить в их ряды ради саботажа [25, р. 1, 2, 7]. Израильяне налаживали контакты с представителями АДБВ, с одной стороны, считая многих ее членов и сторонников умеренными критиками Израиля, с другой – опасаясь, что за ней могут стоять интересы и финансы богатых арабских стран – врагов Израиля [25, р. 9–11]. Представители АДБВ, например Г. Хопкинс, благосклонно относились к подобным контактам [25, р. 15, 16, 25], но практического результата в смысле снижения антиизраильского настроения этой организации они не дали [25, р. 19, 20, 26, 27].

Один из видных деятелей «Американских друзей» Э. Хатчисон¹¹ служил военным экспертом органа ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (далее – ОНВУП), в ноябре 1951 – октябре 1954 г. был председателем иорданско-израильской смешанной комиссии по соблюдению условий перемирия (далее – ИИСК) [35; 47], участвовал в разрешении противоречий между противоборствующими сторонами, расследовании актов военной контрабанды и взаимного терроризма [47, р. 10, 17, 20, 41, 47, 55, 57]. Израильяне прибегали к медийному давлению на ИИСК для блокирования неугодных и принятия выгодных им резолюций. В марте 1954 г. Израиль использовал отказ Хатчисона осудить Иорданию за вылазки палестинских партизан-фидайнов якобы с ее территории в качестве предлога для семимесячного бойкота ИИСК, параллельно через сторонников в США вбрасывая нарратив об антисемитизме членов комиссии [45]. В период бойкота израильяне «случайно» обстреливали наблюдателей ООН [47, р. 80, 81, 84]. Под таким давлением Хатчисона освободили от работы в ИИСК в ноябре 1954 г., а затем и вовсе отозвали на родину.

На основе опыта работы в ОНВУП Хатчисон подготовил книгу «Жестокое перемирие» (“Violent Truce”)¹², в основу которой были положены документы и личные воспоминания с негативной оценкой израильской позиции в отношении арабов и соблюдения условий перемирия¹³. Книга воспринималась современниками как пропагандистский памфлет, в котором

¹⁰ О действиях Рузвельта накануне Суэцкого кризиса см.: [4, с. 28, 48, 72, 103, 148]. О его дальнейшей деятельности см.: [2, с. 348, 352].

¹¹ Элмо Хатчисон (1910–1964) – кадровый американский военный, командер ВМФ США, после завершения работы в ОНВУП в 1956 г. возглавил Каирский офис АДБВ, где работал до своей скоростной смерти в 1964 г.

¹² Вступительные слова к воспоминаниям написал начальник ОНВУП в 1953–1954 гг. В. Беннике (Дания), также вынужденный оставить свой пост под давлением израильян, и двое американских военных, служивших в ОНВУП и ИИСК в то же время, подтвердившие важность и достоверность сведений Хатчисона.

¹³ По приведенным сведениям, за период с июня 1949 по октябрь 1954 гг. Израиль обвинил Иорданию в нарушении условий перемирия 1612 раз, а обратных обвинений было 1348. При разбивке их по конкретным темам Израиль в превышающем количестве был виновен в вооруженных инцидентах, тогда как большинство нарушений, приписываемых Иордании, касались перехода границы невооруженными группами или индивидами. Из 2960 только по 155 случаям были вынесены резолюции с осуждением: 60 раз Иордании и 95 – Израиля [47, р. 90, 91].

сионизм и расширение советского присутствия преподносились как главные угрозы позициям Запада на Ближнем Востоке [47, р. 96, 97, 125–127, 130, 131]. В историческом эссе ЦРУ о деятельности АДБВ роль Э. Хатчисона в продвижении антиизраильских идей замалчивается (или изъята). Его действия в качестве посредника между США и «радикальными» арабскими странами (Египтом и Сирией) оцениваются высоко: хотя местные спецслужбы подозревали в нем агента ЦРУ, это шло только на пользу налаживанию контактов [68].

Другой представитель АДБВ реформистский раввин М. Лазарон в 1953 г. посетил палестинские лагеря беженцев в Ливане. Вынесенный из этого посещения опыт сопереживания трагедии арабов лег в основу воспоминаний «Оливковые деревья в бурю», изданных организацией в 1955 г. [52, р. 11, 181] В том же году Д. Томпсон добились разрешения опубликовать первую англоязычную версию книги Г. А. Насера «Освобождение Египта». АДБВ проводила агрессивную кампанию по продвижению книг, что стало одним из переломных моментов в ожесточении сионистских организаций США в противодействии ей [14, р. 38–40; 25, р. 23; 52, р. 140; 69, р. 109; 70, р. 183, 186].

Второй период деятельности АДБВ. В качестве исполнительного директора Хопкинса сменил Ч. Хулак¹⁴ (в 1956–1957 гг.), а вместо Томпсон вторым председателем совета попечителей стал Г. Майнор¹⁵ (в 1957–1960 гг.) [15, р. 3, 4]. Часть ее полномочий ранее была передана ставленнику Белого дома Э. Элсону¹⁶, ставшему председателем национального совета организации (в 1955–1967 гг.) [14, р. 3, 4; 24, р. 15]. Из старого состава ключевые позиции сохранили К. Энгер и Э. Бергер. Со сменой руководства начался второй период существования организации (1957–1967 гг.), отмеченный усилением влияния на нее со стороны американского правительства и разведки, постепенным снижением антиизраильской активности. Начало символизировало открытое послание нового председателя членам и друзьям АДБВ с разъяснением произошедших в руководстве изменений, с акцентированием внимания на необходимости «в сложных политических условиях» сосредоточиться на выполнении миссии продвижения интересов США в «регионе общих интересов» с тем, чтобы внести должный вклад в «холодное противостояние двух ключевых блоков» [16, р. 1–3].

В начале второго периода (1957–1960 гг.) кураторство над АДБВ перешло Госдепартаменту, который открыто взял шефство над некоторыми программами обменов [17, р. 8, 9], временами используя организацию как прикрытие в разрешении щекотливых для администрации ситуаций со странами Ближнего Востока¹⁷ и даже напрямую помышляя действиями своего бывшего сотрудника, ныне председателя АДБВ Майнора [43]. В 1960 г. Майнор занял пост вице-председателя, а третьим председателем стал промышленник Э. Бантинг (в 1960 – не ранее 1968 гг.) [19, р. 20].

¹⁴ Чарльз Р. Хулак (1915–1970) – пресвитерианский миссионер и педагог, в 1940–1946 гг. – настоятель американского протестантского прихода в Тегеране, в 1946–1950 гг. – исполнительный директор американо-иранского религиозного просветительского фонда «Эльборз», в 1952–1956 гг. возглавлял Тегеранский офис АДБВ. В этом качестве он организовывал просветительскую работу среди иранских граждан, студенческие обмены между США и Ираном, а также поддерживал тайную операцию ЦРУ по свержению М. Моссадыка под руководством его друга и соратника по АДБВ К. Рузвельта. Являлся внештатным сотрудником или конфидентом ЦРУ. См.: [12, р. 23; 70, р. 239]. Опосредованную оценку результатов деятельности Хулака см.: [6, с. 275, 276].

¹⁵ Гарольд Майнор (1902–1984) – американский дипломат, был консулом в Иерусалиме (1936–1938 гг.) и Тегеране (1938–1940 гг.), в годы Второй мировой войны возглавлял отдел по делам Ближнего Востока и Индии Госдепартамента, затем был посланником и первым послом США в Ливане (1951–1953 гг.), после чего работал начальником отдела GR нефтяной компании АРАМКО. Член АДБВ с 1955 г.

¹⁶ Эдвард Л.Р. Элсон (1906–1993) – американский пресвитерианский священник. В годы Второй мировой войны был военным священником, в 1944 г. во Франции познакомился с ген. Д. Эйзенхауэром, был его представителем на переговорах с немецкими священнослужителями. С 1946 г. являлся настоятелем главной пресвитерианской церкви Вашингтона, крестил президента Д. Эйзенхауэра в феврале 1953 г. и был его духовным наставником. В 1969–1981 гг. был капелланом Сената США. Вступил в АДБВ в 1952 г. См.: [44; 46].

¹⁷ Например, в июле – августе 1957 г. Э. Элсон посетил Сирию, Египет, Ливан и Иорданию (среди прочих), проведя переговоры с руководством этих стран в начальный период Сирийского политического кризиса 1957 г. В конце года Бейрут посетили Г. Лэмб, Э. Хатчисон и Ч. Хулак, составившие записку об этноконфессиональном состоянии Ливана незадолго до начала Ливанского политического кризиса 1958 г. В 1958 и 1959 гг. члены АДБВ совершали визиты вежливости к Г. А. Насеру в моменты обострений его отношений с Москвой и Багдадом. См.: [16, р. 15–17; 17, р. 10, 11; 70, р. 180].

Ключевая роль в связях «Американских друзей» с администрацией перешла к Э. Элсону, имевшему прямой доступ к президенту Эйзенхауэру и госсекретарю Дж. Даллесу (ушел в отставку по состоянию здоровья в апреле 1959 г.), за что его активно критиковали аффилированные с сионистскими организациями медиа [58]. В 1958 г. на фоне ввода американских войск в Ливан Элсон высказал опасения по поводу возможной негативной реакции арабских стран, на что получил от президента ответ: «Уверяю вас, что в любом общении с арабскими лидерами, устным или письменном, я всегда подчеркивал важность духовного фактора в наших отношениях. Я утверждал, что вера в Бога должна объединять нас общей целью – противостоянием атеистическому коммунизму» [51]. В 1959 г. штаб организации был перенесен в Вашингтон, а в начале 1960-х гг. были открыты новые зарубежные офисы в Аммане, Рабате, Хартуме, Триполи, Тунисе и Кабуле для «обеспечения прямого контакта между отдельными лицами и организациями, занимающимися вопросами Ближнего Востока и Северной Африки» [21, р. 3].

С приходом к власти демократической администрации Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963 гг.) открылась новая фаза второго этапа, продлившаяся до конца президентского срока Л. Джонсона (1963–1967 гг.), когда АДБВ лишилась прямого доступа в Белый дом, а новой доминантой американской ближневосточной политики стал учет позиций Израиля [52, р. 166]. В таких условиях поддержка Госдепартамента была не гарантирована¹⁸, кураторство и финансирование организации вновь перешло к ЦРУ. К этому моменту борьба с сионистами за американское общественное мнение была проиграна [52, р. 189], однако интерес к социально-культурному противостоянию в политических программах Кеннеди и Джонсона только усилился [2, с. 46, 145, 276], что сохраняло важность подобной «фронтальной» организации.

В 1963 г. была введена должность оперативного директора АДБВ, которую занял теолог и председатель Совета Объединенной церкви Христа А. Карлтон, при котором публичная активность организации серьезно сократилась (отчасти вследствие его призыва «к скромности деяний») [20, р. 5]. В 1966 г. в его официальных выступлениях стали звучать благодарственные слова в адрес президента Л. Джонсона за помощь в реализации программ международного образования [23, р. 3]. Упоминание президента США в подобном контексте произошло впервые с 1955 г. Оба события (1963 и 1966 гг.) коррелируют с разоблачениями связей «Американских друзей» с ЦРУ. Ежегодный бюджет организации в 1960–1964 гг. упал до 100–200 тыс. долл., в 1965–1967 гг. поднявшись до 300 тыс., при уровне ежегодных благотворительных дотаций около 1 млн долл. [18, р. 25, 26; 19, р. 23, 24; 20, р. 21, 22; 21, р. 20, 21; 22, р. 17].

Сирийско-иракский кейс. США были заинтересованы в установлении в Сирии проамериканского правительства, для чего активно использовали тайные операции [3, с. 33, 110, 111; 53, р. 52, 54; 54, р. 675, 676]. Дамасский и Багдадский офисы АДБВ представляли собой классические примеры «шпионских гнезд», позволявших сотрудникам ЦРУ выполнять разведывательные операции вне прикрытия посольств, что приобретало важность из-за ряда прошлых провалов, заканчивавшихся высылкой американских дипломатов [71, р. 236]. Сирийский офис был особенно востребован для выполнения «деликатных миссий» в период объединения Сирии с Египтом в Объединенную Арабскую Республику (1959–1961 гг.) [5] и после прихода к власти Партии арабского социалистического возрождения (Баас) в марте 1963 г., когда контроль со стороны местных спецслужб за иностранными дипломатами усиливался, но это не всегда касалось педагогов и общественных деятелей. То же самое было характерно для периода правления А. К. Касема (1958–1963 гг.) в Ираке [62]. Местные сотрудники АДБВ оказывали поддержку ЦРУ по сбору информации и подготовке еженедельных сводок местных событий, предоставляли свои квартиры для конспиративных собраний и сокрытия важной документации [52, р. 133; 69, р. 105; 70, р. 127].

В 1964 г. АДБВ выпустила брошюры, посвященные ситуации в Ираке и Сирии и призванные расширить понимание американцами происходивших в этих странах политических изменений [8; 9]. Авторы, с одной стороны, предупреждали об опасности секулярных тенденций баасизма и иракского национализма, с другой – видели в них более приемлемую модель развития местных арабских обществ в сопоставлении с конкурирующим атеистическим коммунизмом. В 1964–1965 гг. сотрудники АДБВ из Сирии организовали контакты с только что созданной Организацией освобождения Палестины, которые американская разведка исполь-

¹⁸ Хотя некоторые члены организации пользовались поддержкой администрации, например, назначенный послом в Египет Дж. Бадо состоял членом АДБВ с 1953 г. [12, р. 12]. О взглядах и роли Бадо в период администрации Кеннеди см.: [2, с. 11, 114, 122].

зовала для получения актуальной информации об антиизраильском повстанческом движении [52, р. 193, 194]. В мае 1967 г. баасистское правительство Сирии запретило деятельность АБДВ по обвинению в шпионской деятельности [30].

АДБВ после 1967 г. Как отмечает Н. А. Цветкова, организация прекратила свое существование в 1967 г., «поскольку в американском журнале левого толка [Ramparts. – *Прим. авт.*] появилась серия статей о роли ЦРУ в образовательной и культурной деятельности США на международной арене, а особенно в Западной Европе и на Ближнем Востоке», в том числе в поддержке АДБВ [6, с. 276]. Это утверждение нуждается в дополнении.

Сомнения в источниках финансирования организации появились у представителей сионистских организаций США в 1950-е гг., однако тогда их связывали с тайным арабским финансированием. Первое утверждение о причастности ЦРУ к поддержке АДБВ было высказано в сионистских СМИ в 1963 г., однако существенного распространения эта новость тогда не получила [68]. Второй раз причастность разведки к финансированию была поднята в майском выпуске журнала «Нэйшн» за 1966 г., в котором журналист-разоблачитель Р. Шерилл проследил донации в пользу НКО от аффилированных с разведкой фондов в размере 100 тыс. долл. [63]. Эти сведения в брошюре ЦРУ названы достоверными [68].

Обвиняемые данное заявление не прокомментировали, однако оно вызвало обеспокоенность в Госдепартаменте. Госсекретарь Д. Раск (1961–1969 гг.) распорядился провести проверку финансовых связей между правительством США и АДБВ [69, р. 113], которая так и не была закончена к моменту появления череды разоблачительных статей в американских СМИ: сначала в газете «Нью-Йорк Таймс» [36; 63], затем в журнале американских новых левых «Рэмпартс»¹⁹ [64].

Новость о поддержке ЦРУ тут же была подхвачена рядом новостных изданий [34; 37; 55; 68]. К скандалу подключились произраильские законодатели, требовавшие ликвидации «спонсируемой ЦРУ антиизраильской организации» [32; 68], а также тесно связанные с влиятельными еврейскими семьями НКО вроде Американско-израильского комитета по общественным связям (American Israel Public Affairs Committee, AIPAC) [68]. Руководство АДБВ отвергало какие-либо связи с ЦРУ [50], однако в самой разведке с неудовольствием отмечали высокую резонансность этих нападок и их воздействие не только на членов Конгресса²⁰ [67], но и на сотрудников аппарата Белого дома и даже президента [31; 56]. Госдепартамент, быстро оценив ситуацию и отсутствие серьезного ажиотажа вокруг этой темы на Ближнем Востоке, принял решение воздержаться от каких-либо действий и при запросах сообщать об отсутствии сведений о поддержке разведкой АДБВ [39]. Белый дом косвенно подтвердил ответственность за спонсирование ряда НКО, продвигавших интересы страны за рубежом, сославшись на принятые в 1952–1954 гг. постановления СНБ, и с тех пор не пересматривавшиеся ни Кеннеди, ни Джонсоном [40]. Администрации пришлось принимать срочные меры по «отбеливанию» организаций [41, р. 1086].

Скандал как быстро разгорелся, так быстро и затух, а внимание медиа и сионистской общественности переключилось на эскалацию ближневосточного конфликта весной 1967 г. По репутации АДБВ был нанесен удар, тем не менее ей удалось сохранить сторонников среди проарабских интеллектуалов и части финансовой элиты США [24, р. 14, 15; 33]. Куда более серьезные последствия имела третья арабо-израильская (Шестидневная) война. Отношения многих стран региона с США были разорваны, что сводило на нет все достижения АДБВ за 16 лет ее существования; погромам подверглись офисы организации, многих региональных членов пришлось срочно эвакуировать [69, р. 113].

Таким образом, положение «Американских друзей» серьезно пошатнулось как в Америке, так и на Ближнем Востоке. После 1967 г. «Американские друзья» заморозили публичную деятельность, прекратили публикацию отчетов, сосредоточившись на исполнении новой-старой миссии на поприще культурно-образовательных обменов: документы о непубличной деятельности организации прослеживаются как минимум до 1975 г. [65] и даже в 1977 г. [7, р. 7]. В 1979 г. бывший вице-президентом АДБВ О. Паркер учредил НКО «Американские образовательные и учебные службы для Ближнего Востока» (America-Mideast Educational and Training Services), ставшую фактическим продолжателем дела АДБВ и существующую поныне²¹.

¹⁹ В статье АДБВ были одной из нескольких раскрытых «фронтальных» организаций.

²⁰ По версии Сената, АДБВ получили с 1951 по 1967 г. 2345 тыс. долл. пожертвований от девяти подставных фондов ЦРУ [67].

²¹ На сайте организации АДБВ не упоминается, однако история «служб» полностью повторяет историю «Американских друзей» с 1951 по 1967 г. [26].

Заключение. НКО «Американские друзья Ближнего Востока» занимала важное место в ближневосточной политике США 1950–1960-х гг. Рассмотрение ее истории проливает свет на три важные грани начального периода холодной войны: зарождение инструментов идеологического противостояния в формате культурных войн; выработку подходов американской разведки к созданию «фронтальных» организаций в целях формирования среди населения ближневосточных государств общественных настроений, способствующих достижению внешнеполитических целей Вашингтона в этом регионе; борьбу в американском обществе про- и антисионистских взглядов.

Создание АДБВ, ставшее результатом совпадения композитных целей разведки с желанием круга интеллектуалов разрешить назревший общественный запрос на выражение проарабских позиций, способствовало продвижению американских интересов на Ближнем Востоке, усилению симпатий к США со стороны арабов и мусульман, сдерживанию распространения советского влияния на Ближнем Востоке. Тем не менее несовпадение устремлений организации с целями государственной политики США, все больше склонявшейся к поддержке Израиля в конфликте с арабами, вкупе с неспособностью ЦРУ обеспечить достаточную «герметичность» своих действий привело к утрате многих завоеванных позиций во время Шестидневной войны 1967 г.

Список литературы

1. Пелипась М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2003. 364 с.
2. Румянцев В. П. «Новый фронт» администрации Дж. Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.) / науч. ред. В. П. Зиновьев. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2015. 404 с.
3. Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2010. 353 с.
4. Румянцев В. П. Друзья-соперники: США и Великобритания в период Суэцкого кризиса 1956 г. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. 204 с.
5. Сенников А. И. Обострение холодной войны на Ближнем Востоке: советско-египетский идеологический конфликт 1958–1959 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 1 (29). С. 60–77. DOI: 10.25730/VSU.2070.23.006.
6. Цветкова Н. А. Образовательная политика США в странах Ближнего Востока: история и современность // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 272–289.
7. 95th Congress, 1st Session Committee Print. Notes on Educational and Cultural Exchange between the United States And Countries in the Middle East. Executive communication 1088, June 2, 1977. Washington : US GPO, 1977. 70 p.
8. AFME Basic Facts on Iraq. Washington, DC : AFME, Inc., 1964. 14 p.
9. AFME Basic Facts on Syria. Washington, DC : AFME, Inc., 1964. 19 p.
10. American Friends of Middle East 1st Annual Report 1951–1952. N. Y. : AFME, Inc., 1952. 20 p.
11. American Friends of Middle East 2nd Annual Report 1952–1953. N. Y. : AFME, Inc., 1953. 32 p.
12. American Friends of Middle East 3rd Annual Report 1953–1954. N. Y. : AFME, Inc., 1954. 47 p.
13. American Friends of Middle East 4th Annual Report 1954–1955. N. Y. : AFME, Inc., 1955. 55 p.
14. American Friends of Middle East 5th Annual Report 1955–1956. N. Y. : AFME, Inc., 1956. 61 p.
15. American Friends of Middle East Annual Report 1956–1957. N. Y. : AFME, Inc., 1957. 16 p.
16. American Friends of Middle East Annual Report 1957–1958. N. Y. : AFME, Inc., 1958. 40 p.
17. American Friends of Middle East Annual Report 1958–1959. Wash. : AFME, Inc., 1959. 36 p.
18. American Friends of Middle East Annual Report 1959–1960. Wash. : AFME, Inc., 1960. 26 p.
19. American Friends of Middle East Annual Report 1960–1961. Wash. : AFME, Inc., 1961. 24 p.
20. American Friends of Middle East Annual Report 1962–1963. Wash. : AFME, Inc., 1963. 23 p.
21. American Friends of Middle East Annual Report 1963–1964. Wash. : AFME, Inc., 1964. 23 p.
22. American Friends of Middle East Annual Report 1965. Wash. : AFME, Inc., 1966. 19 p.
23. American Friends of Middle East Annual Report 1966. Wash. : AFME, Inc., 1967. 15 p.
24. American Friends of Middle East Annual Report 1967. Wash. : AFME, Inc., 1968. 20 p.
25. American Jewish Archives. MS-763: Rabbi Herbert A. Friedman Collection, 1930–2004. Series C: Zionism/Founding of the State of Israel, 1942–1955. Box 3. Folder 13. Doc. ms0763.003.013 American Friends of the Middle East. 1952–1954. 43 p.
26. AMIDEAST. Our history. URL: <https://www.amideast.org/our-history> (дата обращения: 8.05.2026).
27. Berger E. Letters and Non-Letters: The White House, Zionism and Israel. Beirut : The Institute for Palestine studies, 1972. 55 p.
28. Berger E. Memoirs of an Anti-Zionist Jew. Beirut : Institute for Palestine Studies, 1978. 159 p.
29. Callanan J. Covert Action in the Cold War: US Policy, Intelligence and CIA Operations. N. Y. : I. B. Tauris, 2009. 268 p.

30. CIA-RDP73-00475R000100740004-2, May 3, 1967.
31. CIA-RDP73-00475R000100740007-9, March 31, 1967.
32. CIA-RDP73-00475R000100740009-7, March 23, 1967.
33. CIA-RDP73-00475R000100740012-3, March 3, 1967.
34. CIA-RDP73-00475R000100740014-1, March 2, 1967.
35. CIA-RDP73-00475R000100740021-3, June 26, 1964.
36. CIA-RDP73-00475R000102020008-5, February 19, 1967.
37. CIA-RDP73-00475R000400260001-5, February 21, 1967.
38. CIA-RDP80B01676R004100020076-4, February 16, 1961.
39. [Department of] State 140124 Circular Telegram, 17 February, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. Pp. 92–94.
40. [Department of] State 142988 Circular Telegram, 23 February, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. Pp. 108–109.
41. de Vries T. The 1967 Central Intelligence Agency Scandal: Catalyst in a Transforming Relationship between State and People // The Journal of American History. 2012. Vol. 98, is. 4. P. 1075–1092. DOI: 10.1093/jahist/jar563.
42. Doc. 74. “Special IIA Projects for Islamic Countries”, October 1, 1952 // US Propaganda in the Middle East: The Early Cold War Version, National Security Archive Electronic Briefing Book No. 78, 13 Dec. 2002.
43. Doc. 134. “American Friends of the Middle East”, September 24, 1959 // US Propaganda in the Middle East: The Early Cold War Version, National Security Archive Electronic Briefing Book No. 78, 13 Dec. 2002.
44. Edward L. R. Elson Dies at 86; Influential Cleric in Washington // The New York Times. 1993. August 28.
45. Elmo Hutchison, Aide in Mideast // The New York Times. 1964. June 26.
46. Elson, Edward L. R. Biographic Note // Dwight D. Eisenhower Presidential Library. Elson, Edward L. R. Papers, 1947–1992. 6 p.
47. Hutchison E. Violent truce; a military observer looks at the Arab-Israeli conflict, 1951–1955. N. Y. : The Devin-Adair Company, 1956. 199 p.
48. Kenner D. Present at the creation: William Eddy and the US-Saudi alliance // Institute of Current World affairs, October 18, 2019. URL: <https://www.icwa.org/present-at-the-creation-william-eddy-and-the-us-saudi-alliance/> (дата обращения: 08.05.2026).
49. Kinkead G. Brief life of a Harvard conspirator: 1916–2000 // Harvard Magazine. 2010. December 16. URL: <https://www.harvardmagazine.com/2010/12/kermit-roosevelt> (дата обращения: 08.05.2026).
50. Letter from AFME Chairman (E. Bunting) to Hon. H. Scott, 24 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. Pp. 65–66.
51. Letter to the Reverend Edward L. R. Elson, July 31, 1958 // Dwight D. Eisenhower Presidential Library. Elson, Edward L. R. Papers, 1947–1992. 6 p.
52. Levin G. Our Palestine Question: Israel and American Jewish Dissent, 1948–1978. New Haven, CT : Yale University Press, 2023. 304 p.
53. Little D. Cold War and Covert Action: The United States and Syria 1945–1958 // Middle East Journal. 1990. Vol. 44. Pp. 51–75.
54. Little D. Mission Impossible: The CIA and Cult of Covert Action in the Middle East // Diplomatic History. 2004. Vol. 28, No. 5. Pp. 663–701. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2004.00446.x.
55. Memorandum for Mr. Rostow, 29 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 64.
56. Memorandum for Walt Rostow, 23 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 70.
57. Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 2006. 506 p.
58. Propaganda Pressures // Near East Report. 1957. 3 June.
59. Roosevelt K. Partition of Palestine: A Lesson in Pressure Politics. New York : Institute of Arab American Affairs, 1948. 14 p.
60. Ross J. Rabbi Outcast: Elmer Berger and American Jewish Anti-Zionism. Wash. : Potomac Books, Inc., 2011. 258 p.
61. Rossinow D. “The Edge of the Abyss”: The Origins of the Israel Lobby, 1949–1954 // Modern American History. 2018. Vol. 1, No. 1. Pp. 23–43. DOI: 10.1017/mah.2017.17.
62. Sennikov A. I. The Kurds in the U.S. Iraqi policy in 1958–1960 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 90–100. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.8.
63. Soviet Propaganda Treatment of CIA Funding Disclosures, 12 April, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 12.
64. Stern S. A Short Account of International Student Politics & the Cold War with Particular Reference to the NSA, CIA, Etc. // Ramparts Magazine. 1967. March 1. Pp. 29–38.
65. Swarthmore College Peace Collection. American Friends of the Middle East Collected Records. Collection Overview. Historical Note.
66. Take the Middle East out of Domestic Politics! An Open Letter to Every American Citizen // The New York Times. 1956. 25 January.

67. U. S. Senate (Sen. H. Scott, D-PA) Letter of Acknowledgment to the President, 22 March, 1967 // Ram-parts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 75.

68. Warner M. "Hearts and Minds": Three Case Studies of the CIA's Covert Support of American Anti-communist Groups in the Cold War, Langley, VA: Central Intelligence Agency, 1999 // NARA. National Archives and Declassification. Interagency Security Classification Appeals Panel. Appeal No. 2014-090, document 1. Declassification Date: June 27, 2023.

69. Wilford H. American Friends of the Middle East: The CIA, US Citizens, and the Secret Battle for American Public Opinion in the Arab-Israeli Conflict, 1947-1967 // Journal of American Studies. 2015. Vol. 51, is. 1. Pp. 93-116. DOI: 10.1017/s0021875815001255.

70. Wilford H. America's great game: the CIA's secret Arabists and the shaping of the modern Middle East. N. Y. : Basic Books, 2014. 399 p.

71. Yost C. History and Memory. N. Y. : W. W. Norton & Company, 1980. 352 p.

The Role of the American Friends of the Middle East in the US Middle East Policy of the 1950s-1960s

Sennikov Aleksey Ivanovich

PhD in History, associate professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9329-2839. ResearcherID: I-4292-2018. Scopus Author ID: 57694744000.
SPIN-code: 3759-1295. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the activity of the American Friends of the Middle East as a component of the US cultural-warfare policy within the framework of the ideological confrontation of the 1950s-1960s with the USSR in the Middle Eastern region. Using the example of this non-profit organization, the approaches of the Central Intelligence Agency to the creation of affiliated organizations that played a "frontal" role in the cultural Cold War are traced. The article draws on documents from the archives of the CIA, the State Department, the U.S. National Archives, and private collections and funds, as well as periodical and reporting publications of the organization itself, which allows for a detailed examination of its activity. The American Friends of the Middle East emerged as a result of the convergence of the aspirations of part of the American intellectuals and public figures to preserve benevolent relations with the Arab world with the interests of the intelligence services in promoting a positive image of the USA to counteract the growth of Soviet influence on the periphery of the Cold War. The CIA played an important role in the creation of the organization, even though its emergence took place on a voluntary basis. The latter played a role in the American Friends becoming one of the leading anti-Zionist forces, actively fighting in the 1950s against the influence of the growing Israeli lobby within the USA. A number of Washington's foreign-policy failures in the context of the Middle Eastern crises of the mid-1950s led to reshuffles within the organization, to its greater dependence on state bodies, and to a reduction of anti-Zionist propaganda. On the other hand, under the Eisenhower administration, which was interested in a "psychological war" with the USSR, the organization was in demand as one of its instruments in the Middle East. With the coming to power of the Democratic presidents J. Kennedy and L. Johnson, the American Friends lost their privileged position and were forced to reduce their public activity even further and to come under the close patronage of the CIA. At the same time, the role of cultural diplomacy and of information-propaganda wars only strengthened under Kennedy, which allowed the organization to stay afloat. This did not save it from persecution by pro-Israeli forces in the USA, which began to expose the organization's ties with state structures. At the beginning of 1967, the American Friends of the Middle East found themselves at the epicentre of the scandal over the sponsorship by the intelligence services of propaganda cultural organizations in the USA. The Third Arab-Israeli War of 1967 dealt a heavy blow to the organization, nullifying many years of efforts to promote a positive image of the USA. However, as the documents show, the organization was able to survive these troubles and continued to exist in a less public and renewed form.

Keywords: the American Friends of the Middle East, US Middle East policy, the periphery of the Cold War, cultural wars, the CIA.

References

1. Pelipas' M. Ya. *Skovannye odnoj cep'yu: SSsA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945-1956 gg.* [Bound by the Same Chain: The USA and Great Britain in the Near and Middle East in 1945-1956]. Tomsk, Izdatel'skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Publishing House), 2003. 364 p.

2. Rumyanec V. P. *"Novyj frontir" administracii Dzh. F. Kennedi na Blizhnem i Srednem Vostoke (1961-1963 gg.)* [The "New Frontier" of the J. F. Kennedy Administration in the Near and Middle East (1961-1963)] / sci. ed. V. P. Zinov'ev. Tomsk, Izdatel'skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Publishing House), 2015. 404 p.

3. Rumyantsev V. P. *Blizhnevostochnaya politika SShA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [The Middle East Policy of the USA and Great Britain in 1956–1960]. Tomsk, Izdatel'skiy dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Publishing House), 2010. 353 p.
4. Rumyantsev V. P. *Druz'ya-soperniki: SShA i Velikobritaniya v period Sueckogo krizisa 1956 g.* [Friends-Rivals: The USA and Great Britain during the Suez Crisis of 1956]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Press), 2023. 204 p.
5. Sennikov A. I. *Obostrenie holodnoy vojny na Blizhnem Vostoke: sovetsko-egipetskij ideologicheskij konflikt 1958–1959 gg.* [The Escalation of the Cold War in the Middle East: The Soviet-Egyptian Ideological Conflict of 1958–1959] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2023. No. 1 (29). Pp. 60–77. DOI: 10.25730/VSU.2070.23.006.
6. Cvetkova N. A. *Obrazovatel'naya politika SShA v stranah Blizhnego Vostoka: istoriya i sovremennost'* [The Educational Policy of the USA in the Countries of the Middle East: History and Modernity] // *Voprosy obrazovaniya* – Educational Studies. 2009. No. 4. Pp. 272–289.
7. 95th Congress, 1st Session Committee Print. Notes on Educational and Cultural Exchange between the United States and Countries in the Middle East. Executive communication 1088, June 2, 1977. Washington, US GPO, 1977. 70 p.
8. AFME Basic Facts on Iraq. Washington, DC, AFME, Inc., 1964. 14 p.
9. AFME Basic Facts on Syria. Washington, DC, AFME, Inc., 1964. 19 p.
10. American Friends of Middle East 1st Annual Report 1951–1952. N. Y., AFME, Inc., 1952. 20 p.
11. American Friends of Middle East 2nd Annual Report 1952–1953. N. Y., AFME, Inc., 1953. 32 p.
12. American Friends of Middle East 3rd Annual Report 1953–1954. N. Y., AFME, Inc., 1954. 47 p.
13. American Friends of Middle East 4th Annual Report 1954–1955. N. Y., AFME, Inc., 1955. 55 p.
14. American Friends of Middle East 5th Annual Report 1955–1956. N. Y., AFME, Inc., 1956. 61 p.
15. American Friends of Middle East Annual Report 1956–1957. N. Y., AFME, Inc., 1957. 16 p.
16. American Friends of Middle East Annual Report 1957–1958. N. Y., AFME, Inc., 1958. 40 p.
17. American Friends of Middle East Annual Report 1958–1959. Wash., AFME, Inc., 1959. 36 p.
18. American Friends of Middle East Annual Report 1959–1960. Wash., AFME, Inc., 1960. 26 p.
19. American Friends of Middle East Annual Report 1960–1961. Wash., AFME, Inc., 1961. 24 p.
20. American Friends of Middle East Annual Report 1962–1963. Wash., AFME, Inc., 1963. 23 p.
21. American Friends of Middle East Annual Report 1963–1964. Wash., AFME, Inc., 1964. 23 p.
22. American Friends of Middle East Annual Report 1965. Wash., AFME, Inc., 1966. 19 p.
23. American Friends of Middle East Annual Report 1966. Wash., AFME, Inc., 1967. 15 p.
24. American Friends of Middle East Annual Report 1967. Wash., AFME, Inc., 1968. 20 p.
25. American Jewish Archives. MS-763: Rabbi Herbert A. Friedman Collection, 1930–2004. Series C: Zionism/Founding of the State of Israel, 1942–1955. Box 3. Folder 13. Doc. ms0763.003.013 American Friends of the Middle East. 1952–1954. 43 p.
26. AMIDEAST. Our History. Available at: <https://www.amideast.org/our-history> (date accessed: 08.05.2026).
27. Berger E. *Letters and Non-Letters: The White House, Zionism and Israel.* Beirut, The Institute for Palestine Studies, 1972. 55 p.
28. Berger E. *Memoirs of an Anti-Zionist Jew.* Beirut, Institute for Palestine Studies, 1978. 159 p.
29. Callanan J. *Covert Action in the Cold War: US Policy, Intelligence and CIA Operations.* N. Y., I. B. Tauris, 2009. 268 p.
30. CIA-RDP73-00475R000100740004-2, May 3, 1967.
31. CIA-RDP73-00475R000100740007-9, March 31, 1967.
32. CIA-RDP73-00475R000100740009-7, March 23, 1967.
33. CIA-RDP73-00475R000100740012-3, March 3, 1967.
34. CIA-RDP73-00475R000100740014-1, March 2, 1967.
35. CIA-RDP73-00475R000100740021-3, June 26, 1964.
36. CIA-RDP73-00475R000102020008-5, February 19, 1967.
37. CIA-RDP73-00475R000400260001-5, February 21, 1967.
38. CIA-RDP80B01676R004100020076-4, February 16, 1961.
39. [Department of] State 140124 Circular Telegram, 17 February, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. Pp. 92–94.
40. [Department of] State 142988 Circular Telegram, 23 February, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. Pp. 108–109.
41. de Vries T. The 1967 Central Intelligence Agency Scandal: Catalyst in a Transforming Relationship between State and People // *The Journal of American History.* 2012. Vol. 98, is. 4. Pp. 1075–1092. DOI: 10.1093/jahist/jar563.
42. Doc. 74. "Special IIA Projects for Islamic Countries", October 1, 1952 // US Propaganda in the Middle East: The Early Cold War Version, National Security Archive Electronic Briefing Book No. 78, 13 Dec. 2002.
43. Doc. 134. "American Friends of the Middle East", September 24, 1959 // US Propaganda in the Middle East: The Early Cold War Version, National Security Archive Electronic Briefing Book No. 78, 13 Dec. 2002.
44. Edward L. R. Elson Dies at 86; Influential Cleric in Washington // *The New York Times.* 1993. August 28.

45. Elmo Hutchison, Aide in Mideast // The New York Times. 1964. June 26.
46. Elson, Edward L. R. Biographic Note // Dwight D. Eisenhower Presidential Library. Elson, Edward L. R. Papers, 1947–1992. 6 p.
47. Hutchison E. Violent Truce; a Military Observer Looks at the Arab-Israeli Conflict, 1951–1955. N. Y., The Devin-Adair Company, 1956. 199 p.
48. Kenner D. Present at the Creation: William Eddy and the US-Saudi Alliance // Institute of Current World Affairs, October 18, 2019. Available at: <https://www.icwa.org/present-at-the-creation-william-eddy-and-the-us-saudi-alliance/> (date accessed: 08.05.2026).
49. Kinkead G. Brief Life of a Harvard Conspirator: 1916–2000 // Harvard Magazine. 2010. December 16. Available at: <https://www.harvardmagazine.com/2010/12/kermit-roosevelt> (date accessed: 08.05.2026).
50. Letter from AFME Chairman (E. Bunting) to Hon. H. Scott, 24 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. Pp. 65–66.
51. Letter to the Reverend Edward L. R. Elson, July 31, 1958 // Dwight D. Eisenhower Presidential Library. Elson, Edward L. R. Papers, 1947–1992. 6 p.
52. Levin G. Our Palestine Question: Israel and American Jewish Dissent, 1948–1978. New Haven, CT, Yale University Press, 2023. 304 p.
53. Little D. Cold War and Covert Action: The United States and Syria 1945–1958 // Middle East Journal. 1990. Vol. 44. Pp. 51–75.
54. Little D. Mission Impossible: The CIA and Cult of Covert Action in the Middle East // Diplomatic History. 2004. Vol. 28, No. 5. Pp. 663–701. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2004.00446.x.
55. Memorandum for Mr. Rostow, 29 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 64.
56. Memorandum for Walt Rostow, 23 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 70.
57. Osgood K. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence, Kansas, University Press of Kansas, 2006. 506 p.
58. Propaganda Pressures // Near East Report. 1957. 3 June.
59. Roosevelt K. Partition of Palestine: A Lesson in Pressure Politics. New York, Institute of Arab American Affairs, 1948. 14 p.
60. Ross J. Rabbi Outcast: Elmer Berger and American Jewish Anti-Zionism. Wash., Potomac Books, Inc., 2011. 258 p.
61. Rossinow D. "The Edge of the Abyss": The Origins of the Israel Lobby, 1949–1954 // Modern American History. 2018. Vol. 1, No. 1. Pp. 23–43. DOI: 10.1017/mah.2017.17.
62. Sennikov A. I. The Kurds in the U.S. Iraqi Policy in 1958–1960 // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2022. Vol. 27, No. 2. Pp. 90–100. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.8.
63. Soviet Propaganda Treatment of CIA Funding Disclosures, 12 April, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 12.
64. Stern S. A Short Account of International Student Politics & the Cold War with Particular Reference to the NSA, CIA, Etc. // Ramparts Magazine. 1967. March 1. Pp. 29–38.
65. Swarthmore College Peace Collection. American Friends of the Middle East Collected Records. Collection Overview. Historical Note.
66. Take the Middle East out of Domestic Politics! An Open Letter to Every American Citizen // The New York Times. 1956. 25 January.
67. U. S. Senate (Sen. H. Scott, D-PA) Letter of Acknowledgment to the President, 22 March, 1967 // Ramparts-NSA-CIA. NSF Subject File. LJPL. P. 75.
68. Warner M. "Hearts and Minds": Three Case Studies of the CIA's Covert Support of American Anti-communist Groups in the Cold War. Langley, VA, Central Intelligence Agency, 1999 // NARA. National Archives and Declassification. Interagency Security Classification Appeals Panel. Appeal No. 2014-090, document 1. Declassification Date: June 27, 2023.
69. Wilford H. American Friends of the Middle East: The CIA, US Citizens, and the Secret Battle for American Public Opinion in the Arab-Israeli Conflict, 1947–1967 // Journal of American Studies. 2015. Vol. 51, is. 1. Pp. 93–116. DOI: 10.1017/s0021875815001255.
70. Wilford H. America's Great Game: The CIA's Secret Arabists and the Shaping of the Modern Middle East. N. Y., Basic Books, 2014. 399 p.
71. Yost C. History and Memory. N. Y., W. W. Norton & Company, 1980. 352 p.

Поступила в редакцию: 12.05.2026

Принята к публикации: 05.06.2026

EDN: MAAVMP

УДК 94+327.362

Партия «Зеленых» (ФРГ) в оценках руководства СССР, 1980–1987*

Бакшаев Максим Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6271-1308. ResearcherID: HIK-2285-2022. E-mail: randvmax@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрена политика в отношении контактов СССР с партией «Зеленых» ФРГ на протяжении 1980-х гг. Цель исследования состоит в том, чтобы проследить этапы становления контактов партии «Зеленых» Западной Германии с советскими партийными, государственными и общественными организациями. Источниковая база исследования включает архивные документы Российского государственного архива новейшей истории, электронного архива ЦРУ, воспоминания государственных деятелей, материалы советской печати. Сделаны выводы об обоюдной заинтересованности «Зеленых» и советских общественных организаций в формальных связях. Советские общественные организации установили контакты с немецкими «Зелеными» перед тем, как партия вошла в бундестаг. В рассматриваемый период выделены две наиболее активные фазы общения: 1) 1983–1984 гг.; 2) 1986–1987 гг. Отмечается, что сближению партий способствовало совместное осуждение американских планов «звездных войн», выдвижение требования безотлагательного прекращения гонки вооружений и ядерных взрывов, налаживание конструктивного сотрудничества между государствами в политической, экономической, культурной, гуманитарной сферах, в сфере окружающей среды, осуждение ставки США на силу в решении любых вопросов в отношениях между государствами. Затрудняло общение приверженность «Зеленых» концепции равной ответственности СССР и США за гонку ядерных вооружений и увязка вопроса о мире и разоружении с проблемой прав человека в Восточной Европе, что было свойственно новым антивоенным движениям Запада в целом. «Новое мышление» и внешнеполитические инициативы СССР в области ядерного разоружения М. С. Горбачева повлекли за собой отход «Зеленых» от концепции равной ответственности СССР и США за гонку вооружений. Распад СССР стал важным фактором дерадикализации и либерализации экологических партий, их отхода от антиблоковой позиции к политике укрепления атлантического единства в рамках НАТО.

Ключевые слова: партия «Зеленых» ФРГ, Советский комитет защиты мира, Советский комитет за европейскую безопасность и сотрудничество, П. Келли, В. В. Загладин.

В 1970-е – 1980-е гг. оформились новые социальные движения в странах Западной Европы: антиядерное, антиракетное, экологическое, коммунитарное, антиавторитарное, контркультурное. Среди участников этих движений преобладали представители новых средних слоев, маргиналы, образованная и безработная молодежь. Как отмечал Ю. А. Красин, облик этих движений характеризовался весьма противоречивыми тенденциями, поскольку новые социальные движения были «разнородны, разобщены, децентрализованы» [12, с. 41].

Спасение планеты от ядерной катастрофы, экологические и социальные последствия технико-индустриального развития, поиск новых форм политического участия, изменения в образе жизни стали отправными пунктами новых социальных движений. Они представляли собой реакцию на неспособность традиционной партийно-политической системы решать специфические проблемы (ядерную, энергетическую, экологическую).

В середине 1970-х гг. экология стала главной темой, цементирующей многообразные новые социальные движения. В начале 1980-х экологическая проблематика тесно переплелась с проблематикой сохранения мира после принятия в декабре 1979 г. решения НАТО о размещении в ФРГ, Великобритании, Италии, Нидерландах, Бельгии американских ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет MX. Крупные экологические партии стран Западной Европы в первой половине 1980-х вошли в состав национальных парламентов и Европейский парламент (в ФРГ, Голландии, Норвегии, Бельгии, Франции, Швеции) и стали заметными политическими силами.

«Зеленые» движения стали существенным фактором общественно-политической жизни Европы, который пришлось учитывать лидерам двух противостоящих военных блоков – СССР и США. Сверхдержавы пытались оказывать воздействие на экологическое движение, учитывая его массовость, пестроту социального состава и идеологическую эклектику. Антиимпери-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00129, <https://rscf.ru/project/24-78-00129/>.

© Бакшаев Максим Владимирович, 2026

алистический и антикапиталистический характер «Зеленого» движения был сопряжен с поддержкой тезиса о «равной ответственности» СССР и США за рост военной угрозы и гонку вооружений. Установление тесных контактов крупных «Зеленых» движений, в особенности партии «Зеленых» ФРГ, с СССР позволяло сгладить разногласия и создать почву для сотрудничества по проблемам окружающей среды на межправительственном уровне.

Цель исследования – определить, через какие этапы прошло становление контактов партии «Зеленых» Западной Германии с СССР. Задачи исследования состоят в следующем: 1) выяснить, по каким вопросам у представителей ЦК КПСС и западногерманских «Зеленых» были общие подходы; 2) уточнить, как партия «Зеленых» ФРГ оценивала инициативы СССР в области разоружения; 3) установить, как руководство США реагировало на контакты СССР с партией «Зеленых» ФРГ.

Источниковая база исследования включает архивные документы Российского государственного архива новейшей истории, электронного архива ЦРУ, воспоминания государственных деятелей, материалы советской печати. Историографию составляют советские и российские исследования. В советской и российской историографии программа и политическая деятельность экологического движения ФРГ исследованы Л. Н. Вдовиченко [3], С. Ф. Вититневым [4], Л. И. Гинцбергом [6], В. В. Дамье [7–9], Б. Е. Зарицким [10], Л. Г. Истягиным [11], И. Д. Лаптевым [13], Б. М. Маклярским [20], Е. Н. Мельниченко [15], А. С. Пох, А. Б. Труханом [16; 21], В. А. Скороходовым [19]. Контакты между партией немецких Зеленых и Советским Союзом освещались в работах Л. Н. Вдовиченко и Л. И. Гинцберга, а политика США в отношении экологического движения ФРГ – в исследовании Б. Е. Зарицкого.

В процессе подготовки статьи применялись нарративный, историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Первые контакты советских представителей с западногерманскими «Зелеными». Впервые советские ученые обсудили роль экологического движения в странах Западной Европы в 1983 г. на методологическом семинаре по вопросам теории и практики коммунистического движения кафедры международного коммунистического движения Академии общественных наук при ЦК КПСС. Первую позицию высказал старший научный сотрудник отдела международной деятельности КПСС НИИ АОН при ЦК КПСС Б. М. Лейбзон: «Исключительно быстро распространились и стали влиятельными экологические движения. Последствия научно-технической революции обостряют проблему чистого воздуха, воды, городских Зеленых насаждений. <...> Демонстративно заявляя о нежелании сотрудничать с традиционными партиями, “Зеленые” считают, что “экологическая революция устраним необходимость революции социальной”. В их идеологии самые противоречивые представления: они протестуют не только против атомного оружия, но и против атомных электростанций и вообще против технического прогресса, враждебны к реальному социализму. Но популярность их быстро растет. В ФРГ выборы в некоторые ландтаги показали, что они без особых усилий перешагнули 5-процентный барьер и, по-видимому, будут представлены в следующем составе бундестага. В руководстве “Зеленых” люди самых различных взглядов: от ультраконсерваторов до псевдореволюционеров» [14, с. 5]. Критическое отношение к зеленым было характерно не только для Лейбзона, но и для остальных участников семинара. Заведующий отделом международной деятельности КПСС НИИ АОН при ЦК КПСС М. И. Басманов сетовал на реакционную позицию «Зеленых» по поводу научно-технического прогресса, осуждение ими как капиталистической, так и социалистической систем, распространение в их рядах либерально-реформистских, социал-реформистских, леворадикальных концепций. Среди немецких «Зеленых» оформилось несколько фракций: эконосерваторы, социал-реформисты, экосоциалисты, эколевые. Басманов ставил вопрос о необходимости выработки коммунистами строго дифференцированного учета различного рода оттенков в одном и том же течении: «С кем-то надо налаживать сотрудничество, а с кем-то необходимо бороться. Могли ли, например, примириться коммунисты с предложением “Зеленых” относительно того, чтобы совместным оратором ряда партий и организаций, включая ГКП, был на одном из митингов высланный из ГДР за подрывные действия Р. Баро¹? Конечно, нет. Надо было показать несостоятельность взглядов Баро, его враждебность интересам демократических, миролюбивых сил ФРГ» [1, с. 24].

¹ Рудольф Баро (1935–1997) – философ, публицист, диссидент из ГДР. Автор книги «Альтернатива. К критике реально существующего социализма», из-за публикации которой в ФРГ попал в тюрьму (1977–1979 гг.). После освобождения был выслан в ФРГ. В 1980–1985 гг. был одним из лидеров партии «Зеленых» ФРГ (принадлежал к фракции «фундаменталистов»), однако покинул партию, разочаровавшись в ней.

Р. Баро запомнился советским дипломатам и ученым тем, что он выступал против сотрудничества Германской компартии с антивоенным движением, заявил, что такое сотрудничество не ослабляет, а косвенно усиливает НАТО, и требовал в качестве условия участия в антивоенном движении провозглашения солидарности с оппозиционными группировками в социалистических странах (профсоюзом «Солидарность» в Польше, «Хартией-77» в Чехословакии). В партии требование Баро поддержали в июне 1982 г. и стали при помощи листовок, плакатов, транспарантов озвучивать это требование в ходе пасхальных маршей 1982 г. Это был пик антикоммунистической активности «Зеленых», позднее они стали выступать за сплочение всех антивоенных сил в связи с близившимся размещением американских ядерных ракет [6, с. 106].

«Зеленых» было нельзя игнорировать, поскольку они активно участвовали в антиракетном движении, а к ноябрю 1982 г. «Зеленые» депутаты прошли в ландтаги Нижней Саксонии, Гамбурга и Гессена. Установление контактов с «Зелеными» началось по линии Советского комитета защиты мира (далее – СКЗМ).

18–20 февраля 1983 г. в Нюрнберге (ФРГ) прошли заседания Международного трибунала против оружия первого удара и массового уничтожения, который был организован партией «Зеленых» ФРГ с участием ее сторонников из других стран Западной Европы, США, Японии. Трибунал был организован в виде слушания экспертов и свидетелей, дававших показания перед международным жюри в зале «Майстерзингерхалле», где присутствовало около 500 человек. Для участия в работе трибунала была приглашена делегация СКЗМ в составе международного обозревателя «Литературной газеты» В. Ломейко, профессора Д. Проэктора и писателя В. Коротича.

По свидетельству Д. Проэктора, руководители партии «Зеленых»: П. Келли², Г. Бастиан³ – и другие кандидаты на выборах в бундестаг в частных беседах отмечали, что «некоторые организаторы» трибунала (из США, Австрии, Голландии, ФРГ) были против участия СССР в жюри, чтобы уменьшить советское влияние на ход дискуссии. У этих деятелей было стремление поставить СССР и США на одну доску, возложить на обе державы равную ответственность за гонку ядерных вооружений. Вторая задача заключалась в том, чтобы подвергнуть Советский Союз резкой критике за «мнимое нарушение прав человека» [18, л. 36].

Основное внимание делегации СКЗМ было сосредоточено на разоблачении тезиса о «равной ответственности» Советского Союза и США за гонку ракетно-ядерных вооружений и доказательстве вынужденного характера наших ответных оборонных мероприятий, критике утверждений о нарушении Советским Союзом равновесия военных сил между Востоком и Западом, создании «несбалансированной угрозы» Западной Европе своим оружием средней дальности и доказательстве необоснованности обвинений, касающихся отдельных аспектов внутренней политики СССР (о диссидентах, о еврейской эмиграции) [18, л. 37].

Работа советской делегации способствовала тому, что острие обвинений в дискуссиях по главной теме – об оружии первого удара и массового уничтожения – направлялось против США. Ряд видных общественных, политических, религиозных деятелей, ученых, военных специалистов резко критиковал и военную политику Вашингтона в области ядерных вооружений. Генерал Г. Бастиан, член партии «Зеленых» ФРГ, подчеркивал важнейшее значение одностороннего обязательства Советского Союза не применять первым ядерное оружие и его призыва к другим ядерным державам последовать его примеру [18, л. 38].

Сторонники концепции «равной ответственности» СССР и США за гонку вооружений распространили среди участников проект приговора трибунала, где были предъявлены равные обвинения к Москве и Вашингтону. Советские представители подвергали такой подход критике как в ходе открытой дискуссии, так и в частной беседе с П. Келли и Г. Бастианом, которым было сказано, что советская делегация вынуждена будет выступить с отдельным развернутым заявлением по мотивам своего голосования против подобного приговора и, таким образом, трибунал будет поставлен перед фактом раскола, что только обрадует противников

² Петра Карин Келли (1947–1992) – одна из основателей партии «Зеленых» ФРГ, депутат Бундестага в 1983–1990 гг.

³ Герт Бастиан (1923–1992) – офицер вермахта в годы Второй мировой войны, после войны – офицер бундесвера, в 1976–1980 гг. – командующий 12-й бронетанковой дивизией в Файтсхеххайме. Ушел в отставку в знак протеста против решения о размещении американских ракет средней дальности в ФРГ. Один из авторов «Крефельдского воззвания» – программного документа антиракетного движения в ФРГ. В 1981 г. основал группу «Генералы за мир». Был членом партии «Зеленых», депутат бундестага в 1983–1987 гг.

«Зеленых». Д. Проэктор свидетельствовал, что в результате работы с П. Келли, Г. Бастианом и О. Шили (кандидатом в депутаты от «Зеленых» в бундестаг от Западного Берлина), а также с членами жюри вместо приговора против пяти атомных держав и ФРГ было принято Нюрнбергское заявление, в котором нашли отражение принципы советского подхода к гонке вооружений. В заявлении также осуждалось решение о размещении американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет [18, л. 40].

По итогам поездки был сделан вывод о возможности сотрудничества с «Зелеными» ФРГ. Советский Союз устраивали программные положения немецких «Зеленых»: антимилитаризм, бескомпромиссное отрицание размещения в Европе американских ракет, осуждение военной политики Вашингтона и ракетной политики Бонна, охрана окружающей среды, решение социальных проблем и пр. Диалог с «Зелеными» был возможен, поскольку в ходе общения выяснилось, что они восприимчивы к доводам представителей СКЗМ, особенно в военно-политической и стратегической областях, а также в политике безопасности.

Проэктор особенно выделял важность контактов с Г. Бастианом: «Анализируя взгляды генерала Бастиана в этой сфере, нельзя не видеть большого влияния наших концепций, установок и взглядов. Бастиан – ключевая фигура в том, что касается разработки философии “Зеленых”, касающейся проблем безопасности. Если он будет избран в бундестаг, можно считать, что авторитет этих концепций возрастет в общеевропейском масштабе» [18, л. 40].

Сами немецкие «Зеленые» тоже выступали за продолжение общения с советскими представителями. П. Келли заявила Д. Проэктору, что после 6 марта 1983 г., если «Зеленые» будут избраны в бундестаг, она хотела бы совершить поездки в Вашингтон и Москву для встречи с руководством США и СССР, чтобы изложить свою программу по ядерному разоружению. Келли сказала, что, будучи в Москве, хотела бы выйти на Красную площадь с лозунгами, требующими одновременного разоружения Запада и Востока [18, л. 41].

Проэктор советовал установить контакты с Келли: «Опыт общения с “Зелеными” показывает, что у них нет сложившихся политических традиций. Их реакция на всевозможные предложения, в том числе о сотрудничестве, может оказаться довольно неожиданной, даже импульсивной. Это во многом определяется также личным характером самой Келли, пользующейся в партии огромным авторитетом. Последнее обстоятельство приводит к мысли о желательности установления с ней неформальных контактов и сотрудничества с помощью людей, которые пользовались бы ее доверием» [18, л. 41]. Это предложение было одобрено. Следующая встреча состоялась осенью.

Контакты западногерманских «Зеленых» и представителей советских общественных организаций в 1983–1987 гг. «Зеленые» полагали, что гонка ядерных вооружений представляет один из наиболее опасных источников ухудшения окружающей среды. Поэтому основным направлением в борьбе за сохранение окружающей среды в их понимании становилось предотвращение ядерной войны, неизбежным последствием которого стала бы тотальная экологическая катастрофа [22, с. 171]. Поэтому на встречах «Зеленых» и советских представителей вопрос ядерного разоружения был одной из самых обсуждаемых проблем. Представители советских общественных организаций охотно общались с «Зелеными», которые в марте 1983 г. набрали 5,6% голосов на выборах в бундестаг и создали фракцию из 28 депутатов. Внешнеполитическая повестка «Зеленых» 1980-х гг. включала прекращение размещения на территории ФРГ новых американских ядерных ракет и вывод уже размещенных, сокращение военного бюджета, роспуск военных блоков, вывод американских войск из ФРГ [3, с. 140].

28 октября 1983 г. делегация немецкой партии «Зеленых» посетила Советский Союз, куда она была приглашена Советским комитетом за европейскую безопасность и сотрудничество. Делегация состояла из сопредседателей фракции «Зеленых» в бундестаге М. Бек-Обердорф, П. Келли, О. Шили, сопредседателя партии М. Марин-Гризебах, депутатов бундестага Г. Бастиана, Ю. Реентса и М. Хорачека. Она была принята в ЦК КПСС; главной темой беседы было обсуждение проблемы обуздания гонки вооружений в Европе – в первую очередь ядерных. Во время беседы с советской стороны было, в частности, отмечено, что советские люди с чувством глубокой симпатии следят за выступлениями партии «Зеленых» в рядах антиракетного движения в ФРГ, объединяющего людей разных политических убеждений и профессий. В Советском Союзе известны цели и задачи, которые ставит перед собой партия «Зеленых». От защиты окружающей среды и борьбы за сохранение природы партия пришла к выводу о необходимости бороться за мир, против угрозы ядерной войны.

Представители партии «Зеленых» выразили благодарность за откровенную, дружескую дискуссию, высказали пожелание продолжать в будущем обмен мнениями по вопросам безопасности в Европе.

Об этих встречах было известно экспертам ЦРУ. Эксперты разведки сообщали, что делегацию партии «Зеленых» принимали в ЦК КПСС заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и два его заместителя: В. В. Загладин и В. С. Шапошников. В состав делегации «Зеленых» входили П. Келли, Г. Бастиан и еще пять деятелей партии. По сведениям ЦРУ, «Зеленые» призывали СССР предпринять односторонние шаги по разоружению. Пономарев объяснил, что СССР в одностороннем порядке уже предложил сократить количество ракет СС-20, нацеленных на Западную Европу, отказался от применения ядерного оружия первым и ввел мораторий на развертывание ракет СС-20. Он утверждал, что Вашингтон проигнорировал эти инициативы, и сказал, что «любая добрая воля имеет свои пределы». Делегация ЦК КПСС призвала «Зеленых» сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить развертывание ракет средней дальности в Европе [23, р. 2].

В декабре 1984 г. первый секретарь посольства СССР в ФРГ Е. А. Шмагин побеседовал на съезде «Зеленых» с представителями партии, среди которых были сопредседатели Р. Трамперт, В. Кнабе, Л. Бекман, федеральный секретарь Э. Вальде, сопредседатели фракции в бундестаге В. Шоппе, А. Боргман, А. Фольмер, депутаты бундстага П. Келли, Й. Фишер, Н. Манн. Все они давали очень высокую оценку результатам поездки в ФРГ по приглашению фракции в бундестаге делегации Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество во главе с председателем Л. Н. Толкуновым. Как отмечал Шмагин, «через все высказывания представителей “Зеленых” лейтмотивом проходила мысль о полезности для них диалога с советской стороной, о необходимости придать ему новые импульсы и более широкие размеры. <...> “Зеленые” – не коммунисты, и таковыми быть не собираются ни сейчас, ни в будущем. Но польза для них от встреч и бесед с советскими представителями очевидна. Такое общение обогащает их. По их мнению, и советская сторона может взять на вооружение кое-какие аргументы “Зеленых”, поскольку им... из Бонна кое-что видно лучше, чем из Москвы» [17, л. 87].

«Зеленые» отмечали, что существует асимметрия отношений их партии с СССР и США, поскольку в США представители партии бывают намного чаще, чем в СССР, и с американцами они общаются несравненно больше, чем с советскими гражданами. Как шутя отмечали депутаты от «Зеленых», «это не отвечает концепции... о равной удаленности от двух сверхдержав». Поэтому делался вывод, что им надлежит уделить большее внимание контактам с СССР, несмотря на обвинения со стороны правых в том, что «Зеленые» являются замаскированными коммунистами и зависят от Москвы [17, л. 88]. Предлагалось направить в СССР делегации «Зеленых» для бесед по вопросам охраны окружающей среды и по вопросам отношений с развивающимися странами, организовать поездки «Зеленых» для ознакомления с экономическим и социальным строительством в СССР, продолжать диалог по вопросам разоружения. Желание установить официальные контакты в СССР высказали сопредседатель баден-вюртембергской организации М. Марен-Гризехбах и председатель фракции «Зеленых» в ландтаге Гессена К. Кершгенс [17, л. 89].

18 апреля 1986 г. состоялся визит руководства партии «Зеленых» ФРГ в Москву. В состав делегации вошли сопредседатели партии Л. Бекман, Ю. Дитфурт, Р. Трамперт, член Правления партии М. Костеде. Она была принята на высоком партийном и государственном уровне. В ЦК КПСС «Зеленых» приняли секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин и первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин. Стороны условились впредь поддерживать постоянные контакты между КПСС и партией «Зеленых». Представители обеих партий нашли много общего в подходах к международным проблемам: осуждение американских планов «звездных войн», безотлагательное прекращение гонки вооружений и ядерных взрывов, налаживание конструктивного сотрудничества в политической, культурной, экономической, гуманитарной отраслях и, конечно, в сфере охраны окружающей среды. Стороны осудили ставку США на силу в решении любых вопросов в отношениях между государствами, используемые ими методы государственного терроризма против неугодных американской администрации правительств других стран. Представители ЦК КПСС и партии «Зеленых» согласились с тем, что «в современной международной обстановке в полную силу должен прозвучать голос миролюбивых народов, общественных движений, массовых организаций, чтобы дать решительный отпор милитаризму и вернуть мир на путь разрядки и сотрудничества» [2, с. 4].

Следующая встреча лидеров «Зеленых» и советских руководителей состоялась 11–14 ноября 1986 г. Депутаты бундестага от партии «Зеленых» О. Шили, Н. Костеде, Ю. Дитфурт, Л. Бекман, А. Боргман встретились с Председателем Президиума ВС СССР А. А. Громыко, министром иностранных дел Э. Шеварднадзе, секретарем ЦК КПСС А. Добрыниным. Руководство «Зеленых» приветствовало решение советского правительства о продлении на четвертый срок одностороннего моратория на все ядерные испытания. Была подчеркнута необходимость присоединения США к этой акции ради достижения соглашения о прекращении всех ядерных взрывов. Делегация «Зеленых» заявила, что правительства ФРГ и других стран Западной Европы, разумеется, могли бы, если бы пожелали, своими действиями способствовать достижению этой цели. В заключение глава делегации сказала, что для «Зеленых» стало яснее, по каким позициям у этой партии имеются общие взгляды с Советским Союзом [5, с. 2]. Позитивные результаты поездки отметили сами «Зеленые»: они встретили в Москве «друзей, артистов, в определенной степени – “Зеленых” ... по духу» [3, с. 171].

Своей деятельностью внутри страны и на мировой арене «Зеленые» создали почву для сотрудничества по проблемам окружающей среды на межправительственном уровне. Переговоры о таком сотрудничестве с СССР вел со стороны ФРГ в 1986–1987 гг. федеральный министр В. Вальман. В марте 1987 г. переговоры о советско-западногерманском сотрудничестве в области защиты окружающей среды удалось успешно завершить. Было подготовлено соглашение о сотрудничестве СССР и ФРГ во всех ключевых сферах окружающей среды: сохранение чистоты воздушной среды, защита вод и почвы, недопущение аварий с тяжелыми последствиями для окружающей среды. Соглашение было дополнено обменами ученых и совместными научными проектами между странами в области исследования причин возникновения ущерба для окружающей среды и определения предельной величины выброса в окружающую среду вредных веществ. В советской публицистике утверждалось, что соглашение не только будет соответствовать решению проблемы окружающей среды, но и послужит улучшению взаимопонимания между людьми и тем самым упрочению дела мира в Европе [3, с. 171].

В октябре 1987 г. секретарь ЦК КПСС А. Ф. Добрынин в Бонне встретился с руководством партии «Зеленых» и проинформировал его о подходе СССР к решению актуальных проблем, о состоянии дел на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям, о разоружении. Лидеры фракции «Зеленых» проявили интерес к шагам руководства СССР, направленным на прекращение гонки вооружений, разоружение, к перестройке. Участники беседы высказались за дальнейшее развитие сотрудничества СССР и ФРГ в области окружающей среды.

Руководители немецких «Зеленых» участвовали во встрече представителей партий и движений в Москве, а также в юбилейных торжествах по случаю 70-й годовщины Октябрьской революции. Ю. Дитфурт заявила: «...то, что ядерное разоружение в наши дни кажется хотя бы частично возможным, происходит благодаря не НАТО и тем более не правительству ФРГ, а советской политике “нового мышления” и движениям за мир на Западе» [3, с. 175]. Именно предотвращение ядерной войны и остановка гонки вооружений были магистральными темами общения представителей КПСС и «Зеленых».

Эти контакты не несли за собой обязательств, представляли собой конструктивный обмен мнениями.

Как относились западные эксперты к повороту «Зеленых» в сторону СССР? Парижский корреспондент Си-би-эс Д. Андельман писал по этому поводу: «Нас не может не настораживать, что “Зеленые” отрицают наличие какой-либо угрозы для Западной Европы со стороны Советского Союза, выступают против размещения в Западной Германии крылатых ракет и “першингов”. Практически по всем основным вопросам, связанным с прекращением гонки вооружений, укреплением мира, улучшением отношений между Востоком и Западом, “Зеленые” выступают с резкой критикой политики США и НАТО» [10, с. 47].

В США не воспринимали движение «Зеленых» как некий политический курьез, который должен сойти с политической сцены. «Реальное влияние идей, которые проповедуют “Зеленые”, может быть значительно большим, чем численность участников этого движения или количество голосов, которое они соберут на выборах», – предсказывал эксперт Р. Пфальцграф [10, с. 47]. Наиболее дальновидные американские аналитики были обеспокоены тем, что в лице «Зеленых» правящие круги стран Запада столкнулись с еще одной, во многом нетрадиционной формой массового протеста, исходящего на этот раз из средних слоев, причем в рамках этого протеста все более отчетливо проявлялись антиимпериалистические и антимилитаристские настроения.

На состоявшейся в июле 1985 г. в Вашингтоне конференции созданного по инициативе администрации Рейгана «Международного демократического союза», в состав которого вошли консервативные и правые партии 29 стран Западной Европы, Азии и Латинской Америки, американский представитель заявил, что США заинтересованы в разработке «коллективной стратегии» консервативных сил для организации наступления против коммунистов, социал-демократов и других левых партий, в том числе «Зеленых» [10, с. 47]. Для противодействия росту и укреплению их влияния Вашингтон использует широкий диапазон методов – и «жестких», и «гибких»: дипломатическое и военно-политическое давление, экономический шантаж и дестабилизацию, политическую и материальную поддержку либерально-демократических партий и правых организаций, манипулирование средствами массовой информации, попытки внести раскол в лагерь левых сил, стимулировать в компартиях различного рода уклоны и т. д. [10, с. 48].

Партия «Зеленых» ФРГ после 1987 г.: поворот от пацифизма к атлантизму. В 1980-е гг. «Зеленые» твердо стояли на пацифистской позиции, решительно отвергая любое насилие во взаимоотношениях между странами и народами. С большим энтузиазмом «Зеленые» встретили начало перестройки в СССР, связывая с ней надежды на демократизацию международных отношений.

В программе, с которой «Зеленые» шли на первые общегерманские выборы в 1990 г., они в очередной раз заявили о себе как о противниках участия ФРГ в деятельности блока НАТО, существование которого признавалось политически неоправданным, «поскольку достижение мира невозможно на основе военных блоков» [4, с. 420]. Партия выступала против любых вооруженных акций при разрешении международных конфликтов, отдавая предпочтение превентивным мерам, препятствующим их эскалации, а также торговым и экономическим санкциям, направленным против возможного агрессора.

«Системная» переориентация, провозглашенная новым «реалистским» руководством (Й. Фишер, Д. Кон-Бендит), закономерно потребовала переосмысления принципов, лежащих в основе внешнеполитической концепции «Зеленых». Этому благоприятствовало изменение международного положения в 1990-е гг., отличавшегося от предшествующего десятилетия: окончилась конфронтация между двумя «сверхдержавами» и стоящими за ними военно-политическими блоками; утратила актуальность угроза ядерной войны, а значит, и необходимость борьбы против нее. Подавляющее большинство европейских государств, находившихся на постсоциалистическом пространстве, декларировало свою приверженность рыночной экономике и институтам демократии, поддерживало все начинания в области европейской интеграции. Германия обрела государственное единство [4, с. 421].

«Реалисты» стали ставить под сомнение следование абстрактным пацифистским принципам. После съезда в Бонне лидеры «Зеленых» все чаще начинают с апологетических позиций оценивать деятельность блока НАТО и проводимые им «миротворческие» акции, получившие решительное осуждение во многих странах мира. Сторонником пересмотра позиции по отношению к НАТО стал один из наиболее видных «реалистов» бывший вожак французской студенческой радикальной молодежи Д. Кон-Бендит. Он отрицал выдвинутую ранее «Зелеными» идею о необходимости выхода ФРГ из НАТО, а также и роспуска последней, призывал превратить ее в инструмент борьбы за демократию и права человека [4, с. 422].

«Новое политическое мышление» и внешнеполитические инициативы СССР в области ядерного разоружения повлекли за собой отход «Зеленых» от концепции равной ответственности СССР и США за гонку вооружений. На формирование положительного образа СССР среди немецких «Зеленых» не повлияла даже авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Распад СССР и мировой социалистической системы стал важным фактором дерадикализации и либерализации экологических партий, отхода их от антиимпериалистических, (антиамериканских) или нейтралистских позиций к атлантизму. В 1992 г. фракция «фундаменталистов», симпатизировавшая внешнеполитическим инициативам СССР, трагически теряет двух важных лидеров: П. Келли и Г. Бастиана. Еще в 1991 г. Ю. Дитфурт и другие радикальные левые экологи решают выйти из партии «Зеленых» и создать свою организацию. Это разделение ослабило «фундаменталистское», экосоциалистическое, леворадикальное течения в партии и укрепило фракцию «реалистов». Распад социалистического лагеря и СССР, участие в правительстве ФРГ привели немецких «Зеленых» на протяжении 90-х гг. к принятию внешнеполитической концепции безопасности в рамках НАТО. Одним из сторонников укрепления Атлантического альянса стал бывший левый радикал Й. Фишер – министр иностранных дел ФРГ, поддержавший бомбардировку Югославии в 1999 г.

Заключение. Партия Зеленых ФРГ стала контактировать с советскими общественными организациями перед тем, как она вошла в бундестаг. Можно выделить две наиболее активные фазы общения: 1) 1983–1984 гг.; 2) 1986–1987 гг. Общими темами для общения были осуждение американских планов «звездных войн», требование безотлагательного прекращения гонки вооружений и ядерных взрывов, налаживания конструктивного сотрудничества между государствами в политической, экономической, культурной, гуманитарной сферах, в сфере окружающей среды, осуждение ставок США на силу в решении любых вопросов в отношениях между государствами. Взаимодействие затрудняло следование некоторых «Зеленых» концепции равной ответственности СССР и США за гонку ядерных вооружений и увязка вопроса о мире и разоружении с проблемой прав человека в Восточной Европе, что было свойственно новым антивоенным движениям Запада.

Пик сотрудничества «Зеленых» и советских общественных организаций пришелся на 1987 г. Зеленые признали, что ядерное разоружение стало возможным не благодаря НАТО, а благодаря советской политике «нового мышления» и движениям за мир на Западе. Зеленые в Германии и Франции пропагандировали новые инициативы Советского Союза в области разоружения.

Для противостояния «зеленым» движениям использовался созданный в 1983 г. по инициативе США «Международный демократический союз», в состав которого вошли консервативные и правые партии 29 стран Западной Европы, Азии и Латинской Америки. Белый дом был заинтересован в разработке коллективной стратегии и распределении функций для организации политического наступления против международной социал-демократии, антивоенного движения, «Зеленых», компартий и других левых сил.

ЦРУ отмечало, что экологические движения на Западе влияли на электоральное поведение молодежи, снижая электоральную поддержку влиятельных еврокоммунистических партий в Италии и Франции. В Германии «Зеленые» забирали традиционный электорат социал-демократов. Происходило размывание традиционного электората на волне общественной активности – возникали новые политические расклады. В первой половине 80-х гг. «зеленым» удалось добиться значительных успехов на выборах. Они получили представительство почти во всех ландтагах западно-германских земель, на выборах в марте 1983 г., получив 5,6% голосов, вошли в состав бундестага. На выборах в бундестаг в январе 1987 г. они получили 8,3% голосов избирателей.

Список литературы

1. Басманов М. И. Некоторые общеметодологические вопросы изучения социальных движений // Методологический семинар по вопросам теории и практики коммунистического движения. Вып. 1. Коммунисты и новое в социальных движениях / под ред. М. И. Басманова, Г. Г. Водолазова, М. Т. Мещерякова. М.: Кафедра МКРД, Отдел внешнеполитической деятельности КПСС НИИ АОН при ЦК КПСС, 1983. С. 18–29.
2. Беседа в ЦК КПСС // Правда. 1986. 19 апр. № 109 (24731). С. 4.
3. Вдовиченко Л. Н. Альтернативное движение в поисках альтернатив. М.: Мысль, 1988. 190 с.
4. Вититнев С. Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: дис. ... д-ра ист. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2004. 664 с.
5. Встреча с руководством партии «Зеленых» // Правда. 1986. 13 ноября. № 317 (24939). С. 2.
6. Гинцберг Л. И. Массовые демократические движения в ФРГ и партия «Зеленых». М.: Наука, 1988. 256 с.
7. Дамье В. В. Движение «Зеленых» в ФРГ: идеология и политика (1970-е – середина 1980-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ АН СССР, 1985. 290 с.
8. Дамье В. В. Идеино-политическая эволюция «Зеленых» в ФРГ // Рабочий класс и современный мир. 1985. № 1. С. 112–125.
9. Дамье В. В. Экологические теории «Зеленых» в ФРГ // Ежегодник германской истории. 1984. М.: Наука, 1985. С. 144–159.
10. Зарицкий Б. Е. США и левые силы в Западной Европе (70–80-е гг.) // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 32–48.
11. Истягин Л. Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности. 1949–1987 гг. М.: Наука, 1988. 166 с.
12. Красин Ю. А. Ростки из-под асфальта: синопсис симпозиума Научного совета АОН при ЦК КПСС и ИОН при ЦК КПСС по проблемам мирового революционного процесса (1977–1989). М.: Политическая энциклопедия, 2022. 359 с.
13. Лаптев И. Д. Экологические движения // Не соперничество, а сотрудничество! Коммунисты и новое в социальных движениях / под общ. ред. Ю. А. Красина. М.: Политиздат, 1984. С. 53–81.

14. Лейбзон Б. М. Коммунисты и новое в социальных движениях // Методологический семинар по вопросам теории и практики коммунистического движения. Вып. 1. Коммунисты и новое в социальных движениях / под ред. М. И. Басманова, Г. Г. Водолазова, М. Т. Мещерякова. М. : Кафедра МКРД, Отдел внешнеполитической деятельности КПСС НИИ АОН при ЦК КПСС, 1983. С. 4–18.
15. Мельниченко Е. Н. Новые демократические движения в развитых капиталистических странах (на материалах ФРГ) : дис. ... канд. филос. наук. М. : Кафедра МКД АОН при ЦК КПСС, 1987. 198 с.
16. Пох А. С., Трухан А. Б. Партия «Зеленых» на политической арене ФРГ // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 3. С. 149–155.
17. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 90. Д. 896.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 813.
19. Скороходов В. А. и др. Экологические движения // Массовые демократические движения: истоки и политическая роль. М. : Наука, 1988. С. 96–124.
20. Современный мир глазами «Зеленых» / под ред. Б. М. Маклярского. М. : Международные отношения, 1987. 232 с.
21. Трухан А. Б. Развитие массовых демократических движений в ФРГ в 70-х – начале 80-х годов : дис. ... канд. ист. наук. М. : Институт мировой экономики и международных отношений, 1984. 230 с.
22. Экологические проблемы капиталистического города / отв. ред. А. И. Бельчук, Б. М. Маклярский, О. Н. Яницкий. М. : Наука, 1985. 184 с.
23. Moscow Intervenes in a Policy Debate: The Case of Opposition to US Missiles in West Germany. An Intelligence Assessment. GI 84-10076. April 1984. P. 2. CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00283R000500090003-1.pdf> (accessed: 20.03.2026).

The Green Party (FRG) in the Assessments of the USSR Leadership, 1980–1987

Bakshaev Maxim Vladimirovich

PhD in History, researcher, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6271-1308.
ResearcherID: HIK-2285-2022. E-mail: randvmax@gmail.com

Abstract. This article examines the policy regarding the contacts of the USSR with the Green Party of the FRG throughout the 1980s. The aim of the study is to trace the stages of the establishment of contacts between the Green Party of West Germany and Soviet party, state and public organizations. The source base of the study includes archival documents of the Russian State Archive of Contemporary History and of the CIA electronic archive, memoirs of statesmen, and materials of the Soviet press. Conclusions are drawn about the mutual interest of the Greens and Soviet public organizations in formal ties. The Soviet public organizations established contacts with the German Greens before the party entered the Bundestag. Two most active phases of communication are distinguished within the period under review: 1) 1983–1984; 2) 1986–1987. It is noted that the rapprochement of the parties was facilitated by their joint condemnation of the American "Star Wars" plans, the advancement of the demand for an immediate halt to the arms race and nuclear explosions, the establishment of constructive cooperation between states in the political, economic, cultural, humanitarian and environmental spheres, and the condemnation of the U.S. reliance on force in resolving any issues in relations between states. Communication was hampered by the Greens' commitment to the concept of the equal responsibility of the USSR and the USA for the nuclear arms race and by the linkage of the question of peace and disarmament with the problem of human rights in Eastern Europe, which was characteristic of the new anti-war movements of the West in general. The "New Thinking" and the foreign-policy initiatives of the USSR under M. S. Gorbachev in the field of nuclear disarmament brought about the Greens' departure from the concept of the equal responsibility of the USSR and the USA for the arms race. The collapse of the USSR became an important factor in the deradicalization and liberalization of the ecological parties and in their movement away from an anti-bloc position towards a policy of strengthening Atlantic unity within the framework of NATO.

Keywords: the Green Party of the FRG, the Soviet Peace Committee, the Soviet Committee for European Security and Cooperation, P. Kelly, V. V. Zagladin.

References

1. Basmanov M. I. *Nekotorye obshchemetodologicheskie voprosy izucheniya social'nyh dvizhenij* [Some General Methodological Issues of the Study of Social Movements] // *Metodologicheskij seminar po voprosam teorii i praktiki kommunisticheskogo dvizheniya. Vyp. 1. Kommunisty i novoe v social'nyh dvizheniyah* – A Methodological Seminar on the Theory and Practice of the Communist Movement. Is. 1. Communists and What Is New in Social Movements / ed. by M. I. Basmanov, G. G. Vodolazov, M. T. Meshcheryakov. M., Kafedra MKRD, Otdel vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti KPSS NII AON pri CK KPSS, 1983. Pp. 18–29.

2. *Beseda v CK KPSS* [A Conversation at the Central Committee of the CPSU] // *Pravda – Truth*. 1986. Apr. 19. No. 109 (24731). P. 4.
3. *Vdovichenko L. N. Al'ternativnoe dvizhenie v poiskah al'ternativ* [The Alternative Movement in Search of Alternatives]. M., Mysl' (Thought), 1988. 190 p.
4. *Vititnev S. F. Ekologicheskoe dvizhenie v FRG: genezis, ideologiya, funktsii : dis. ... d-ra ist. nauk* [The Ecological Movement in the FRG: Genesis, Ideology, Functions : dis. ... Doctor of History]. M., Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet (Moscow State Regional University), 2004. 664 p.
5. *Vstrecha s rukovodstvom partii "Zelenyh"* [A Meeting with the Leadership of the Green Party] // *Pravda – Truth*. 1986. Nov. 13. No. 317 (24939). P. 2.
6. *Gincberg L. I. Massovye demokraticheskie dvizheniya v FRG i partiya "Zelenyh"* [Mass Democratic Movements in the FRG and the Green Party]. M., Nauka (Sciences), 1988. 256 p.
7. *Dam'e V. V. Dvizhenie "Zelenyh" v FRG: ideologiya i politika (1970-e – seredina 1980-h gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [The Green Movement in the FRG: Ideology and Politics (the 1970s – Mid-1980s) : dis. ... PhD in History]. M., IVI AN SSSR, 1985. 290 p.
8. *Dam'e V. V. Idejno-politicheskaya evolyuciya "Zelenyh" v FRG* [The Ideological and Political Evolution of the Greens in the FRG] // *Rabochij klass i sovremennyy mir – The Working Class and the Contemporary World*. 1985. No. 1. Pp. 112–125.
9. *Dam'e V. V. Ekologicheskie teorii "Zelenyh" v FRG* [The Ecological Theories of the Greens in the FRG] // *Ezhegodnik germanskoj istorii. 1984 – Yearbook of German History*. 1984. M., Nauka (Sciences), 1985. Pp. 144–159.
10. *Zarickij B. E. SShA i levye sily v Zapadnoj Evrope (70–80-e gg.)* [The USA and the Leftist Forces in Western Europe (the 1970s–1980s)] // *Voprosy istorii – Questions of History*. 1988. No. 1. Pp. 32–48.
11. *Istyagin L. G. Obshchestvenno-politicheskaya bor'ba v FRG po voprosam mira i bezopasnosti. 1949–1987 gg.* [The Socio-Political Struggle in the FRG on Issues of Peace and Security. 1949–1987]. M., Nauka (Sciences), 1988. 166 p.
12. *Krasin Yu. A. Rostki iz-pod asfal'ta: sinopsis simpoziuma Nauchnogo soveta AON pri CK KPSS i ION pri CK KPSS po problemam mirovogo revolyucionnogo processa (1977–1989)* [Sprouts from under the Asphalt: A Synopsis of the Symposium of the Scientific Council of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU and of the Institute of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU on the Problems of the World Revolutionary Process (1977–1989)]. M., Politicheskaya enciklopediya (Political Encyclopedia), 2022. 359 p.
13. *Lapteva I. D. Ekologicheskie dvizheniya* [Ecological Movements] // *Ne sopernichestvo, a sotrudnichestvo! Kommunisty i novoe v social'nyh dvizheniyah* [Not Rivalry but Cooperation! Communists and What Is New in Social Movements] / ed. by Yu. A. Krasin. M., Politizdat, 1984. Pp. 53–81.
14. *Lejbzon B. M. Kommunisty i novoe v social'nyh dvizheniyah* [Communists and What Is New in Social Movements] // *Metodologicheskij seminar po voprosam teorii i praktiki kommunisticheskogo dvizheniya. Vyp. 1. Kommunisty i novoe v social'nyh dvizheniyah* [A Methodological Seminar on the Theory and Practice of the Communist Movement. Is. 1. Communists and What Is New in Social Movements] / ed. by M. I. Basmanov, G. G. Vodolazov, M. T. Meshcheryakov. M., Kafedra MKRD, Otdel vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti KPSS NII AON pri CK KPSS, 1983. Pp. 4–18.
15. *Mel'nichenko E. N. Novye demokraticheskie dvizheniya v razvityh kapitalisticheskikh stranah (na materialah FRG) : dis. ... kand. filos. nauk* [New Democratic Movements in the Developed Capitalist Countries (Based on Materials of the FRG) : dis. ... PhD in Philosophy]. M., Kafedra MKD AON pri CK KPSS, 1987. 198 p.
16. *Poh A. S., Truhan A. B. Partiya "Zelenyh" na politicheskoy arene FRG* [The Green Party in the Political Arena of the FRG] // *Rabochij klass i sovremennyy mir – The Working Class and the Contemporary World*. 1983. No. 3. Pp. 149–155.
17. RSACH (Russian State Archive of Contemporary History). F. 5. Op. 90. D. 896.
18. RSACH. F. 5. Op. 89. D. 813.
19. *Skorohodov V. A. et al. Ekologicheskie dvizheniya* [Ecological Movements] // *Massovye demokraticheskie dvizheniya: istoki i politicheskaya rol'* [Mass Democratic Movements: Origins and Political Role]. M., Nauka (Sciences), 1988. Pp. 96–124.
20. *Sovremennyy mir glazami "Zelenyh"* [The Contemporary World through the Eyes of the Greens] / ed. by B. M. Maklyarsky. M., Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations), 1987. 232 p.
21. *Truhan A. B. Razvitie massovykh demokraticheskikh dvizhenij v FRG v 70-h – nachale 80-h godov : dis. ... kand. ist. nauk* [The Development of Mass Democratic Movements in the FRG in the 1970s – Early 1980s : dis. ... PhD in History]. M., Institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij (Institute of World Economy and International Relations), 1984. 230 p.
22. *Ekologicheskie problemy kapitalisticheskogo goroda* [The Ecological Problems of the Capitalist City] / ed. by A. I. Bel'chuk, B. M. Maklyarsky, O. N. Yanickij. M., Nauka (Sciences), 1985. 184 p.
23. *Moscow Intervenes in a Policy Debate: The Case of Opposition to US Missiles in West Germany. An Intelligence Assessment. GI 84-10076. April 1984. P. 2. CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/reading-room/docs/CIA-RDP85T00283R000500090003-1.pdf> (date accessed: 20.03.2026).*

Поступила в редакцию: 15.05.2026

Принята к публикации: 05.06.2026

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EDN: GUJJFT

УДК 327(73+55)

Экзистенциальный антагонизм: противоречия в отношениях США и Ирана на современном этапе

Кочегуров Дмитрий Александрович¹, Гасанов Камран Низами оглы²

¹кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады им. академика Г. А. Арбатова, Российская академия наук. Россия, г. Москва.

AuthorID: 1033347. ORCID: 0000-0003-4955-033X. E-mail: d.kochegurov@iskran.ru

²кандидат политических наук, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-9338-5856. E-mail: gasanov-kn@rudn.ru

Аннотация. В январе 2025 г. ВЭФ представил свой «Доклад о глобальных рисках», где одной из главных угроз был назван потенциальный вооруженный конфликт на Ближнем Востоке между США и Ираном. В феврале, вскоре после своей инаугурации, президент США Д. Трамп подписал указ о восстановлении политики максимального давления на Иран. Во время поездки на Ближний Восток в мае Д. Трамп назвал Иран самой «разрушительной силой» в регионе. Отношения еще более ухудшились после того, как иранские власти пригрозили атаковать базы США и их союзников на Ближнем Востоке, если США вмешаются в «Двенадцатидневную войну», после чего 22 июня США присоединились к конфликту, выступив на стороне Израиля и нанеся серию ракетно-бомбовых ударов по иранским объектам ядерной программы. Д. Трамп стал первым президентом США, который открыто присоединился к Израилю в нападении на противника. 28 февраля 2026 г. началась война США и Израиля с Ираном, также известная как операция «Эпическая ярость». В связи с этим авторы задаются вопросом: преодолим ли взаимный антагонизм двух государств? Пролывая свет на историческую динамику непростых отношений, суть работы видим в том, чтобы проследить истоки и движущие факторы взаимного антагонизма США и Ирана. При анализе восприятия Ирана через призму стратегических документов, актов учитывается наличие антииранского консенсуса в США на уровне законодательной власти и Белого дома. Выявлены причины отсутствия сильного проиранского лобби.

Ключевые слова: антагонизм, Ближний Восток, Д. Трамп, Иран, США.

Введение. Фундаментальные основы антагонизма. Цель работы состоит в исследовании американо-иранского антагонизма, прежде всего его причин и препятствий на пути к преодолению. Стержневым для статьи стал принцип историзма с рассмотрением отношений двух стран в исторической динамике и другие методы, например дискурс-анализ и метод индукции, позволяющий двигаться от конкретных действий к антагонизму. Эмпирической базой исследования стали материалы Белого дома и Конгресса, зарубежная литература и статьи «мозговых центров», материалы СМИ, где отражены позиции государственных лиц, и экспертные оценки.

Согласно К. Шмитту, в антагонизме воплощается сущность политического процесса. Именно он ввел в науку разграничение категорий «друг – враг», прояснив, что изначальный смысл дихотомии кроется в сохранении политического единства, самоидентификации [42], о чем также писал М. Хайдеггер [21]. Э. Лакло и Ш. Муфф исследовали антагонизм через призму классовой борьбы [26]. Так, оппозиция «мы – они» маскируется в дискурсе, облекаясь в моральные категории «добра» и «зла», за чем скрывается не только отказ от признания «врага» равным себе по статусу, но и самоопределение. Ш. Муфф использовала термин «конститутивного внешнего» с выстраиванием отношений по оси «мы – они», что не обязательно является антагонизмом, но может стать таковым и перерасти в открытую вражду, если чужая идентичность («они») ставит под сомнение «нашу» идентичность и угрожает ее существованию. Следуя данной концептуальной схеме, политика, основанная на взаимоисключении, проявляется в антагонизме при отсутствии условий для примирения, и в этом плане антагонизм наиболее опасный вид соперничества.

Для США и Ирана характерна идеологическая основа антагонизма, что делает их вражду достаточно острой и подрывает любые усилия по переговорам и сближению. США определили Иран своим врагом и с тех пор прибегли ко всем средствам антагонизма, кроме войны. Показательным является дискурс Р. Рейгана об «империи зла», или «крестовый поход» Дж. Буша-мл. против «оси зла». Иранский антагонизм к США носит столь же острый характер. Благодаря разграничениям «мы – они», «добро – зло» Иран нейтрализует внешнюю угрозу единству нации и создает видимость внутреннего консенсуса, побуждая население идентифицировать себя с новым режимом. Выстраивая свою идентичность и легитимность на антиамериканизме, иранский режим демонизировал США, применив к ним эпитет «Большой Сатана». После победы Д. Трампа на выборах в ноябре 2024 г. в руководстве КСИР заявили, что «фронт зла не различается в своей злобности» [1], что можно трактовать как сигнал Вашингтону об отсутствии надежд на примирение и как попытку консолидировать самих иранцев в не самое спокойное время.

Сложной истории американо-иранского соперничества уделено достаточно внимания. Так, в главе «Интерпретация непримиримого врага» книги Дж. Тирмана и А. Малеки ("U.S.-Iran Misperceptions") названы три причины антагонизма США к Ирану: восприятие иранского режима как идеологически мотивированной, репрессивной теократии, построенной на антиамериканизме и непримиримости к США; агрессивное поведение Ирана; иранская ядерная программа [49, с. 57–88]. При этом бытует мнение, что Иран не заинтересован в дипломатии и в сделке с США. Такая точка зрения неумолимо приводит к выводу, что единственный способ преодоления антагонизма – смена режима в Тегеране.

Одно из распространенных утверждений, выдвигаемых иранистами, заключается в том, что США сами не раз упускали возможности нормализовать отношения с Ираном. Так, автор книги «Америка и Иран» Дж. Газвинян в большей степени пытается возложить вину на Белый дом и израильское лобби [20]. О влиянии последнего на образ Ирана написано в работах Дж. Миршаймера и С. Уолта «Израильское лобби и внешняя политика США» [31], «Цель Тегеран» И. Эвьятара и Й. Боба [12] и др. Действительно, случалось так, что Белый дом пропускал или игнорировал примирительные сигналы, продолжая оказывать давление на Тегеран. Любое потепление вызывало тревогу среди конгрессменов-ястребов и израильского лобби. Даже когда напряженность ослабевала, Конгресс блокировал шаги, которые могли бы привести к менее конфронтационным отношениям. «Поездка в Тегеран» Ф. Леверетт и Х. Леверетт – попытка взглянуть на проблему с иранской стороны – содержит манифест о провале политики давления на Иран с призывом к дипломатии [29], что нашло отклик среди таких известных политологов и журналистов, как Э. Басевич, А. Ливен, С. Херш.

Согласно другой точке зрения, иранский режим первым демонизировал врага и эксплуатировал в своих интересах антиамериканские настроения, поскольку конфронтация с США и сопротивление западной гегемонии обеспечивает ему легитимность, о чем написано в книге А. Аманата «Иран: Современная история» [4]. В «Битве аятолл» А. Ватанка рассматривает отношения через призму внутренней фракционной борьбы в постреволюционном Иране [50]. Первопричина антагонизма, на наш взгляд, кроется не столько во взаимных промахах, сколько в фундаментальном расхождении двух идеологий, что проиллюстрировано в книге М. Бирна и К. Бирна «Миры врозь» [14]. С опорой на рассекреченные документы США ее авторы склоняются к мнению, что ожесточенный спор двух государств был вызван сочетанием противоречивых идеологических взглядов, несовместимых политических целей и стойкого чувства жертвы. В книге У. Бимана «Большой Сатана против Безумных Мулл» говорится о том, как политические лидеры использовали исторические аналогии, религиозные ассоциации и мифологию «зла», чтобы настроить своих граждан друг против друга [11]. «Переговоры с Ираном» Дж. Лимберта – вызов, адресованный как американцам, так и иранцам, с призывом положить конец десятилетиям враждебного «мифотворчества» [30].

Еще одной попыткой изучения темы с конструктивистских позиций стала работа «Республики Мифа: национальные нарративы и конфликт между США и Ираном». Ее авторы Х. Банай, М. Бирн и Дж. Тирман, при помощи нарративного анализа и дискурс-анализа, исследуют истоки вражды между Вашингтоном и Тегераном и объективные препятствия, стоящие на пути к нормализации отношений [9]. По их убеждению, в основе антагонизма лежат так называемые «национальные нарративы», которые имеют некую реальную историческую основу, но вместе с тем вводят в заблуждение политиков. В то время как США руководствуются старым «мифом о границе» и воспринимают Иран как террористическую угрозу, которую

нужно нейтрализовать, Иран рассматривает США как империалистическую державу, стремящуюся его покорить, и, опираясь на собственные традиции, считает себя борцом с внешними угнетателями [27]. Два противоположных нарратива не всегда преобладают, когда у государств есть веские причины для сближения, но они ограничивают масштаб и характер сотрудничества. Недопонимание и отсутствие уважения – одно из главных препятствий на пути улучшения отношений. Взаимная одержимость, достигшая апогея при Д. Трампе, привела к тому, что авторы назвали «нарративной ловушкой». Тот факт, что за успешными переговорами по Совместному всеобъемлющему плану действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы (далее – СВПД) почти сразу последовал выход США из соглашения и усиление санкций, подтверждает то, насколько глубоко укоренилась модель враждебности и недоверия. Все вышеизложенное в совокупности поддерживает антагонизм США и Ирана и препятствует его преодолению.

От сближения к антагонизму. Обращение к историческому прошлому позволяет выявить причинно-следственную связь событий, повлиявших на антагонистическую траекторию развития отношений двух стран [19]. Участие США в разрешении Иранского кризиса 1946 г. привело к сближению Вашингтона и Тегерана. Когда в 1951 г. премьер-министр Ирана М. Мосаддык решил провести национализацию нефтяной промышленности, спецслужбы Великобритании и США осуществили в 1953 г. «контрпереворот» (операция «Аякс»), повлекший свержение правительства Национального фронта Ирана, усиление власти шаха и установление в Иране прозападного режима. Несмотря на причастность шаха, положительный имидж американцев был подорван, простые иранцы были возмущены вмешательством США, что сформировало негативный образ Америки и обеспечило почву для антиамериканских настроений в Иране.

Иранский шах М. Пехлеви проводил проамериканскую внешнюю политику, взяв курс на «позитивный национализм», предполагающий борьбу с коммунизмом и арабским радикализмом. Шах столкнулся с внутренней оппозицией и враждебностью со стороны ряда стран, считавших его агентом западного империализма [6, с. 442]. В декабре 1954 г. М. Пехлеви заявил, что у Ирана много общего с западным миром, что западный образ жизни соответствует системе исламских ценностей и что «вестернизация – наш идеал» [6, с. 445].

Ориентация на Запад принесла Ирану определенные выгоды и возможности, главной из которых была перспектива играть роль моста и посредника между западным и восточным мирами [1, с. 216]. Значение Ирана возросло при президенте Р. Никсоне. Стратегия «двух столпов» отводила Ирану и КСА лидирующую роль в обеспечении порядка в регионе и рассматривалась как эффективный способ избежать военных операций [15, с. 9]. В «доктрине Никсона» 1969 г., представленной шаху в 1972 г. во время визита президента США в Тегеран, говорилось о том, что оборона союзников должна быть заботой самих союзников, а также о разделении военно-политического и финансово-экономического взаимодействия.

Параллельно внутри Ирана был осуществлен комплекс реформ известных как «Белая революция» [3, с. 126]. Несмотря на определенные успехи, стремление М. Пехлеви превратить Иран в ведущую региональную державу оказалось чересчур амбициозным. Положение не соответствовало тому, о чем говорилось в книге М. Пехлеви «К великой цивилизации» 1978 г., выход которой совпал с началом революционных выступлений. События 1979 г. превратили Иран из «надежного островка стабильности в одном из наиболее беспокойных регионов мира» в одну из главных угроз США. Нежелание американцев вернуть бежавшего из Ирана шаха вызвало всеобщее возмущение, неприятные аналогии с операцией «Аякс» и привело к захвату заложников в посольстве США.

К 1980 г., когда администрация президента Дж. Картера разорвала дипотношения с Ираном, взаимный антагонизм преодолел точку невозврата [46, с. 7]. Для Вашингтона кризис с заложниками стал «определяющим моментом», который вызвал «постоянную антипатию к Ирану» [36, с. 172, 206]. Враждебный настрой американцев к Ирану до сих пор препятствует попыткам сближения [7, с. 266]. В свою очередь радикальные исламисты в Иране использовали антиамериканизм для консолидации своего режима, уступая в борьбе нарративов левым и националистам. Реакцией на иранскую революцию стала «доктрина Картера» 1980 г. США поддержали Багдад в ирано-иракской войне, что усилило антагонизм со стороны иранцев. В сентябре 1984 г. в отношении Ирана было введено эмбарго, а в октябре 1987 г. был ограничен иранский импорт в США. Редкий пример сотрудничества – дело «Иран-контрас», когда в 1985 г. согласно плану куратора ЦРУ по Ближнему Востоку и Азии Г. Фуллера было принято решение о тайной продаже оружия Ирану и финансировании никарагуанских повстанцев-контрас.

Отношения США и Ирана в постбиполярную эпоху. Президент Дж. Г. Буш продолжил курс Р. Рейгана. С окончанием холодной войны единственной угрозой интересам США на Ближнем Востоке оставался Иран, противовесом которому служил Ирак. Однако лидер Ирака С. Хуссейн заинтересовался кувейтской нефтью и поднял вопрос о легитимности ирако-кувейтской границы. Аннексия Кувейта привела к успешной для США войне в Персидском заливе. Свою выгоду извлек и Иран, так как война ослабила иракскую армию и С. Хуссейн эвакуировал войска с оккупированной иранской территории.

Ближневосточная политика президента У. Клинтона опиралась на доктрину «двойного сдерживания» Ирана и Ирака, за которыми в 1994 г. с подачи советника по национальной безопасности Э. Лейка закрепился термин «государства-изгои». В апреле 1995 г. У. Клинтон объявил Иран чрезвычайной и необыкновенной угрозой США и о намерении остановить всю торговлю и инвестиции в Иран. Была издана серия указов № 12957; № 12959; № 13059. В марте 1995 г. У. Клинтон заблокировал крупнейшую с 1979 г. сделку Сопосо с иранской компанией о разведке двух нефтяных месторождений у побережья Ирана. Иранская атака на Аль-Хобар (КСА) побудила Конгресс усилить меры в отношении Ирана и перенести базу ВВС в Катар. В августе 1996 г. У. Клинтон подписал «Закон о санкциях в отношении Ирана».

В те годы на посту президента Ирана находился прагматик А. Рафсанджани, который предпочел сконцентрироваться на послевоенном восстановлении, ослабил социальный контроль внутри страны и приступил к укреплению международных позиций Ирана [16, с. 70]. Неспособность свергнуть светские режимы в соседних странах и высокая цена войны с Ираком заставили правящую фундаменталистскую верхушку приостановить агрессивную политику и сосредоточиться на экономике [24, с. 114]. В 1997 г. к власти пришел реформатор М. Хатами, чьи жесты доброй воли, заявления о «диалоге цивилизаций» и «сломе стены недоверия» могли бы восприниматься в Вашингтоне как шанс наладить отношения.

Однако при президенте Дж. Буше-мл. произошел кардинальный пересмотр американской внешнеполитической стратегии в пользу наступательной неоконсервативной политики смены режимов и государственного строительства. Ряд документов 2002 г. составили «доктрину Буша», следуя которой США вторглись в Афганистан и Ирак. К Ирану был применен термин «ось зла», используемый для описания режимов, спонсирующих терроризм и разрабатывающих ОМУ.

Включение Ирана в «ось зла» положило конец надеждам на мир. Все, кто выступал за разрядку и сближение с США, оказались обманутыми. Пресса выражала удивление: почему позитивная повестка М. Хатами не была должным образом оценена в США? [18, с. 244]. Все это привело к тому, что программа реформистов была подорвана, рецепты оборонительного реализма умеренного лагеря утратили поддержку элиты, внешнеполитический истеблишмент принял за основу наступательный реализм, тем самым проложив путь к секьюритизации и милитаризации внешней политики. В 2005 г. М. Хатами сменил радикал М. Ахмадинежад, призвавший к джихаду против Америки и Израиля и вступивший в новый конфликт с США при полной поддержке аятоллы А. Хаменеи.

Ближневосточная политика администрации президента Б. Обамы, несмотря на амбициозные планы, изложенные им 4 июня 2009 г. в «каирской речи», запомнилась открытым неприятием со стороны монархий Персидского залива и Израиля; провалом в Сирии; интервенцией в Ливию; «арабской весной»; подъемом ИГИЛ; неспособностью заручиться двухпартийной поддержкой при заключении СВПД и отсутствием прогресса в решении палестинско-израильского вопроса [45, с. 2].

Особняком стоит ядерная сделка с Ираном 2015 г. (СВПД), ставшая исключением из череды попыток смены режима в Тегеране [28]. К концу правления М. Ахмадинежада, когда санкции были самыми тяжелыми, а страна находилась под огромным давлением, А. Хаменеи одобрил секретные переговоры с США в 2011 г. [10, с. 86] Движущим фактором успеха стало избрание Х. Роухани и знаменательный телефонный разговор с Б. Обамой. Подобно тому как радикальные исламисты использовали антиамериканизм для консолидации своих позиций, коалиция прагматиков и реформистов надеялась извлечь выгоду из проамериканских настроений.

Унаследовав от Б. Обамы проблемный регион, администрация президента Д. Трампа вернулась к политике «офшорного балансирования» 1945–1992 гг. В отношении Ирана Д. Трамп развернул кампанию «максимального давления». Указ Д. Трампа, запрещающий гражданам семи стран с мусульманским населением, включая Иран, въезд в США на 90 дней, Тегеран назвал «явным оскорблением исламского мира».

В мае 2018 г. Д. Трамп вышел из СВПД и усилил санкции против Ирана, что ослабило позиции реформаторов в Иране и позволило сторонникам жесткой линии перехватить инициативу. В Тегеране сочли санкции не иначе как «антагонистическим шагом», частью «психологической войны» США и заявили о сокращении обязательств в рамках СВПД. В апреле 2019 г. Белый дом пошел на беспрецедентный шаг, признав КСИР «террористической организацией». В ответ Тегеран объявил США государством – спонсором терроризма. В мае постпред Ирана в ООН заявил в статье в «Вашингтон Пост» (Washington Post), что политика США в отношении Ирана движима навязчивым антагонизмом и что переговоры не могут быть продуктивными, если они сочетаются с запугиванием, принуждением и санкциями [38].

Напряженность переросла в кризис после того, как в январе 2020 г. в результате удара ВВС США погиб генерал и командующий спецподразделением Аль-Кудс в составе КСИР К. Сулеймани. Ракетный удар по его автоколонне был нанесен по приказу Д. Трампа. Взаимный антагонизм достиг своего апогея. Приход в 2021 г. к власти в Иране И. Раиси привел к сплочению элит и общественности в условиях внешнего давления [8].

Президент Дж. Байден поначалу постарался «сгладить углы» во взаимоотношениях с Тегераном и предпринял дипломатические усилия по возвращению США к СВПД [10, с. 131]. Примечательна программная статья 2019 г. У. Бернса и Дж. Салливана в «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) [13]. Даже когда Китай способствовал сближению КСА и Ирана в марте 2023 г., в Белом доме приветствовали это, рассматривая как позитивный шаг, ведущий к региональной дестализации. Госсекретарь Э. Блинкен пытался возобновить переговоры с Ираном. Ходили слухи о секретном канале в Омане, но эти усилия не привели к какому-либо прогрессу.

На фоне событий 7 октября 2023 г. заговорили о новой «оси» (The Axis of Upheaval), чьи участники используют ситуацию, чтобы укрепить свои позиции и выставить Вашингтон дестабилизирующей силой [25]. Как полагают в США, несмотря на секретные переговоры, на протяжении всего 2023 г. Иран неоднократно шел на военные провокации [23]. После ракетного обстрела Израиля вице-президент К. Харрис назвала Иран «дестабилизирующей, опасной силой» и «величайшим противником» США. К началу 2024 г. администрация Дж. Байдена начала обсуждать возвращение к старому санкционному режиму против Ирана. В феврале спикер Палаты представителей М. Джонсон описал политику Дж. Байдена как катастрофическую и призвал «продемонстрировать силу» Ирану.

С переизбранием Д. Трампа Белый дом вернулся к кампании «максимального давления» на Иран, что было формализовано 4 февраля в меморандуме о национальной безопасности (NSPM) [17], а также в NSPM-2 [32]. На следующий день, 5 февраля, Д. Трамп заявил, что предпочел бы дипломатию, намекнув и на силовой метод решения иранской проблемы. 6 февраля были введены первые санкции, нацеленные на нефтяной сектор Ирана. В ответ А. Хаменеи 7 февраля заявил, что с такой американской администрацией «не должно быть никаких переговоров». 7 марта Д. Трамп объявил, что направил письмо А. Хаменеи, призывая возобновить переговоры по СВПД. Как объяснил спецпосланник США на Ближнем Востоке С. Уиткофф, Д. Трамп пытается «выстроить доверие» с Ираном, чтобы избежать вооруженного конфликта. Однако содержание послания Д. Трампа было «жестким» и ультимативным [39]. Спустя время Д. Трамп пригрозил Ирану «бомбардировками, подобных которым они прежде не видели».

Иран в доктринальных документах США. В декабре 2025 г. администрация Д. Трампа обнародовала новую Стратегию национальной безопасности (далее – СНБ) [34]. Иран признаётся главной дестабилизирующей силой в регионе.

Для понимания того, насколько стабильны антииранские нарративы американских властей, можно обратиться к более ранним СНБ Белого дома. Так, в СНБ-1987 применительно к Ирану впервые был использован термин «государство – спонсор терроризма» по отношению к странам, использующим террор в качестве инструмента политики и несущим угрозу интересам США, а также безопасности Израиля и умеренных арабских режимов. В СНБ-1988 добавлено, что агрессивный радикальный режим в Иране продолжает угрожать дружественным США странам посредством терроризма и подрывной деятельности.

СНБ У. Клинтона отличались более сдержанной риторикой в адрес Ирана. В СНБ-1994 упомянуто о готовности США вступить в диалог с Ираном с целью повлиять на его поведение. В СНБ-1998 говорилось о признаках изменений в иранской политике и о том, что США готовы разработать «дорожную карту», ведущую к нормальным отношениям. Тем не менее следует учесть, что У. Клинтона больше интересовали вопросы экономической глобализации, нежели международной безопасности; авторы клинтоновских СНБ, уверовав в идею победы модели либеральной

демократии, надеялись повлиять на Иран посредством «разговорной терапии»; их публикация частично совпала с приходом к власти в Иране реформистов; и наконец, любым намекам на диалог и возможное потепление отношений сопутствовали противоположные тезисы об усилении давления на Иран так, чтобы он изменил свой курс на поддержку терроризма и приобретение ОМУ. Круг замкнулся, вернувшись к исходной точке 1979 г. с публикацией СНБ-2002.

Переходим к дню сегодняшнему: в октябре 2017 г. Д. Трамп обнародовал свою стратегию противодействия Ирану – важнейший документ, который содержал в себе основные элементы политики в отношении правящего в Иране «режима-изгоя» [37]. Речь шла о следующих пунктах: нейтрализация дестабилизирующего влияния Ирана и сдерживание его агрессии; активизация альянсов и партнерств и восстановление более устойчивого баланса сил; лишение иранского режима возможностей финансирования; противостояние угрозам со стороны баллистических ракет и других асимметричных видов оружия; мобилизация усилий международного сообщества; перекрытие Ирану доступа к ядерному оружию.

Как пояснил Д. Трамп, его политика основана на четкой оценке иранской диктатуры, финансирования ею терроризма и продолжающейся агрессии на Ближнем Востоке. Выступая в Белом доме, Д. Трамп заявил, что Иран находится под контролем фанатичного, радикального режима, вспомнил кризис с заложниками и другие случаи поддержки Ираном актов агрессии против США и их союзников [40].

Надо отметить, что в любом из доктринальных документов США угрозе, исходящей от Ирана, уделяется пристальное внимание. Если вспомнить СНБ-2017, то Иран, объявленный ведущим государством – спонсором терроризма, фигурировал в числе трех основных угроз США наряду с «ревизионистскими державами» и транснациональными акторами [33]. Как утверждалось, иранская диктатура дестабилизирует регион, угрожает американцам и их союзникам, а также грубо и жестоко обращается со своим народом. В разделе, посвященном Ближнему Востоку, иранский экспансионизм поставлен на первое место в числе локальных проблем.

В СНБ-2022, на фоне роста внимания к угрозам со стороны Китая и России, роль Ирана снизилась. Также в иерархии региональных приоритетов опустился на 4-е место и Ближний Восток, уступив Западному полушарию. Иран был назван в числе автократических держав, действующих агрессивно и дестабилизирующим образом. Якобы Иран вмешивается во внутренние дела соседей, распространяет ракеты и беспилотники, замышляет причинить вред американцам и продвигает ядерную программу сверх всякой реальной гражданской необходимости [35].

В Стратегии национальной обороны (далее – СНО) 2018 г. Иран указан в перечне пяти главных угроз национальной безопасности наряду с Китаем, Россией, КНДР и террористическими группировками. В СНО-2022 Иран был поставлен в один ряд с КНДР и «экстремистскими организациями». В двух версиях документа «Объединенная региональная стратегия: Ближний Восток и Северная Африка» 2018 г. и 2022 г. Иран рассматривался под тем же ракурсом. В сущности, были подтверждены обозначенные выше позиции США в отношении Ирана.

Если обратиться к двум мартовским документам второй администрации Д. Трампа, несмотря на приоритетное внимание к Китаю, в докладе нацразведки США об имеющихся угрозах Иран занял 3-е место, как и в документе «Временное стратегическое руководство по национальной обороне».

Можно прийти к промежуточному выводу: политика Ирана – это перманентная угроза США и проамериканскому балансу сил в регионе. Угроза союзникам США (в первую очередь Израилю), поддержка группировок, признанных в США террористическими, разработка ОМУ – все это противоречит традиционным интересам США. Многие СНБ сопровождаются откровенно воинственной риторикой в адрес Ирана.

Антииранский Вашингтонский консенсус. Большинство членов администрации Д. Трампа демонстрируют явный антагонизм к Ирану: госсекретарь М. Рубио, постпред США при ООН и бывший советник по национальной безопасности М. Уолтц, директор ЦРУ Дж. Рэтклифф и др. Аналогичную позицию занимают и главы ключевых профильных комитетов в Конгрессе, на чьих взглядах следует подробнее остановиться.

Сменивший сенатора от Род-Айленда Дж. Риду на посту председателя Комитета Сената США по вооруженным силам сенатор от Миссисипи Р. Уикер – один из самых произраильски настроенных политиков. Р. Уикер выступал против СВПД, а после терактов 7 октября заявил, что США должны наказать иранский режим. Спустя год Р. Уикер заявил, что ХАМАС и его иранские спонсоры намерены уничтожить еврейское государство и потому США должны гарантировать, что эти террористические режимы будут отправлены на «свалку истории».

Председатель Комитета Сената США по международным отношениям, сенатор от Айдахо Дж. Риш в январе 2025 г. заявил, что при нем США возобновят кампанию «максимального давления» на Иран в интересах национальной безопасности. Когда в августе 2023 г. Вашингтон и Тегеран договорились об освобождении пяти американских заложников в обмен на доступ Ирана к \$6 млрд, замороженным в банках Южной Кореи, Дж. Риш заявил, что это лишь приведет к захвату новых заложников. Ему вторил сенатор-республиканец от Арканзаса Т. Коттон, который назвал сделку «выкупом» и «малодушным актом умиротворения» и заявил, что Иран «использует эти нечестно полученные прибыли, чтобы атаковать американские войска и финансировать терроризм».

Бывший глава Комитета, сенатор от Нью-Джерси Р. Менендес прославился как ярый туркофоб, но и он также неоднократно предостерегал Сенат о влиянии других «злонамеренных игроков», в том числе Ирана. Р. Менендес – один из немногих сенаторов-демократов и второй после сенатора Ч. Шумера, кто выступил против СВПД и подготовил законопроект «Об оценке ядерного соглашения с Ираном 2015 года» вместе с сенаторами-республиканцами Л. Грэмом и Б. Коркером. В начале 2022 г. Р. Менендес выразил обеспокоенность насчет переговоров с Ираном и призвал к давлению на Тегеран, заявив, что «мы не можем игнорировать гнусную поддержку терроризма со стороны Ирана».

О поддержке Ираном терроризма не раз заявлял нынешний глава Подкомитета по делам Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии, сенатор-республиканец от Пенсильвании Д. Маккормик. Д. Маккормик – ярый сторонник Израиля и Авраамовых соглашений, жесткий критик политики Дж. Байдена, которая, по его словам, способствовала развитию террористической сети Ирана. Д. Маккормик часто критиковал Дж. Байдена за «слабость» перед лицом иранской агрессии, чье сдерживание станет задачей его подкомитета. Во время предвыборной кампании в сентябре 2024 г. Д. Маккормик называл Иран «нашим заклятым врагом» и «андеррайтером террора на Ближнем Востоке». Своего оппонента сенатора-демократа Б. Кейси он раскритиковал за поддержку СПВД как «первородного греха» Б. Обамы. Д. Маккормик сказал, что опыт посещения Израиля после атаки ХАМАС заставляет его выступить с «моральной ясностью» на счет террористической группировки и ее спонсора, являющего собой «чистое зло».

На фоне Д. Маккормика бывший глава подкомитета, сенатор-демократ от Коннектикута К. Мерфи придерживается более сдержанного подхода. В марте 2022 г. К. Мерфи предупредил о «катастрофе» из-за выхода из СВПД и заявил, что политика Д. Трампа в отношении Ирана обернулась полным провалом. Любопытно, что предшественник К. Мерфи на посту сенатора Дж. Либерман – один из самых влиятельных деятелей в Вашингтоне по вопросам, касающимся Ирана. В июне 2008 г. Дж. Либерман назвал Иран фанатичным, террористическим, экспансионистским государством, чей лидер и руководство угрожают уничтожить Израиль.

Председатель Комитета Сената США по разведке Т. Коттон – протеже известного неоконсерватора Б. Кристола – крайне враждебно относится к Ирану. В мае 2013 г. Т. Коттон предложил поправку к закону "Nuclear Iran Prevention Act of 2013" о наказании до 20 лет тюрьмы для людей (и их родственников), нарушающих санкции против Ирана. В июле 2015 г. Т. Коттон высказался о том, что Дж. Керри «действовал как Понтий Пилат» в ходе переговоров по СВПД. В июне 2019 г. Т. Коттон заявил, что неспровоцированные нападения на торговые суда в Оманском заливе требуют ответного военного удара по Ирану. В январе 2020 г. в статье в New York Times Т. Коттон написал, что США добились справедливости в отношении К. Сулеймани, вдохновителя террора, чье убийство было оправданным, законным и стратегически обоснованным. Через 10 дней Т. Коттон призвал генпрокурора У. Барра расследовать потенциальные нарушения представителями иранского лобби Закона о регистрации иностранных агентов (FARA).

Несмотря на партийную поляризацию в Конгрессе, любое голосование о санкциях против Ирана получает почти всеобщую поддержку [22]. 2 августа 2013 г. после инаугурации Х. Роухани 76 сенаторов в письме призвали Б. Обаму к более жестким санкциям. 1 декабря 2016 г. Сенат единогласно (99:0) проголосовал за продление санкций в отношении Ирана на десять лет вопреки позиции администрации Б. Обамы после того, как законопроект "H.R. 6297" одобрила Палата представителей (419:1). В июне 2017 г. Сенат почти единогласно (98:2) принял "S.722 – Countering Iran's Destabilizing Activities Act". В ноябре 2023 г. на фоне событий 7 октября Палата представителей большинством голосов (307:119) приняла закон "H.R.5961 – No Funds for Iranian Terrorism Act". 24 апреля 2024 г. Сенат большинством (79:18) принял всеобъемлющий законопроект "H.R. 815", включающий в себя шесть актов, направленных против Ирана [5]. Инициативы успешно прошли через Палату представителей, например, "H.R.5923 – Iran-China Energy Sanc-

tions Act" (383:11). Напротив, в отношении резолюции, которая ограничивала бы полномочия Д. Трампа на ведение военных действий с Ираном, в начале 2020 г. консенсуса не наблюдалось ни в Сенате (55:45), ни в Палате представителей (224:194).

Проблемы иранского лобби в США. Начать стоит с важности лоббистских организаций для прочных двусторонних отношений и с того, что в США внешняя политика определяется внутренней. Большая часть активности иранского лобби исходит со стороны сочувствующих «режиму аятолл» представителей диаспоры, американских левых, выступающих за невмешательство, а также бизнеса, заинтересованного в доступе к иранскому рынку углеводородов [43]. Именно с интересами бизнеса эксперты связывают формирование иранского лобби в начале 1990-х гг., когда ряд крупных компаний создал лоббистскую группу USA Engage.

Численность иранской диаспоры в США по разным оценкам около 1 млн. Общей чертой для большинства светских и высокообразованных иранских иммигрантов является то, что до переезда в США они столкнулись с различными формами угнетения у себя на родине, например журналист Н. Мортазави, которая считает себя «изгнанной» из страны, в которой родилась, и с тех пор подвергается преследованиям со стороны иранских властей.

Самая заметная среди иранских лоббистских групп – «Национальный ирано-американский совет» (National Iranian American Council, NIAC), основанный в 2002 г. NIAC имеет тесные связи со многими леволиберальными организациями, такими как J Street. По слухам, за деятельностью NIAC стоит иранская семья Намази, чей глава, Б. Намази, при шахе был губернатором богатой нефтью иранской провинции Хузестан. В 1999 г. его сын Сиамак и будущий основатель NIAC Т. Парси представили знаковый документ «Ирано-американцы: мост между двумя странами», содержащий «дорожную карту» улучшения отношений.

NIAC часто подвергается критике за то, что преуменьшает масштаб угрозы иранского режима, обвиняя в большинстве проблем региона США. Организация выступает за снятие санкций с Ирана и сокращение присутствия США в регионе. Такой подход нашел поддержку со стороны левого крыла Демократической партии, например сенаторов Б. Сандерса от Вермонта, Э. Уоррен от Массачусетса, конгрессменов Р. Тлаиб от Мичигана, И. Омар от Миннесоты. При этом у NIAC достаточно противников. Например, «Иранские американцы за свободу» (близкие к иранским монархистам и Республиканской партии) считают NIAC «апологетами» и рупорами Тегерана.

Однако наличие организаций, нацеленных на нормализацию американо-иранских отношений, не позволяет, тем не менее, рассчитывать на подобный сценарий. Выделяются четыре фактора, подрывающих позиции иранского лобби, и особенно NIAC [41]. 1. До конца не ясно: что именно полезного для диаспоры лоббирует NIAC? 2. Т. Парси настроил против себя большинство политиков своей риторикой, выходящей далеко за рамки мейнстрима, раскручивая сомнительные теории заговора. 3. NIAC не представляет интересы иранского сообщества в США. Верность NIAC теократии, сохраняя враждебный настрой к монархистам и конституционным республиканцам, отторгает простых иранцев. 4. Многие потенциальные доноры боятся жертвовать NIAC из-за проблем с анонимностью, конфиденциальностью и финансовой прозрачностью. Бюджет NIAC зачастую меньше \$1 млн. Между тем бюджет крупнейшей израильской лоббистской структуры, AIPAC, составляет около \$100 млн.

Подъем иранского лобби в Вашингтоне при этом оставался почти без внимания Белого дома, который предпочел сохранить видимость его отсутствия [47]. NIAC заявил о себе, но только потому, что администрация Б. Обамы ясно дала понять о своем желании «наводить мосты» с Ираном и нуждалась в посреднике. Подрывала его позиции и негативная риторика в адрес Израиля и AIPAC. На фоне последних проиранское лобби парализовано санкциями, и ему нечего предложить своим сторонникам. NIAC не имеет широкой общественной поддержки. Многие американцы иранского происхождения остаются противниками режима в Тегеране и видят в NIAC его «агента влияния».

М. Штерн и Н. Мохеббиз «Национального союза за демократию в Иране» (NUFDI) обсуждали «мягкую силу» и влияние Ирана в США посредством СМИ, академических кругов и аналитических центров [48]. Тегеран якобы эффективно использовал политические разногласия в США в своих интересах благодаря NIAC, привлекая крайние изоляционистские группы, разделяющие схожие с ним позиции. И все же усиление взаимной вражды сделало поддержку режима NIAC «непригодной» и маргинализировало группу. Эксперты считают, что американские иранцы поддерживают кампанию «максимального давления», хотя этого сдерживающего фактора «недостаточно» самого по себе «для противостояния режиму».

Иранское лобби работает по трем направлениям: изображение иранского режима исключительно в позитивном свете; внедрение проиранских тезисов в публичный дискурс, сужение окна Овертона таким образом, чтобы требования изменений в Иране рассматривались как выходящие за рамки приличия; борьба с диссидентами при отсутствии содержательной критики иранского режима. К. Шахруз из Института Макдональда – Лорье изучил проблемы иранского лобби в США [44]. С его точки зрения, сеть иранских лоббистов подвержена внешним манипуляциям и не является лобби в традиционном смысле, поскольку считает своей задачей нормализацию отношений с Тегераном путем несоизмеримых уступок со стороны США. Представленный ими нарратив предполагает, что КСИР не угрожает США, а права человека являются большей проблемой для США, чем для Ирана. С их точки зрения, заключая соглашение с Тегераном, Запад не должен требовать от него сворачивания своей активности в регионе. Все это свидетельствует о явной предвзятости и не идет на пользу иранскому лобби.

Заключение. Напрашивается главный вывод: антагонизм в американо-иранских отношениях непреодолим. Взаимное неприятие обусловлено укоренившимися интересами и старыми нарративами. Во многих доктринальных документах Белого дома Иран фигурирует в роли прямой угрозы национальной безопасности. Администрация Д. Трампа занимает конфронтационную позицию по отношению к Ирану, как и председатели ключевых профильных комитетов в Конгрессе, где наблюдается стойкий антииранский консенсус и широкая двухпартийная поддержка санкций.

В свою очередь, иранский антагонизм к США резонирует среди их внутренней аудитории и способствует сплочению вокруг национального лидера, что, следовательно, сулит политические выгоды правящей верхушке. Идентичность и легитимность теократического режима во многом держится на антагонизме по отношению к США, из чего следует, что Иран не может иметь подлинного интереса к улучшению отношений. Проблема иранского лобби в США, которое могло бы способствовать примирению, заключается в том, что наиболее заметная его структура, NIAC, не имеет широкой общественной базы, не способна интегрировать вокруг себя иранскую диаспору в США, ограничена в ресурсах и сталкивается с крупным противником в лице израильских организаций, что не способствует налаживанию диалога между США и Ираном.

Список литературы

1. В Иране после победы Трампа заявили о фронте зла и природе Сатаны // РБК. 2024. 14 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/11/2024/6735efb09a7947cbc2319aa2>.
2. *Abdolmohammadi P., Cama G.* Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p.
3. *Abrahamian E.* A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2018. 268 p.
4. *Amanat A.* Iran: A Modern History. Yale University Press, 2017. 1008 p.
5. An Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/118/bills/hr815/BILLS-118hr815enr.pdf>.
6. *Avery P., Hambly G., Melville C.* The Cambridge History of Iran. Vol. 7. Cambridge University Press, 2008. 1096 p.
7. *Axworthy M.* A History of Iran. Basic Books, 2016. 384 p.
8. *Azizi H.* Iran's Evolving Foreign Policy Structure // MECSA. 2024. June 5. URL: <https://mecouncil.org/publication/irans-evolving-foreign-policy-structure-implications-on-foreign-relations/>.
9. *Banai H., Byrne M., Tirman J.* Republics of Myth. Johns Hopkins University Press, 2022. 432 p.
10. *Bazoobandi S.* The New Regional Order in the Middle East. Palgrave Macmillan, 2020. 154 p.
11. *Beeman W.* The Great Satan vs. the Mad Mullahs. University of Chicago Press, 2008. 320 p.
12. *Bob Y., Eyyatar I.* Target Tehran. Simon & Schuster, 2023. 368 p.
13. *Burns W., Sullivan J.* It's Time to Talk to Iran // NYT. 2019. October 14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/opinion/iran-nuclear-deal.html>.
14. *Byrne M., Byrne K.* Worlds Apart. Cambridge University Press, 2021. 342 p.
15. *Crist D.* The Twilight War. Penguin Publishing Group, 2013. 672 p.
16. *Curtis G., Hooglund E.* Iran: a country study. Library of Congress, 2008. 402 p.
17. Fact Sheet // The White House. 2025. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-maximum-pressure-on-iran/>.
18. *Fathollah-Nejad A.* Iran in an Emerging New World Order. Palgrave Macmillan, 2021. 490 p.
19. *Ferragamo M., Robinson K.* U. S. Relations With Iran // CFR. 2026. March 2. URL: <https://www.cfr.org/articles/us-relations-iran>.
20. *Ghazvinian J.* America and Iran. Knopf, 2021. 688 p.
21. *Heidegger M.* Introduction to Metaphysics. Yale University Press, 2000. 254 p.
22. Iran: Background and U.S. Policy // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R47321>.

23. Iran's War With Israel and the United States // CFR. 2026. April 16. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/confrontation-between-united-states-and-iran>.
24. Kazemzadeh M. Iran's Foreign Policy. Routledge, 2020. 130 p.
25. Kendall-Taylor A., Fontaine R. The Axis of Upheaval // Foreign Affairs. 2024. April 23. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/axis-upheaval-russia-iran-north-korea-taylor-fontaine>.
26. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Verso, 2001. 240 p.
27. Larison D. Why the US and Iran hate each other // Responsible Statecraft. 2022. May 2. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2022/05/02/why-the-us-and-iran-hate-each-other/>.
28. Larsen F. Antagonism and Fear // HIR. 2021. June 10. URL: <https://hir.harvard.edu/the-uphill-battle-towards-iranian-nuclear-disengagement/>.
29. Leverett F., Leverett H. Going to Tehran. Metropolitan Books, 2013. 496 p.
30. Limbert J. Negotiating with Iran. United States Institute of Peace Press, 2009. 200 p.
31. Mearsheimer J., Walt S. The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy. Farrar, Straus and Giroux, 2008. 496 p.
32. National Security Presidential Memorandum/NSPM-2 // The White House. 2025. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/national-security-presidential-memorandum-nspm-2/>.
33. National Security Strategy. The White House. December 2017.
34. National Security Strategy. The White House. November 2025.
35. National Security Strategy. The White House. October 2022.
36. Pollack K. The Persian Puzzle. Random House, 2004. 576 p.
37. President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. 2017. October 13. URL: https://static.c-spanvideo.org/files/pressCenter/White_House_Strategy_on_Iran.pdf.
38. Ravanchi M. The U. S. policy of maximum pressure against Iran has failed // WP. 2019. May 24. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-us-policy-of-maximum-pressure-against-iran-has-failed/2019/05/24/1db2f7b8-7e61-11e9-8ede-f4abf521ef17_story.html.
39. Ravid B. Scoop // Axios. 2025. March 19. URL: <https://www.axios.com/2025/03/19/trump-letter-iran-nuclear-deal>.
40. Remarks by President Trump on Iran Strategy. 2017. October 13. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>.
41. Rubin M. Why the New "NIAC Action" Iran Lobby Will Fail // Commentary. 2015. July 2. URL: <https://www.commentary.org/michael-rubin/iran-lobby/>.
42. Schmitt C. The Concept of the Political. The University of Chicago Press, 2007. 126 p.
43. Schneider Malamud J. The Iran Enablers // EMET. 2024. August 26. URL: <https://emetonline.org/re-source/the-iran-enablers-tehrans-network-in-america/>.
44. Shahrooz K. In all but Name // Hoover Institution. 2023. December 5. URL: <https://www.hoover.org/research/all-name-iranian-regimes-de-facto-lobby-west>.
45. Simon S. Grand Delusion. Penguin Press, 2023. 496 p.
46. Simpson K. U. S. Nuclear Diplomacy with Iran. Rowman & Littlefield, 2015. 202 p.
47. Smith L. Meet the Iran Lobby // Hudson Institute. 2015. September 1. URL: <https://www.hudson.org/national-security-defense/meet-the-iran-lobby>.
48. Stern M. The Mullahs' Minions // MEF. 2022. April 29. URL: <https://www.meforum.org/the-mullahs-minions-exposing-the-iran-lobby-in>.
49. Tirman J., Maleki A. U.S.-Iran Misperceptions. Bloomsbury Publishing, 2014. 176 p.
50. Vatanka A. The Battle of the Ayatollahs in Iran. I. B. Tauris, 2021. 264 p.

Existential Antagonism: Contradictions in US-Iran Relations at the Current Stage

Kochegurov Dmitry Aleksandrovich¹, Gasanov Kamran Nizami ogly²

¹PhD in Political Science, senior researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies n. a. Academician G. A. Arbatov, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow. AuthorID: 1033347.

ORCID: 0000-0003-4955-033X. E-mail: d.kochegurov@iskran.ru

²PhD in Political Science, senior lecturer, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-9338-5856. E-mail: gasanov-kn@rudn.ru

Abstract. In January 2025, the WEF presented its "Global Risks Report", in which a potential armed conflict in the Middle East between the USA and Iran was named as one of the main threats. In February, shortly after his inauguration, US President D. Trump signed an executive order restoring the policy of maximum pressure on Iran. During his trip to the Middle East in May, D. Trump called Iran the most "destructive force" in the region. Relations deteriorated even further after the Iranian authorities threatened to attack the bases of the

USA and its allies in the Middle East if the USA intervened in the "Twelve-Day War", after which, on June 22, the USA joined the conflict on the side of Israel and delivered a series of missile and bomb strikes against Iranian nuclear-programme facilities. D. Trump became the first US president to openly join Israel in an attack on an adversary. On February 28, 2026, the war of the USA and Israel against Iran began, also known as Operation Epic Fury. In this connection, the authors ask the question: is the mutual antagonism of the two states surmountable? Shedding light on the historical dynamics of these difficult relations, the authors see the essence of the work as tracing the origins and driving factors of the mutual antagonism of the USA and Iran. In analyzing the perception of Iran through the prism of strategic documents and acts, the presence of an anti-Iranian consensus in the USA at the level of the legislative branch and of the White House is taken into account. The reasons for the absence of a strong pro-Iranian lobby are identified.

Keywords: antagonism, the Middle East, D. Trump, Iran, the USA.

References

1. *V Irane posle pobedy Trampa zayavili o fronte zla i prirode Satany* [After Trump's Victory, Iran Spoke of a Front of Evil and the Nature of Satan] // *RBK – RBC*. 2024. November 14. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/11/2024/6735efb09a7947cbc2319aa2>.
2. *Abdolmohammadi P., Cama G.* Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p.
3. *Abrahamian E.* A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2018. 268 p.
4. *Amanat A.* Iran: A Modern History. Yale University Press, 2017. 1008 p.
5. An Act // Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/118/bills/hr815/BILLS-118hr815enr.pdf>.
6. *Avery P., Hambly G., Melville C.* The Cambridge History of Iran. Vol. 7. Cambridge University Press, 2008. 1096 p.
7. *Axworthy M.* A History of Iran. Basic Books, 2016. 384 p.
8. *Azizi H.* Iran's Evolving Foreign Policy Structure // MECCA. 2024. June 5. Available at: <https://mecouncil.org/publication/irans-evolving-foreign-policy-structure-implications-on-foreign-relations/>.
9. *Banai H., Byrne M., Tirman J.* Republics of Myth. Johns Hopkins University Press, 2022. 432 p.
10. *Bazoobandi S.* The New Regional Order in the Middle East. Palgrave Macmillan, 2020. 154 p.
11. *Beeman W.* The Great Satan vs. the Mad Mullahs. University of Chicago Press, 2008. 320 p.
12. *Bob Y., Evyatar I.* Target Tehran. Simon & Schuster, 2023. 368 p.
13. *Burns W., Sullivan J.* It's Time to Talk to Iran // NYT. 2019. October 14. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/opinion/iran-nuclear-deal.html>.
14. *Byrne M., Byrne K.* Worlds Apart. Cambridge University Press, 2021. 342 p.
15. *Crist D.* The Twilight War. Penguin Publishing Group, 2013. 672 p.
16. *Curtis G., Hooglund E.* Iran: A Country Study. Library of Congress, 2008. 402 p.
17. Fact Sheet // The White House. 2025. February 4. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-maximum-pressure-on-iran/>.
18. *Fathollah-Nejad A.* Iran in an Emerging New World Order. Palgrave Macmillan, 2021. 490 p.
19. *Ferragamo M., Robinson K.* U. S. Relations with Iran // CFR. 2026. March 2. Available at: <https://www.cfr.org/articles/us-relations-iran>.
20. *Ghazvinian J.* America and Iran. Knopf, 2021. 688 p.
21. *Heidegger M.* Introduction to Metaphysics. Yale University Press, 2000. 254 p.
22. Iran: Background and U. S. Policy // Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/crs-product/R47321>.
23. Iran's War with Israel and the United States // CFR. 2026. April 16. Available at: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/confrontation-between-united-states-and-iran>.
24. *Kazemzadeh M.* Iran's Foreign Policy. Routledge, 2020. 130 p.
25. *Kendall-Taylor A., Fontaine R.* The Axis of Upheaval // Foreign Affairs. 2024. April 23. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/china/axis-upheaval-russia-iran-north-korea-taylor-fontaine>.
26. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Verso, 2001. 240 p.
27. *Larison D.* Why the US and Iran Hate Each Other // Responsible Statecraft. 2022. May 2. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2022/05/02/why-the-us-and-iran-hate-each-other/>.
28. *Larsen F.* Antagonism and Fear // HIR. 2021. June 10. Available at: <https://hir.harvard.edu/the-uphill-battle-towards-iranian-nuclear-disengagement/>.
29. *Leverett F., Leverett H.* Going to Tehran. Metropolitan Books, 2013. 496 p.
30. *Limbert J.* Negotiating with Iran. United States Institute of Peace Press, 2009. 200 p.
31. *Mearsheimer J., Walt S.* The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy. Farrar, Straus and Giroux, 2008. 496 p.
32. National Security Presidential Memorandum/NSPM-2 // The White House. 2025. February 4. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/national-security-presidential-memorandum-nspm-2/>.
33. National Security Strategy. The White House. December 2017.
34. National Security Strategy. The White House. November 2025.
35. National Security Strategy. The White House. October 2022.

36. Pollack K. The Persian Puzzle. Random House, 2004. 576 p.
37. President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. 2017. October 13. Available at: https://static.c-spanvideo.org/files/pressCenter/White_House_Strategy_on_Iran.pdf.
38. Ravanchi M. The U. S. Policy of Maximum Pressure against Iran Has Failed // WP. 2019. May 24. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-us-policy-of-maximum-pressure-against-iran-has-failed/2019/05/24/1db2f7b8-7e61-11e9-8ede-f4abf521ef17_story.html.
39. Ravid B. Scoop // Axios. 2025. March 19. Available at: <https://www.axios.com/2025/03/19/trump-letter-iran-nuclear-deal>.
40. Remarks by President Trump on Iran Strategy. 2017. October 13. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>.
41. Rubin M. Why the New "NIAC Action" Iran Lobby Will Fail // Commentary. 2015. July 2. Available at: <https://www.commentary.org/michael-rubin/iran-lobby/>.
42. Schmitt C. The Concept of the Political. The University of Chicago Press, 2007. 126 p.
43. Schneider Malamud J. The Iran Enablers // EMET. 2024. August 26. Available at: <https://emetonline.org/resource/the-iran-enablers-tehrans-network-in-america/>.
44. Shahrooz K. In All but Name // Hoover Institution. 2023. December 5. Available at: <https://www.hoover.org/research/all-name-iranian-regimes-de-facto-lobby-west>.
45. Simon S. Grand Delusion. Penguin Press, 2023. 496 p.
46. Simpson K. U. S. Nuclear Diplomacy with Iran. Rowman & Littlefield, 2015. 202 p.
47. Smith L. Meet the Iran Lobby // Hudson Institute. 2015. September 1. Available at: <https://www.hudson.org/national-security-defense/meet-the-iran-lobby>.
48. Stern M. The Mullahs' Minions // MEF. 2022. April 29. Available at: <https://www.meforum.org/the-mullahs-minions-exposing-the-iran-lobby-in>.
49. Tirman J., Maleki A. U.S.-Iran Misperceptions. Bloomsbury Publishing, 2014. 176 p.
50. Vatanka A. The Battle of the Ayatollahs in Iran. I. B. Tauris, 2021. 264 p.

Поступила в редакцию: 20.04.2026

Принята к публикации: 02.06.2026

История и развитие процессов управления документной информацией в России: проблемы классификации

Ладанова Ольга Юрьевна¹, Фионова Людмила Римовна²

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Информационное обеспечение управления и производства», Пензенский государственный университет. Россия, г. Пенза. SPIN-код: 5654-4433. AuthorID: 1236476. ORCID: 0009-0003-4841-5811. E-mail: ladanova.2011@mail.ru

²доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Информационное обеспечение управления и производства», Пензенский государственный университет. Россия, г. Пенза. SPIN-код: 5526-0214. AuthorID: 546013. ORCID: 0000-0001-6131-6904. E-mail: lrfionova@mail.ru

Аннотация. В эпоху глобальных изменений общества разобраться в потоках информации может использование существующего инструмента – управления информацией. Целью исследования является анализ проблем и определение путей их решения в вопросах управления информацией в делопроизводстве и архивном деле в России. Актуальность исследования заключается в том, что в условиях цифровизации и глобализации экономики важно сохранить и осмыслить исторический контекст появления, совершенствования процессов управления информацией, в том числе с помощью ее классификации, что способствует лучшему пониманию путей ее дальнейшего развития. В качестве отправной точки создания системы управления информационными потоками в России названы: цифровой способ Десятичной классификации М. Дьюи; введение в обиход П. Отле классификации документов с учетом характеристики формы, материального носителя; введение Универсальной десятичной классификации, которая, в свою очередь, лежит в основе всех справочно-информационных фондов в России. Как важное для российской науки отмечаются труды В. Г. Лариной и других разработчиков Единого классификатора документной информации. Рассмотрены вопросы создания классификаторов, выбор которых определяется конкретными задачами. Проведенный анализ позволил сформулировать проблемы и наметить пути их решения. Они связаны с внедрением современных информационных технологий. Создание совершенной структуры классификации возможно с помощью внедрения интегральной структуры классификации, в основе которой лежат многочисленные внутренние связи между значениями (характеристиками документов). Преемственность классификационных систем в делопроизводстве и архивном деле может быть обеспечена путем определения состава сведений о документе, которые будут едиными для информационных систем, используемых в управлении документами, и при архивном хранении документов. Существование огромного количества информационных систем требует разработки их классификатора, который бы упорядочил подходы к их выбору и использованию.

Ключевые слова: управление, информация, делопроизводство, архивное дело, классификатор, информационная система.

Введение. XX–XXI вв. исследователи называют временем создания и функционирования огромного числа документов, фиксирующих рост по экспоненте потоков информации. Причина – увеличение численности людей (за последние 100 лет с 2 до 8 млрд человек) и количества научных открытий, технических и производственных разработок [14]. Предпринятая попытка измерить объем увеличения информации привела к созданию нового направления – «наукометрии», основатель которого, Дерек Прайс, математически обосновал проблемы развития информационного общества [21]. Их именуют «информационный бум», «информационная зависимость», «информационный стресс», а в последнее десятилетие – «информационное загрязнение», «информационная война». Время подтвердило гипотезы Прайса о необходимости создания механизмов управления информацией. К тому же в эпоху глобальных изменений одна из насущных проблем – тенденция отставания систем управления информацией [1] от развития информационных технологий в целом. Выходом из сложившейся ситуации является модернизация управления. Управление информационными потоками предпо-

лагает управление процессами сбора, хранения, обработки, анализа, классификации информации. Данное исследование ограничено рассмотрением лишь вопроса классификации информации, в том числе документной (относящейся к документам).

Слово «классификация» – производное от лат. *classis*, что означает «разряд/класс», и *facio* – «делать». Термин используется в двух значениях: во-первых, обозначает наименование уже сложившейся системы классификации; во-вторых, процесс ее создания, построения (классифицирования). Классифицирование – это включение отдельных объектов в систему каких-либо классов на основе общих свойств, признаков. В Государственном стандарте по управлению информацией [2] под классификацией понимается систематическая идентификация и упорядочение деловой деятельности и/или документов по категориям в соответствии с логически структурированными условиями, методами и процедурными правилами, представленными в классификационной системе. Применительно к делопроизводству и архивному делу это проведение эффективной организации и поиска информации в информационных фондах; документах организации, архивах, архивном фонде. Разделение на классы помогает разобраться в потоках информации, ускоренно организовать поиск нужной информации, в том числе и в документе, тем самым ускоряя процесс реализации поставленных задач, для решения которых этот документ потребовался.

Актуальность исследования заключается в том, что в условиях цифровизации и глобализации экономики важно сохранить и осмыслить исторический контекст появления, совершенствования процессов управления информацией, в том числе с помощью ее классификации, что способствует лучшему пониманию путей ее дальнейшего развития. Применительно к делопроизводству и архивному делу речь идет о классификации документной информации, которая закрепляется с помощью классификаторов.

В статье дан анализ изменений в подходах к организации управления информацией в сфере делопроизводства и архивного дела в России с помощью классификации, определены достоинства и недостатки ныне существующих подходов, намечены пути решения возникающих проблем.

Основная часть. Желание распределить информацию на группы, классы с целью их оптимальной организации и ускорения поиска было присуще человеку всегда. Создание системы управления информацией в России опирается на достижения мирового опыта. В эпоху Древнего мира и во времена Средневековья книги в библиотеках (архивах) классифицировались по отраслям знаний в логической последовательности – классы, подклассы, более дробные части – и по алфавиту. Следующим важным этапом в создании систем классификации принято считать Десятичную классификацию М. Дьюи и ее модификации [4]. Ученый первым предложил передать содержательный компонент в виде символов-цифр.

В конце XIX в. бельгийский ученый Поль Отле предпринял попытку комплексной классификации информации, добавив характеристики формы и материального носителя [18]. Им же была разработана Универсальная десятичная классификация далее – УДК. Эта же система лежит в основе всех справочно-информационных фондов далее – СИФ.

Современная система управления информацией в России сложилась в советскую эпоху. Со времен СССР СИФ – обязательная составная часть общегосударственной системы научной и технической информации далее – НТИ [12]. СИФ создаются повсеместно в органах НТИ (все-российских, центральных отраслевых, областных, районных), на предприятиях, в научных организациях. Для разграничения тематики комплектования и координации информации используются соответственно вышеперечисленной иерархии рубрикаторы СИФ.

Для понимания современных процессов управления информацией по вопросам классификации в делопроизводстве и архивном деле важно различать понятия «документированная информация» и «документ». Относительно недавно, например, в Федеральном законе 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» [20] эти термины использовались как синонимы. В настоящее время в ГОСТ Р 7.0.8-2025 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» [2] термин «документ» трактуется как зафиксированная на носителе информация с реквизитами и/или метаданными, позволяющими ее идентифицировать; а «документированная информация» – как информация, обладающая свойствами документа или его части. Приведенный пример показывает непрерывное движение, развитие научной мысли в данной области научных знаний. Если «документ» и «информация» не одно и то же, следовательно, нужно разграничить вопросы классификации информации и классификации документов.

Если говорить о классификации информационных процессов в архивном деле, то стоит отметить труды В. Г. Лариной, руководителя темы и ответственного составителя Единого классификатора документной информации далее – ЕКДИ, и группы специалистов, таких как И. В. Волкова, О. Н. Копылова, Р. Л. Либерфарб, И. Н. Киселев, Н. И. Химины [17]. Суть их разработки – создать нормативный акт, который служит для классификационного анализа документной информации Архивного фонда Российской Федерации в целом, независимо от времени создания документов, места их хранения и носителя.

Результатом классификации является классификатор. Под классификатором понимается систематизированный перечень наименований объектов, каждому из которых в соответствие дан уникальный код. Классификаторы созданы не только для документной информации. Они разработаны в зависимости от видов технико-экономической и социальной информации по отраслевому признаку. По своему статусу они приравнены к соответствующим категориям стандартов разных уровней: международные, национальные; региональные; действующие в рамках одного предприятия. Классификаторы (более 40) представлены на сайте Федеральной службы государственной статистики. Обилие классификаторов породило множество публикаций по данной тематике. В работах О. В. Малиной, Э. Г. Зарифулловой, О. Ф. Валеева [9; 10] рассмотрены основные методы создания классификаторов; М. Л. Рахманов, А. А. Саков рассматривали общероссийские классификаторы в свете современного законодательства [15]; А. А. Коровайцев, А. А. Саков, Л. И. Слепынцева анализировали современное состояние и перспективы развития системы общероссийских классификаторов технико-экономической и социальной информации [6].

К сфере делопроизводства можно отнести общероссийские классификаторы (ОК): управленческой документации ОКУД (1993 г.); предприятий и организаций ОКПО (1994 г.); информации о населении ОКИН (1996 г.), видов экономической деятельности ОКВЭД (2014 г.), организационно-правовых форм ОКОПФ (2012 г.) и др. В трудах современных российских ученых рассматриваются различные аспекты, связанные с жизненным циклом классификаторов. И. И. Иванов исследовал теоретические аспекты и их практическое применение [5], Н. Н. Кузнецова – проблемы и перспективы их использования в делопроизводстве [8], И. И. Соловьев отмечал позитивное влияние классификаторов на эффективность документооборота в организациях [16], Е. В. Михайлова анализировала эффективность внедрения классификаторов в делопроизводстве [11], А. С. Кузьмин сделал выводы об оптимизации процессов делопроизводства благодаря использованию классификаторов [7]. История развития классификаторов отражает эволюцию от простых систем упорядочивания информации к сложным кодовым языкам для автоматизированных систем. В XX в. они стали ключевым инструментом управления данными во всех сферах жизни. Сегодня развитие классификаторов продолжается в рамках международных стандартов и цифровых технологий, обеспечивая унификацию и совместимость информации на глобальном уровне.

Несмотря на обилие классификаторов, проблемы классификации информации все же существуют. Связаны они с развитием информационных технологий, применением электронных документов.

Проблемы современной классификации документной информации активно обсуждают ученые. М. В. Ларин, В. Ф. Янковая, Н. Г. Суровцева, Е. В. Терентьева решают проблемы управления документной информацией в цифровой экономике [19]. С появлением современных информационных технологий недостаточно использовать идею иерархической классификации. Пути решения: она должна быть заменена на интегральную, основанную на внутренних связях значений. Такой системой классификации можно назвать базу данных любой информационной системы. Реквизиты, атрибуты, показатели классификационных схем баз данных определяют справочники. Внутри системы состав измерений классифицирования един, а значения измерений конкретных документов различаются. Решить проблему совместимости состава измерений (показателей для классификации и поиска) в делопроизводстве и последующем архивном хранении можно теоретическим путем: установить те из них, которые являются едиными для той и другой системы.

Еще одной проблемой является то, что на данный момент не существует общепринятого классификатора информационных поисковых систем, но классификация систем постепенно складывается. Их различают, например, по объектам управления, по уровню регламентации информации, по степени согласования внутри системы, по классу технологий, по функциональному признаку. На сегодняшний день учеными, творческими коллективами разрабо-

тано и зарегистрировано из числа систем 423 объекта [13]. При выборе информационной системы для использования в сфере делопроизводства и архивного дела важен единый состав измерений информационной системы в управлении документами и архивном хранении, который позволит обеспечить преемственность сведений электронного документооборота и хранения электронных документов. Чтобы добиться их сохранности, аутентичности, целостности, достоверности, пригодности для использования в течение всего срока хранения, Росархив выступил заказчиком создания государственной информационной системы «Платформа «Центр хранения электронных документов (ЦХЭД)»» [3], разрабатываемой с 2022 г.

Заключение. Управление информацией – важный процесс. Это стратегический ресурс, правильное использование которого позволяет снизить неопределенность, тем самым снизить риски принятия неправильных решений, выявить новые возможности развития, ускорить время принятия решений, повысить конкурентоспособность. Отсутствие эффективной системы управления информацией ведет к возникновению проблем, таких как дублирование данных, потеря информации и затруднение в доступе к ней.

Так как большинство процессов в деловой сфере закрепляются с помощью документа (документируется), то особое внимание следует уделять процессам управления документной информацией. Современное состояние общества, для которого характерен рост информационных потоков, в том числе и документационных, требует особого внимания к вопросам управления документной информацией. Действенным механизмом управления информацией стала ее классификация. Результатом классификации информации являются классификаторы, которые обеспечивают унификацию и совместимость информации на глобальном уровне. В настоящее время не существует единой системы классификации документной информации. Она постепенно складывается. Современные проблемы классификации документной информации в сфере делопроизводства и архивного дела связаны с развитием информационных технологий. Требуется внедрение интегральной системы классификации документной информации, учитывающей сопряженность существования в делопроизводстве и архивном деле. Следует также учесть, что в условиях существования огромного количества информационных систем нужен их классификатор, который упорядочил бы подходы к их выбору и использованию.

Список литературы

1. Акопов А. И. Информация в эпоху глобализации. Научно-культурологический журнал Relga.ru. 2024. № 03 // RELGA.RU. URL: <https://relga.ru/articles/5346/> (дата обращения: 28.02.2026).
2. ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 N 30-ст). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500321 (дата обращения: 02.03.2026).
3. Государственная информационная система «Платформа». Центр хранения электронных документов // ГИС «Платформа «ЦХЭД». URL: <https://platform-eadsc.voskhod.ru.gosedo.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Десятичная классификация Дьюи и Относительный указатель : в 4 т. / пер. с англ. творч. коллектива ГПНТБ России под общ. руководством д. т. н. Я. Д. Шрайберга ; отв. ред. к. филол. н. Е. М. Зайцева. 21 изд. М. : ГПНТБ России, 2000. Т. 4. 1015 с.
5. Иванов И. И. Классификаторы в делопроизводстве: теоретические аспекты и практическое применение // Научный журнал «Делопроизводство и архивистика»: сведения, относящиеся к заглавию. URL: <http://www.deloarhiv.ru/articles/classifiers> (дата обращения: 28.02.2026).
6. Коровайцев А. А., Саков А. А., Слепынцева Л. И. Современное состояние и перспективы развития системы общероссийских классификаторов технико-экономической и социальной информации // Транспортное дело России. 2014. № 1. С. 177–179.
7. Кузьмин А. С. Оптимизация процессов делопроизводства с использованием классификаторов // Научный журнал «Современные технологии в управлении»: сведения, относящиеся к заглавию. URL: <http://www.stu-journal.ru/articles/optimization-doc-management> (дата обращения: 28.02.2026).
8. Кузнецова Н. Н. Проблемы и перспективы использования классификаторов в делопроизводстве // Научный журнал «Информационные технологии в управлении»: сведения, относящиеся к заглавию. URL: <http://www.itmanagementjournal.ru/articles/classifiers-issues> (дата обращения: 28.02.2026).
9. Малина О. В. Обзор методов синтеза модели класса спироидных редукторов для интеллектуальных САПР. Часть 2. Развитие методологии синтеза обобщенной модели // Интеллектуальные системы в производстве. 2017. № 3. С. 22–33.
10. Малина О. В., Зарифуллина Э. Г., Валеев О. Ф. Подход к построению классификатора объектов машиностроения как основы информационного обеспечения САПР // Научная дискуссия: вопросы тех-

нических наук : сб. ст. по материалам XVI междунар. заоч. науч.-практ. конф. М. : Международный центр науки и образования, 2013. № 11 (13). С. 111–120.

11. Михайлова Е. В. Эффективность внедрения классификаторов в делопроизводстве: анализ и рекомендации // Научный журнал «Делопроизводство и архивистика»: сведения, относящиеся к заглавию. URL: <http://www.deloarhiv.ru/articles/classifiers-effectiveness> (дата обращения: 28.02.2026).

12. Монастырский И. М. Научно-техническая информация в полиграфии, издательском деле и книжной торговле. М. : Книга, 1976. 216 с.

13. Национальный фонд алгоритмов и программ // НФАП. URL: <https://gis.gov.ru/nfap> (дата обращения: 28.02.2026).

14. Парадоксы роста: законы глобального развития человечества / Сергей Капица ; Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, Ин-т физ. проблем им. П. Л. Капицы РАН. 3-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2012. 201 с.

15. Рахманов М. Л., Саков А. А. Об общероссийских классификаторах в свете Федерального закона «О техническом регулировании» // GOST.RF. URL: https://gostrf.com/norma_data/45/45928 (дата обращения: 28.02.2026).

16. Соловьев И. И. Влияние классификаторов на эффективность документооборота в организациях // Научный журнал «Современные проблемы управления»: сведения, относящиеся к заглавию. URL: <http://www.managementproblems.ru/articles/classifiers-impact> (дата обращения: 28.02.2026).

17. Специалисты архивных учреждений о Едином классификаторе документной информации Архивного фонда Российской Федерации // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 16–20.

18. Столяров Ю. Н. П. Отле и Н. А. Рубакин: творческое содружество // Научные и технические библиотеки. 2018. № 10. С. 98–115.

19. Управление документами в цифровой экономике: организация, регламентация, реализация / авт.: М. В. Ларин, Н. Г. Суровцева, Е. В. Терентьева, В. Ф. Янковая ; под ред. М. В. Ларина. М. : РГГУ, 2021. 242 с.

20. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 № 24-ФЗ (в настоящее время утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/ (дата обращения: 02.03.2026).

21. Price Derek J. de Solla. Little science, big science and beyond. New York : Columbia univ. press, 1986. XXIII, 301 p.

The History and Development of Document Information Management Processes in Russia: Classification Problems

Ladanova Olga Yurievna¹, Fionova Lyudmila Rimovna²

¹PhD in Pedagogy, associate professor of the Department of Information Support for Management and Production, Penza State University. Russia, Penza. SPIN-code: 5654-4433. AuthorID: 1236476.

ORCID: 0009-0003-4841-5811. E-mail: ladanova.2011@mail.ru

²Doctor of Technical Sciences, professor, Head of the Department of Information Support for Management and Production, Penza State University. Russia, Penza. SPIN-code: 5526-0214. AuthorID: 546013.

ORCID: 0000-0001-6131-6904. E-mail: lrfionova@mail.ru

Abstract. In the era of global changes in society, the use of an existing tool – information management – helps to make sense of information flows. The purpose of the study is to analyze the problems of information management in records management and archival work in Russia and to determine ways of solving them. The relevance of the study lies in the fact that, in the context of the digitalization and globalization of the economy, it is important to preserve and comprehend the historical context of the emergence and improvement of information management processes, including through the classification of information, which contributes to a better understanding of the paths of its further development. The following are named as the starting points for the creation of an information flow management system in Russia: the numerical method of M. Dewey's Decimal Classification; P. Otlet's introduction of a classification of documents that takes into account their form and material carrier; and the introduction of the Universal Decimal Classification, which, in turn, underlies all reference and information collections in Russia. The works of V. G. Larina and the other developers of the Unified Classifier of Document Information are noted as important for Russian science. The article considers the creation of classifiers, the choice of which is determined by specific tasks. The analysis conducted made it possible to formulate the problems and outline ways of solving them. These are connected with the introduction of modern information technologies. The creation of a perfect classification structure is possible through the introduction of an integral classification structure based on numerous internal connections between values (document characteristics). The continuity of classification systems in records management and archival work can be ensured by defining a set of document metadata that will be uniform for the information systems used in document management and in the archival storage of documents. The existence of a huge number of information systems requires the development of a classifier of such systems, which would streamline the approaches to their selection and use.

Keywords: management, information, records management, archival work, classifier, information system.

References

1. Akopov A. I. *Informaciya v epohu globalizacii* [Information in the Era of Globalization] // *Relga.ru* – Relga.ru. 2024. No. 03. Available at: <https://relga.ru/articles/5346/> (date accessed: 28.02.2026).
2. GOST R 7.0.8-2025. *Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Sistema standartov po informacii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Deloproizvodstvo i arhivnoe delo. Terminy i opredeleniya* [GOST R 7.0.8-2025. National Standard of the Russian Federation. System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Records Management and Archival Work. Terms and Definitions] (approved by Order of Rosstandart No. 30-st of January 28, 2025). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500321 (date accessed: 02.03.2026).
3. *Gosudarstvennaya informacionnaya sistema "Platforma. Centr hraneniya elektronnyh dokumentov"* [The State Information System "Platform. Center for Electronic Document Storage"] // GIS "Platforma "CHED". Available at: <https://platform-eadsc.voskhod.ru> (date accessed: 02.03.2026).
4. *Desyatchnaya klassifikaciya D'yui i Otnositel'nyj ukazatel' : v 4 t.* [Dewey Decimal Classification and Relative Index : in 4 vols.] / transl. from English by the team of the Russian National Public Library for Science and Technology under the general supervision of Ya. D. Shrajberg ; ed. by E. M. Zajceva. 21st ed. M., GPNTB Rossii, 2000. Vol. 4. 1015 p.
5. Ivanov I. I. *Klassifikatory v deloproizvodstve: teoreticheskie aspekty i prakticheskoe primenenie* [Classifiers in Records Management: Theoretical Aspects and Practical Application] // *Deloproizvodstvo i arhivistika* – Records Management and Archival Science. Available at: <http://www.deloarhiv.ru/articles/classifiers> (date accessed: 28.02.2026).
6. Korovajcev A. A., Sakov A. A., Slepynceva L. I. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy obshcherossijskikh klassifikatorov tekhniko-ekonomicheskoy i social'noj informacii* [The Current State and Development Prospects of the System of All-Russian Classifiers of Technical, Economic, and Social Information] // *Transportnoe delo Rossii* – Transport Business of Russia. 2014. No. 1. Pp. 177–179.
7. Kuz'min A. S. *Optimizaciya processov deloproizvodstva s ispol'zovaniem klassifikatorov* [The Optimization of Records Management Processes Using Classifiers] // *Sovremennye tekhnologii v upravlenii* – Modern Technologies in Management. Available at: <http://www.stu-journal.ru/articles/optimization-doc-management> (date accessed: 28.02.2026).
8. Kuznecova N. N. *Problemy i perspektivy ispol'zovaniya klassifikatorov v deloproizvodstve* [Problems and Prospects of Using Classifiers in Records Management] // *Informacionnye tekhnologii v upravlenii* – Information Technologies in Management. Available at: <http://www.itmanagementjournal.ru/articles/classifiers-issues> (date accessed: 28.02.2026).
9. Malina O. V. *Obzor metodov sinteza modeli klassa spiroidnyh reduktorov dlya intellektual'nyh SAPR. Chast' 2. Razvitie metodologii sinteza obobshchennoj modeli* [An Overview of Methods for Synthesizing a Model of the Spiroid Gearbox Class for Intelligent CAD Systems. Part 2. The Development of a Methodology for Synthesizing a Generalized Model] // *Intellektual'nye sistemy v proizvodstve* – Intelligent Systems in Manufacturing. 2017. No. 3. Pp. 22–33.
10. Malina O. V., Zarifullina E. G., Valeev O. F. *Podhod k postroeniyu klassifikatora ob"ektov mashinostroeniya kak osnovy informacionnogo obespecheniya SAPR* [An Approach to Constructing a Classifier of Mechanical Engineering Objects as the Basis for CAD Information Support] // *Nauchnaya diskussiya: voprosy tekhnicheskikh nauk : sb. st. po materialam XVI mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.* [Scientific Discussion: Issues of Technical Sciences : Proceedings of the 16th International Correspondence Scientific-Practical Conference]. M., Mezhdunarodnyj centr nauki i obrazovaniya (International Center of Science and Education), 2013. No. 11 (13). Pp. 111–120.
11. Mihajlova E. V. *Effektivnost' vnedreniya klassifikatorov v deloproizvodstve: analiz i rekomendacii* [The Effectiveness of Implementing Classifiers in Records Management: Analysis and Recommendations] // *Deloproizvodstvo i arhivistika* – Records Management and Archival Science. Available at: <http://www.deloarhiv.ru/articles/classifiers-effectiveness> (date accessed: 28.02.2026).
12. Monastyrskij I. M. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya v poligrafii, izdatel'skom dele i knizhnoj trgovle* [Scientific and Technical Information in Printing, Publishing, and the Book Trade]. M., Kniga (Book), 1976. 216 p.
13. *Nacional'nyj fond algoritmov i programm* [The National Fund of Algorithms and Programs] // NFAP. Available at: <https://gis.gov.ru/nfap> (date accessed: 28.02.2026).
14. Kapica S. *Paradoksy rosta: zakony global'nogo razvitiya chelovechestva* [Growth Paradoxes: The Laws of the Global Development of Humanity]. 3rd ed. M., Al'pina non-fikshn (Alpina Non-Fiction), 2012. 201 p.
15. Rahmanov M. L., Sakov A. A. *Ob obshcherossijskikh klassifikatorah v svete Federal'nogo zakona "O tekhnicheskoy regulirovani"* [On All-Russian Classifiers in Light of the Federal Law "On Technical Regulation"] // GOST.RF. Available at: https://gostrf.com/norma_data/45/45928 (date accessed: 28.02.2026).
16. Solov'ev I. I. *Vliyanie klassifikatorov na effektivnost' dokumentooborota v organizacijah* [The Influence of Classifiers on the Efficiency of Document Flow in Organizations] // *Sovremennye problemy upravleniya* – Modern Problems of Management. Available at: <http://www.managementproblems.ru/articles/classifiers-impact> (date accessed: 28.02.2026).

17. *Specialisty arhivnykh uchrezhdenij o Edinom klassifikatore dokumentnoj informacii Arhivnogo fonda Rossijskoj Federacii* [Specialists of Archival Institutions on the Unified Classifier of Document Information of the Archival Fund of the Russian Federation] // *Otechestvennye arhivy – Domestic Archives*. 2008. No. 2. Pp. 16–20.
18. *Stolyarov Yu. N. P. Otle i N. A. Rubakin: tvorcheskoe sodruzhestvo* [P. Otlet and N. A. Rubakin: A Creative Partnership] // *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki – Scientific and Technical Libraries*. 2018. No. 10. Pp. 98–115.
19. *Upravlenie dokumentami v cifrovoj ekonomike: organizaciya, reglamentaciya, realizaciya* [Document Management in the Digital Economy: Organization, Regulation, Implementation] / M. V. Larin, N. G. Surovceva, E. V. Terent'eva, V. F. Yankovaya ; ed. by M. V. Larin. M., RGGU, 2021. 242 p.
20. *Federal'nyj zakon "Ob informacii, informatizacii i zashchite informacii" ot 20.02.1995 No. 24-FZ* [Federal Law No. 24-FZ of February 20, 1995 "On Information, Informatization, and Information Protection"] (no longer in force). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/ (date accessed: 02.03.2026).
21. *Price Derek J. de Solla*. Little Science, Big Science and Beyond. New York : Columbia University Press, 1986. XXIII, 301 p.

Поступила в редакцию: 02.03.2026

Принята к публикации: 16.04.2026

Своеобразие литературно-эстетических взглядов И. М. Долгорукова

Черниговский Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7870-0785. E-mail: usr10891@vyatsu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены литературно-эстетические взгляды и позиция в литературном процессе России видного русского поэта конца XVIII – первой четверти XIX в. князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823). Литературно-эстетические взгляды этого писателя не были еще предметом пристального внимания исследователей, хотя в литературоведении были высказаны взаимоисключающие мнения, согласно которым он объявлялся то классицистом, то сентименталистом, то романтиком. В статье проанализированы собственные высказывания Долгорукова, содержащихся как в его лирических, так и прозаических произведениях, в том числе неопубликованных, в которых выражается отношение писателя к существовавшим в его время художественным системам. В центре статьи находится исследование вопроса о характере влияния на Долгорукова знаменитой книги родоначальника английского сентиментализма Эдуарда Юнга «Жалоба, или Ночные размышления о смерти и бессмертии» (1742–1745). Кроме того, в статье проанализирован ряд мемуарных и эпистолярных материалов, в которых определяется место писателя в литературном процессе рубежа XVIII–XIX вв. В результате проведенного исследования делается обоснованный вывод о том, что Долгоруков, будучи представителем позднего русского классицизма, несомненно, испытал влияние западной и отечественной сентименталистской литературы. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что литературная позиция князя И. М. Долгорукова может быть охарактеризована как эклектичная, вполне соответствующая той переходной эпохе, в которую жил и творил этот писатель, ценимый А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским и другими выдающимися представителями русской литературы.

Ключевые слова: литературно-эстетические взгляды И. М. Долгорукова, литературный процесс в России рубежа XVIII–XIX вв., Э. Юнг и его книга «Жалоба, или Ночные размышления о смерти и бессмертии».

Литературно-эстетические взгляды И. М. Долгорукова не были еще предметом пристального внимания исследователей его творчества. Однако даже в немногочисленных оценках эстетической позиции художника нет единства. Г. В. Ермакова-Битнер так сформулировала суть полемики по этому вопросу: «Иные называют его сентименталистом, другие отмечают, что он был резким противником Карамзина и карамзинизма» [13, с. 66].

Сама Ермакова-Битнер заявляет, что Долгоруков был «противником сглаженной поэтики карамзинизма, с иронией относился к чувствительности эпигонов Карамзина» [13, с. 66] и одновременно был чужд «законам классицистской поэтики, поскольку не признавал строгой иерархии жанров» [13, с. 73]. Исследовательница, считая, что «такой подход... близок к поэтике романтизма», поясняет: «“призрачный” романтизм Жуковского с его мистическим колоритом был чужд Долгорукову. Значительно ближе был ему Батюшков, “ясный”, “определенный”, как говорил Белинский, Батюшков с его стремлением раскрывать переживания лирического героя в органической связи с действительностью» [13, с. 68].

Противоположной точки зрения придерживается Н. Д. Кочеткова, которая считает Долгорукова приверженцем чувствительного направления в отечественной словесности. Основанием для такого мнения автору исследования служит то, что поэт в третьем издании собрания своих сочинений «Бытие сердца моего» (1817–1818) поместил «виньетку, где изображен “чувствительный” человек с книгой в опущенной руке и предающийся своим мечтам...» [20, с. 87]. Сторонницей этой точки зрения является и Р. В. Иезуитова, которая называет Долгорукова карамзинистом и ставит его в один ряд с И. И. Дмитриевым [16, с. 141].

Иначе смотрит на творчество Долгорукова В. П. Степанов, утверждая, что писатель «сохранил рациональное мироощущение позднего классика, чуждого поэтическому самоанализу, мечтательности и меланхолии» [32, с. 282].

Итак, в литературоведении существуют три основные точки зрения на эстетическую позицию Долгорукова, согласно которым поэт предстает то классицистом, то сентименталистом, то почти романтиком. Для того чтобы составить определенное мнение о литературно-эстетических пристрастиях Долгорукова, необходимо прежде всего рассмотреть его собственные высказывания на этот счет.

Еще в начале XIX в. Долгоруков в ряде произведений выразил свое негативное отношение к сентиментализму. В сатире «Пир» (1802), например, был «юмористически описан бытовой сентиментализм...» [32, с. 281] кн. П. И. Шаликова. В стихотворении «Жизнь» (1808) поэт в том же ключе создал пародию на сентименталистский пейзаж, противопоставив розовой идиллии с «прекрасными овечками...» и «прекрасным пастушком...» [30, т. 2, с. 20] суровую действительность русской деревни.

Однако Долгоруков, пренебрегая канонами сентименталистской поэтики, не принимал и сам образ жизни сентименталистов. Так, в 1811 г. в послании «Сердечкину» поэт писал:

Да будет проклят тот безмозглый книг писец,
Кто первый в кровь пустил яд оспы лжеморальной
И, разум помутя, направил путь сердец
К той жизни, кою мы зовем сентиментальной [30, т. 1, с. 240].

Представление об эстетических воззрениях Долгорукова можно составить и на основе его рассуждений о прекрасном в природе. Как известно, различные типы художественного сознания по-разному воспринимали природу как эстетическую данность, и своеобразие долгоруковского отношения к пейзажу может в значительной мере выявить художественные идеалы поэта. Вот, например, отрывок из мемуаров Долгорукова, относящийся к 1788 г.: «Сколько я не пленялся по воображению картинами уединенных полей и убежищ пустынных, о коих так прекрасно нам пишут в романах, сколько начитавшись их я не был настроен делить восторги антузиазма моих знакомых авторов как то: Геснера, Виргилия и проч., признать должен, что существенная картина природы без убранства меня не очаровала. Я увидел тогда и почувствовал на опыте, что мне нравятся сады возделанные, а не дикие земли, брошенные Творцом на поверхность мира без сторонних прикрас искусства человеческого; что я любил тут каскады, падающие с художественной скалы, а не ключ, бегущий с высокого утеса, сквозь заросшую корнями промоину в мрачную ущелину; я любил природу, но в убранстве роскошном – нагая она мне не полюбилась...» [9, т. 1, с. 181].

Комментарием к этой эстетической декларации Долгорукова может служить выдержка из уже цитировавшейся статьи Н. Д. Кочетковой: «Природа “без примесу искусства” – ценность незнакомая искусству классицизма и получающая признание в эпоху сентиментализма и романтизма» [20, с. 87]. С этой точки зрения, долгоруковское восприятие «нагой» природы полностью противоречит «стремлению к естественности...», которое «во многом определяет “эстетический климат” эпохи сентиментализма» [20, с. 87].

В том же пассаже из мемуаров Долгорукова содержится следующее признание: «Уединение было мне противно; я чувствовал, что без людей, беседы или большого шума, провести день для меня тягостно... Дайте мне город, роскошь, толпу. Увы! Суета мирская есть моя стихия» [9, т. 1, с. 182]. Эти слова также не вяжутся с представлением о Долгорукове как сентименталисте, поскольку писатели этого направления делали предметом изображения не шумную городскую жизнь, а уединение на фоне идиллического пейзажа. Более того, «способность наслаждаться уединением...» представляется сентименталистам «как одно из проявлений чувствительности» [20, с. 89].

Данные высказывания Долгорукова созвучны аналогичным пассажам из его произведений десятих годов XIX в., что говорит об устойчивости эстетической позиции художника. Например, в книге «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» можно прочесть следующую отповедь сентименталистам, любителям ночных пейзажей: «Вы, которые так часто восхищаетесь луной и ее светом, любите читать страшные повести г-жи Радклиф! Хотите ли познать ужасы месячной ночи? Испытайте то же, что я: велите привезти себя туда, отпречь вашу карету, лягте в ней соснуть, и поверьте, что нет ничего тошнее, как ударение месячных лучей, когда все нас окружающее пусто, уныло и бесплодно! О, как месяц тогда противен!» [12, с. 108].

В «Путешествии в Киев в 1817 г.» Долгоруков уже откровенно насмехается над сентименталистами – поклонниками Геснера, Юнга и Радклиф. В частности, описав плодовый сад своего зятя В. Л. Селецкого, поэт с язвительностью замечает: «Желал бы я заманить сюда наших чувствительных лириков, когда в минуту их восторга, озаренные лучами бледной луны, зарябит у них в глазах и они вымышляют своих Филомел и Тирсисов: то-то бы наслали в книжные лавки идиллий и эклог! Когда я думаю о наших модных Геснерах, Виргилиях и Делилях, побочных сынках Юнга и Радклифши, сочетавшихся узами таинственного супружества в храме меланхолии рукою чернокнижника Циммермана, я всегда вспомню свои стишки в “Сумерках”:

Приехал! Что нашел? Пастух мой, как пастух,
Арапником овец претолстым погоняет,
Стрижет их без пощады, и грамоте не знает,
И вместо миртов, ах! Какой прескверной дух!» [11, с. 29–30]

Из приведенных стихотворных и прозаических высказываний Долгорукова видно, что он явно предпочитал рациональность классицизма чувствительности сентиментализма. Все эти негативные отзывы, однако, относятся к первому и второму десятилетиям XIX в., когда, по утверждению П. А. Орлова, «со всей очевидностью... проявились... признаки упадка русского сентиментализма» [24, с. 250]. В молодости, в 80–90-е гг. XVIII в., Долгоруков сам активно обращался к жанрам сентиментализма: к песне, любовному посланию и мадригалу (см., напр., «Песни на разные голоса» – цикл, посвященный С. Н. Рубецкой, любовную лирику, посвященную кн. В. П. Волконской, переписку в стихах с кн. В. А. Трубецкой и т. д.).

В предисловии к первому изданию собрания своих сочинений (1802) поэт писал, используя формулы сентиментализма: «Лишь бы приняли сию книгу в знак усердия моего мои друзья, лишь бы женщины даровали ей свое покровительство – самый лучший щит против Зоилов, – лишь бы взглянула на нее с приятностью, хоть раз в сутки, друг мой Глафира, и обращаясь на разные предметы моего воображения, то вместе бы со мной смеялась, то слезою бы сладкого чувства трогала нежное мое сердце...» [1, с. 4].

Вместе с тем В. П. Степанов полагает, что «стихотворения Долгорукова» лишь отчасти, главным образом тематически, созвучны сентиментальной литературе» [32, с. 281]. Ученый объясняет это тем, что стиль поэта «далек от чувствительности и гладкости, которые скорее служат предметом его насмешек...», поэтому «сентиментальная формула “бытие сердца” в понимании поэта... отражала не жизнь “души”, а историю отношений автора с людьми и его житейские впечатления» [32, с. 281]. Л. Я. Гинзбург писала о таком типе литератора, что «его реакции на действительность – при всей эмоциональности мыслятся как рациональные. Он хочет возможности свободного проявления своих естественных чувств. В этой борьбе за утверждение личности не было ничего противоречащего разумному началу» [3, с. 20].

Одним из аргументов, казалось бы, опровергающим мнение о Долгорукове как классицисте, может служить его стихотворение «Размышление о смерти», напечатанное в 1817 г. [7, ч. 1, с. 27–30]. Дело в том, что обнаруженный в РГАЛИ список этого произведения озаглавлен иначе: «После юнговых ночей размышление о смерти» [10]. Данное разночтение чрезвычайно важно для уяснения литературно-эстетических взглядов Долгорукова, поскольку налицо явное противоречие: в «Путешествии в Киев...» поэт весьма презрительно отозвался о русских последователях Э. Юнга и в том же 1817 г. опубликовал «Размышление о смерти», созданное под влиянием этого английского писателя. Непонятно и то, каким образом Долгоруков, с «его мироощущением позднего классика» (В. П. Степанов), мог испытать воздействие столь авторитетного в среде масонов сентименталиста Юнга [14, с. 548].

Между тем деист и вольтерьянец Долгоруков, видимо, неплохо знал главное произведение Юнга – «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742–1745). Первые имя Юнга упоминается Долгоруковым в 1806 г. в его стихотворении «Хижина на Рпени» [34, с. 417]. Поэт описывает здесь круг своих занятий на лоне летней природы, в числе которых – чтение книги знаменитого английского автора: «Еще могу в очках прочесть // Из Юнга две и три страницы...» [30, т. 2, с. 68]. Надо полагать, что не ранее 1806 г. было написано и «Размышление о смерти», так как стихотворение не вошло во второе издание «Бытия сердца моего» (1808) и в сборник «Сумерки моей жизни» (1808), включавший первую публикацию «Хижин на Рпени».

Посмотрим, однако, в чем состояло влияние Юнга на «Размышление о смерти». Произведение Долгорукова представляет собой философическую оду, состоящую из 11 восьми-стишных ямбических строф. Композиция стихотворения имеет традиционную трехчастную структуру, причем строфа I является «тезисом», где провозглашается сентенция: «напрасно мною я, человеки боятся смертного часа...» [30, т. 1, с. 22]; строфы II–IV – это «антитезис», где

допускается абсолютное устранение смерти и разворачиваются картины происходящих вследствие этого неустойчивых; начиная с V и по XI строфы автор убеждает в необходимости смерти и благотворности ее для человечества, примиряя таким образом «тезис» и «антитезис». Специфика этого дидактического, проникнутого духом деизма стихотворения состоит в том, что смерть понимается здесь как благотворная сила, гармонизирующая мироздание. То, что такая интерпретация смерти достаточно редка в русской литературе, можно видеть из исследования Н. А. Портновой «На смерть кн. Мещерского» Г. Р. Державина, где верно отмечена общность концепции смерти у ведущих русских поэтов XVIII в.: «Скорбно и истово писал о смерти Сумароков <...>, оплакивал бренность человека М. Херасков, проникновенно грустил о власти времени М. Муравьев» [26, с. 80]. Наконец, наиболее концептуальное в этом отношении стихотворение Державина со всей очевидностью демонстрирует «трепет естества и страх» [6, с. 86], резиньядию перед неотвратимостью кончины.

Субъективный взгляд на смерть в аспекте индивидуального сознания неизбежно порождает конфликт между «конечностью тела» [19, с. 138] и бесконечностью бытия «равнодушной» природы. Долгоруков предельно объективирует авторскую точку зрения, что позволяет ему увидеть в смерти не неизбежное и трагическое прекращение жизни, а наоборот, источник ее вечного обновления. Именно этот угол зрения, «позиция вневременности» [5, с. 7], на наш взгляд, определяет своеобразие концепции Долгорукова.

Тему для рассуждений о смерти поэту, согласно его собственному признанию, заключенному в названии стихотворения, дал Э. Юнг. Это не случайно, так как в «Ночных размышлениях...» создана подлинная апология смерти: «Смерть есть венец жизни: есть ли б не было смерти, то бы и жизнь не была жизнью... Смерть уязвляет, дабы исцелить нас; мы кончаемся, возстаем, властвуем! Летим из уст наших и приемлем небеса в свое владение... О! Когда скончаюсь я для сует и мучения? Когда умру я? Когда я начну жизнь вечную?» [25, с. 120] и т. п.

На первый взгляд Долгоруков и Юнг солидарны в своем восхвалении смерти, однако более внимательный анализ показывает, что автор «Ночных размышлений...» рассуждает в аспекте индивидуального сознания, а создатель «Размышления...» отвлекается от собственного «я» и рассматривает смерть в аспекте объективного мира. И аргументы поэтов различны: если Юнг видит в смерти источник обретения вечной жизни и рассуждает как мистик, то рационалист Долгоруков приводит для оправдания смерти не метафизические, а логические и естественно-научные доводы.

Возникает правомерный вопрос о том, что же побудило Долгорукова до неузнаваемости переименовать мысли Юнга, ведь таким образом как бы сводится на нет факт английского влияния на «Размышление о смерти».

На наш взгляд, дело заключается в том, что Долгоруков читал не английский подлинник (ибо не знал языка) [9, т. 1, с. 30], а один из его русских или французских переводов. Согласно П. Р. Заборову, наиболее известный полный французский перевод был сделан Летурнером в 1769 г. [15, с. 271]. К лету 1806 г. (т. е. ко времени первого упоминания о знакомстве Долгорукова с книгой Юнга) существовали и два удачных русских перевода: в прозе, выполненный А. М. Кутузовым в 1785 г., и в стихах, напечатанный С. Н. Глинкой как раз в 1806 г. Перевод Кутузова, сделанный с немецкого, вряд ли привлек внимание Долгорукова, поскольку отличался намеренно архаизированным языком. Кроме того, деиста Долгорукова могла отпугнуть принадлежность переводчика к масонству. Думается, что автор «Размышления...» читал Юнга или в переводе Летурнера, или в переложении Глинки, который, не зная английского, «опирался на прозу Летурнера» [15, с. 275]. Отметим при этом явное сходство названия долгоруковского стихотворения: «После юнговских ночей размышление...» с названием перевода Глинки: «Юнговы ночи, в стихах...» [35].

Особенность перевода Летурнера состояла в том, что его автор задался целью «извлечь из английского Юнга – Юнга французского, иными словами, приспособить поэму к национальным вкусам, примирив ее удивительное своеобразие с классической традицией» [15, с. 271]. Американский исследователь Г. Небель-младший так определил характер новаций, внесенных во французскую версию поэмы Юнга: «В предисловии к своему переводу... Le Tourneur вполне искренно уведомлял читателей о своем бесцеремонном обращении с текстом. Тематические повторы и теологические пассажи... были выпущены из текста и помещены в обильные примечания... Он делал из Юнга скорее деиста, страстного проповедника религии природы, чем догматического и иногда ожесточенного защитника официального вероучения...» [36, р. 52].

Таким образом, если Долгоруков читал «исправленный» перевод Летурнера или его русский стихотворный вариант, принадлежащий перу С. Н. Глинки, то нет ничего удивитель-

ного, что он нашел в «Ночных размышлениях...» идеи, адекватные его тогдашнему деистическому мироощущению. Впоследствии (к 1817 г.) Долгоруков, вероятно, понял свою ошибку и опубликовал «Размышление о смерти» без указания на английский источник. С этим «прозрением», по-видимому, и связана критика русских сентименталистов и романтиков, последователей Юнга, в «Путешествии в Киев в 1817 г.».

Исходя из всего сказанного, было бы неверно считать Долгорукова сентименталистом, однако и классицистом в полном смысле этого слова поэт не был. Когда Г. В. Ермакова-Битнер писала о близости долгоруковской поэтики поэтике романтической, она, несомненно, усматривала это сходство не только в нарушении художником принципов классицизма и сентиментализма. Наблюдение исследовательницы базировалось на понимании роли долгоруковского предельного автобиографизма как концептуальной основы литературной манеры поэта. Ермакова-Битнер проницательно увидела высокую степень личностного самоутверждения в творчестве Долгорукова, но ошибочно связала этот феномен с аналогичным явлением в поэтике романтизма. Сделав событие своей жизни предметом изображения в литературе, Долгоруков вместе с тем еще не знал возможностей психологического самоанализа и не противопоставлял свою личность окружающему миру, что было бы естественно не только для романтика, но и для предтечи романтизма. Сам Долгоруков отрицательно отнесся к романтическому направлению, связывая молодой русский романтизм с пагубным, с точки зрения поэта, влиянием немецкой идеалистической философии и литературы. В стихотворении «Дань благодарности домашним моим за подарок к именинам» (1820) Долгоруков, в частности, писал:

Гельвеций, Дидерот, Волтер со всем собором...

Не столько, верьте мне, посеяли в мир зла,

Как германической таинственности мгла.

Сей дух стократ вселенну поколеблет!

Несчастлив, кто ему, развеся уши внемлет!

Кадило в руку взяв, другой схватя кинжал,

Чтоб всякой наконец и мыслить трепетал [8, л. 58об.].

Г. В. Ермакова-Битнер, однако, отмечает, что немецкий мистический романтизм был чужд Долгорукову, но при этом считает литературную манеру поэта чем-то похожей на батюшковскую. Понятно, что романтическое удвоение мира, создающее оппозицию «здесь» и «там», свойственное Жуковскому, абсурдно для Долгорукова, но ведь и Батюшкову присуще, пусть и иначе выраженное, неприятие действительности. Об этом прекрасно сказал Г. А. Гуковский: «...Батюшков, подобно Жуковскому, изгнал из сферы искусства объективный реальный мир... Таким образом поэзия Батюшкова, “античного”, “светлого” Батюшкова, всем стилистическим составом своим конструирует мир души и интеллекта идеального нормального человека, о котором мечтает Батюшков [4, с. 164–168]. Долгорукову подобное удвоение собственной личности чуждо, как чужд ему и отказ от объективной действительности, которая в его поэзии отражена в ее бытовой конкретности. Кстати, антологичность, отличающая поэзию Батюшкова, совершенно несвойственна творчеству Долгорукова, может быть, именно потому, что Батюшков моделировал свой романтический мир по античному образцу, а мир Долгорукова – это мир его непосредственных переживаний, в котором жили не воображаемые вакханки, а вполне реальные светские красавицы, чьи имена зачастую назывались в стихотворениях.

Итак, каков же характер литературно-эстетических взглядов Долгорукова, к какому литературному направлению принадлежит его творчество? Полагаем, что литературно-эстетическая позиция Долгорукова была эклектичной, но развивалась в русле классицистических традиций. Это означает, что при рациональном «мироощущении позднего классика» поэт испытал поверхностное (на формальном уровне) влияние сентиментализма, не сделавшее его сторонником карамзинизма. С другой стороны, предельный автобиографизм долгоруковской литературной манеры заставил поэта отойти от канонов классицизма, что выразилось в нарушении теории «трех штилей», в смешении «высокой» и «низкой» стилистических стихий и в преодолении межжанровых границ. В целом творчество Долгорукова относится к «завершающим русский классицизм литературным явлениям» [29, с. 273]. По мнению И. З. Сермана, эти явления «не представляют собой реалистические или романтические веяния, возникшие внутри классицизма. Внутри классицизма русского, с его принципом подчеркнутого и явно выраженного авторского отношения к изображаемому, и Державин, и Крылов (и, очевидно, Долгоруков. – Д. Ч.) только завершают многообразные поиски все новых форм и видов художественного воплощения авторской личности» [29, с. 273].

Эклектичность эстетической платформы И. М. Долгорукова вполне соответствовала его позиции в литературном движении XVIII – первой четверти XIX в. В эту переходную эпоху в

истории русской культуры, характеризующуюся особым накалом споров между различными школами и течениями, поэт стоял как бы над схваткой, вне литературной полемики. Г. В. Ермакова-Битнер так пишет об этом: «Долгоруков не примыкал ни к одной из существовавших литературных группировок» [13, с. 66]. Согласно В. П. Степанову, «литературные знакомства Долгорукова остаются чисто салонными. К И. И. Дмитриеву было обращено его дружеское послание “Сослуживцу” (по Семеновскому полку); два послания адресованы П. И. Шаликову, однако в них не затрагивается литературная проблематика и споры тех лет. Долгоруков» встречается с Н. М. Карамзиным у П. Ю. Гагариной, бывает в доме Херасковых, у Трубецких в Очакове, но не сближается ни с одним многих литературных кружков» [32, с. 280]. «Известно, что князь был членом “Беседы любителей русского слова”, “Общества любителей российской словесности”», – пишет В. И. Коровин, отмечая при этом, что «Долгоруков чуждался литературных объединений и как писатель формировался уединенно, вдали от литературных объединений и баталий» [18, с. 350].

Поскольку у И. М. Долгорукова фактически отсутствуют оценки современного ему литературного движения, за исключением довольно общих антисентименталистских высказываний, место поэта в этом движении можно определить, учитывая то, как участники наиболее значительного и важного для судеб русской литературы эстетического противоборства – карамзинисты и шишковисты – воспринимали писательский феномен самого Долгорукова.

Своеобразие ситуации состояло в том, что противник сглаженной поэтики сентиментализма Долгоруков вместе с тем не был сторонником языковой программы архаистов. В этом смысле его членство в «Беседе...» не являлось выражением литературно-эстетической позиции. Употребление Долгоруковым церковно-славянской лексики не имело характера тенденциозной и целенаправленной практики и определялось художественным мышлением рационалиста, воспитанного на русской классицистической традиции, и жанровой спецификой произведения. С другой стороны, активное использование Долгоруковым простонародной лексики и фразеологии не может быть расценено как следование шишковской языковой программе, согласно которой фольклор представляется фундаментом для создания отечественной литературы [23, с. 351]. Дело в том, что Долгоруков, включая в свои стихи русские идиомы, свободно соединял их с французскими, за счет чего достигался эффект макаронической речи [22, с. 50].

Данные разногласия литературной манеры Долгорукова с теорией и практикой старших архаистов выразилось в фактическом неучастии поэта в деятельности «Беседы...», хотя, разумеется, это неучастие нельзя рассматривать как осознанную демонстрацию неприятия идей А. С. Шишкова и его соратников. По-видимому, эта же достаточно новаторская для того времени практика соединения русской и французской идиоматики в рамках одного произведения, ставшая одной из узнаваемых примет долгоруковского стиля, обусловила прохладное отношение к творчеству поэта младших архаистов. В этом смысле показательна реплика из письма П. А. Катенина (от 26.01.1825) Н. И. Бахтину: «Не слишком ли выгодно судите Вы Долгорукова? что в нем?» [17, с. 249] Итак, если архаисты и не считали Долгорукова своим приверженцем, то во всяком случае, избрав его членом «Беседы...», относились к его творчеству снисходительно, а некоторые даже восторженно. Например, шишковист А. А. Палицын в «Послании к Привете» (1807) писал: «Вот в лирных песнях знал еще приятность звуков // От муз и сограждан любимый Долгоруков» [27, с. 771]. Арзамасцы же весьма иронически воспринимали «старого поэта», которого так называл даже В. Л. Пушкин, бывший всего лишь шестью годами моложе Долгорукова [28, с. 247]. П. А. Вяземский, до образования «Арзамаса» неплохо относившийся к Долгорукову [33, с. 239–240], в разгар баталий с «Беседой...» ставил поэта в один ряд с кн. П. И. Шаликовым, одиозной фигурой тогдашнего писательского мира [2, с. 378]. К. Н. Батюшков в «письме к Гнедичу от апреля 1811 г. упоминает Долгорукого в числе плохих поэтов, наряду с кн. Шаликовым» [31, с. 540].

Упомянутые выше негативные сравнения Долгорукова с П. И. Шаликовым, сделанные Вяземским и Батюшковым, были не случайны и основывались на факте дружбы Долгорукова с Шаликовым, М. Н. Макаровым и другими эпигонами карамзинизма [23, с. 630]. Кроме того, поводом для этого сравнения могло послужить увлечение Долгорукова внешней стороной сентиментализма, о чем свидетельствовала, например, ориентация творчества поэта на дамскую читательскую аудиторию [7, ч. 2, с. 7]. В результате рационалист и классик Долгоруков был несправедливо включен в круг вульгаризаторов «чувствительного» направления. Таким образом, возникла противоречивая ситуация: сам поэт критиковал сентименталистов, отвергал их установку на «нейтрально-благородный» стиль, умеренность» [23, с. 28], а современ-

ники воспринимали поэта как карамзиниста, причем вульгарного толка. Эклектизм взглядов Долгорукова отчетливо виден, например, в следующем перечислении литературных авторитетов: «...я не ищущу славы Ломоносова и Сумарокова, или не ищущу заслужить над гробом моим техobeliskов, коих ожидает прах Хераскова, Державина, Карамзина, – не ищущу даже известности Дмитриева и прочих им подобных писателей...» [1, с. 3].

Список литературы

1. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. М.: Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, 1802. 395 с.
2. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 390 с.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 409 с.
4. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 358 с.
5. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
6. Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 488 с.
7. Долгоруков И. М. Бытие сердца моего: в 4 ч. М.: Университетская типография, 1817–1818.
8. Долгоруков И. М. Запрещенный товар, или потаенное собрание тех моих сочинений, коих я не хотел, или не мог выпустить в свет. Москва 1822 года ноября 1 дня. – ОРК и Р научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. 1 РК 175.
9. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни: в 2 т. М.: Наука, 2004 (Литературные памятники).
10. Долгоруков И. М. После Юнговых ночей размышление о смерти // Коллекция стихотворений. РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. Е. х. 556. Л. 21об. – 24.
11. Долгоруков И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 208 с.
12. Долгоруков И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 355 с.
13. Ермакова-Битнер Г. В. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. // Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л.: Советский писатель, 1959. С. 5–82.
14. Жирмунский В. М. Сентиментальная поэзия // История английской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. С. 541–563.
15. Заборов П. Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век: русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. Вып. 6. М.; Л.: Наука, 1964. С. 269–279.
16. Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 138–163.
17. Катенин П. А. Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. 374 с.
18. Коровин В. И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997. С. 283–350.
19. Коровин В. И. Поэты пушкинской поры. М.: Просвещение, 1980. 160 с.
20. Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // XVIII век: русская литература в ее связях с искусством и наукой. Вып. 15. Л.: Наука, 1986. С. 70–96.
21. Кочеткова Н. Д. Русский сентиментализм (Н. М. Карамзин и его окружение) // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 18–37.
22. Лотман Ю. М. И. М. Долгоруков // Поэты начала XIX в. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 49–51.
23. Лотман Ю. М. Поэты 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 5–62.
24. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд-во МГУ, 1977. 270 с.
25. Плачь Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии: В девяти номерах помещенных. Ч. 1. М.: Губернская типография у А. Решетникова, 1799. 321 с.
26. Портнова Н. А. «На смерть кн. Мещерского» Г. Р. Державина // Анализ одного стихотворения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 77–90.
27. Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. 912 с.
28. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1989. 368 с.
29. Серман И. З. Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л.: Наука, 1973. 285 с.
30. Сочинения Долгорукого (князя Ивана Михайловича): в 2 т. СПб.: А. Смирдин, 1849.
31. Сочинения К. Н. Батюшкова: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. (бывшая Котомина) у Обуховского моста № 99, 1885. 584 с.
32. Степанов В. П. Долгоруков Иван Михайлович... // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. I (А–И). Л.: Наука, 1988. С. 279–283.
33. Черниговский Д. Н. П. А. Вяземский и И. М. Долгоруков // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 239–242.

34. Черниговский Д. Н. «Хижина на Рпени» и «Евгению. Жизнь Званская»: о специфике творческого диалога И. М. Долгорукова и Г. Р. Державина // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Научно-методический журнал. 2023. № 2 (26). С. 416–420.

35. Юнговы ночи, в стихах, изданные Сергеем Глинкою. М. : Тип. Платона Бекетова, 1806.

36. *Nebel Henry M., Jr.* N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist. The Hague : Mouton & Co., 1967. 190 p.

The Peculiarities of I. M. Dolgorukov's Literary and Aesthetic Views

Chernigovsky Dmitry Nikolaevich

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7870-0785. E-mail: usr10891@vyatsu.ru

Abstract. The article examines the literary and aesthetic views of Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukov (1764–1823), a prominent Russian poet of the late 18th – first quarter of the 19th century, and his position in the Russian literary process. The literary and aesthetic views of this writer have not yet been the subject of close attention by researchers, although mutually exclusive opinions have been expressed in literary scholarship, according to which he was declared either a classicist, a sentimentalist, or a romantic. The article analyzes Dolgorukov's own statements contained in both his lyrical and prose works, including unpublished ones, in which the writer expresses his attitude to the artistic systems that existed in his time. At the center of the article is the study of the nature of the influence exerted on Dolgorukov by the famous book of the founder of English sentimentalism, Edward Young, *The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality* (1742–1745). In addition, the article analyzes a number of memoir and epistolary materials that define the writer's place in the literary process of the turn of the 18th–19th centuries. As a result of the conducted research, a well-grounded conclusion is drawn that Dolgorukov, being a representative of late Russian classicism, undoubtedly experienced the influence of Western and Russian sentimentalist literature. Thus, it can be confidently stated that the literary position of Prince I. M. Dolgorukov may be described as eclectic, fully corresponding to the transitional era in which this writer, valued by A. S. Pushkin, V. G. Belinsky, and other outstanding representatives of Russian literature, lived and worked.

Keywords: literary and aesthetic views of I. M. Dolgorukov, the literary process in Russia at the turn of the 18th–19th centuries, Edward Young and his book *The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality*.

References

1. *Bytie serdca moego, ili Stihotvoreniya knyazya Ivana Mihajlovicha Dolgorukago* [The Being of My Heart, or Poems by Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukov]. M., Universitetskaya tipografiya, u Lyubiy, Gariya i Popova (University Printing House, at Lyubiy, Gariy and Popov's), 1802. 395 p.
2. *Gillel'son M. I. P. A. Vyazemskij: zhizn' i tvorchestvo* [P. A. Vyazemsky: Life and Works]. L., Nauka (Sciences), 1969. 390 p.
3. *Ginzburg L. Ya. O lirike* [On Lyric Poetry]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1974. 409 p.
4. *Gukovskij G. A. Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and the Russian Romantics]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1965. 358 p.
5. *Gurevich A. Ya. Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. M., Iskusstvo (Art), 1990. 396 p.
6. *Derzhavin G. R. Stihotvoreniya* [Poems]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1957. 488 p.
7. *Dolgorukov I. M. Bytie serdca moego : v 4 ch.* [The Being of My Heart : in 4 parts]. M., Universitetskaya tipografiya (University Printing House), 1817–1818.
8. *Dolgorukov I. M. Zapreshchennoj tovar, ili potaennoe sobranie teh moih sochinenij, koih ya ne hotel, ili ne mog vypustit' v svet. Moskva 1822 goda noyabrya 1 dnya* [Forbidden Goods, or a Secret Collection of Those of My Works Which I Did Not Want, or Could Not, Publish. Moscow, November 1, 1822]. ORK i R nauchnoj biblioteki im. A. M. Gor'kogo MGU im. M. V. Lomonosova [Department of Rare Books and Manuscripts of the A. M. Gorky Scientific Library of Lomonosov Moscow State University]. 1 RK 175.
9. *Dolgorukov I. M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsej zhizni : v 2 t.* [The Tale of My Birth, Origin, and Whole Life : in 2 vols.]. M., Nauka (Sciences), 2004 (Literaturnye pamyatniki [Literary Monuments]).
10. *Dolgorukov I. M. Posle Yungovyh nochej razmyshlenie o smerti* [A Meditation on Death after Young's Nights] // *Kollekciya stihotvorenij* [A Collection of Poems]. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 1346. Op. 1. E. h. 556. L. 21 ob.–24.
11. *Dolgorukov I. M. Puteshestvie v Kiev v 1817 godu* [A Journey to Kiev in 1817]. M., Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te (Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University), 1870. 208 p.
12. *Dolgorukov I. M. Slavny bubny za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Distant Fields Look Greener, or My Journey to Someplace in 1810]. M., Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te (Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University), 1870. 355 p.

13. Ermakova-Bitner G. V. *Poety-satiriki konca XVIII – nachala XIX v.* [Satirical Poets of the Late 18th – Early 19th Century] // *Poety-satiriki konca XVIII – nachala XIX v.* [Satirical Poets of the Late 18th – Early 19th Century]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1959. Pp. 5–82.
14. Zhirmunskij V. M. *Sentimental'naya poeziya* [Sentimental Poetry] // *Istoriya anglijskoj literatury* [The History of English Literature]. M. ; L., Izd-vo AN SSSR (Publishing House of the USSR Academy of Sciences), 1945. Vol. 1. Pp. 541–563.
15. Zaborov P. R. *"Nochnye razmyshleniya" Yunga v rannih russkikh perevodah* [Young's Night Thoughts in Early Russian Literature of the 18th Century. The Age of Classicism]. Is. 6. M. ; L., Nauka (Sciences), 1964. Pp. 269–279.
16. Iezuitova R. V. *Ballada v epohu romantizma* [The Ballad in the Age of Romanticism] // *Russkij romantizm* [Russian Romanticism]. L., Nauka (Sciences), 1978. Pp. 138–163.
17. Katenin P. A. *Razmyshleniya i razbory* [Reflections and Analyses]. M., Iskustvo (Art), 1981. 374 p.
18. Korovin V. I. *Knyaz' Ivan Dolgorukov i "Kapishche moego serdca"* [Prince Ivan Dolgorukov and "The Temple of My Heart"] // *Dolgorukov I. M. Kapishche moego serdca* [Dolgorukov I. M. The Temple of My Heart]. M., Nauka (Sciences), 1997. Pp. 283–350.
19. Korovin V. I. *Poety pushkinskoj pory* [Poets of the Pushkin Era]. M., Prosveshchenie (Enlightenment), 1980. 160 p.
20. Kochetkova N. D. *Geroj russkogo sentimentalizma. 2. Portret i pejzazh v literature russkogo sentimentalizma* [The Hero of Russian Sentimentalism. 2. Portrait and Landscape in the Literature of Russian Sentimentalism] // *XVIII vek: russkaya literatura v ee svyazyah s iskusstvom i naukoy* [The 18th Century: Russian Literature in Its Connections with Art and Science]. Is. 15. L., Nauka (Sciences), 1986. Pp. 70–96.
21. Kochetkova N. D. *Russkij sentimentalizm (N. M. Karamzin i ego okruzhenie)* [Russian Sentimentalism (N. M. Karamzin and His Circle)] // *Russkij romantizm* [Russian Romanticism]. L., Nauka (Sciences), 1978. Pp. 18–37.
22. Lotman Yu. M. I. M. *Dolgorukov* [I. M. Dolgorukov] // *Poety nachala XIX v.* [Poets of the Early 19th Century]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1961. Pp. 49–51.
23. Lotman Yu. M. *Poety 1790–1810-h godov* [Poets of the 1790s–1810s] // *Poety 1790–1810-h godov* [Poets of the 1790s–1810s]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1971. Pp. 5–62.
24. Orlov P. A. *Russkij sentimentalizm* [Russian Sentimentalism]. M., Izd-vo MGU (Moscow State University Publishing House), 1977. 270 p.
25. *Plach' Eduarda Yunga, ili Noshchnyya razmyshleniya o zhizni, smerti i bezsmertii: V devyati noshchah pomeshchennyya. Ch. 1* [The Complaint of Edward Young, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality: Set Forth in Nine Nights. Part 1]. M., Gubernskaya tipografiya u A. Reshetnikova (Provincial Printing House at A. Reshetnikov's), 1799. 321 p.
26. Portnova N. A. *"Na smert' kn. Meshcherskogo" G. R. Derzhavina* [G. R. Derzhavin's "On the Death of Prince Meshchersky"] // *Analiz odnogo stihotvoreniya* [An Analysis of a Single Poem]. L., Izd-vo LGU (Leningrad State University Publishing House), 1985. Pp. 77–90.
27. *Poety 1790–1810-h godov* [Poets of the 1790s–1810s]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1971. 912 p.
28. *Pushkin V. L. Stihi. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. M., Sovetskaya Rossiya (Soviet Russia), 1989. 368 p.
29. *Serman I. Z. Russkij klassitsizm (Poeziya. Drama. Satira)* [Russian Classicism (Poetry. Drama. Satire)]. L., Nauka (Sciences), 1973. 285 p.
30. *Sochineniya Dolgorukogo (knyazyia Ivana Mihajlovicha) : v 2 t.* [The Works of Dolgorukov (Prince Ivan Mikhailovich) : in 2 vols.]. SPb., A. Smirdin, 1849.
31. *Sochineniya K. N. Batyushkova : v 3 t.* [The Works of K. N. Batyushkov : in 3 vols.]. Vol. 2. SPb., Tip. (byvshaya Kotomina) u Obuhovskogo mosta No. 99 (Printing House (Formerly Kotomin's) at Obukhovskiy Bridge No. 99), 1885. 584 p.
32. *Stepanov V. P. Dolgorukov Ivan Mihajlovich...* [Dolgorukov Ivan Mikhailovich...] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka* [A Dictionary of 18th-Century Russian Writers]. Is. I (A–I). L., Nauka (Sciences), 1988. Pp. 279–283.
33. *Chernigovskij D. N. P. A. Vyazemskij i I. M. Dolgorukov* [P. A. Vyazemsky and I. M. Dolgorukov] // *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 1992. No. 1. Pp. 239–242.
34. *Chernigovskij D. N. "Hizhina na Rpeni" i "Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya": o specifike tvorcheskogo dialoga I. M. Dolgorukova i G. R. Derzhavina* ["The Hut on the Rpen" and "To Eugene. Life at Zvanka": On the Specifics of the Creative Dialogue between I. M. Dolgorukov and G. R. Derzhavin] // *Na pereesechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya – At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues in the Humanities*. 2023. No. 2 (26). Pp. 416–420.
35. *Yungovy nochi, v stihah, izdannye Sergeem Glinkoyu* [Young's Nights, in Verse, Published by Sergei Glinka]. M., Tip. Platona Beketova (Platon Beketov's Printing House), 1806.
36. *Nebel Henry M., Jr. N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist*. The Hague : Mouton & Co., 1967. 190 p.

Поступила в редакцию: 11.12.2025

Принята к публикации: 30.03.2026

EDN: JMYDOP

УДК 82.09

«...полное сочувствие к добру и истине»: правда в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина (к 200-летию писателя)

Двоеглазов Владимир Викторович

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-7914-0190. E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Аннотация. Важный для человечества 200-летний юбилей М. Е. Салтыкова-Щедрина придает сил для подключения к литературоведческому изучению духовных основ художественной системы все еще «не открытого» писателя. Цель статьи заключается в том, чтобы дать первоначальное расширенное представление о «правде» – важнейшем, прежде всего этико-эстетическом, звене художественного мира – с опорой на благодатные достижения щедриноведения и науки о литературе в целом. Предметом статьи является формально-содержательное исполнение «правды» как литературно-художественного факта в творчестве Салтыкова-Щедрина. В результате первоначального исследования выясняется характерность «правды» как мотива творчества писателя: это подтверждается обращением к произведениям разных годов написания («Губернские очерки», «История одного города», цикл «Благонамеренные речи», цикл «За рубежом», цикл «Мелочи жизни», цикл сказок). В наблюдении за содержанием этого мотива обнаруживается его условная эволюция. Особенность эволюции заключается во все большем углублении и расширении авторского понимания, обретении им философского начала. При этом в поиске сохраняется отталкивание от социального: окружающей картины нравов, общественных коллизий, человеческих судеб и ожидания. Складывается сложная диалектическая данность «правды» как единства «справедливости» (субстанции земного общежительного устройства) и религиозной, метафизически преданной основы жизни. Такое представление отражает современное понимание «сложноустроенности» писательского сознания, подчеркиваемой двойственности его натуры. Обращение к «внешнему» (в т. ч. биографическому) контексту представляется в рамках темы насущно значимым. Такие наблюдения могут способствовать дальнейшему исследованию и складывающемуся неконъюнктурному открытию «личной творческой правды» писателя-классика, ожидающего своего «читателя-друга».

Ключевые слова: творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина, этико-философская проблематика, онтологическая истина (правда).

Для мира Салтыков-Щедрин определил себя прежде всего писателем: «Я – писатель по призванию. <...> Куда бы и как бы меня ни бросала судьба, я всегда бы сделался писателем, это было положительно мое призвание» [цит. по: 6, с. 221]. О личной значимости этого труда свидетельствуют и автобиографии [19, т. 17, с. 467–473]. Такое самоощущение поддерживается собратьями по перу: «Был он писатель в большей мере, чем другие писатели» [цит. по: 24, с. 7]. Вполне определенный расширяющийся смысл звучит в известных словах, обращенных писателем, художником слова к сыну: «Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому» [цит. по: 22, с. 32].

Художественность (само по себе сложное понятие в искусствознании [см., например, 18]) у Салтыкова отличается, по словам академика А. С. Бушмина, «сатирой» как «основным родом литературной деятельности» (т. е. комическим модусом) и «органическим сплавом» ее с «публицистичностью» [4, с. 21, 25, 26]. Оттого трудно проводить «точные» границы между «Губернскими очерками» и «Сказками», «Историей одного города» и «Помпадурами и помпадуршами», «Господами Головлевыми» и «Господами ташкентцами», «Мелочами жизни» и «Современной идиллией», «Пошехонскими рассказами» и «Пошехонской стариной»... – таков объемный художественный мир писателя [2, с. 269].

Комическое (как явление) чаще всего предполагает обнаружение недолжного, неправильного, не так, как нужно, сложившегося, – если говорить обобщенно, то обнаружение «несоответствия, несообразности»¹ [25, стлб. 689; 14, с. 162], «противоречия норме», «противоречия идеалу» [8, стлб. 384–385]. Это «несоответствующее», «неидеальное» видится на фоне

© Двоеглазов Владимир Викторович, 2026

¹ Ради правды следует также отметить, что учеными выделяется и комическое «соответствия»; кроме того, комическое, обладающее «игровой способностью», в принципе «динамично» и может способствовать «возрождению», жизнеутверждению [14, с. 162–163; 8, стлб. 384–385].

«соответствующего», «идеального» (хотя бы в той мере, которую ощущает и осознаёт человек как «соответствие», «идеал» в контексте общепринятого состояния определенного времени и пространства). Сам Салтыков обозначил: «Это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» [19, т. 13, с. 509]. Поскольку писатель воспринимается прежде всего реалистом по основному своему художественному методу [4, с. 21], мы можем относить к его творчеству характерную реалистическую «категорию» «правды» – «сущности жизни» [1, стлб. 208]. Сам художник обозначал достоинством русской литературы ее «расширение арены правды, арены реализма» [19, т. 9, с. 23]. Таким образом, в мире Салтыкова-Щедрина обнаруживается такое сочетание черт, которое естественно приводит к необходимости уяснения сути «личной творческой правды», «духовного, нравственного идеала» писателя [3, с. 499], которые часто открываются ему в формах «гротескового реализма» [12], «буффонады» [6, с. 375].

В художественном мире Салтыкова-Щедрина *правда* присутствует как литературно-художественный факт во всей полноте, в том числе и непосредственно словесно. И. Б. Павлова – думается, здесь первый непосредственный исследователь – обозначает, что это «образ-символ» у Салтыкова [13, с. 119]. Он не единожды присутствует в произведениях писателя, т. е. является мотивом творчества, оттого обладает повышенной степенью значимости (из-за свойства повторяемости) и в какой-то мере организующей стороной художественного мира – правда как-то смыкается с писательским сознанием, мышлением, входит в состав мировоззрения биографического автора. Примеры употребления-присутствия правды многочисленны. Из тех примеров, которые приводит И. Б. Павлова в своей статье, особого внимания заслуживают следующие: правда в «Истории одного города», правда в драматическом диалоге «Торжествующая Свинья, или Разговор Свиньи с Правдою» (из цикла «За рубежом»), правда в сказке «Ворон-челобитчик».

В «Истории одного города» (1869) правда действительно внешне погружена в ироническую ситуацию: глуповский старец Евсеич издалека и осторожно «искушает» (!) правдой градоначальника Фердыщенко в разговорах (что с правдой ему хорошо будет), за что платится своей свободой. При отправлении Евсеича на съезжую «слабодушные» глуповцы в напутствие приободряют его («небось, Евсеич, с правдой тебе везде хорошо будет»), сам Евсеич прилюдно присоединяется к предательству высшей, не зависящей от самодурного начальства правды (прощения просит, «ежели перед начальством согрубил», «ежели в зачинщиках был»). На наш взгляд, следует развернуть и применить это наблюдение идейно: заслуживает внимания и то, что в общем контексте всего сатирического произведения правда все-таки присутствует среди народа, «далеко не глупого» [21, с. 84]. Ее какое-то всеобщее ощущение сопровождает известный эпизод книги с проснувшимся «стыдом» у глуповцев во время правления Угрюм-Бурчеева, по ходу сюжета в конце концов буквально направляющего к саморазрушению и самоуничтожению (кстати, жители Глупова прозвали градоначальника «Сатаной»): «Изнуренные, обруганные и уничтоженные, глуповцы, после долгого перерыва, в первый раз вздохнули свободно. Они взглянули друг на друга – и вдруг устыдились. Они не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что воздух наполнен сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно» [19, т. 8, с. 421] (попутно заметим, что «стыд» причастен «Современной идиллии» писателя; в одной из вершин творчества Салтыкова, романе «Господа Головлевы», изображена «одичалая совесть» Иудушки – Т. И. Хлебнякина заметила, что «совесть – весть о Боге», напомнила, что «в православии “совесть” понимается как “сведение, осознание в себе того, кто нас бесконечно превосходит” (В. Зелинский)» [24, с. 102]). Будучи еще головотяпами, отдав-потеряв часть свободы, люди заплакали – не есть ли и это в какой-то мере также проявление утраты неосознаваемого природного начала нормы?

Драматический диалог о торжествующей свинье (1880–1881), к которому в своем исследовании обращается И. Б. Павлова, почти неизвестен рядовому читателю. Однако он важен тем, что в нем правда предстает не эпизодным, а условно гиперболизированным – персонафицированным – явлением, что буквально (как минимум уже в названии – «Правда») привлекает читательское внимание и соотносится с авторской позицией. Традиционно в свинье здесь видят реакцию [19, т. 14, с. 597]. Но правда начинает обретать двойственный характер: если в «Истории одного города» это полускрыто «социально-этическое» однозначно положительное явление в общем контексте эпизода и произведения, то в диалоге торжествующая свинья (несомненно, отрицательный персонаж), задавая острые, провокационные (искушающие (!) саму Правду) вопросы, расширяет диапазон восприятия и осознания объема правды:

Свинья (*рассердилась*). <...> Правда ли, сказывала ты: общечеловеческая-де правда против околоточно-участковой не в пример превосходнее?

Правда (*стараясь изловчиться*). Хотя при известных условиях жизни, невозможно отвергать...

<...>

Свинья. <...> (*Наступает плотнее и плотнее*). Сказывай дальше. Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всех должны обеспечивать, потому-де что, в противном случае, человеческое общество превратится в хаотический сброд враждующих элементов... Об каких это законах ты говорила? По какому поводу и кому в поучение, сударыня, разглагольствовала? ась? [19, т. 14, с. 201]

В сказке «Ворон-челобитчик» (1886, изм. и доп. в 1889) прямо обговаривается отличие «своих правд» от высшей Правды. При этом правда Ворона-челобитчика, несомненно, не теряет своего «социально-этического», справедливого значения: это подчеркивается всеми деталями речи и ее картин заглавного героя, образами хищных птиц-начальников, возрастающих по ходу сюжета в своем чине – обобщенно «словом сказать, хуже нельзя». Но рядом со всем этим встает образ человека, описанное воздействие которого на природу встает в параллель и взаимосвязь с изменениями «вороньего племени» (ср., например: «Начнет он, старик, младших собратий увещевать: “Не каркайте зря! Не летайте по чужим огородам!” – да только один ответ слышит: “Ничего ты, старый хрен, в новых делах не смыслишь! Нельзя, по нынешнему времени, не воровать. И в науке так сказано: коли нечего тебе есть, так изворачивайся. И все так нынче живут: дела не делают, а изворачиваются. Пропадать, что ли, нам! Мы еще где до свету встанем, снимем с гнезд и весь лес обшарим – везде хоть шаром покати. Ни ягоды лесной, ни пичуги малой, ни зверя упалого. Даже червь, и тот в землю зарылся”» – «Облюбовал вольные места человек и начал с того, что пустил в ход топор. Леса поредели, болота стали затягиваться, река обмелела. <...> Стук топора гулким эхом раздавался в глубинах лесных, нарушая обычное течение жизни зверей и птиц. <...> всюду проник человек! И ему тесно стало. Идет вперед с топором; стонут леса, бегут звери, а он с утра до вечера корчует пни, расчищает пашню, рубит избу, а ночью дрожит в землянке от холода и голода в ожидание, когда-то вся эта сутолока в порядок придет [19, т. 16(1), с. 211–213]). Эти факты соединяются в речи двухсотлетнего коршуна, который прямо говорит о «личных правдах» и Правде, который говорит о необходимости жить по правде тому, кто чувствует ее в себе, и который в себе не видит этой истины – «бочком да на солнце смотрю», Правде «ни разу взглянуть в лицо не мог» (образ Солнца – архетип и символический образ Бога; у Достоевского перешедший в «миры иные» старец Зосима свидетельствует: «А видишь ли солнце наше, видишь ли ты его?» – Алеша Карамазов шепчет: «Боюсь... не смею глядеть...»); общее описание покоев коршуна создано высоким стилем торжествующей образности полноты мира: «Несколько смежных горных вершин, покрытых снегом, пламенели в лучах восходящего солнца. Издали казался точно сказочный замок, у подножия которого застыли облака, а наверху, вместо крыши, расстилалась бесконечная небесная лазурь» [19, т. 16(1), с. 217]). И финальная надежда в сказке двусмысленна: ирония-глумление над теряющим ориентиры «вороньим племенем»-народом (как источником исполнения хищных «повинностей» системы «ястребов», «коршунов», «орлов» и ее бюрократического аппарата) или же это философски звучащее ожидание всеобщего приобщения не к «своей» (горизонтальной, часто оборачивающейся индивидуалистической, «пожирающей»), а «настоящей, единой и для всех обязательной Правде», когда всё «вкупе и влюбё»². Заметим, что такая характеристика дается в приближении к так называемому сильному месту, приоткрывающему авторское отношение к изображаемому, – абсолютному концу текста [17, с. 163]. Подобное сильное место – в абсолютном начале, рассказывающее о необходимости «челобитья» ворона. Название сказки при таком понимании встраивается в вопросы: как, насколько правда-справедливость (действительно насущная во времени) соотносится с сияющей «единой и для всех обязательной Правдой»?

Об этой же проблеме – сказки «Путем-дорогою», «Христова ночь», своеобразная диалогия «Пропала совесть» (1869) и «Рождественская сказка» (1886), где прямо (публицистически)

² Здесь также нужно вспомнить, что первоначально, по-видимому, венчающим сказку мог быть недвусмысленно интерпретируемый орел [19, т. 16(1), с. 477] (символ самодержавия, царя; ср. с градоначальниками в «Истории одного города»). С древних христианских времен на Руси управитель-князь воспринимался проводником высшей христовой правды любви к Богу и ближнему здесь на земле [Юрганов, с. 81] – правда обретает свойства образа-топоса [23, с. 387–388].

звучит «упование Салтыкова-Щедрина», представлена мысль, дающая «духовные силы для творческой деятельности», считает современный ученый [13, с. 121]. Это «упование» все же есть выражение внутритекстового автора. Кроме того, оно содержательно диалектично: в сказке «Пропала совесть» финал драматически публицистичен, в «Рождественской сказке» он художественно трагичен. Писатель поднимается до уровня явного «мыслителя» [16, с. 9], «философа» [6, с. 99]. И в этом отношении закономерным моментом представляется расширяющее рассмотрение правды в произведениях Салтыкова «Приключение с Крамольниковым» (1886), «Имярек» (из цикла «Мелочи жизни», 1887), носящих, как считается, элементы автобиографического подтекста и представляющих собой «этюдные» звенья итогов творчества, жизни (К. И. Тюнькин). Здесь в центре – судьба «убежденных писателей». **Крамольников** (не раз появляющийся у Салтыкова персонаж с «характерной фамилией» [19, т. 16(1), с. 474]) жил верной службой правде и болью о своей стране. В этом контексте осознаваемая им сюжетно повернувшая личную жизнь беда, драматический исход жизни, вкрадывающееся сомнение. Однако, указывает Н. С. Никитина, содержательно важным оказывается мотив служения, бескомпромиссный и полный факт отдачи (подобный тургеневскому Дон Кихоту) – это «кредо» писателя [11, с. 110]. В **«Имяреке»** трагическое противоречие условно снимается: «он чувствует, что сердце его горит и что он пришел к цели поисков всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезе правды...» [19, т. 16(2), с. 324] Имярек расщепляет жизнь на этапы. И в каждом – все же «частицы истины», из которых складывается «большая правда». «Правда по видимости удручающих “итогах”» сосуществует с «правдой будущего», «правдой идеалов», замечает К. И. Тюнькин [22, с. 30].

Поэтическим «микрокосмом» писателя, в котором сходятся «все важнейшие идеи, темы и образы», С. Ф. Дмитренко признает оставшийся незавершенным текст Салтыкова «Приятное семейство» (из цикла «Благонамеренные речи») [6, с. 327–329]. В населенном «отставными корнетами» городке П***, куда случайно попадает рассказчик, царит атмосфера чревоугодия, тучности, себялюбия, отупения, пересудов, лжи – «религия» утробности, которая иронично воплощается в словах: «В другой раз, в доме корнета Голопятова, мне подавали ростбиф... ну, такой ростбиф, что я инстинктивно поцеловал кусок, прежде чем положить его на тарелку! <...> Но когда корнет Шилохвостов расскажет вам, что он налима, предназначенного для уха, предварительно сечет, дабы печень его от огорчения увеличилась, что он индейке, предназначенной для жаркого, предварительно зашивает проход, дабы возбудить в ней нестерпимую жажду, которая тут же и удовлетворяется цельным молоком, и когда он и этого страдальца-налима и эту страдалицу-индейку подает вам за обедом – клянусь, вы не выдержите и скажете: “Мамон, я твой! Я твой – навсегда!”» [19, т. 11, с. 503–504] Здесь правда как идеал постигается «от противного» (сравним описанную в «Приятном семействе» атмосферу с прямым выражением Щедрина: «Отечеству надлежит служить, а не жрать его»). Само движение мысли главного героя намекает на отступление от нормы жизни не только формами самого комического, но и прямого обобщения: «Я с утра до вечера чувствовал себя как бы охваченным сплошным праздником, который утром принимал меня из рук Морфея и поздней ночью вновь сдавал меня Морфею на руки, упитанного, слегка **отуманенного** и сладостно измученного...»; и прямо – «Жизнь в П*** какая-то непрерывная, **полухмельная** масленица, в которой **все перемешалось**, в которой **никто не может отдать себе отчета**, почему он опочил тут, а не в другом месте» [19, т. 11, с. 504; выделено нами. – В. Д.].

Таковы промежуточные итоги в поисках правды художника, осуществленные на основании перворядных произведений в рамках темы и, как обозначают ведущие щедриноведы, в контексте большого творчества писателя. Личное, социальное, политическое приводится в произведениях Салтыкова-Щедрина к уровню общего, философского (как заметил еще С. А. Макашин, сатирик «от частного, преходящего всегда стремился подняться к общему» [9, с. 471]). Одной из граней этого уровня становится вопрос о правде (тот же «документалист» Макашин говорит о «жажде добра и правды» у Салтыкова, интерпретируя любимую фразу писателя «Горе, имеем сердца» – слова библейского пророка Иеремии [10, с. 21]).

Правда в творчестве Салтыкова условно «растущее» в оттенках смысла явление (действительно набирающее «частицы истины» в разные периоды). Она по сути диалектична в художественном мире писателя: с одной стороны, это социальная справедливость, социальное благополучие, которые принимаются как разумно осознаваемое и естественно желаемое общежительное зерно устройства на земле (форма добра). С другой стороны, правда понимается как метафизическое основание всей жизни (духовно-религиозное в расширяющемся ар-

хетипическом смысле этого понятия: Правда «извечна» и «восседала с Христом-човеколюбом одесную отца, вместе с ним воплотилась» – эта предданная деятельная любовь к Богу и ближнему [19, т. 16(1), с. 218], ко всей природе). Правда неразрывно связывается с морально-этическим, коренным состоянием человека (форма всеобщей истины: «Источник зла, как полагал Салтыков-Щедрин, не в дурной природе человека» [15, с. 127]; каждый наделен «талантом» [5, с. 50–77]; «житийный» мотив задуманных и сохраненных текстуальных начал «Пошехонской старины» «служит выражением салтыковского понимания человеческой личности как таковой и жизни любого рядового, “среднего” человека», на что обращает внимание Е. Н. Строганова [20, с. 452], и завершается образом блинов, отсылающих к космогонической символике, подчеркивает С. Ф. Дмитренко [6, с. 483]). Налицо своеобразное «неслиянное и нераздельное» «реального» и «идеального», «романтизма без романтика» в констатирующем и устремляющемся «исследовании» жизни [6, с. 437, 423]. Эта форма в широком философском ключе передается уже ранним Салтыковым-лириком, прозаиком и, думается, почти формульно чаема – в широком мире лирического введения «Губернских очерков» 1850-х годов, которое завершается словами: «Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает **полное сочувствие к добру и истине**» [19, т. 2, с. 13; выделено нами. – В. Д.]. Такова, в нашем представлении, правда Щедрина (этому отчасти вторит прямая поздняя текстовая параллель к этим словам из «Губернских очерков» в позднем «Имяреке», название писателя «суровым добряком», сохранившая мифологема имени как «Салтыков-Щедрин»...).

Мы совсем не коснулись литературно-критической деятельности, эпистолярного наследия и «служебного творчества» (С. Ф. Дмитренко). Это, безусловно, необходимая перспектива в исследовании целокупной правды Салтыкова-Щедрина (здесь в помощь – работы всех названных нами литературоведов). И в этом направлении пока утверждающе заметим: Салтыков обладал смелостью откровенно «говорить правду» [22, с. 24]; в последние дни писатель ни много ни мало напоминал обществу самое главное, чтобы «вдохновить... на праведную жизнь» [2, с. 290]. Это напоминание осуществлялось в виде «стихопрозаического» [2, с. 290] повествования «Забытые слова» (Салтыков как-то сказал Н. К. Михайловскому: «Были, знаете, слова: ну совесть, отечество, человечество... другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать! Надо же напомнить...» [цит. по 15: с. 160–161]). Поэт А. Жемчужников [7, с. 161] после кончины Салтыкова как бы продолжил его дело, создав проникновенную лирическую эпитафию и высоко оценив в ней значение художника:

Ты, правдой прослужив весь век своей отчизне,
Уж смерти обречен, дыша уже едва,
Нам вспомнить завещал, средь пошлой нашей жизни,
Забытые слова.

Список литературы

1. Аникст А. А. Реализм // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 6. Стлб. 205–215.
2. Ауэр А. П. М. Е. Салтыков-Щедрин // История русской литературы XIX века. 70–90-е гг. / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. М. : МГУ, 2001. С. 258–292.
3. Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 23. М. : Сов. энцикл., 1976. Стлб. 1485.
4. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л. : Наука, 1987. 368 с.
5. Дмитренко С. Ф. Незнакомый мир знакомых книг. М. : МГУ, 2019. 160 с.
6. Дмитренко С. Ф. Салтыков (Щедрин). М. : Молодая гвардия, 2022. 505 с.
7. Жемчужников А. М. Избранные произведения. М. ; Л. : Сов. писатель, 1963. 417 с.
8. Кормилов С. И. Комическое // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. Стлб. 384–386.
9. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989. 600 с.
10. Макашин С. А. «Сатиры смелый властелин» // Салтыков-Щедрин и русская литература / отв. ред. В. А. Туниманов, И. Н. Сухих. Л. : Наука, 1991. С. 5–22.
11. Никитина Н. С. И. С. Тургенев и М. Е. Салтыков-Щедрин: творческий диалог. СПб. : Наука, 2006. 127 с.
12. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М. : Худож. лит., 1977. 358 с.
13. Павлова И. Б. Правда в русском фольклоре и в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русская речь. 2011. № 4. С. 118–122.
14. Пинский Л. Е. Комическое // Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 162–163.
15. Покусаев Е. И., Прозоров В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин. Биография. Л. : Просвещение, 1969. 168 с.

16. Покусаев Е. И. М. Е. Салтыков-Щедрин (очерк творчества) // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977. Т. 1. С. 9–68.
17. Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение : в 2 ч. / под ред. Л. В. Чернец. М. : Юрайт, 2020. Т. 1. С. 151–172.
18. Роднянская И. Б. Художественность // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 8. Стлб. 338–345.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977.
20. Строганова Е. Н. «...Я праздную память иже во святых отец наших Павла Фивейского и Иоанна Кущника» // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra : в 2 т. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2013–2016. Т. 2. С. 444–452.
21. Тарасов А. Б. Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2006.
22. Тюнькин К. И. Итоги жизни, итоги творчества // Салтыков-Щедрин и русская литература / отв. ред. В. А. Туниманов, И. Н. Сухих. Л. : Наука, 1991. С. 23–33.
23. Хализев В. Е. Теория литературы. М. : Академия, 2013. 431 с.
24. Хлебянкина Т. И. «Святой старик» (Салтыков-Щедрин и православие) // Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий : материалы конф. Тверь, 1996. С. 100–102.
25. Шпагин П. И. Комическое // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 3. Стлб. 689–691.
26. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : МИРОС, 1998. 447 с.

"... full preference for goodness and truth": Pravda (Truth) in literary world by M. E. Saltykov-Shchedrin (on the writer's 200th anniversary)

Dvoeglazov Vladimir Viktorovich

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-7914-0190.
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Abstract. The 200th anniversary of M. E. Saltykov-Shchedrin, an occasion of importance for humanity, gives new impetus to the literary study of the spiritual foundations of the artistic system of this still "undiscovered" writer. The aim of the article is to provide an initial extended understanding of pravda (truth) – the most important, primarily ethical and aesthetic, element of the writer's artistic world – drawing on the fruitful achievements of Shchedrin studies and of literary scholarship as a whole. The subject of the article is the formal and substantive realization of pravda as a literary and artistic fact in Saltykov-Shchedrin's works. The initial research reveals that pravda is characteristic of the writer's work as one of its motifs: this is confirmed by reference to works written in different years (Provincial Sketches, The History of a Town, and the cycles Well-Intentioned Speeches, Abroad, The Little Things in Life, and the fairy tales). Observation of the content of this motif reveals its conditional evolution, the peculiarity of which lies in the ever greater deepening and broadening of the author's understanding and in its acquisition of a philosophical dimension. At the same time, the search remains grounded in the social: the surrounding picture of morals, social collisions, human destinies, and expectations. A complex dialectical reality of pravda takes shape as a unity of "justice" (the substance of the earthly communal order) and the religious, metaphysically pre-given foundation of life. Such an understanding reflects the modern view of the "complexity" of the writer's consciousness and the emphasized duality of his nature. Turning to the "external" (including biographical) context appears vitally significant within the framework of the topic. These observations can contribute to further research and to the emerging unbiased discovery of the "personal creative truth" of the classic writer, who is still awaiting his "reader-friend".

Keywords: works of M. E. Saltykov-Shchedrin, ethical and philosophical problems, ontological truth (pravda).

References

1. Anikst A. A. *Realizm* [Realism] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* : v 9 t. [A Short Literary Encyclopedia : in 9 vols.]. M., 1962–1978. Vol. 6. Cols. 205–215.
2. Auer A. P. M. E. Saltykov-Shchedrin [M. E. Saltykov-Shchedrin] // *Istoriya russkoj literatury XIX veka. 70–90-e gg.* [The History of Russian Literature of the 19th Century. The 1870s–1890s] / ed. by V. N. Anoshkina, L. D. Gromova, V. B. Kataev. M., MGU, 2001. Pp. 258–292.
3. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* : v 30 t. [The Great Soviet Encyclopedia : in 30 vols.]. Vol. 23. M., Sovetskaya enciklopediya (Soviet Encyclopedia), 1976. Col. 1485.
4. Bushmin A. S. *Hudozhestvennyj mir Saltykova-Shchedrina* [The Artistic World of Saltykov-Shchedrin]. L., Nauka (Sciences), 1987. 368 p.
5. Dmitrenko S. F. *Neznakomyj mir znakovykh knig* [The Unfamiliar World of Familiar Books]. M., MGU, 2019. 160 p.

6. Dmitrenko S. F. *Saltykov (Shchedrin)* [Saltykov (Shchedrin)]. M., Molodaya gvardiya (Young Guard), 2022. 505 p.
7. Zhemchuzhnikov A. M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. M. ; L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1963. 417 p.
8. Kormilov S. I. *Komicheskoe* [The Comic] // *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. M., Intelvak, 2001. Cols. 384–386.
9. Makashin S. A. *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875–1889. Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. The Last Years. 1875–1889. A Biography]. M., 1989. 600 p.
10. Makashin S. A. "Satiry smelyj vlastelin" ["The Bold Lord of Satire"] // *Saltykov-Shchedrin i russkaya literatura* [Saltykov-Shchedrin and Russian Literature] / ed. by V. A. Tunimanov, I. N. Suhikh. L., Nauka (Sciences), 1991. Pp. 5–22.
11. Nikitina N. S. I. S. *Turgenev i M. E. Saltykov-Shchedrin: tvorcheskij dialog* [I. S. Turgenev and M. E. Saltykov-Shchedrin: A Creative Dialogue]. SPb., Nauka (Sciences), 2006. 127 p.
12. Nikolaev D. P. *Satira Shchedrina i realisticheskij grotesk* [Shchedrin's Satire and the Realistic Grotesque]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1977. 358 p.
13. Pavlova I. B. *Pravda v russkom fol'klоре i v proizvedeniyah M. E. Saltykova-Shchedrina* [Pravda in Russian Folklore and in the Works of M. E. Saltykov-Shchedrin] // *Russkaya rech'* – Russian Speech. 2011. No. 4. Pp. 118–122.
14. Pinskiy L. E. *Komicheskoe* [The Comic] // *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. M., Sovetskaya enciklopediya (Soviet Encyclopedia), 1987. Pp. 162–163.
15. Pokusaev E. I., Prozorov V. V. *M. E. Saltykov-Shchedrin. Biografiya* [M. E. Saltykov-Shchedrin. A Biography]. L., Prosveshchenie (Enlightenment), 1969. 168 p.
16. Pokusaev E. I. *M. E. Saltykov-Shchedrin (ocherk tvorchestva)* [M. E. Saltykov-Shchedrin (An Essay on His Works)] // *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochinenij : v 20 t.* [Saltykov-Shchedrin M. E. Collected Works : in 20 vols.]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1965–1977. Vol. 1. Pp. 9–68.
17. Prozorov V. V. *Avtor* [The Author] // *Vvedenie v literaturovedenie : v 2 ch.* [An Introduction to Literary Studies : in 2 parts] / ed. by L. V. Chernec. M., Yurajt, 2020. Vol. 1. Pp. 151–172.
18. Rodnyanskaya I. B. *Hudozhestvennost'* [Artistry] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya : v 9 t.* [A Short Literary Encyclopedia : in 9 vols.]. M., 1962–1978. Vol. 8. Cols. 338–345.
19. *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochinenij : v 20 t.* [Collected Works : in 20 vols.]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1965–1977.
20. Stroganova E. N. "...Ya prazdnuyu pamyat' izhe vo svyatykh otec nashih Pavla Fivejskogo i Ioanna Kushchnika" ["...I Celebrate the Memory of Our Holy Fathers Paul of Thebes and John Kalyvites"] // *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra : v 2 t.* [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra : in 2 vols.]. SPb., Russkaya hristianskaya gumanitarnaya akademiya (Russian Christian Academy for the Humanities), 2013–2016. Vol. 2. Pp. 444–452.
21. Tarasov A. B. *Fenomen pravednichestva v hudozhestvennoj kartine mira L. N. Tolstogo : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01* [The Phenomenon of Righteousness in the Artistic Worldview of L. N. Tolstoy : dis. ... Doctor of Philology : 10.01.01]. M., 2006.
22. Tyun'kin K. I. *Itogi zhizni, itogi tvorchestva* [The Results of a Life, the Results of a Career] // *Saltykov-Shchedrin i russkaya literatura* [Saltykov-Shchedrin and Russian Literature] / ed. by V. A. Tunimanov, I. N. Suhikh. L., Nauka (Sciences), 1991. Pp. 23–33.
23. Halizev V. E. *Teoriya literatury* [The Theory of Literature]. M., Akademiya (Academy), 2013. 431 p.
24. Hlebyankina T. I. "Svyatoj starik" (*Saltykov-Shchedrin i pravoslavie*) ["The Holy Old Man" (Saltykov-Shchedrin and Orthodoxy)] // *Saltykov-Shchedrin v zerkale issledovatel'skih pristrastij : materialy konf.* [Saltykov-Shchedrin in the Mirror of Research Preferences : Proceedings of the Conference]. Tver', 1996. Pp. 100–102.
25. Shpagin P. I. *Komicheskoe* [The Comic] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya : v 9 t.* [A Short Literary Encyclopedia : in 9 vols.]. M., 1962–1978. Vol. 3. Cols. 689–691.
26. Yurganov A. L. *Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. M., MIROS, 1998. 447 p.

Поступила в редакцию: 19.02.2026

Принята к публикации: 13.05.2026

EDN: DDFHPI

УДК 821.161.1.09

Вертикаль смыслов: палимпсест в художественной системе «Поэмы без героя» А. Ахматовой

Осипова Нина Осиповна

доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

Аннотация. В статье на материале «Поэмы без героя» Анны Ахматовой исследуется палимпсест как структурообразующий принцип художественного текста. Опираясь на концепцию Ж. Женетта, автор разграничивает палимпсест и интертекстуальность: первый предполагает вертикальное наслоение смыслов, при котором более ранние тексты сохраняют видимость под более поздними. Показано, что поэма Ахматовой наиболее последовательный образец палимпсестной поэтики в русской литературе XX века благодаря множественности редакций (1940–1965), сосуществованию черновиков, автокомментария («Проза о поэме»), балетного либретто и фрагментов киносценария. Анализ охватывает несколько уровней: жанрово-текстологический (рукопись с наслоениями), образный палимпсест (мерцание прототипов, наслаивание масок), пространственно-временную структуру («сквозное пространство», эффект *futurum exatum*), звуковую полифонию и кинематографический монтаж. Особое внимание уделяется монтажной композиции – параллельному монтажу, наплывам, затемнениям и вытеснениям, которые сближают поэму с авангардным кино (от немецкого экспрессионизма до советской школы Эйзенштейна и Пудовкина). Эти приемы создают эффект «проявляющейся пластинки», где каждый новый слой не отменяет, а просвечивает сквозь предыдущий. Кроме того, в статье анализируется роль дыма, тумана, метели и тени как «микширующих» сред, обеспечивающих плавные переходы между временными пластами. Отдельно рассматривается звуковой палимпсест – просвечивание ритмов Пушкина, Блока, Кузмина и Гумилева сквозь ахматовский стих. Делается вывод, что палимпсест у Ахматовой выступает не просто литературным приемом, но способом мышления, связывающим модернистскую традицию с постмодернистскими стратегиями открытого, многослойного письма. Статья адресована филологам, культурологам и всем интересующимся поэтикой русской литературы XX века.

Ключевые слова: русская поэзия XX века, А. Ахматова, «Поэма без героя», поэтика, палимпсест.

Понятие *палимпсеста* (от греч. *πάλιν* «снова» и *ψάω* «соскабливаю») пришло в литературоведение из истории письменной культуры, где обозначало пергамен, с которого смыт или соскоблен старый текст, чтобы поверх него написать новый, причем остатки прежнего остаются видимыми.

В XX веке эта метафора была подхвачена теоретиками постмодернизма и вошла в орбиту научного дискурса с легкой руки Ж. Женетта, который рассмотрел ее в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982). При этом четкой идентификации понятия Женетт не предложил, встроив его в более широкую теорию интертекстуальных связей (транстекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность и др.).

Между тем, как представляется, палимпсест и интертекст – понятия близкие, но не подменяющие друг друга. Они располагаются на разных уровнях и связаны со способом взаимодействия текстов. В палимпсесте собственное высказывание вступает во взаимодействие с чужим не по горизонтали (как при цитации и аллюзии), а по вертикали, когда каждый новый текст «наслаивается» на прежний, но прежние просвечивают сквозь него и, взаимодействуя с новыми, придают произведению смысловую сложность. В отличие от традиционного интертекста, где заимствование часто маркировано, палимпсест предполагает неустранимую множественность слоев, каждый из которых сохраняет относительную автономию и одновременно вступает в диалог с другими «по вертикали», создавая многослойный текст.

Это не просто цитирование, а принцип «многослойного письма», где под слоем нового текста всегда просвечивает старый, вступая с ним в спор, диалог и игру, создавая «иерархию просвечивающих друг через друга текстов» [15, с. 222]. В этом плане понятие палимпсеста более близко классическому пониманию (манускрипт, переписанный несколько раз). В контексте современной поэтики оно появилось гораздо раньше теоретических работ Женетта – еще в пространстве модернизма, западноевропейского и русского. Именно модернисты про-

возгласили палимпсест приемом письма, трактуя его как наложение образов и мыслей друг на друга, создание многослойного смысла. Известный пассаж Бодлера из «Оксфордских видений» звучит как программный манифест такого письма: *«Мой мозг – палимпсест, и ваш также, читатель. Бесчисленные наслоения мыслей, образов, чувств, тихо, как свет, последовательно проникали в ваш мозг. Казалось, что каждое из этих наслоений погребало под собою предыдущее. Но в действительности ни одно из них не погибло»* [4].

В русской поэзии рубежа XIX–XX веков этот прием находит прямое выражение у Вяч. Иванова, с которого начинается его «Младенчество»: *«Вот жизни длинная минея, / Воспоминаний палимпсест...»* [7, с. 5]. Как отмечает Б. Аверин, эта линия оказывается принципиальной для символистской практики в целом [1, с. 322–344]. Палимпсест становится принципом поэтики символистского романа: в частности, «Юлиан-Отступник» Мережковского, «Петербург» А. Белого строятся как многослойные повествования, где исторические, мифологические и бытовые пласты постоянно мерцают, просвечиваясь друг из-под друга. В качестве приема эффект палимпсеста мы видим, например, в «Соррентийских фотографиях» Ходасевича, где лирический сюжет строится как ряд линий, создающих многослойную реальность: воспоминания о Москве, празднование Пасхи итальянцами и, наконец, «рассматривание» фотографий, на которых проступают картины Петербурга. Эти эпизоды обрамлены общим лирическим сюжетом – сюжетом воспоминания, которое начинается и завершает текст, являясь поэтической канвой повествования.

Сравнение многослойного художественного текста с проявляющейся фотографией (пластинкой) не раз появится и у Ахматовой. В частности, она сравнивала собственное восприятие «Улисса» Джойса с постепенно проявляющейся фотографией, а в «Прозе о Поэме» свою работу над ней уподобила «проявлению пластинки», где «уже все были» [2, т. 3, с. 217].

Палимпсест может состоять не только из слоев литературных текстов, но также из текстов кино, музыки, театра, балета, что также демонстрирует поэма. Его с успехом вводит в свою поэтику авангард – литературный, художественный, кинематографический, реализуя в коллажах, сдвигологии, особенностях монтажа. С этими приемами экспериментируют Дос Пассос, упомянутый Джойс, Э. Паунд, О. Хаксли, писатели-авангардисты.

Между тем «Поэма без героя» является наиболее концентрированным образцом «палимпсестной поэтики» в русской поэзии XX века, порождая эффект всепросвечивания, проступания различных слоев текста, дробное мерцание, многослойность – сплошные разрывы, наплывы, чересполосицу прерывно-текучего текстового потока, игру неисчислимых наслоений, осыпей, выцветаний, что делает ее близкой художественным экспериментам авангарда и даже, как полагают некоторые исследователи, предтечей постмодернистских экспериментов [см., например, 8].

Одним из самых заметных проявлений палимпсестной поэтики является отсутствие канонического текста Поэмы. Основные редакции (1940, 1945, 1956, 1962–1965) различаются не только в деталях, но и в ключевых смысловых акцентах. Например, финал в одних редакциях более трагичен, в других – более просветлен; посвящения меняют адресатов; эпитафии то появляются, то исчезают; заменяются и изменяются строки и строфы. Более того, и не вошедшие в поэму фрагменты, собранные Ахматовой воедино («Из невошедшего»), примыкают к этому целому, образуя своего рода «маргинальный» слой, который продолжает диалог с основным стихотворным корпусом.

На все эти варианты и вариации наслаиваются еще «Проза о Поэме», автокомментарий, создававшийся в 1950–1960-е годы, балетное либретто (не реализованный до конца заказ Большого театра), фрагменты киносценария, записные книжки и, конечно же, «Реквием». Каждый из этих текстов вскрывает (дополняет, расшифровывает, иногда зашифровывает заново) предыдущие, сплетая всё в сложную вязь: создается та самая «шкатулка с тройным дном», о которой пишет Ахматова в комментариях. Примечательно, что она не просто использует палимпсестный принцип, но и рефлексировала над ним в «Прозе о Поэме». Это превращает текст в метакомментарий о природе культурной памяти, где стирание и сохранение оказываются равноправными процессами.

Поэт сознательно сохраняет все редакции как равноправные, не предписывая ни одной из них статус окончательной. Это позволяет говорить о динамическом палимпсесте, когда текст существует во времени, и каждое новое прочтение может выбрать один из слоев в качестве верхнего слоя (*foreground*), но другие при этом не исчезают. В текстологии это представляет уникальную ситуацию: редактор, пытающийся опубликовать канонический текст,

вынужден сделать выбор, который всегда будет насильственным по отношению к палимпсестной природе произведения.

Н.И. Крайнева предлагает рассматривать все редакции как единое произведение, а читательский акт – как процесс наслоения прочтений [9].

Этот подход перекликается с современными теориями гипертекста и вариативного авторства.

Ахматова подчеркивает палимпсестный характер текста уже в посвящении:

*...а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает* [т. 3, с. 167].

И далее в «Решке»:

*Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу...* [т. 3, с. 195].

Или – в «Петербургской повести»:
*...как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы* [т. 3, с. 174].

В поэме есть слово-образ, отражающий сущность восприятия слоев – «мерещится», отсылающий к праславянскому корню *merk-sk-*, который имеет значение «мелькать», «мерцать», «просвечивать»: «В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что *мерещится* в зеркалах, лучше не думать» [т. 3, с. 190].

Эта конфигурация точно отражает палимпсест: сквозь «умело спрятанные обрывки Реквиема» просвечивает прошлое. Один Реквием (по ушедшей эпохе) просвечивает сквозь другой Реквием, одна вьюга – сквозь другую, обнаруживая глубину смыслов. В контекст этого «сквожения», «дурманиющей дремоты» включается семантика метели, пронизывающей всю толщу поэмы, выполняющей функцию «стирания» прошлых историй, оставляя лишь зыбкие следы, пробивающиеся сквозь снежный покров, стирая границу между праздничным и похоронным шествиями. Сквозняк и метель играют здесь роль стирания границ между мирами: переметнувшись из блоковских «Двенадцати» и «Снежной маски» (Ахматова написала несохранившееся балетное либретто к «Снежной маске», которое В. Ходасевич назвал «ослепительным») в «Поэму без героя», они пронизывают целое столетие, создавая сквозное пространство слоев: «Иногда я вижу ее всю сквозную, излучающую непонятный свет...» [т. 3, с. 223]. Не случайно в поэме в основном царствуют зима или поздняя осень – в ней почти нет лета. Даже сквозь ташкентские реалии мерцают сибирские сугробы и петербургские туманы.

Палимпсест возникает даже на ритмико-звуковом уровне, включая отмеченные исследователями интертексты М. Кузмина («Форель разбивает лед»); добавим сюда еще «Гондлу» Н. Гумилева. Ритмически поэма отсылает к «Вакхической песне» и «Медному всаднику» А. С. Пушкина, к «Незнакомке» А. Блока, к романсам Серебряного века. Эти отсылки не цитируются прямо, но их ритмы и интонации «просвечивают» сквозь ахматовский стих, создавая музыкальную полифонию. Звуковой палимпсест пронизывает и саму ткань Поэмы – «просвечивание» прошлого сопровождается и «прозвучиванием»: «Они (вещи из прошлого. – Н. О.) ожили как бы на мгновенье, но оставшийся от этого звук продолжал вибрировать долгие годы; ритм, рожденный этим шоком, то затихая, то снова возникая, сопровождал меня в столь непохожие периоды моей жизни» [т. 3, с. 215].

Звук (голоса, музыка, шума) становится тем носителем памяти, который не поддается полному стиранию – как плохо смытые чернила на палимпсесте. На уровне фразовых конструкций обращает на себя внимание использование разделительного союза *или/иль/ли* (или синонимичного «*может быть*»), отражающего семантику просвечивания и колебания между двумя или несколькими слоями (в цитатах выделено нами. – Н. О.):

Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки **ль** месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит? [т. 3, с. 177]

И в то же время в глубине залы, сцены, ада **или** на вершине гетевского Брокена появляется Она же (а **может быть** – ее тень) [т. 3, с. 178].

Золотого **ль** века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней? [т. 3, с. 183]

Здесь важен не только мотив «чужого слова», но и материальная метафора черновика – поверхности, на которой уже есть следы ранней письменной практики. В «Прозе о Поэме» Ахматова уточняет: работа над ней напоминала проявление пластинки. «Там уже все *были*... Характеристики развивались, менялись, жизнь приводила новые действующие лица...» (с. 216). Сюда же встраивается упомянутое впечатление Ахматовой от «Улисса», зафиксированное Л. Чуковской: «Великая книга... Сначала у меня тоже было такое чувство, будто я не понимаю, а потом все постепенно проступало, – знаете, как фотографию проявляют» [14, с. 156–157].

Палимпсест реализуется практически на всех уровнях поэмы (многослойной ее называла и сама Ахматова). Остановимся на главных его уровнях: **жанрово-видовом, образном, пространственно-временном и монтажном**.

Жанрово-видовой уровень. Сквозной семантической скрепой, которая пронизывает все слои, является сама Поэма как персонаж и как Героиня. Именно она играет роль той самой фотопластинки, сквозь которую проявляются все слои. Поэма – образ персонифицированный и, по сути, главная героиня произведения (не случайно у Ахматовой встречается написание слова *Поэма* с прописной буквы, как и *Герой*, *Героиня*). Невольно возникает ассоциация с *poiesis* («создание» или «творчество») – актом, который никогда не завершен. Очевидна здесь традиция рубежа веков придать названию жанра метафорический характер (ср. «Поэма Горы» и «Поэма Конца», «Поэма Лестницы» М. Цветаевой, «Поэма начала» Н. Гумилева, «Чужая поэма М. Кузмина», «Поэма о смерти» Л. Карсавина, «Поэма экстаза» А. Н. Скрябина в музыкальном изводе). Поэма у Ахматовой очень «женский» образ. Именно Поэма «гуляет» по историческим эпохам и «подбрасывает» автору разных персонажей. Она приходит, уходит, возвращается, когда ее не зовут, «томно жмурится из-за строчек», сквозь которые просвечивают «брюлловские плечи» Оленьки Судейкиной. Она – темпераментная Путаница, Психея, Чаровница Колумбина. На протяжении всего произведения к ней обращается автор, спорит, уговаривает, укрощает. У нее есть характер: «И куда только она от меня не уходила!» – «Я проваливалась в нее. Я забывала ее, я не любила ее, я внутренне боролась с ней». Иногда она устремлялась в балет, и тогда ее нельзя было ничем удержать» [т. 3, с. 216]. Она рвется в историю от Петра до осады 1941–1944 годов, в «петербургский миф», превращается в биографию: «Один раз я хитростью выманила ее на Шереметевский чердак... скрыв, что под этим еще кроется Ташкент, и еще раз само время увело ее почти к волнам Тихого океана» [т. 3, с. 224]. Таким образом, сама природа Поэмы становится палимпсестом биографического, мифологического и исторического времени.

Образный уровень. Вокруг образной системы поэмы сложилась обширная научная литература, в основном сосредоточенная на расшифровке прототипов – как современных автору, так и исторических (Л. Лосева, Р. Тименчика, М. Финкельберг и др.) [10; 12; 13]. Мы не станем повторять эти ставшие классикой разыскания; все они имеют право на существование – более того, ценность их как раз в множественности допустимых толкований. Нас, однако, интересует не столько **кто** именно скрывается за той или иной маской, сколько то, **как** эти образы взаимодействуют между собой. Этот способ взаимодействия мы и определяем как «вертикальный» – палимпсестный.

Исходный «материал» – реальные люди, персонажи, произведения, события – важен, но способ его преломления в поэме гораздо сложнее однозначной идентификации. Персонажи, мелькающие в арлекинаде бесовского маскарада, в каждой новой части обрастают дополнительными смысловыми слоями (поэма создавалась долго, и на каждый первоначальный образ накладывались черты новых, при этом маркеры исходного сохранялись). Они возникают как призраки зимнедворцового бала, затем проникают в предвоенный, военный и послевоенный Петербург – то сквозь метель, то сквозь анфиладу Петровских коллегий, то в «крамольный, опальный», «защитый» город.

Посвящение Ольге Судейкиной, несомненно, выдвигает в качестве «базового» образа-мифа поэмы именно О. Глебову-Судейкину – ту самую «козочку» из балета И. Саца «Козлоногие» (ее пляску Судейкина исполняла в «Бродячей собаке»). С нею связаны и другие контексты, в том числе гибель Драгуна-Пьеро – Всеволода Князева. Окружающие персонажи одеваются масками, которые автор отчасти проясняет в «Прозе о поэме», однако постепенно эта идентификация превращается в игру с читателем (позже Ахматова уточнит, что это не портрет Судейкиной, а портрет эпохи). По мере работы над поэмой личность Судейкиной теряет свою конкретную фактуру и превращается в образную *матрицу* Серебряного века – своего рода генератор новых форм и смыслов, подпитываемый как историей, так и свежими персонажами и событиями.

Когда автору являются призраки 1913 года, они проникают в разные временные пласты и вбирают в себя новых действующих лиц. «Коломбиной 10-х годов», «коломбинной Психеей» называли не только Оленьку Глебову, но и Т. Карсавину, которую боготворили Серов, Добужинский, Судейкин, Серебрякова (именно ее М. Кузмин величал «царицей Коломбин»). Карсавина была первой исполнительницей партии Коломбины в балете «Карнавал» на музыку Шумана (1910), еще до того как С. Дягилев включил его в «Русские сезоны». В свой день рождения в 1914 году Карсавина также танцевала импровизированный танец в «Бродячей собаке», что позже вспомнится Ахматовой, когда она будет воссоздавать в памяти этот танец «на зеркале». А еще раньше Коломбину танцевала М. Кшесинская в «Арлекинаде» 1900 года (Дриго – Петипа – Сомов), чуть позже – А. Павлова; упомянем также Веру Судейкину (в эмиграции – Стравинскую) и, конечно, Анну Павлову. Позднее в поле зрения Ахматовой попала еще одна Коломбина – Т. Вечеслова, которой она посвятила строки 1946 года: *«Дымное исчадье полнолуны, / Белый мрамор в сумраке аллеи...»*.

Коломбина для Ахматовой не просто театральная роль, исполнявшаяся танцовщицами ее круга; она стала своеобразным символом эпохи (показательно, что даже в поздних записных книжках поэтесса вновь и вновь возвращается к этому образу). Каждая новая «Коломбина» не отменяет предыдущую, а добавляет к ней новые черты, создавая эффект мерцания – чисто палимпсестное свечение.

По такому же принципу выстроены и мужские персонажи арлекинады – отчасти узнаваемые современниками (Демон-Блок, Антиной-Кузмин, Пьеро-Князев и др.), но чаще сознательно запутанные Поэмой-«путаницей». Исследователи до сих пор спорят о степени присутствия реальных лиц в масках Полосатой версты, Известного и других «масок»: черты одного переплетаются с чертами другого. И хотя вслед за автором принято пытаться выстроить портретную галерею двойников, такая задача едва ли может быть решена однозначно. Двойничество обычно предполагает дихотомию, но здесь ситуация сложнее: каждый новый образ наслаивается на предыдущий, сохраняя его приметы. Некоторые персонажи имеют по несколько прототипов одновременно – это и есть палимпсестный принцип создания характера. Задача исследователя тогда не столько в расшифровке, сколько в описании самого механизма «наложения».

В связи с этим стоит обратить внимание еще на один текст, просвечивающий сквозь любовный треугольник Драгуна-Пьеро (Всеволод Князев), Коломбины (Ольга Судейкина) и Арлекина (он же Антиной, Калиостро, Сатана – Михаил Кузмин). Речь о пьесе М. Кузмина «Венецианские безумцы» (1912), написанной в манере *commedia dell'arte* и поставленной сначала в Москве (костюмы и декорации С. Судейкина), а затем с успехом прошедшей в петербургских театрах. На первый взгляд, это изящная любовная «драмеда» в венецианских декорациях XVIII века. Однако сквозь венецианские виллы и беседки явственно проступают шпили и дворцы Петербурга начала XX века, где разыгрывается реальная любовная драма. Публика и критика легко узнавали за масками времен Гольдони участников реального любовного тре-

угольника – самого Кузмина и молодого гусара Всеволода Князева. Этот интертекст важен потому, что он сам по себе палимпсестен: кузминская пьеса набрасывает венецианский XVIII век на Петербург 1910-х. Ахматова, отсылая к этой пьесе, наслаивает поверх нее третий слой – свой собственный травматический опыт 1940–1960-х годов с войной и блокадой.

Пространственно-временной уровень. Прежде всего, речь идет о так называемом «сквозном пространстве» поэмы – свойстве, которое неоднократно подчеркивала сама Ахматова: «Она незаметно приняла в себя события и чувства разных временных слоев...»; «Фонтанный грот... очевидно, не в первый раз возникает в бреду, откуда фавн приносит... козлоногую». Маскарад 1913 года просвечивает сквозь военные строфы и ташкентское «эхо»: «Работа над ней (поэмой. – Н. О.) напоминала проявление пластинки. Там уже все были... Характеры развивались, менялись, жизнь приводила новые действующие лица»; «Маскарад 13-го года проглядывал сквозь дым истории» [т. 3, с. 216].

Обратимся, например, ко второй главе «Петербургской повести» (фрагмент «Спальня героини»). Здесь зимний Петербург сменяется чередой пространств: коридор Петровских коллегий → туннель времени → балетно-театральный Петербург 1913 года – сквозь вьюжный морок неожиданно прорывается деталь середины XIX века: «над дворцом желто-черный флаг». Этот флаг (желто-черно-белый) был официальным символом Российской империи с 1833 по 1888 год, так что перед нами – «чужеродная» деталь из другой эпохи. В том же ряду – «Цусимский ад» (1905), ленинградский ветер... В «Pro domo sua» Ахматова вспоминает: «...я скажу несколько слов о П<етербурге> десятих годов, о военном П<етербурге>, о П<етрограде> революционном. О незабываемом 19-м г. (почему-то начисто забытом), и, наконец, о послеблокадном Ленинграде. Сколько слоев!!! Эти темы кое-как затронуты в моей «Поэме без героя»» [т. 5, с. 175].

Пространство поэмы охватывает несколько эпох: от петровской до пушкинской, гоголевской, блоковской и современной (сталинской, военной, послевоенной). Город предстает как Петербург → Петроград → Питер → Ленинград. Временные пласты – прошлое, настоящее (которое в каждой редакции обновляется), дышащее прошлое, будущее в прошедшем. Особо значим эффект *futurum exactum* (будущего совершенного). В ремарке читаем: «Угол Марсова поля. [Дом, построенный в начале XIX в. бр. Адамини, в кот. (было) будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г.]». Для событий 1913 года это еще не наступившее будущее; для момента написания (1956) – уже прошлое; для читателя, знакомого с историей, – факт, совпадающий с его настоящим. Все эти пространственно-временные регистры звучат в поэме одновременно. Ж. Нива точно охарактеризовал это ощущение: «Ощущается как бы погоня за временем, за пунктом равновесия текучих форм, “дыма” прошлого, и этой погоне не было конца до самой смерти Ахматовой» [11, с. 100].

Перемещение лирической героини (как *alter ego* автора) в реверсной перспективе создает многовариантность и фрагментарность, однако эти варианты и фрагменты выстраиваются не по горизонтали, а по вертикали – по типу палимпсеста. Такова пространственно-временная панорама Эпилога: разрушенный город, вид Гавани, Смольного, Шереметевского сада, окно – и сразу семь тысяч километров на юг: тайга, лагерь – затем снова Петербург, Волково поле, Кама, Урал. В четвертой главе – угол Марсова поля, дом Адамини, костер, внутреннее пространство зимнедворцового бала. В третьей главе – петербургский коллаж: Святки, Галерная, Летний сад. География и хронология не просто смешаны, а наложены друг на друга так, что любая точка текста может быть прочитана одновременно в нескольких временных и пространственных регистрах.

Свободно komponуя фрагменты, добавляя или убирая их, Ахматова, говоря кинематографическим языком, предлагает читателю свободный монтаж времен и пространств. Этот монтаж и составляет суть пространственно-временного палимпсеста.

Монтажный принцип и кинематографическая поэтика. Здесь мы обращаемся к одному из ключевых механизмов, организующих структуру «Поэмы без героя», – к **монтажу**. Именно монтажная логика во многом обеспечивает палимпсестный эффект произведения. При этом имеется в виду прежде всего кинематографический монтаж в его авангардных версиях: от немецкого экспрессионизма до советской школы (Д. Вертов, С. Эйзенштейн, Вс. Пудовкин). Важно подчеркнуть, что речь идет не о прямом цитировании кинотехник, а о типологической близости мышления, свойственной эпохе. Как писал А. Бергсон в «Творческой эволюции» (1907), человеческое сознание рубежа веков работает подобно кинокамере: оно фиксирует реальность в режиме непрерывного монтажного потока [3].

На стыке литературы и кино в 1910–1920-е годы сформировался новый художественный язык, который активно осваивали Т. Элиот, Э. Паунд, русские футуристы. Понятие палимпсеста в приложении к авангардной поэтике приобретает особый смысл: это наложение новых смысловых пластов на уже существующие, в результате чего возникает «прозрачная» многослойность, переключки разных уровней формы и содержания. Н. Пунин, размышляя о русском авангарде, ввел понятие закона погружения/наращивания пространств, подчеркивая их взаимную проницаемость.

Хотя Ахматова в период жизни у Пуниных обрекла себя на поэтическое молчание, она находилась в тесном контакте с кругом Н. Пунина (Маяковский, Хлебников, Малевич, Альтман, Кандинский, Брики и др.). Благодаря этому она была в курсе новейших исканий – не только в живописи и поэзии, но и в кино. Исследователи часто отрицают интерес Ахматовой к кинематографу, ссылаясь на ее слова о «театре для бедных». Однако, как свидетельствуют воспоминания, она смотрела немало фильмов, в том числе зарубежных лент, вызывавших споры в советском прокате (например, «Кабинет доктора Каллигари» Р. Вине, 1919). Этот экспрессионистский фильм, который дважды пересматривал М. Кузмин в 1923 году, поразил его ассоциациями с Эль Греко и гротесками Гофмана. Мотивы раздвоения, навязчивых видений и иррациональной власти, характерные для «Каллигари», позднее отозвались в поэзии Кузмина (в том числе в «Фореи...») и, вероятно, не прошли мимо Ахматовой.

Советские режиссеры – Эйзенштейн, Козинцев, Пудовкин, Вертов – создавали сложный язык культурного палимпсеста, где литература и кино взаимно обогащали друг друга. Не случайно фильм Г. Козинцева «Гамлет» (1964) открывается ахматовским четверостишием: *«Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет...»*

Ахматова сама признавала кинематографичность своей поэмы. В комментариях она писала, что некоторые сцены «Поэмы» легче передать средствами кино, чем словами. Это признание подтверждает: автор с самого начала мыслил структуру произведения как близкую к визуальному, монтажному искусству. Кроме того, она обращалась к жанру киносценария (незавершенный опыт «О летчиках, или Слепая мать», попытки создать сценарий по самой «Поэме»).

В рамках киностилистики особое значение приобретает **монтажная композиция** поэмы. Монтаж в кино по определению палимпсестен: он соединяет разрозненные кадры, создавая новый смысл за счет их наложения или соположения. Нас будет интересовать не только поэтика «сдвига» или игры со временем (этому посвящено много работ), но то, как конкретные монтажные приемы: параллельный монтаж, наплыв, затемнение, вытеснение – формируют эффект «просвечивания» слоев.

Параллельный монтаж. В кинематографе параллельный монтаж означает одновременное развитие двух или более сюжетных линий, которые затем пересекаются или комментируют друг друга. В «Поэме без героя» этот прием работает на нескольких уровнях. Во-первых, это параллелизм между судьбой автора-героини и судьбами персонажей: их истории разворачиваются синхронно, отражая и дополняя одна другую. Читатель видит ситуацию одновременно с двух (или более) точек зрения, как в кино при перекрестном монтаже. Во-вторых, параллельно развиваются три временные линии: 1913 год (карнавал), 1940–1960-е годы (время создания поэмы) и пророческое будущее (например, блокада Ленинграда). В первой части («1913 год») события 1913-го и 1940-го даны не последовательно, а одновременно – как два кадра, наложенные друг на друга.

Переходы между параллельными сценами часто маркированы ремарками: «через площадку», «и в то же время...», «а вокруг старый город Питер...» В одном пространстве неожиданно совмещаются Летний сад, костры, Зимний дворец, Мариинская сцена. Так создается эффект, который в кино называют «мультиэкспонированием» (совмещение нескольких изображений в кадре). Палимпсест здесь проявляется как повторяющиеся мотивы, которые то исчезают, то возникают в измененном виде, заставляя прошлое просвечивать сквозь настоящее.

Монтаж-наплыв (англ. dissolve – растворение, микширование). Одним из самых выразительных приемов в палимпсестной структуре поэмы является **наплыв**. В кино это техника, при которой на фоне одного изображения постепенно проявляется другое; первое не исчезает резко, а «тает», уступая место второму, но остается различимым. По такому же принципу соединяются фрагменты-видения, сменяют друг друга сон и реальность, происходит вход или выход из зазеркалья.

Ахматова прямо проговаривает этот принцип:

«Это все **наплывает** не сразу... / ...Как одну музыкальную фразу, / Слышу шепот: “Прощай! Пора!”» [т. 3, с. 176]

Роль промежуточной, «микширующей» среды выполняют в поэме образы **дыма, хвои, тумана, метели** – именно через такую «затуманенность» кадра в кино часто осуществляется наплыв. Приведем характерные примеры (ключевые слова выделены): «И темные ресницы Антиноя / Вдруг поднялись – и там зеленый **дым**» [т. 3, с. 167]; Демон сам с улыбкой Тамары, / Но такие таятся чары / В этом страшном **дымном** лице» [т. 3, с. 182]; «Ветер рвал со стены афиши, / **Дым** плясал вприсядку на крыше» [т. 3, с. 185].

В ремарке из «Решки» читаем: «Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941 года. <...> Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою <...> беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры» (с. 190). А сама героиня признается: «Все надеялась я, что мимо / Белой залы, как **хлопья дыма**, / Пронесется сквозь **сумрак хвой**...» [т. 3, с. 192].

Туман и мрак выполняют ту же функцию перехода между слоями: «И царицей Авдотьей заклятый / Достоевский и бесноватый, / Город в свой уходил **туман**, / И выглядывал вновь из **мрака** / Старый питерщик и гуляка!» [т. 3, с. 185–186] (выделено нами. – Н. О.).

Нередко **наплыв** сочетается с такими монтажными приемами, как **затемнение** и **вытеснение**, – более сложными монтажными переходами, где одно изображение не просто «растворяется», а замещается другим через границу, движущуюся по экрану (шторка, диагональное вытеснение и т. п.). В поэме это маркируется ремарками типа «И в то же время в глубине залы (сцены, ада или на вершине гетевского Брокена) появляется Она же (а, может быть, – ее тень)» [т. 3, с. 172]. Здесь происходит плавное снижение яркости одного кадра до полной темноты и последующее нарастание яркости другого: от яркого образа – к его тени, от тени – к освещенному Белому залу или Мариинской сцене.

В Записных книжках поэта есть рабочая запись: «Толпа ряженных. Все танцуют... “Гость из будущего” выходит из одного зеркала... пересекает сцену... и входит в другое...» [6, с. 85]. При этом свечение рам на стенах то проявляется, то уходит в тень. По такому же кинематографическому принципу строится метафора **тени** во многих фрагментах поэмы. Контрастные переходы от света к тени и обратно создают визуальный эффект «мерцающей» реальности, где грань между жизнью и кошмаром, настоящим и прошлым становится зыбкой. Светлая, живая реальность уходит, уступая место мраку, в котором бродят тени ушедших и предчувствие грядущей катастрофы. В результате возникает галлюцинаторная светотеневая среда, где образ теряет свою причину и превращается в след – в тень или зеркальное отражение, которое отсылает не к первоисточнику, а к другому следу. Сама лирическая героиня ощущает себя пограничным существом: «Нет меры моей тревоге, / Я сама, как **тень на пороге**, / Стережу последний уют» [с. 172]; «Оттого, что по всем дорогам, / Оттого, что ко всем порогам / Приближалась медленно **тень**...» [т. 3, с. 185].

Эти светотеневые эксперименты перекликаются с достижениями советских кинооператоров: А. Москвина, Э. Тиссэ, А. Головни, Ф. Проворова, для которых работа со светом и тенью была не только техническим приемом, но и смыслообразующим элементом монтажа, повлиявшим на мировой кинематограф [см. 5].

Таким образом, монтажная поэтика «Поэмы без героя» – от параллельного ведения сюжетных линий до наплывов, затемнений и вытеснений – работает как важнейший механизм создания палимпсестного эффекта. Кинематографические приемы позволяют Ахматовой удерживать в одновременности разные эпохи, голоса и смыслы, а читателю – воспринимать текст как непрерывно «проявляющуюся» пленку, где каждый новый кадр не отменяет, а просвечивает сквозь предыдущий.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что «Поэма без героя» А. Ахматовой представляет собой не фиксированное литературное произведение в традиционном смысле, а текстовую систему, организованную по принципу палимпсеста. Отсутствие единой канонической редакции, а также сопутствующие жанры (проза, балетное либретто, киносценарий) образуют вертикальное поле наслоений, в котором ни один из слоев не обладает статусом окончательного. Этот текстовый полилог предвосхищает принципы гипертекста и открытого произведения, актуализируя архаическую практику палимпсеста как способа сосуществования множественных письменных слоев.

Список литературы

1. Аверин Б. Палимпсест воспоминаний. «Младенчество» Вячеслава Иванова // Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей : антология : в 2 т. Т. 2. СПб. : ЦСО, 2016. С. 322–344.
2. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Эллис Лак, 1998–2001¹.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. М. : Аст, 1998. 294 с.
4. Бодлер Ш. Оксфордские видения. URL: <https://bodlers.ru/185.html> (дата обращения: 06.04.2026).
5. Бутковский Я. Андрей Москвин, кинооператор. Изд. 2-е. М. : Эйзенштейн-центр ; Музей кино «Киноведческие записки», 2012. 319 с.
6. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. К. Н. Суворова. М. ; Torino, 1996. 800 с.
7. Иванов Вяч. Младенчество. Пг. : Алконост, 1918.
8. Кихней Л. Г., Темиршина О. Р. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 3. С. 53–62.
9. Крайнева Н. И. К проблеме текстологии произведений Анны Ахматовой: о принципах установления критического текста «Поэмы без Героя» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 155–164.
10. Лосев Л. Герой «Поэмы без героя» // Ахматовский сборник. 1. Paris : Inst. d'Études slaves, 1989. Pp. 109–123.
11. Нива Ж. Барочная поэма // Ахматовский сборник. 1. Paris : Inst. d'Études slaves, 1989. Pp. 99–109.
12. Тименчик Р. Д. Заметки о «Поэме без героя». М. : Изд-во МПИ, 1989. С. 3–25.
13. Финкельберг М. О герое «Поэмы без героя» // Русская литература. 1992. № 3. С. 207–224.
14. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 2 т. Т. 1: 1938–1942. СПб. : Журнал «Нева» ; Харьков : Фолио, 1996. С. 156–157.
15. Шатин Ю. В. Миней и палимпсест // Ars interpretandi : сб. ст. к 75-летию Ю. Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. С. 221–233.

The Vertical Stratum of Meaning: Palimpsest in the Poetic System of Anna Akhmatova's Poem Without a Hero

Osipova Nina Osipovna

Doctor of Philology, professor, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9247-9279.

E-mail: nina.osipova@list.ru

Abstract. The article examines the palimpsest as a structure-forming principle of a literary text based on Anna Akhmatova's Poem Without a Hero. Drawing on Gérard Genette's concept, the author distinguishes the palimpsest from intertextuality: the former implies a vertical layering of meanings in which earlier texts remain visible beneath later ones. The study demonstrates that Akhmatova's poem is the most consistent example of palimpsestic poetics in 20th-century Russian literature due to its multiple versions (1940–1965) and the coexistence of drafts, authorial commentary (Prose about the Poem), a ballet libretto, and fragments of a film script. The analysis covers several levels: the genre and textological level (the manuscript as a layered surface), the figurative palimpsest (the shimmering of prototypes, the layering of masks), the spatiotemporal structure ("through space," the effect of futurum exactum), sound polyphony, and cinematic montage. Special attention is paid to montage composition – parallel montage, dissolves, fade-outs, and displacements – which brings the poem close to avant-garde cinema (from German Expressionism to the Soviet school of Eisenstein and Pudovkin). These techniques create the effect of a "developing photographic plate," where each new layer does not cancel the previous one but shines through it. In addition, the article analyzes the role of smoke, fog, blizzard, and shadow as "mixing" media that ensure smooth transitions between temporal strata. The sound palimpsest is also considered – the shining through of the rhythms of Pushkin, Blok, Kuzmin, and Gumilyov in Akhmatova's verse. The author concludes that in Akhmatova's work the palimpsest functions not merely as a literary device but as a mode of thinking, connecting the modernist tradition with postmodern strategies of open, multilayered writing. The article is addressed to philologists, cultural scholars, and anyone interested in the poetics of 20th-century Russian literature.

Keywords: Russian poetry of the 20th century, A. Akhmatova, Poem Without a Hero, poetics, palimpsest.

¹ Далее ссылки даны в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы. В связи с условностью определения канонического издания Поэмы мы ориентируемся на редакцию текста 1940–1965 гг.; все цитаты приводятся по этой редакции.

References

1. Averin B. *Palimpsest vospominanij. "Mladenchestvo" Vyacheslava Ivanova* [The Palimpsest of Memories. Vyacheslav Ivanov's "Infancy"] // *Vyach. Ivanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vyacheslava Ivanova v ocenke russkih i zarubezhnyh myslitelej i issledovatelej : antologiya : v 2 t.* – Vyach. Ivanov: Pro et Contra. The Personality and Works of Vyacheslav Ivanov as Assessed by Russian and Foreign Thinkers and Researchers : An Anthology : in 2 vols. Vol. 2. SPb., CSO, 2016. Pp. 322–344.
2. Ahmatova A. *Sobranie sochinenij : v 6 t.* [Collected Works : in 6 vols.]. M., Ellis Lak, 1998–2001.
3. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyuciya* [Creative Evolution]. M., Ast, 1998. 294 p.
4. Bodler Sh. *Oksfordskie videniya* [Oxford Visions]. Available at: <https://bodlers.ru/185.html> (date accessed: 06.04.2026).
5. Butovskij Ya. *Andrej Moskvina, kinooperator* [Andrei Moskvina, Cinematographer]. 2nd ed. M., Ejzenshtejn-centr (Eisenstein Center) ; Muzej kino "Kinovedcheskie zapiski" (Film Museum "Film Studies Notes"), 2012. 319 p.
6. *Zapisnye knizhki Anny Ahmatovoj (1958–1966)* [The Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)] / comp. by K. N. Suvorova. M. ; Torino, 1996. 800 p.
7. Ivanov Vyach. *Mladenchestvo* [Infancy]. Pg., Alkonost, 1918.
8. Kihnej L. G., Temirshina O. R. "Poema bez geroya" Anny Ahmatovoj i poetika postmodernizma [Anna Akhmatova's Poem Without a Hero and the Poetics of Postmodernism] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* – Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2002. No. 3. Pp. 53–62.
9. Krajneva N. I. *K probleme tekstologii proizvedenij Anny Ahmatovoj: o principah ustanovleniya kriticheskogo teksta "Poemy bez Geroya"* [On the Problem of the Textology of Anna Akhmatova's Works: On the Principles of Establishing the Critical Text of Poem Without a Hero] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences. 2009. No. 114. Pp. 155–164.
10. Losev L. *Geroj "Poemy bez geroya"* [The Hero of Poem Without a Hero] // *Ahmatovskij sbornik. 1* [The Akhmatova Collection. 1]. Paris, Inst. d'Études slaves, 1989. Pp. 109–123.
11. Niva Zh. *Barochnaya poema* [A Baroque Poem] // *Ahmatovskij sbornik. 1* [The Akhmatova Collection. 1]. Paris, Inst. d'Études slaves, 1989. Pp. 99–109.
12. Timenchik R. D. *Zametki o "Poeme bez geroya"* [Notes on Poem Without a Hero]. M., Izd-vo MPI (MPI Publishing House), 1989. Pp. 3–25.
13. Finkel'berg M. *O geroe "Poemy bez geroya"* [On the Hero of Poem Without a Hero] // *Russkaya literatura* – Russian Literature. 1992. No. 3. Pp. 207–224.
14. Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Ahmatovoj : v 2 t.* [Notes on Anna Akhmatova : in 2 vols.]. Vol. 1: 1938–1942. SPb., Zhurnal "Neva" (Neva Journal) ; Har'kov, Folio, 1996. Pp. 156–157.
15. Shatin Yu. V. *Mineya i palimpsest* [The Menaion and the Palimpsest] // *Ars interpretandi : sb. st. k 75-letiyu Yu. N. Chumakova* [Ars Interpretandi : A Collection of Articles for the 75th Anniversary of Yu. N. Chumakov]. Novosibirsk, 1997. Pp. 221–233.

Поступила в редакцию: 14.04.2025

Принята к публикации: 29.04.2026

EDN: AQDQYI

УДК 821.161.1-31:801.82

Роль рекурсии в авторской стратегии Б. Дышленко (роман «Контур и силуэт»)

Налимова Наталья Владимировна

аспирант кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет.
Россия, г. Иваново. E-mail: nalinia@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу романа Б. Дышленко «Контур и силуэт» в аспекте рекурсивной организации текста. Исследование опирается на наблюдение, что рекурсивные структуры формируют не только сюжетные возвраты, но и особую визуальную архитектуру произведения. Обосновываются две формы реализации рекурсии в романе: процессуальная, связанная с повторными обращениями к ключевым мотивам и цитатам, которые меняют значение в зависимости от контекста и направляют движение интерпретации, и пластическая, выраженная в системе зрительных образов, организованных вокруг мотивов контуров, силуэтов, холстов, пятен света и цвета. Эти элементы создают впечатление живописной композиции, где внимание читателя движется как взгляд по поверхности картины. Выявляется роль встроенной в текст «инструкции», определяющей режим восприятия, а также возникновение метатекстовых фрагментов, моделирующих активное участие читателя. Особое внимание уделяется тому, как визуальные мотивы и их вариации задают ритм повествования и создают эффект многослойности, при котором текст становится пространством для созерцания. Роман организован как система, где каждое возвращение рождает новые оптические и смысловые связи. В этом аспекте произведение демонстрирует уникальную форму взаимодействия словесного и зрительного планов, позволяя глубже понять способы художественного моделирования восприятия. В целом исследование дает возможность рассматривать роман как пример художественной системы, где литературные и изобразительные стратегии сближаются, и открывает перспективы для изучения взаимодействия словесного и визуального искусства.

Ключевые слова: Борис Дышленко, рекурсивные структуры, пластическое мышление, визуальная поэтика, метатекст, читательское восприятие.

Истоки термина *рекурсия* восходят к латинскому *recurrere*, однако его формализация была впервые выполнена лишь в XIX веке Р. Дедекиндом через рекурсивное определение функций, а затем развита в XX веке в рамках теории вычислимости в работах К. Геделя, С. Клини и Р. Петер [22].

Как отмечают современные исследователи, «несмотря на то, что термин рекурсия заимствован философией из математической логики, рекурсивный принцип как форма движения обнаруживает себя в культурном пространстве, проявляясь не только в науке и ее отраслях (математике, логике, информатике, программировании, лингвистике), но и в различных видах искусств» [20, с. 66].

Рекурсия относится и к процессу понимания текста. В своей фундаментальной работе «Истина и метод» (1960) Х.-Г. Гадамер описывает понимание как циклический, взаимозависимый процесс: «В принципе же понимание – это всегда самодвижение в таком круге, в силу чего столь существенным является возврат от целого к частям и наоборот. В довершение ко всему подобный круг постоянно расширяется, поскольку понятие целого имеет относительное значение, и включение произведения во все более широкие взаимосвязи непременно затрагивает также понимание частей» [5, с. 124].

Интерпретация текста разворачивается как восходящая спираль. Движение чтения идет через повтор, в котором каждый виток дает новое понимание. Чем глубже читаются отдельные фрагменты, тем объемнее складывается целостное восприятие. Это целое, в свою очередь, влияет на восприятие деталей. Формируется рекурсивная структура: части и целое взаимодействуют, непрерывно уточняя друг друга. Такая логика чтения воспроизводит феномен рекурсии, при котором каждое последующее прочтение обновляет и переплетает оба уровня – микро- и макросмысл. Можно рассматривать произведение как сложную многоуровневую систему, которая выстраивается по принципу самоподдерживающегося развития. Части текста отражают и уточняют друг друга через смыслы или конструкции, видоизменяю-

щиеся и развивающиеся как фрактальные узоры: рисунок по частям повторяется сам в себе, обретая новые детали.

Исследование рекурсии в литературе формируется на пересечении философии, семиотики и филологии. Ролан Барт рассматривал текст как самореферентную систему, непрерывно производящую себя в процессе чтения. Это не логическая самоссылка, как в математике или лингвистике, а семиотическая и эстетическая: текст постоянно создает и подтверждает собственные коды. В работе *Camera lucida* (1980), хотя речь идет о фотографии, Барт развивает ту же идею применительно к визуальному восприятию: образ живет не в объекте, а в акте взгляда. Смысл возникает не как передаваемое содержание, а как момент встречи взгляда и изображения – уникальный акт соотнесения, в котором зритель «пишет» образ, глядя на него. Тем самым фотография, как и текст, оказывается рекурсивной структурой: она возвращает взгляд к самому себе, порождая смысл в каждом новом акте восприятия [3]. В эстетике XX века эта идея поддержана в художественно-философских построениях Хорхе Луиса Борхеса, структура вложенного рассказа и эффект *mise en abîme* («вложение в бездну») становятся способом эстетического самосознания искусства – метафорой бесконечного письма, в котором форма порождает себя через повтор и отражение [4].

Понимание рекурсии как динамического внутреннего развития текста сближено с идеей открытой формы, предложенной в XX веке. Открытая структура текста, как ее описывает Умберто Эко, позволяет рекурсии обрести художественную продуктивность. В модели «открытого произведения» читатель становится соучастником, чьи интерпретации предусмотрены самой формой: «форма поддается описанию только в той мере, в какой она порождает порядок собственных истолкований» [18, с. 83]. Произведение строится как система смысловых вариантов, предполагающая множественность путей прочтения и их повторное прохождение. Формируется особый тип читательского восприятия, при котором восходящее движение понимания – от частного к общему и обратно – становится структурной нормой. Неопределенность, множественность и вариативность – то, что раньше считалось неполнотой текста – теперь воспринимается как принцип его организации.

Развитие рекурсивных структур в художественном тексте тесно связано с феноменом метатекста, который в постмодернистской поэтике выполняет функции рефлексии и моделирования восприятия. В постмодернизме текст понимается как процесс, непрерывно комментирующий собственные основания, что позволяет метатексту играть ключевую роль в формировании иллюзии диалога между автором и читателем. Метатекст может действовать на разных уровнях текста: от отдельных лексем до вставных эпизодов – и функционирует как «сфера, в которой автор разрушает границы между творчеством, литературной критикой и литературоведением» [13, с. 2958]. Метатекст настраивает читательское восприятие: направляет внимание, побуждает к анализу, заставляет активно соучаствовать в формировании смысла.

Современные литературоведческие и когнитивно-лингвистические исследования уточняют эти принципы в прикладных аспектах. Э. В. Исакова и В. А. Смирнова анализируют рекурсивные лингвистические структуры в художественном тексте как средство для получения дополнительных смыслов [11]. А. Н. Гордей показывает, что рекурсия в синтаксисе поэтического и прозаического текста задает «вложенность миров», где каждое предложение повторяет структурный ритм целого [7].

В нарратологии рекурсия осмысливается как способ самогенерации повествования: П. В. Абрамов связывает ее с принципом аутопоэзиса в автобиографическом письме [1]. В автобиографическом дискурсе этот механизм нередко становится основой повторного самоконструирования субъекта, когда возвращение к прошлому осуществляется не линейно, а через внутренние петли памяти и рефлексии – на что указывает Е. Л. Яковлева, рассматривая рекурсивность как форму самоописания и реконструкции опыта [21].

В коммуникативной перспективе рекурсия осмысливается как принцип самопорождающегося речевого акта, в котором высказывание не завершает, а возобновляет процесс коммуникации. Как показывают Е. В. Гарин и И. В. Островская, речь устроена рекурсивно: она обращается к самой себе, включая предыдущие реплики и состояния смысла, тем самым создавая самоподдерживающуюся структуру взаимодействия [6]. Аналогичный принцип диалогичности фиксирует К. С. Карданова, подчеркивая, что рекурсивные связи между репликами и текстовыми уровнями обеспечивают эффект непрерывного смыслового движения [12].

В более широком гуманитарном контексте рекурсия предстает как универсальный механизм саморазвития культуры – способ, благодаря которому художественные и когнитив-

ные формы воспроизводят собственные основания и обеспечивают непрерывность смыслового движения [10].

Рекурсия – понятие не только функциональное, но и парадоксальное. В среде программистов бытует шутка, истоки которой, к сожалению, утеряны. Она точно улавливает суть: «Нельзя понять рекурсию, не поняв рекурсию». В художественном тексте этот парадокс проявляется особенно ярко: текст становится частью самого себя, содержит внутри собственную модель, опирается на нее и порождает новые уровни структуры. Он разворачивается из самого себя, делая каждый новый виток отсылкой к предыдущему и в то же время – шагом за его пределы.

Одним из авторов, чье творчество выстраивается по рекурсивным законам, является Борис Дышленко. Его поэтика формируется на пересечении словесного и изобразительного начал, что подробно осмыслено в исследованиях Е. М. Тюленевой. Автор показывает, что характер письма Дышленко связан с феноменом пластического мышления писателя-художника, при котором текст организуется по законам композиции, ритма, пондерации и зрительного центра. Центральное понятие «изображения изображения» фиксирует процессуальность и неполноту образа, его пребывание «на пороге становления», что напрямую соотносится с рекурсивной логикой – возвращением формы к самой себе и удержанием ее от завершения [17]. В другой работе внимание исследователя сосредоточено на роли саспенса как нарративного принципа организации текста. Саспенс, понимаемый как состояние длящейся неопределенности, становится полем реализации рекурсии: он удерживает повествование в фазе незавершенного события, создавая эффект постоянного отложенного разрешения. Таким образом, рекурсия и саспенс в прозе Дышленко выступают взаимодополняющими механизмами: один задает движение возврата, другой – временную протяженность ожидания, вместе формируя открытую динамическую структуру текста. Именно в этом контексте роман «Контур и силуэты» позволяет наблюдать, как рекурсивный принцип становится основой как художественного образа, так и читательского восприятия [16].

Роман Б. Дышленко «Контур и силуэты» можно рассматривать как систему рекурсивных элементов, организующих текст по принципу повторения с вариацией, наложения, самоотсылки и кольцевого возвращения. Из одной смысловой точки постепенно разрастается разветвленная сеть мотивов и образов. Этот рост не механистичен, он напоминает биологическое развитие: элементы текста множатся, словно органическая ткань. Создается ощущение, что у текста есть собственная воля, он будто бы сам выбирает направление и темп развития.

Многие писатели отмечали феномен «сопротивления» персонажей: герои как будто отказываются следовать замыслу и разворачивают сюжет вопреки авторской воле. В. И. Алексеев, современник Толстого, писал: «Однажды Пушкин в кругу своих приятелей сказал: “Представьте, что сделала моя Татьяна – она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее”. То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы. Вообще они делают то, что делается обыкновенно в действительной жизни, а не то, что мне хочется» [2, с. 259]. Любопытно, что эта мысль о «непослушных» персонажах передается как цитата в цитате: Алексеев цитирует Толстого, тот – Пушкина, и все это становится своеобразной цепочкой авторских рефлексий, где каждый следующий акт письма отправляет к предыдущему.

В романе Дышленко текст не «сопротивляется» автору в привычном смысле. Создается иная иллюзия автономии: не герой обретает волю, а сам текст выглядит как растущий организм, в результате роста которого возникает плотное наложение смыслов. К финалу смыслы замыкаются друг на друга и создают эффект перегрузки и насыщения. Кажется, будто роман завершает себя сам – не потому, что достигает сюжетной развязки, а потому, что форма больше не вмещает рост.

Если ранее рекурсия рассматривалась как теоретический принцип, то теперь она будет анализироваться внутри самого текста как способ организации материала, как логика его развития и как механизм взаимодействия с читателем. Исследование сосредоточивается на том, как именно в «Контуре и силуэте» рекурсивность становится структурным и смыслообразующим принципом.

В тексте романа рекурсивность проявляется как минимум двумя способами. Первый из них условно обозначим как *процессуальный*: это проявление текста через взаимодействие частей и целого в процессе чтения. Повествование разворачивается линейно, от начала к концу, но автор закладывает в структуру *рекурсивные якоря*, к которым внимательный читатель вы-

нужден возвращаться, чтобы переосмыслить уже прочитанное. Эти якоря работают во времени романа: они разбросаны по ходу повествования и становятся точками, от которых запускается обратное движение интерпретации. Они закладываются автором как смысловые точки, и читатель возвращается к ним не обязательно физически, пролистывая страницы, но чаще ментально, переосмысляя прочитанное в свете нового контекста. Чтение приобретает возвратно-поступательный характер, а роман выстраивается вдоль оси, где движение вперед постоянно прерывается ритмическими откатами назад. Это и составляет суть *процессуальной рекурсии* – структуры, в которой повтор не совпадает с повторяющимся, возвращение рождает новый смысл.

Второй способ – пространственный, или *пластический*. Продвигаясь по тексту, читатель одновременно скользит по описываемому пространству, которое схвачено короткими, визуально точными штрихами. И здесь существуют рекурсивные якоря, но уже не как сюжетные повторы, а как оптические мотивы: отражения, силуэты, контуры, фигуры на фоне. Это *пластическая рекурсия*. Рекурсивная логика работает одновременно в запутанном времени повествования и в организации контурно-силуэтной визуальности, то есть в пространстве.

Чтобы понять работу механизма возвращения в процессуальной рекурсии, рассмотрим один из ярких примеров действия рекурсивных якорей: повтор цитат, встроенных в текст. В ряде эпизодов романа повторяются два высказывания, оба принадлежащие философу Хосе Ортеге-и-Гассету. Хотя имя автора в тексте не называется, формулировки точно воспроизводят фрагменты из его эссе «Эстетические темы в форме предисловия» [14]. Повторение высказываний в разных контекстах выстраивает логику изменения отношения субъекта к себе и к другому.

Обе цитаты, повторяясь в точной грамматической форме, демонстрируют, как рекурсивное возвращение к высказыванию может изменять его. Каждое новое появление смещает акценты. Высказывание циркулирует в тексте, отражает движение сознания, смещение взгляда, переход между внутренним и внешним.

Первое высказывание – «Всё, увиденное изнутри меня, есть я» (25)¹ – впервые возникает в сцене, где герой ощущает себя объектом внешнего воздействия, свидетелем происходящего с собственным «я». Здесь фраза звучит как попытка отстоять границы субъективности: только то, что воспринято изнутри, может считаться мной. В этом контексте высказывание – способ удержания целостного «я» перед лицом давления извне. Во втором появлении та же формулировка проговаривается в момент растворения героя в анонимной толпе. Теперь она выражает противоположное: желание включиться в общий визуальный и психологический фон, стать частью внешнего, быть увиденным извне как способ существования. Одна и та же фраза очерчивает два вектора движения «я»: от внутреннего к внешнему и обратно, обозначая сдвиг от самосохранения к саморазмыванию.

Вторая цитата Ортеги-и-Гассета – «...она только мое представление, образ, а быть представлением – значит как раз не быть тем, что представляется...» (79) – впервые появляется в сцене, где герой смотрит выступление певицы по телевизору и не может отделить живое присутствие от медийного образа. Во втором эпизоде та же цитата встраивается в размышление об убийстве, где человек редуцируется до мишени, до воображаемой цели. Здесь формула работает как оправдание морального отчуждения: если другой – это только мой образ, то он не существует как подлинный субъект.

В композиции романа эти две фразы становятся носителями процессуальной рекурсии. Сначала они обозначают столкновение между внутренним и внешним, между сущим и образом, затем – демонстрируют, как граница между этими полюсами может быть сдвинута, размыта. Повтор сам становится фигурой развития, где каждое следующее появление отсылает к предыдущему и выстраивает новый уровень смысла.

Время в романе не поддается выстраиванию в линейную хронологию, оно преднамеренно размыто, нарушено, фрагментировано. Однако у читателя сохраняется интенция собрать последовательность событий, выстроить причинность и установить, «что было раньше», что порождает рекурсивное движение по тексту, читатель вновь и вновь возвращается к уже прочитанному. Возникает эффект времени как внимания, управляемого системой рекурсивных якорей, разбросанных по повествованию, оно складывается из ритма возвратов.

¹Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Дышленко Б. Контур и силуэты : роман. СПб. : ДЕАН, 2002. 256 с. [8] – с указанием в скобках страниц.

Стремление восстановить порядок событий и смыслов становится движущей силой восприятия и создает временную структуру не на уровне фабулы, а на уровне читательской работы.

Такую рекурсивную динамику текста подчеркивал Умберто Эко. В «Шести прогулках в литературных лесах» он пишет, что, «перечитывая книгу, вы возвращаетесь внутрь текста... и уже не можете читать ее наспех» [19, с. 82], поскольку сам текст вызывает возвращение и новые витки прочтения. Эко вводит понятие «образцовый читатель». Такой читатель рождается вместе с текстом и движется по нему, открывая неочевидные уровни смысла и каждый раз меняя их соотношение. Чтение становится рекурсивным действием, в котором часть и целое непрерывно переопределяют друг друга.

Для Б. Дышленко важно взаимодействие с читателем, который выстраивает, проявляет роман в своем сознании, то есть размещает в сознании рекурсию вместе с ее парадоксом. «Парадокс остается таковым до тех пор, пока не установлена диалектическая связь между тезисом и антитезой. Это пространство предоставлено нашей интуиции. В нем зритель свободен находить недостающие звенья, восстанавливать несуществующие связи, иногда специально разрушенные автором, здесь он – соавтор художника», – проясняет Дышленко свои установки в программном эссе «Порог» [9].

Несмотря на то что это высказывание адресовано визуальному искусству, в частности живописи Юрия Дышленко, общий творческий подход братьев позволяет экстраполировать его на литературное произведение. Как подчеркивает Е. М. Тюленева, концепция пороговости разрабатывалась ими совместно, а потому «ситуация порога выстраивается как в литературе, так и в живописи» [15, с. 59] – вне зависимости от медиума, они действовали в рамках единого эстетического проекта. Это дает основание рассматривать читателя прозы Б. Дышленко в аналогичной роли соавтора: интерпретатора и соучастника, дополняющего «пустоты» текста своей интуицией и вниманием.

Чтобы процессуальная рекурсия могла развернуться как структура, необходима точка, от которой начнется ее движение – внешнее внедрение, задающее первичный импульс. В романе Б. Дышленко такую функцию выполняет встроенная «инструкция», появляющаяся почти в самом начале повествования. Она представляет собой описанный акт восприятия, в котором зрение сталкивается с пограничной формой – не то образом, не то фоном, не то случайным сочетанием пятен: «...на определенной стадии изображения или воспроизведения, когда некоторые предметы оборачиваются пустотами, и, наоборот, пустоты еще не превратились в предметы, ты оказываешься как бы на пороге восприятия, и здесь невозможно определить, является ли это изображение действительно изображением или оно всего лишь иллюзия, случайное образование, пространство, сложившееся из ложных, тоже еще не оформившихся контуров и пятен, и при окончательном проявлении снимка сойдет на нет, исчезнет, уступив место более реальным деталям, например тем, которые ты считал фоном, созданным из переплетения тоненьких линий, как тебе показалось, веточек дерева или куста» (6). Эта фраза задает принцип восприятия, который распространяется на весь роман. Читатель вовлекается в работу, он пытается распознать образы, находит в них устойчивые смыслы, но те тут же распадаются и трансформируются, перенося восприятие на новый уровень.

В «инструкции» зафиксированы и процессуальная, и пластическая рекурсии. Пластическая – это визуальные формы, многократно повторяющиеся в романе с вариациями: рамка изображения, в которой наложением теней, пятен, контуров формируются образы. Процессуальная – фиксация моментов существования этих форм. Еще до «инструкции» появляется визуальный образ, ее предвещающий и как бы ретроспективно пророчащий: «...впервые увидел холодное осеннее небо сквозь разорванный глаз» (4), а еще ранее – говорящее название романа: «Контур и силуэты». Смысл образа разорванного глаза понимается только после прочтения «инструкции», и это важно, так как автор вводит понятие «опережающее эхо», которым и является этот первый, опережающий «инструкцию» образ. Оно помещает читателя в ситуацию, где сначала возникает след, а затем – «инструкция», объясняющая этот след. Вся структура романа таким образом выстраивается вслед за «инструкцией», но и до нее, формируя рекурсивный цикл восприятия.

Читатель сначала видит «глаз», потом – «небо», потом – «силуэты», потом – целый мир, потом – самого себя, смотрящего. Каждый уровень включает в себя предыдущий. И наоборот, каждая сцена – малая модель романа, и уже непонятно, что первично, потому что «инструкция», с одной стороны, относится ко всему роману как к целому, а с другой – она часть этого романа. Текст становится лабиринтом, читатель повторяет путь восприятия снова и снова, но на новом уровне, пока не получает цельный образ романа.

В роли контуров и силуэтов выступают не только образы, но и смыслы, порождаемые образами. Смысл вырастает из повторов и отклонений. Роман не требует включения логики, он требует созерцания паттерна, как процессуального, так и пластического. Изменения в повторах кажутся случайными, как мутации в организме, но основаны на течении смыслов и, как юнговская синхронистичность, являют совпадения, связывающие события не каузально, а казуально (и в этом совпадении звучания тоже проявляется казуальность). Переключки мотивов, образов, фраз и ситуаций, в которых звучит сходная интонация или мысль, но в другом контексте, образует ритмику совпадений вместо логических причин. В романе такие рифмы возникают между разными сценами, персонажами и даже предметами. Ощущение усиливается рекламой, которая постоянно перебивает повествование и дает внезапные скачки мысли, уводящие на новый виток.

«Инструкция» задает и способ восприятия, и его оптическую природу. С нее начинается переход от процессуального внимания – связанного с движением во времени – к *пластическому вниманию*, основанному на движении взгляда, как работа зрения в пределах визуального поля. Оно работает как скольжение взгляда по поверхности: от фрагмента к фрагменту, от силуэта к тени, от образа к пустоте. Это сближает чтение с восприятием живописи: время здесь заменено чередой оптических фокусов, и текст функционирует как картина – без начала и конца, но с внутренней ритмикой.

В живописи зритель охватывает полотно целиком, а затем погружается в детали; его взгляд направляется расположением, весом, ритмом пятен. Художники сознательно управляют вниманием зрителя: композиция разворачивается в пространстве, а не во времени. В романе «Контур и силуэт» действует аналогичный принцип. В традиционном повествовании ход истории создается причинностью, здесь же движение задает переключение внимания, смена визуального регистра. Неважно, что произошло первым – важно, куда смотрит читатель в данный момент. Характерно, что это внимание – рассеянное. Оно не фиксируется на событии, не требует сосредоточения. Читатель выхватывает смыслы краем глаза, краем сознания: обрывки диалогов, пятна света, пласт изображений. Текст провоцирует не вчитываться, а вглядываться; не объяснять, а различать. Такое движение не хаотично, его ритм сам рекурсивен. Внимание возвращается к тем же формам под другим углом: второстепенное становится центральным, тень проступает как фигура. Внимание в этом режиме движется и дробится, теряет способность к различению, растворяется в массе, соскальзывает с формы, как при движении взгляда по абстрактной картине. Все происходит в акте восприятия, который сам возвращается к себе. Например: «Сознавая свое двухмерное, но живое, с ощущениями и движениями, присутствие внутри экрана, я одновременно смотрел эту передачу. Вне экрана я чувствовал бы себя не так реально – там я был только органом, воспринимающим себя» (228).

Зачастую зрение теряет способность различать. Индивидуальное растворяется в массе, фокус соскальзывает: «Ты даже не один из них, потому что ты не единица; ты не такой, как они, потому что и они – не они, здесь нет ни единственного, ни множественного числа – здесь не может быть числа – есть масса, не имеющая ни размеров, ни очертаний» (96). Образы и планы сливаются. Внимание не выделяет, а дрейфует по поверхности, как по абстрактному полотну, где важен не смысл, а опыт видения: «Если телевизор заменил тебе сновидения, значит, своему собственному опыту ты больше не доверяешь... я, немой и невидимый, присутствовал в раю, в мире двухмерном и цветном... экран превращается в протуберанец, переходящий в черноту» (228).

После того как в «инструкции» задана оптика восприятия, а внимание начинает функционировать как пластическая структура, становится возможным появление главного мотива этой зрительной архитектуры – *холста*. Визуальность романа опирается на постоянное разыгрывание отношений между фигурой и фоном, между образом и плоскостью, на которой он проявляется. Эти фоны – холсты – постоянно меняются, но подчиняются общему принципу: они становятся пространствами для проекции силуэтов, теней, образов, зачастую не имеющих собственных границ.

Первый холст – это небо, обрамленное листьями, увиденное сквозь дырку в плакате. Это и метафора взгляда, и реальный экран, на который проецируется образ, определяющий все дальнейшее: что-то увиденное на фоне, выделенное на плоскости. Затем появляются другие холсты: пол, телевизор, окно, прямоугольник света, тень, экран, бумага письма, фотография, даже лицо – все это становится носителем изображения.

Разнообразие этих поверхностей подчинено рекурсивной логике – один холст вложен в другой. Телевизор показывает окно, окно – толпу, толпа – силуэт, силуэт – повторение предыдущего героя. Во сне холстом становится чердак, площадь, комната, воспоминание.

Свет – один из самых частотных оптических носителей в романе, а телевизор – центральная фигура в системе холстов. Свет задает плоскость изображения, делает возможным появление тени – то есть силуэта. Это рамка восприятия, через которую оформляется все остальное. Телевизор же заменяет реальность, становится ее проекцией, и в какой-то момент сам герой оказывается внутри изображения, что делает телевизор двусторонним холстом: и показывающим, и отражающим. «Я сам не существую, пока не включен телевизор... та жизнь, которая возникает на экране, только иллюзия» (99).

Принцип формального пятна (в живописном смысле – пятна, обладающего визуальным весом, но не обязательно фигуративным значением) реализован в тексте как способ организации сцены: пятном может оказаться человеческий силуэт, тень, плакат, выключенный экран или что угодно. Образ появляется, исчезает, становится контуром. Сам холст может исчезнуть, оставив после себя пустоту с формой.

Кульминацией этого движения становится сцена, в которой все сливается в силуэт, и один силуэт становится холстом для других: «Ты хочешь спрятать себя среди себе подобных, потому что, различая лица в их странном несходстве, ты почувствовал себя подобным им. Знали бы они о своем несходстве, может быть, просто не пришли бы сюда, ведь они не так злы, чтобы ненавидеть поодиночке – просто напуганы. Но когда появляется герой и начинает бить себя кулаком в грудь, они перестают видеть лица друг друга – только одно, которое обращено к ним. Не к каждому в отдельности – ко всем, и тогда они – это оно» (247).

Таким образом, холсты и формальные пятна в романе – не описательные элементы, а рамочная система восприятия, организованная по рекурсивному принципу. Каждая сцена вложена в другую, каждый взгляд отправляет к предыдущему, каждый силуэт – к теням, которые его породили. Холст – это и поверхность, и структура, и способ порождения видимого. В этом смысле мотив холста материализует принцип матрешки – вложенности изображения в изображение, взгляда во взгляд.

Если процессуальные якоря организуют движение текста во времени, то в визуальной плоскости романа действуют другие якоря – пластические. Они не возвращают читателя назад по тексту, а удерживают или переключают внимание в пределах одной сцены. В их числе – силуэты, формы, пятна света, но особенно важно отметить цвет.

Цвет в «Контурах и силуэтах» не образует собственную систему значений. Он не символичен, не связан с сюжетной функцией. Однако его роль в композиции значительна: цвет становится визуальным фокусом, элементом, к которому возвращается взгляд. Эти *пластические якоря* не работают во времени, как цитаты или сюжетные мотивы, они организуют восприятие внутри сцены, переключают фокус, создают напряжение, формируют структуру.

Это особенно ясно прослеживается в отсылке к Хосе Ортеге-и-Гассету, где звучит фраза: «...она только мое представление, образ, а быть представлением – значит как раз не быть тем, что представляется... То же отличие, что между болью, о которой мне говорят, и болью, которую я чувствую... Как есть „я“ – имярек, так есть „я“ – красный, „я“ – вода, „я“ – звезда» (79). Цвет здесь не метафора, а режим бытия восприятия. Не «я вижу красный», а «я есть красный» – переживание неотделимо от визуального качества. В романе цвет действует аналогично: он не сообщает смысл, но формирует способ соучастия. Его можно сравнить с пондерацией в живописи – весовой доминантой композиции, задающей движение взгляда. В определенный момент нужен красный, как нужен сдвиг или световое пятно для удержания внимания.

Безусловно, любой внимательный читатель при соприкосновении с любым художественным текстом в той или иной степени участвует в рекурсивном процессе. Однако в «Контурах и силуэтах» процесс не только допускается, но и программируется: автор сознательно строит роман как среду, в которой восприятие – основной принцип построения формы. Это возможно именно потому, что Борис Дышленко не просто писатель, но и художник. Он мыслит пластически: работает с пятном, весом, краем, распределением внимания, тяготением взгляда. И этот подход переносится на ткань текста. Роман оказывается написанным по законам изобразительной композиции. Текст здесь действительно начинает функционировать как саморегулирующаяся система. Вся структура романа выстроена как динамическая, открытая форма, которая сохраняет устойчивость за счет рекурсивной стабильности. Сцены, мотивы, фразы возвращаются, сдвигаются, повторяются с вариациями, порождая новое каче-

ство на каждом витке. Главный герой – или, точнее, его силуэт – становится оптическим центром системы, семенем, вокруг которого разрастается повествование. Любое минимальное изменение на границе эпизода способно изменить вектор целого, как в синергетике, где малая флуктуация запускает каскад перераспределений. Автор в этом процессе – дирижер поля смыслов, картограф неустойчивости, управляющий сложной системой с помощью напряжения внутренней структуры.

Кульминацией этого движения становится финальная фраза: «В центре всегда полночь» (254). Полночь здесь не время суток. Это свернутая точка всей структуры, в которой схлопываются силуэты, контуры, движения, перспективы, фокусы, направления, начавшиеся в «инструкции» и в отголосках до нее. В полночной точке читатель больше не движется – он удерживается. Вся система романа работает на то, чтобы выстроить рекурсивную форму восприятия, в которой сам акт чтения становится способом существования текста.

Список литературы

1. Абрамов П. В. Аутопоэзис и рекурсия в жанре автобиографической прозы // Германистика 2021: Nove et nova : материалы IV Международной научной конференции (Москва, 10–12 ноября 2021 г.). М. : Московский государственный лингвистический университет, 2021. С. 159–162.
2. Алексеев В. И. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой: к 120-летию со дня рождения (1828–1948). М. : Гос. лит. музей, 1948. Т. II. С. 232–330.
3. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклина. М. : Ad Marginem, 1997. 224 с.
4. Борхес Х. Л. Думая вслух. Семь вечеров / пер. с исп. Б. Дубина, Б. Ковалева, К. Корконосенко. М. : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2022. 384 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
6. Гарин Е. В., Островская И. В. Рекурсивная модель речевого акта // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 480–485. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-480-485.
7. Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Карповские научные чтения. Минск : Бел. Дом печати, 2011. 4.1. С. 18–26.
8. Дышленко Б. И. Контур и силуэт : роман. СПб. : ДЕАН, 2002. 256 с.
9. Дышленко Б. Порог // Звезда. 2005. № 11. С. 195–212.
10. Зайченко М. А., Яковлева Е. Л. Рекурсивная форма движения и ее проявления в культуре // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 57–66.
11. Исхакова Э. В., Смирнова В. А. К вопросу о рекурсивных лингвистических структурах в художественном тексте // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9, № 4. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.4.4.
12. Карданова К. С. Рекурсивность как коммуникативный принцип // Языковое бытие человека и этноса. 2010. № 17. С. 47–57.
13. Кудрявцева М. И. Метатекст в художественном дискурсе постмодерна: когнитивно-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 9 (129). С. 2954–2959. DOI: 10.30853/phil20220483.
14. Ортега-и-Гассет Х. Эстетические темы в форме предисловия // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп., общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Мысль, 1991. С. 284–291.
15. Тюленева Е. М. «Пороговость» как нарративный принцип в романе Бориса Дышленко «Контур и силуэт» // ФИЛОЛОГОС. 2023. Вып. 2 (57). С. 57–65. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-57-65.
16. Тюленева Е. М. Роль саспенса в нарративной стратегии Бориса Дышленко (роман «Контур и силуэт») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 44–53. DOI: 10.46726/И.2023.5.5.
17. Тюленева Е. М. Феномен пластического мышления писателя-художника: «изображение изображения» в структуре литературного текста Б. Дышленко // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 30–40. DOI: 10.46726/И.2024.5.4.
18. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике: предисловие ко второму изданию / пер. с итал. А. Шурбелева. М. : АСТ : CORPUS, 2018. 512 с.
19. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. И. Богдановой. М. : Издательство Ивана Лимбаха, 2003. 208 с.
20. Яковлева Е. Л., Зайченко М. А. Рекурсия и искусство // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 4-2 (11). С. 65–68.
21. Яковлева Е. Л. Рекурсивность автобиографического художественного повествования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 57–62.
22. Kleene S. C. The Theory of Recursive Functions, Approaching Its Centennial // Bulletin (New Series) of the American Mathematical Society. 1981. Vol. 5, No. 1. P. 43–61. DOI: 10.1090/S0273-0979-1981-14920-X.

The Role of Recursion in the Author's Strategy of Boris Dyshlenko (the Novel Contours and Silhouettes)

Nalimova Natalia Vladimirovna

postgraduate student of the Department of Russian Philology, Ivanovo State University. Russia, Ivanovo.
E-mail: nalinia@mail.ru

Abstract. The article analyzes Boris Dyshlenko's novel *Contours and Silhouettes* in the aspect of recursive text organization. The study proceeds from the observation that recursive structures shape not only narrative returns but also a distinctive visual architecture of the work. Two forms of recursion in the novel are identified: the procedural form, associated with repeated references to key motifs and quotations that change their meaning depending on the context and direct the movement of interpretation, and the plastic form, expressed in a system of visual images organized around the motifs of contours, silhouettes, canvases, and spots of light and color. These elements create the impression of a painterly composition in which the reader's attention moves like a gaze across the surface of a picture. The analysis reveals the role of the "instruction" embedded in the text, which sets the mode of perception, as well as the emergence of metatextual fragments modeling the reader's active involvement. Special attention is given to the way visual motifs and their variations set the rhythm of the narration and create a multilayered effect in which the text becomes a space of contemplation. The novel is organized as a system where each return generates new optical and semantic connections. In this respect, the work demonstrates a unique form of interaction between the verbal and visual planes, allowing for a deeper understanding of the ways in which perception is artistically modeled. Overall, the study makes it possible to regard the novel as an example of an artistic system in which literary and pictorial strategies converge, and opens up prospects for the study of the interaction between verbal and visual art.

Keywords: Boris Dyshlenko, recursive structures, plastic thinking, visual poetics, metatext, reader's perception.

References

1. Abramov P. V. *Autopoezis i rekursiya v zhanre avtobiograficheskoy prozy* [Autopoiesis and Recursion in the Genre of Autobiographical Prose] // *Germanistika 2021: Nove et nova : materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 10–12 noyabrya 2021 g.)* [German Studies 2021: Nove et Nova : Proceedings of the 4th International Scientific Conference (Moscow, November 10–12, 2021)]. M., Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet (Moscow State Linguistic University), 2021. Pp. 159–162.
2. Alekseev V. I. *Vospominaniya o L. N. Tolstom* [Memories of L. N. Tolstoy] // *L. N. Tolstoj: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1828–1948)* [L. N. Tolstoy: On the 120th Anniversary of His Birth (1828–1948)]. M., Gos. lit. muzej (State Literary Museum), 1948. Vol. II. Pp. 232–330.
3. Bart R. *Camera lucida. Kommentarij k fotografii* [Camera Lucida: A Commentary on Photography] / transl. from French by M. Ryklin. M., Ad Marginem, 1997. 224 p.
4. Borhes H. L. *Dumaya vsluh. Sem' vecherov* [Thinking Aloud. Seven Nights] / transl. from Spanish by B. Dubin, B. Kovalev, K. Korkonosenko. M., KoLibri ; Azbuka-Attikus, 2022. 384 p.
5. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics] / transl. from German, ed. and introd. by B. N. Bessonov. M., Progress, 1988. 704 p.
6. Garin E. V., Ostrovskaya I. V. *Rekursivnaya model' rechevogo akta* [A Recursive Model of the Speech Act] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, and Education*. 2024. No. 1 (104). Pp. 480–485. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-480-485.
7. Gordej A. N. *Rekonstrukcija i rekursiya v sintaksicheskom analize predlozheniya* [Reconstruction and Recursion in the Syntactic Analysis of the Sentence] // *Karpovskie nauchnye chteniya* [Karpov Scientific Readings]. Minsk, Bel. Dom pečhati (Belarusian House of Printing), 2011. Is. 4.1. Pp. 18–26.
8. Dyshlenko B. I. *Kontury i siluety : roman* [Contours and Silhouettes : A Novel]. SPb., DEAN, 2002. 256 p.
9. Dyshlenko B. *Porog* [The Threshold] // *Zvezda – Star*. 2005. No. 11. Pp. 195–212.
10. Zajchenko M. A., Yakovleva E. L. *Rekursivnaya forma dvizheniya i ee proyavleniya v kul'ture* [The Recursive Form of Movement and Its Manifestations in Culture] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2013. Vol. 155, Book 1. Pp. 57–66.
11. Iskhakova E. V., Smirnova V. A. *K voprosu o rekursivnyh lingvisticheskikh strukturah v hudozhestvennom tekste* [On the Question of Recursive Linguistic Structures in a Literary Text] // *Doklady Bashkirskogo universiteta – Reports of Bashkir University*. 2024. Vol. 9, No. 4. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.4.4.
12. Kardanova K. S. *Rekursivnost' kak kommunikativnyj princip* [Recursiveness as a Communicative Principle] // *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa – The Linguistic Being of the Person and the Ethnos*. 2010. No. 17. Pp. 47–57.
13. Kudryavceva M. I. *Metatekst v hudozhestvennom diskurse postmoderna: kognitivno-pragmaticheskij aspekt* [Metatext in Postmodern Literary Discourse: The Cognitive-Pragmatic Aspect] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 2022. Vol. 15, No. 9 (129). Pp. 2954–2959. DOI: 10.30853/phil20220483.

14. Ortega-i-Gasset H. *Esteticheskie temy v forme predisloviya* [Aesthetic Themes in the Form of a Preface] // *Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy* [Ortega y Gasset J. Selected Works] / transl. from Spanish, ed. by A. M. Rutkevich. M., Mysl' (Thought), 1991. Pp. 284–291.
15. Tyuleneva E. M. "Porogovost'" kak narrativnyj princip v romane Borisa Dyshlenko "Kontury i siluety" ["Thresholdness" as a Narrative Principle in Boris Dyshlenko's Novel Contours and Silhouettes] // *FILOLOGOS – PHILOLOGOS*. 2023. Is. 2 (57). Pp. 57–65. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-57-65.
16. Tyuleneva E. M. Rol' saspensa v narrativnoj strategii Borisa Dyshlenko (roman "Kontury i siluety") [The Role of Suspense in Boris Dyshlenko's Narrative Strategy (the Novel Contours and Silhouettes)] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special Issue. Pp. 44–53. DOI: 10.46726/H.2023.5.5.
17. Tyuleneva E. M. Fenomen plasticheskogo myshleniya pisatelya-hudozhnika: "izobrazhenie izobrazheniya" v strukture literaturnogo teksta B. Dyshlenko [The Phenomenon of the Plastic Thinking of the Writer-Artist: "The Image of an Image" in the Structure of B. Dyshlenko's Literary Text] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Is. 4. Pp. 30–40. DOI: 10.46726/H.2024.5.4.
18. Eko U. *Otkrytoe proizvedenie. Forma i neopredelennost' v sovremennoj poetike: predislovie ko vtoromu izdaniyu* [The Open Work. Form and Indeterminacy in Contemporary Poetics: Preface to the Second Edition] / transl. from Italian by A. Shurbelev. M., AST ; CORPUS, 2018. 512 p.
19. Eko U. *Shest' progulok v literaturnyh lesah* [Six Walks in the Fictional Woods] / transl. from English by I. Bogdanova. M., Izdatel'stvo Ivana Limbaha (Ivan Limbakh Publishing House), 2003. 208 p.
20. Yakovleva E. L., Zajchenko M. A. *Rekursiya i iskusstvo* [Recursion and Art] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* – International Research Journal. 2013. No. 4-2 (11). Pp. 65–68.
21. Yakovleva E. L. *Rekursivnost' avtobiograficheskogo hudozhestvennogo povestvovaniya* [The Recursive-ness of Autobiographical Literary Narration] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* – Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2022. No. 2 (35). Pp. 57–62.
22. Kleene S. C. The Theory of Recursive Functions, Approaching Its Centennial // *Bulletin (New Series) of the American Mathematical Society*. 1981. Vol. 5, No. 1. Pp. 43–61. DOI: 10.1090/S0273-0979-1981-14920-X.

Поступила в редакцию: 24.09.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Русский литературный клуб Поволжья как феномен современной интернет-поэзии

Шурыгин Андрей Владимирович

соискатель кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет. Россия, г. Йошкар-Ола. ORCID: 0009-0009-5105-8273. E-mail: car-man08@mail.ru

Аннотация. Вербальное творчество участников виртуальных поэтических сообществ представляет собой важную составляющую отечественной сетевой литературы, интегрированной в современный литературный процесс. Этот пласт текстов остается относительно новым и малоизученным, особенно на региональном уровне. Цель настоящего исследования – выявить общие и отличительные черты поэтического творчества представителей Русского литературного клуба в Поволжье (Марий Эл, Чувашия, Татарстан). В качестве основного используется сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий обобщить особенности форм, жанров и приемов вербального творчества виртуальных поэтических сообществ, а также оценить степень их автономности в соотношении с классическим литературным наследием. Эмпирическую базу исследования составляют анкеты и поэтические тексты, созданные участниками сообщества. Сделан вывод о том, что Русский литературный клуб в Поволжье позиционирует себя как интернет-сообщество со сформировавшейся системой вербального творчества, развивающейся в русле общей динамики сетевой литературы. Среди общих черт поэтических текстов участников – ориентация на публикацию и признание творчества в Интернете, тематическое разнообразие (от вечных до актуальных проблем), владение литературными приемами (тропами и фигурами речи), использование различных лексических пластов, а также следование канонам силлабо-тонической системы стихосложения (в метрической, ритмической и строфической организации текста). В то же время поэтика создаваемых произведений обладает и индивидуальными чертами: это интерактивность творчества, создание собственных художественных миров и альтернативных реальностей, индизинальность, интертекстуальность, а также выраженное игровое начало – эксперименты с речевым строем, многозначностью слов. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения процессов развития современной сетевой поэзии, в частности ее региональных форм и специфики.

Ключевые слова: сетевая литература, интернет-сообщества, Стихи.ру, Русский литературный клуб, поэтическое творчество, сравнительно-сопоставительный анализ.

В цифровую эпоху литература приобретает новые формы, смыслы и жанровые проявления, развиваясь в пространстве Интернета с его специфическими возможностями и ограничениями. Интерактивность творческого процесса, мгновенный обмен сообщениями, открытость публикации и обратная связь способствуют формированию литературных интернет-сообществ, возникающих на основе различных сетевых платформ.

Такие сообщества становятся самостоятельным и значимым явлением современного литературного процесса. Они создают особое культурное пространство и функционируют в ряде случаев как творческие субкультуры. Их участники не только публикуют произведения, но и активно коммуницируют друг с другом, формируют ценностное поле, нормы общения и совместного творчества. В результате названных процессов возникает не только новый, в ряде случаев многослойный текст, но и особая среда виртуальной коммуникации, которая обнаруживает себя в обсуждениях текстов на сайтах со свободной публикацией произведений (например, Стихи.ру).

В современной науке уже сформировался круг исследований, посвященных осмыслению особенностей становления и развития интернет-сообществ, а также порождаемого ими вербального творчества. В них обозначены следующие ключевые направления анализа:

- определение интернет-сообществ как особой формы социального взаимодействия в цифровой среде (С. В. Бондаренко [6, с. 15], Н. В. Поправко [18, с. 9], Н. С. Бикен [5, с. 179], Н. В. Барайшук [3, с. 178], Е. Д. Невесенко [16, с. 88]);
- разработка типологии интернет-сообществ, в рамках которой сетевые литературные сообщества рассматриваются как сообщества по интересам (Д. Шидула [28]);
- уточнение специфики виртуальных поэтических сообществ, включая их структурную модель, формы коммуникации и ценностные установки (А. О. Еремина [8, с. 154–155]);

- выявление факторов самоидентификации участников и ценностей, таких как свобода самовыражения, принадлежность к сообществу и творческая автономия (А. О. Разинкина [20, с. 138], Н. А. Папковская [17, с. 143]);
- наличие групповых стандартов, неформального лидерства, специфики модерации и норм сообщества (А. О. Разинкина [20, с. 138], Д. С. Мартыанов, Н. А. Мартыанова [14, с. 77], Л. В. Тайкова [24, с. 56], С. Е. Анохина [1, с. 113], О. А. Пучков [19, с. 153]);
- рассмотрение связи интернет-поэзии с массовой литературой и позиционирование сетевых поэтических сообществ как части массовой культуры (О. В. Аронсон [2, с. 85], А. О. Еремина [8, с. 154], Н. А. Папковская [17, с. 139]);
- выявление мифологической природы интернет-поэзии (О. В. Аронсон [2, с. 86], Е. Б. Ракитина [21, с. 150–152]);
- анализ жанрово-стилевых и тематических особенностей сетевой поэзии, а также экспериментов с языковыми средствами и графическим оформлением текста (О. В. Аронсон [2, с. 89], Ю. В. Бартош [4, с. 231–232], Н. А. Папковская [17, с. 142]);
- изучение трансформации модели литературной коммуникации, где взаимодействие «автор – текст – читатель» расширяется до интерактивной модели «автор – текст – читатель – текст», предполагающей соавторство и активную читательскую позицию (Ю. В. Бартош [4, с. 232], Н. А. Папковская [17, с. 144]);
- анализ институциональных механизмов, поддерживающих виртуальную литературу, таких как система «золотого фонда» на литературных платформах и выход в печатное пространство (Ю. В. Бартош [4, с. 238]);
- выявление рисков и ограничений сетевой формы творчества: размытость критики, поверхностность восприятия, деформация диалога между автором и читателем (О. В. Аронсон [2, с. 85, 95], А. О. Еремина [8, с. 154–155], Е. Б. Ракитина [21, с. 149–150]).

В настоящей статье предпринята попытка выявить общие и отличительные черты поэтических произведений участников Русского литературного клуба в Поволжье – в республиках Марий Эл, Чувашия и Татарстан. Подобный анализ позволит сделать выводы об особенностях форм, жанров и способов создания вербального творчества виртуальных поэтических сообществ и оценить уровень и степень их автономности в соотнесении с классическим литературным наследием.

Первыми литературными сайтами со свободной публикацией, предоставляющими возможность любому автору обнародовать свое творчество в Интернете [10], стали литературные порталы Стихи.ру и Проза.ру. На их базе в 2007 г. было создано виртуальное литературное сообщество – «Русский литературный клуб» (далее – РЛК) [12]. У истоков основания стоят медиаменеджер Д. В. Кравчук и поэтесса Н. Н. Никифорова. При вступлении в клуб обязательна регистрация в качестве автора на порталах Стихи.ру или Проза.ру. Порталы стали способствовать развитию массового виртуального творчества: на них стало публиковаться суммарно более одного миллиона авторов.

В течение 2011–2012 гг. по России было создано более 70 отделений РЛК, как правило, на базе библиотек или музеев. В октябре 2011 г. основан РЛК в Марий Эл [23], а с 2012 г. он стал работать в составе Марийского отделения Российского союза писателей (далее – РСП). Участники сообщества (как поэты, так и писатели) принадлежат к самым разным родам занятий, но увлечены литературным творчеством [9, с. 72; 29, с. 116]. При этом деятельность клуба, помимо виртуального, проходит и в реальном формате [9, с. 73; 29, с. 117].

РЛК в Чувашской Республике также функционирует с 2011 г. – на базе Национальной библиотеки при Чувашском отделении РСП [22]. Руководит клубом поэт Д. Поздеев [7]. Здесь регулярно проводятся различные мероприятия: от литературных встреч и вечеров до презентаций новых книг.

С 2011 г. функционирует РЛК в Республике Татарстан (г. Альметьевск). Его деятельность также тесно связана с региональным отделением РСП, вследствие чего участников сообщества с 2015 года и позже следует считать не прямыми представителями РЛК в республике, а скорее преемниками, наследниками традиций сообщества [27]. С момента основания и до 2017 г. клуб возглавляла поэтесса Т. Бочина (Тамара Богина) [25], в 2017–2023 гг. – Д. Рузанов [15], с 2023 г. – К. Анисимова [11], помощь в работе которой оказывала М. Прохорова [Интервью М. Прохоровой от 04.05.2025]. Мероприятия сообщества проводятся в учреждениях культуры, клубных заведениях, центрах реабилитации и др.

В процессе продвижения своего творчества авторы РЛК в Марий Эл, Чувашии и Татарстане активно пользуются всеми возможностями портала Стихи.ру, что подтверждается ре-

зультатами организованных автором статьи интервьюирования и анкетирования. Так, на протяжении восьми месяцев (ноябрь 2024 г. – июнь 2025 г.) было проведено анкетирование представителей РЛК в Марий Эл, Чувашии и Татарстане. В опросе приняли участие 16 респондентов: 9 – из Марий Эл, 4 – из Чувашии и 3 – из Татарстана в возрасте от 30 до 71 года (11 – жен., 5 – муж.), представляющих самые разнообразные занятия и профессии и имеющих, помимо литературного творчества, и другие увлечения и интересы. Планировалось увеличение количества респондентов из Татарстана, но это оказалось затруднительным ввиду скоропостижного ухода из жизни сразу некоторых представителей актива РЛК в республике (Т. Бочинной, В. Ларионова, А. Львова, Р. Султановой и др.). Опрос проводился в дистанционном формате, каждому респонденту было предложено ответить на 38 вопросов, разбитых на 9 тематических блоков: «Биография и путь в поэзию», «Сущность поэзии и ее функции», «Литературные сообщества и социальные аспекты», «Внутренние традиции и символика литературных объединений», «Публикации и псевдонимы», «Взаимодействие с аудиторией и критикой», «Творческие аспекты», «Языковые предпочтения», «Публичные выступления». Отметим, что анкетирование не претендует на всю полноту охвата деятельности сообществ и творчества РЛК в Поволжье, поскольку в силу разных причин в нем приняли участие не все участники из Марий Эл, Чувашии и Татарстана. Отдельные полученные сведения, непосредственно касающиеся особенностей творчества авторов, используются при сравнительно-сопоставительном анализе их поэтических произведений.

Выбор адресатов исследования – представителей РЛК в Марий Эл, Чувашии и Татарстане и их произведений для анализа обусловлен прежде всего художественным уровнем самих произведений и повышенным вниманием читательской аудитории в Интернете. Среди участников РЛК в Республике Марий Эл обращают на себя внимание стихотворения А. Веселова, Г. Головки (псевдоним Анна Бовт, ушла из жизни в январе 2025 г.), Г. Чирковой (псевдоним Лина Чирко), А. Тарасова, С. Вашко, в Республике Татарстан – Т. Бочинной (скончалась в октябре 2024 г.), Д. Детистова, Д. Рузанова, М. Прохоровой, в Республике Чувашия – А. Шпаннагеля, М. Тумановой, Е. Антоновой. Творчество этих поэтов является наиболее востребованным, снабжено достаточным количеством положительных откликов (рецензий) в Интернете (на портале Стихи.ру и в социальных сетях).

Среди общих черт поэтического творчества можно выделить следующие:

1. *Ориентация на публикацию и признание творчества в Интернете.* Так, например, поэтесса из Марий Эл Г. Головка (Анна Бовт) признавалась, что портал Стихи.ру сыграл серьезную роль в популяризации ее творчества: «Стихи публикую на сайте Стихи.ру с 2011 г. У меня на сегодняшний день сто четыре тысячи читателей, много откликов-рецензий. Я благодарна Дмитрию Владимировичу Кравчуку за создание этого сайта» [Интервью А. Бовт от 19.05.2023]. К августу число читателей ее стихотворений достигло более 128 000, а на них получено 7968 рецензий.

Поэт А. Веселов одним из первых в Республике Марий Эл создал свою страницу на Стихи.ру. В его послужном списке более 1000 стихотворений и свыше 51 000 читателей. Автор подчеркивает, что публикация на сайте «помогает понять, насколько ты интересен людям» [Интервью А. Веселова от 17.12.2024]. Он также активно размещает свои произведения в сети «ВКонтакте», где каждое стихотворение получает десятки лайков и комментариев.

А. Шпаннагель (Чувашия) разместил на Стихи.ру почти все свои поэтические произведения (около 700), имеет более 40 000 читателей. В целом поэт очень популярен среди читателей, которые наградили его званием «магистр поэзии». Он отмечает, что онлайн-платформы позволяют ему не только представлять творчество широкой аудитории, но и поддерживать активный обмен рецензиями, что он считает важной частью поэтической среды [Интервью А. Шпаннагеля от 12.12.2024].

Поэтесса Т. Бочина (псевдоним Тамара Богина) – основатель и лидер РЛК в Татарстане до 2017 г., писала стихи всю жизнь. На ее странице на Стихи.ру – 978 произведений (более 57 800 прочтений, 1768 рецензий), сама автор написала 3734 рецензии; публиковалась и в сети «ВКонтакте».

Д. Рузанов (псевдоним Митя Поэтов) (Татарстан) разместил на Стихи.ру более 500 стихотворений (36 000+ читателей, 163 рецензии, сам написал 78).

2. *Сходство тематики.* Общим для произведений авторов РЛК в Поволжье является обращение к вечным темам и ценностям, к культурным традициям и важным историческим событиям, а также к актуальным проблемам современности. Характерны для их творчества осмысление особого призвания поэта и статуса поэзии в мире («мифологизация образа по-

эта», по выражению Н. А. Папковской [17, с. 140]), склонность к прямому выражению чувств, в том числе любовных (по определению Е. Б. Ракитиной [21, с. 152]), сосредоточенность на себе и личных переживаниях [17, с. 143] и т. д.

Так, ряд стихотворений поэтов РЛК в Марий Эл, Чувашии и Татарстане посвящен гражданской и военно-патриотической тематике («Тревожное время» и «О фейках» А. Бовт, «Умножение зла непровлечением» А. Веселова, «Время фейков» Г. Чирковой, «Памяти павших» М. Челаукиной, «Лейтмотив истории», «Луне» Д. Детистова и др.). Например, в стихотворении М. Челаукиной (Чувашия) «Памяти павших» философски осмысливается цена и значимость Великой Победы в Великой Отечественной войне: «Мы бережем восьмой десяток лет / Наследие ценнейшей из побед, / В сердцах у нас петляет алый след / Ее дорог, печальных и неровных. / Но у любой законченной войны / Есть темнота обратной стороны, / И есть ущерб такой величины, / Что не взыскать с поверженных виновных» (М. Челаукина. Памяти павших. <https://stihi.ru/2025/06/22/7491>). В стихотворении А. Бовт (Марий Эл) «Тревожное время» (<https://stihi.ru/2022/04/22/6452>) также в философском аспекте противостояния Добра и Зла разрешается военный конфликт между братскими народами.

Стихотворение Г. Чирковой (Марий Эл) «Время фейков» содержит горькие размышления о нашем времени как циничном и лживом: «Хуже пандемии патогенная / Информационная война. / Кажется, повально вся Вселенная / Кривды вирусом поражена» (Л. Чирко. Время фейков. <https://stihi.ru/2022/04/09/5715>). Схожие рассуждения можно встретить в стихотворении А. Бовт (Марий Эл) «О фейках»: «В жизни многие беды / Происходят от лжи. / Кто не верит в победу, / Тот от правды бежит. / Ложь всегда агрессивна, / Ненавистен ей свет. / С нею темные силы – / Клевета и навет» (А. Бовт. О фейках. <https://stihi.ru/2022/03/18/2441>). При этом финал стихотворения оптимистичен, поскольку, по мнению автора, существует и символический контекст борьбы с ложью – «сила Красного Солнца» (А. Бовт. О фейках. <https://stihi.ru/2022/03/18/2441>).

В стихотворении «На Луне» Д. Детистова (Татарстан) затрагивается тема освоения космоса. Через диалог первого космонавта – Ю. Гагарина – и первого астронавта – Н. Армстронга – воплощается идея дружбы и взаимодействия двух сверхдержав – России и США: «Два гордых сына великих народов, / Два дерзновенных бесстрашных орла. / Когда на Земле миновали их годы, / На лунных тропинках судьба их свела» (Д. Детистов. Луне. <https://stihi.ru/2015/12/24/11715>). С грустью звучит признание в том, что современность кардинальным образом изменила ценности людей и материальные блага стали важнее романтики покорения космоса: «Стал человек на сегодня бескрылым, / И космос далекий его не влечет...» (Д. Детистов. Луне. <https://stihi.ru/2015/12/24/11715>). В целом подобные настроения характерны не только для советской, но и для современной российской поэзии, продолжающей поднимать тему самоотверженности и жертвенности поколения победителей.

3. *Объединяет авторов РЛК республик Поволжья и отношение к художественной форме произведений, возможностям использования определенных тропов и фигур речи, а также различных пластов лексики.* Большинство авторов демонстрируют в этом плане ориентацию на традиции классической русской поэзии, в том числе и в плане стилистики и поэтики. Так, А. Веселов (Марий Эл) заявляет, что, читая произведения классиков, испытывает «восхищение и наслаждение от их творчества», ему «понятны и близки их чувства, их мысли» [Интервью А. Веселова от 17.12.2024]. «Приверженцем устоявшейся классической традиции» называет себя А. Шпаннагель (Чувашия) [Интервью А. Шпаннагеля от 12.12.2024]. Бережное отношение к классическому наследию отличает Д. Детистова (Татарстан): «<В русской классике>, как правило, все уже отточено, выверено и совершенно» [Интервью Д. Детистова от 12.01.2025]. М. Челаукина (Чувашия) отмечает: «...В поэзии я уважаю традиции и ее способность влиять на душевное состояние человека» [Интервью М. Челаукиной от 21.01.2025].

Значимыми для них являются и поэтические традиции Серебряного века (творчество С. А. Есенина, В. В. Маяковского, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и др.) [21, с. 19]. Выражается это в использовании ряда литературных приемов (тропов и фигур речи: эпитетов, метафор, сравнений, гипербола, инверсий, анафор и пр.), лексических пластов (архаизмов, просторечий, разговорных слов и выражений и др.) и т. п.

Например, в стихотворении С. Вашко (Марий Эл) «Я так хочу потрогать время...» заметно тяготение к стилизации [13, с. 1029] образной системы и языка Золотого и Серебряного века русской поэзии, используются архаичные слова и выражения: «незримый силуэт», «краса волнистых, мнимых линий» и др. (Я так хочу потрогать время. https://vk.com/thoulos?w=wall-195461874_40). Обращается молодая поэтесса и к творчеству и личности одного из своих любимых поэтов – В. Маяковского:

1) *Интерес к реализации принципа коллективного творчества* – создание новых стихотворных текстов в процессе творческого взаимодействия как реакции на предыдущий стихотворный текст. Во многом это связано со спецификой портала Стихи.ру, где существует возможность мгновенной реакции читателя или одного автора на опубликованные другим произведения. Как правило, такие стихотворения создаются спонтанно, под влиянием общения на определенную тему, носят экспериментальный характер и являются экспромтами [13, с. 1227], иногда – с шуточным содержанием. Ярко проявляет себя в коллективном творчестве на Стихи.ру Г. Чиркова (Марий Эл): «Например, в соавторстве с Сан-Торасом у нас появились такие произведения, навеянные книгами Дюма, как “Атос и Арамис. Переписка” (<https://stihi.ru/2015/06/22/1911>) и “Мушкетерское. 20 лет спустя” (<https://stihi.ru/2015/06/25/3619>). Есть примеры того, как мое стихотворение стало “толчком” к целому ряду стихотворных вариаций на эту же тему знакомых поэтов-“стихирян”. Например, стихотворение “Экспромтом” (<https://stihi.ru/2016/06/16/8285>) вызвало отклики в стихах даже более глубокие и интересные, чем исходный текст» [Интервью Г. Чирковой от 16.11.2024].

Имеется опыт создания коллективных стихотворений и у А. Шпаннагеля (Чувашия). Поэт замечает: «Основал проект “ВДОХНОВЕНИЕ.РУ”, где выпустили три сборника по четыре автора. Главный соавтор – Александр Николаев. Были также приглашены Рената Юрьева, Светлана Гордеева...» [Интервью А. Шпаннагеля от 12.12.2024]

Некоторые стихотворения Т. Бочиной (Татарстан), размещенные на Стихи.ру, были написаны как ответы на стихотворения других известных и активных авторов портала: В. Уйманова, А. Алейчика, А. Лукина, А. Канторовича, М. Сальмана и др.

2) *Создание собственных художественных миров и вымышленных реальностей*. Некоторые стихотворения А. Веселова (Марий Эл), родновера по убеждениям, наполнены образами, восходящими к славянской мифологии и русскому фольклору. Так, в стихотворении «Возле ивы у воды» появляются персонажи, связанные с народным праздником Ивана Купалы: русалки («ночь русалочья безлунна»), девушки в венках («брошен девичий венок») и др. Автор акцентирует внимание на таинственности происходящего: «...И ведут следы куда-то / От заката на восток. / По росе, по мокрым травам / Уходили те следы – / Ночью здесь была забава / Возле ивы у воды» (А. Веселов. Возле ивы у воды. <https://stihi.ru/2025/06/10/3544>).

В поэтическом хронотопе [13, с. 1173] А. Тарасова (Марий Эл) особое место занимает образ священной рощи как одного из архетипов традиционной марийской культуры: «марийских рощ манящие поляны» (стихотворение «Земляничный рай» [26]). В этом смысле данное стихотворение оказывается созвучным первому марийскому письменному поэтическому произведению – стихотворению основоположника художественной литературы народа мари С. Г. Чавайна «Ото» («Роща»).

Как и А. Тарасову, М. Челаукиной (Чувашия) близок полусказочный образ марийского леса, рощи, которые она «чествует поклоном» и именует «землей озер и удивительных преданий»: «Земля озер и удивительных преданий, / Прими меня в свои распахнутые руки, / Позволь отметиться случайными следами, / Позволь освоиться в святой твоей науке» (М. Челаукина. Марийский лес. <https://stihi.ru/2024/10/03/7449>). В некоторых стихотворениях М. Челаукина обращается к античной поэзии и мифологии, создавая иносказательные образы (Две маски. <https://stihi.ru/2024/02/13/4729>).

3) *Интертекстуальность* [13, с. 307]. В этом аспекте можно говорить прежде всего о творчестве А. Бовт (Марий Эл) и А. Шпаннагеля (Чувашия). В стихотворениях этих авторов встречаются многочисленные отсылки к произведениям русских баснописцев XVIII–XIX вв.: А. Д. Кантемира, И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева и особенно – И. А. Крылова (аллегорические образы животных). Ряд стихотворений А. Бовт (Марий Эл) написаны в иносказательной манере [13, с. 304], композиционно и стилистически напоминают басни [13, с. 73]. В них автор рассуждает, например, о роли справедливости в жизни: «Много лис избушками владеют – / Теми, что другим принадлежат. / И не только в Царстве Берендея... / Петушок, верни нам все назад!» (А. Бовт. Отважный Петух <https://stihi.ru/2023/05/20/3281>). А. Шпаннагель (Чувашия) также известен своим тяготением к жанру басни, он даже пытался обыграть этот момент в псевдониме: «Как-то хотел придумать себе псевдоним Алекс Басников, поскольку пишу басни. Но эта идея друзьям не так уж понравилась» [Интервью А. Шпаннагеля от 12.12.2024]. Использование соответствующих литературных приемов автор объясняет так: «Стараюсь оживить язык иносказательными оборотами. Без них даже проза теряет себя, а поэзия и вовсе хиреет и отмирает» [Интервью А. Шпаннагеля от 12.12.2024].

По признанию М. Челаукиной (Чувашия), в ее поэзии есть интертекстуальные переключки с античной мифологией [Интервью М. Челаукиной от 21.01.2025]. Этот литературный прием появляется, например, в стихотворении «Марийский лес»: «Сентябрь благостен, янтарен и каштанов, / И мы внезапно забываем, что имеем, / Держась за руки этих добрых великанов – Высоких сосен, что подобны Прометеем» (М. Челаукина. Марийский лес. <https://stihi.ru/2024/10/03/7449>).

4) *Игровое начало* [13, с. 285] в текстах сетевых авторов, как правило, проявляется на стилистическом уровне – в игре с лексикой, отдельными словами и выражениями. Для творчества А. Веселова (Марий Эл) характерна языковая экспериментальность, включающая образование авторских неологизмов [13, с. 639], что обусловлено влиянием эстетики постмодернизма на его поэзию [13, с. 764]. Сам автор так объясняет эту стилистическую особенность своего творчества: «Да, конечно, использую. Но все это только в том случае, когда оправдано и соответствует теме и стилю произведения. Иначе это покажется чем-то чужеродным и лишним» [Интервью А. Веселова от 17.12.2024]. Так, в начале стихотворения «Кроватка. Нуга Бест» встречается неологизм «нугею», который выполняет функцию стилистического маркера, способствующего формированию иронической интонации произведения: «Я хмелею и нугею / От кроватки, на которой / Чую спинушкой своею / Регулярные повторы» (А. Веселов. Кроватка. Нуга Бест. <https://stihi.ru/2019/06/21/2819>).

В игровом ключе рассматривается и среда обитания и коммуникации авторов – Интернет. В стихотворении Г. Чирковой (Марий Эл) «Виртуальное знакомство» посредством иронической экспрессии отражается идея чрезмерной вовлеченности современного пользователя в виртуальное пространство, что выражается в перечислении известных интернет-ресурсов и программ, выступающих маркерами цифровой реальности: «Он встречался со мною ВКонтакте, / В «Одноклассниках» долго дружил, / Слал подарки в WhatsApp-е де-факто, / В Skype руку он мне предложил! / Регистрировать брак будем в Twitter, / Свадьбу выложим мы в Instagram, / Надоест – не беда: на Авито / Мигом в добрые руки отдам!» (Г. Чиркова. Виртуальное знакомство. <https://stihi.ru/2021/02/28/9681>).

С. Вашко (Марий Эл) стремится создать индивидуальный творческий стиль посредством нестандартной работы с лексикой и поэтической формой. В стихотворении «Девушка напротив курит Winston», адресованном «моему поколению со всеми противоречивыми чувствами», реализуется языковая игра – целенаправленное включение иностранных слов и их трансформация: «Девушка напротив курит Winston, / Взгляд эпохи бродит в полутьме. / Если бы вот в этой кутерьме / Путь твой был толпою вдруг освистан... / Ploho в плеере, в душе – bredovo. / Нет черты меж тишь и безумством» (С. Вашко. Девушка напротив курит Winston. https://vk.com/thoulos?w=wall-195461874_233).

Некоторые произведения Д. Рузанова (Татарстан) представляют собой лирические зарисовки, затрагивающие различные темы и жанры, от городской до любовной лирики. В стихотворении «Родился мальчик» завершающий образ, оформленный уменьшительно-ласкательной формой имени и эпитетом, служит семантическим маркером, указывающим на будущую творческую ориентацию новорожденного: «Устал, поешь, силенок наберись! / Дитя, ты чудо, зеркально улыбнись. / Стихи. Декабрь. Тает от любви сосулька, / Родился мальчик – поэтический Димулька!» (М. Позтов. Родился мальчик. <https://stihi.ru/2015/06/13/3378>).

Итак, поэтическое творчество представителей Русского литературного клуба в Марий Эл, Чувашии и Татарстане можно считать самодостаточным проявлением творческого начала. Авторы создают свои произведения в своеобразном взаимодействии, общаясь и обмениваясь друг с другом информацией не только на литературные, но и на окололитературные темы (на портале Стихи.ру и в социальных сетях). Общими чертами их произведений можно считать ориентацию на публикацию и признание произведений в Интернете, сходство тематики (как вечные, так и современные темы), владение разнообразными литературными приемами (тропами и фигурами речи), соблюдение канонов силлабо-тонической системы стихосложения. При этом в творчестве того или иного автора общие тенденции и закономерности проявляются по-разному и находят выражение:

1) в интерактивности творчества (А. Веселов, Г. Чиркова, А. Бовт – Марий Эл, А. Шпаннагель – Чувашия, Т. Бочина – Татарстан);

2) создании собственных художественных миров и вымышленных реальностей (А. Веселов, А. Тарасов, С. Вашко – Марий Эл, А. Шпаннагель, М. Челаукина – Чувашия, Д. Детистов – Татарстан), иносказательности (Г. Чиркова, А. Бовт – Марий Эл, А. Шпаннагель, М. Челаукина – Чувашия, Д. Детистов – Татарстан);

3) интертекстуальных переключках (А. Бовт, С. Вашко – Марий Эл, А. Шпаннагель, М. Челаукина – Чувашия);

4) игровом начале – экспериментировании со слогом, игре со словами и их многозначностью (А. Тарасов, Г. Чиркова, С. Вашко – Марий Эл, А. Шпаннагель – Чувашия, Д. Рузанов – Татарстан).

Благодарности: Хотим выразить благодарность за участие в исследовании авторам из Марий Эл (А. Бовт, А. Веселов, Г. Чиркова, А. Тарасов, С. Вашко), Чувашии (А. Шпаннагель, М. Челаукина, Е. Антонова) и Татарстана (Т. Бочина, Д. Рузанов, Д. Детистов, М. Прохорова).

Список литературы

1. Анохина С. Е. Этика сетевых сообществ // Актуальные проблемы гуманитарных наук : тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых ученых. Томск : ТПУ, 2012. С. 112–114.
2. Аронсон О. В. Народный сюрреализм: заметки о поэзии в Интернете // Синий диван. 2006. Вып. 8. С. 86–99 (дата обращения: 31.07.2025). EDN: SGKCIF.
3. Барайщук Н. В. Интернет-сообщества: особенности, современные направления // Социология. 2017. № 3. С. 175–179 (дата обращения: 29.07.2025). EDN: YXSKZN.
4. Бартош Ю. В. Специфика языка русской сетевой поэзии // Russian Languages Studies. Русистика. 2019. Вып. 17, № 2. С. 229–242 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: ZIGRTV. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-229-242.
5. Бикен Н. С. Социально-психологические особенности формирования и развития виртуальных сообществ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 179–181 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: TFGNFV.
6. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 2004. 319 с.
7. Дмитрий Поздеев // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/avtor/bashkaus> (дата обращения: 30.07.2025).
8. Еремينا А. О. Виртуальные поэтические сообщества: проблемы и перспективы // Приволжский научный вестник. 2013. № 13, ч. 1. С. 153–156 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: RTDEDD.
9. Золотова Т. А., Шурыгин А. В. Русский литературный клуб в цифровую эпоху: инновации и традиции // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19, № 1. С. 70–79 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: VFYXV. DOI: 10.30914/2072-6783-2025-19-1-70-79.
10. Кравчук Д. Свободная публикация в Интернете как новое явление в литературе : доклад на конференции «Литература в Интернете» в РГГУ 19 ноября 2006 года // Дмитрий Кравчук. URL: <http://www.kravchuk.ru/articles/rggu2006.html> (дата обращения: 30.07.2025).
11. Ксения Владимировна Анисимова // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/avtor/anisimovaksu> (дата обращения: 30.07.2025).
12. Литературный клуб. URL: <https://litclub.ru> (дата обращения: 30.07.2025).
13. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. 1600 с.
14. Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Селективная модерация в условиях виртуальной публичной сферы // Социодинамика. 2019. № 12. С. 74–85 (дата обращения: 31.07.2025). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31759.
15. Митя Поэтов // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/avtor/ruzanovda> (дата обращения: 30.07.2025).
16. Невесенко Е. Д. Специфика формирования и функционирования Интернет-сообществ: социальный аспект // Молодой ученый. 2011. № 5 (28), т. 2. С. 88–92 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: NUBGLN.
17. Папковская Н. А. Феномен популярности интернет-поэзии через исследование ее читателя // Уральский филологический вестник. Серия «Драфт: молодая наука». 2018. № 5. С. 138–147 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: YURMMX.
18. Поправко В. Н. Интернет-сообщества: специфика и роль в формировании социального пространства : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Томск, 2011. 19 с.
19. Пучков О. А. Проблемы формирования этического и правового поведения пользователей в сетевом пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-2. С. 151–155 (дата обращения: 31.07.2025). EDN: GQKKTd.
20. Разинкина А. О. Виртуальные поэтические сообщества как предмет социологического анализа // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. № 1. С. 275–280 (дата обращения: 29.07.2025). EDN: JXURKZ.
21. Ракитина Е. Б. К проблеме авторской самоидентификации в интернет-поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1, ч. I. С. 149–153 (дата обращения: 30.07.2025). EDN: MUUMPP.
22. Русский литературный клуб // Национальная библиотека Чувашской Республики. URL: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5991:russkij-literaturnyj-klub (дата обращения: 30.07.2025).
23. Русский литературный клуб в Республике Марий Эл. URL: <https://literaturnyjclubvmariyel.tilda.ws/> (дата обращения: 30.07.2025).

24. Тайкова Л. В. Лидерство в виртуальных сетевых сообществах // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 1. С. 55–57 (дата обращения: 31.07.2025). EDN: YLGBFR.
25. Тамара Богина // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/avtor/bochinatamara> (дата обращения: 30.07.2025).
26. Тарасов А. П. С надеждой отправлялся в путь... Чебоксары : Типография № 7, 2022. С. 31.
27. Татарстанское региональное отделение // Российский союз писателей. URL: <https://reg.ros-sp.ru/tatarstan> (дата обращения: 30.07.2025).
28. Шидула Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы // Научно-культурологический журнал. 2006. № 10. URL: <http://relga.ru/articles/1055/> (дата обращения: 30.07.2025).
29. Шурьгин А. В. Сетевые литературные сообщества: из опыта творческой деятельности // Мировая классика и молодежная культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, 2014. С. 113–119.

The Russian Literary Club of the Volga Region as a Phenomenon of Modern Internet Poetry

Shurygin Andrey Vladimirovich

applicant of the Department of Russian Language, Literature, and Journalism, Mari State University.
Russia, Yoshkar-Ola. ORCID: 0009-0009-5105-8273. E-mail: car-man08@mail.ru

Abstract. The verbal creativity of the members of virtual poetry communities is an important component of Russian online literature, which is integrated into the modern literary process. This layer of texts remains relatively new and understudied, especially at the regional level. The purpose of this study is to identify the common and distinctive features of the poetry of the members of the Russian Literary Club in the Volga region (Mari El, Chuvashia, and Tatarstan). The main method used is comparative analysis, which makes it possible to summarize the features of the forms, genres, and techniques of verbal creativity in virtual poetry communities, as well as to assess the degree of their autonomy in relation to the classical literary heritage. The empirical basis of the study consists of questionnaires and poetic texts created by the members of the community. It is concluded that the Russian Literary Club in the Volga region positions itself as an Internet community with a well-established system of verbal creativity that is developing in line with the general dynamics of online literature. The common features of the participants' poetic texts include a focus on the publication and recognition of their work on the Internet, thematic diversity (from eternal to topical issues), a command of literary devices (tropes and figures of speech), the use of various lexical layers, and adherence to the canons of the syllabo-tonic system of versification (in the metrical, rhythmic, and strophic organization of the text). At the same time, the poetics of the created works also possesses individual features: the interactivity of creativity, the creation of the authors' own artistic worlds and alternative realities, allegory, intertextuality, and a pronounced element of play – experiments with speech structure and the polysemy of words. The results obtained can be used for the further study of the development of modern online poetry, in particular its regional forms and specifics.

Keywords: online literature, Internet communities, Stihi.ru, the Russian Literary Club, poetic creativity, comparative analysis.

References

1. Anohina S. E. *Etika setevykh soobshchestv* [The Ethics of Online Communities] // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk : tr. XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Current Problems of the Humanities : Proceedings of the 11th International Scientific-Practical Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists]. Tomsk, TPU, 2012. Pp. 112–114.
2. Aronson O. V. *Narodnyy syurrealizm: zametki o poezii v Internete* [Folk Surrealism: Notes on Poetry on the Internet] // *Sinij divan – Blue Sofa*. 2006. Is. 8. Pp. 86–99. EDN: SGKCIF.
3. Barajshchuk N. V. *Internet-soobshchestva: osobennosti, sovremennye napravleniya* [Internet Communities: Features and Current Trends] // *Sociologiya – Sociology*. 2017. No. 3. Pp. 175–179. EDN: YXSKZN.
4. Bartosh Yu. V. *Specifika yazyka russkoj setevoy poezii* [The Specifics of the Language of Russian Online Poetry] // *Rusistika – Russian Language Studies*. 2019. Vol. 17, No. 2. Pp. 229–242. EDN: ZIGRTV. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-229-242.
5. Biken N. S. *Social'no-psihologicheskie osobennosti formirovaniya i razvitiya virtual'nykh soobshchestv* [Socio-Psychological Features of the Formation and Development of Virtual Communities] // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Current Problems of the Humanities and Natural Sciences*. 2014. No. 12-2. Pp. 179–181. EDN: TFGNFV.
6. Bondarenko S. V. *Social'naya struktura virtual'nykh setevykh soobshchestv* [The Social Structure of Virtual Network Communities]. Rostov n/D, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta (Rostov University Publishing House), 2004. 319 p.

7. Dmitriy Pozdeev [Dmitry Pozdeev] // Stihi.ru. Available at: <https://stihi.ru/avtor/bashkaus> (date accessed: 30.07.2025).
8. Eremina A. O. *Virtual'nye poeticheskie soobshchestva: problemy i perspektivy* [Virtual Poetry Communities: Problems and Prospects] // *Privolzhskij nauchnyj vestnik – Volga Scientific Bulletin*. 2013. No. 13, part 1. Pp. 153–156. EDN: RTDEDD.
9. Zolotova T. A., Shurygin A. V. *Russkij literaturnyj klub v cifrovuyu epohu: innovacii i tradicii* [The Russian Literary Club in the Digital Age: Innovations and Traditions] // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*. 2025. Vol. 19, No. 1. Pp. 70–79. EDN: VFWYXV. DOI: 10.30914/2072-6783-2025-19-1-70-79.
10. Kravchuk D. *Svobodnaya publikaciya v Internete kak novoe yavlenie v literature : doklad na konferencii "Literatura v Internetе" v RGGU 19 noyabrya 2006 goda* [Free Publication on the Internet as a New Phenomenon in Literature : A Report at the "Literature on the Internet" Conference at the Russian State University for the Humanities, November 19, 2006]. Available at: <http://www.kravchuk.ru/articles/rggu2006.html> (date accessed: 30.07.2025).
11. Kseniya Vladimirovna Anisimova [Ksenia Vladimirovna Anisimova] // Stihi.ru. Available at: <https://stihi.ru/avtor/anisimovaksu> (date accessed: 30.07.2025).
12. *Literaturnyj klub* [Literary Club]. Available at: <https://litclub.ru> (date accessed: 30.07.2025).
13. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] / ed. and comp. by A. N. Nikolyukin. M., Intelvak, 2001. 1600 p.
14. Mart'yanov D. S., Mart'yanova N. A. *Selektivnaya moderaciya v usloviyah virtual'noj publichnoj sfery* [Selective Moderation in the Virtual Public Sphere] // *Sociodinamika – Sociodynamics*. 2019. No. 12. Pp. 74–85. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31759.
15. Mitya Poetov [Mitya Poetov] // Stihi.ru. Available at: <https://stihi.ru/avtor/ruzanovda> (date accessed: 30.07.2025).
16. Nevesenko E. D. *Specifika formirovaniya i funkcionirovaniya Internet-soobshchestv: social'nyj aspekt* [The Specifics of the Formation and Functioning of Internet Communities: The Social Aspect] // *Molodoj uchenyj – Young Scientist*. 2011. No. 5 (28), vol. 2. Pp. 88–92. EDN: NUBGLN.
17. Papkovskaya N. A. *Fenomen populyarnosti internet-poezii cherez issledovanie ee chitatelya* [The Phenomenon of the Popularity of Internet Poetry through a Study of Its Reader] // *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya "Draft: molodaya nauka" – Ural Journal of Philology. Series "Draft: Young Science"*. 2018. No. 5. Pp. 138–147. EDN: YURMMX.
18. *Popravko V. N. Internet-soobshchestva: specifika i rol' v formirovanii social'nogo prostranstva : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11* [Internet Communities: Their Specifics and Role in the Formation of Social Space : abstract of the dis. ... PhD in Philosophy : 09.00.11]. Tomsk, 2011. 19 p.
19. Puchkov O. A. *Problemy formirovaniya eticheskogo i pravovogo povedeniya pol'zovatelej v setevom prostranstve* [Problems of Shaping the Ethical and Legal Behavior of Users in the Online Space] // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of Modern Pedagogical Education*. 2021. No. 73-2. Pp. 151–155. EDN: GQKKTd.
20. Razinkina A. O. *Virtual'nye poeticheskie soobshchestva kak predmet sociologicheskogo analiza* [Virtual Poetry Communities as a Subject of Sociological Analysis] // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik Saratov State Technical University*. 2009. No. 1. Pp. 275–280. EDN: JXURKZ.
21. Rakitina E. B. *K probleme avtorskoj samoidentifikacii v internet-poezii* [On the Problem of Authorial Self-Identification in Internet Poetry] // *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 2008. No. 1, part I. Pp. 149–153. EDN: MUUMPP.
22. *Russkij literaturnyj klub* [The Russian Literary Club] // Nacional'naya biblioteka Chuvashskoj Respubliki [The National Library of the Chuvash Republic]. Available at: http://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5991:russkij-literaturnyj-klub (date accessed: 30.07.2025).
23. *Russkij literaturnyj klub v Respublike Marij El* [The Russian Literary Club in the Republic of Mari El]. Available at: <https://literaturnyjclubvmariyel.tilda.ws/> (date accessed: 30.07.2025).
24. Tajkova L. V. *Liderstvo v virtual'nyh setevyh soobshchestvah* [Leadership in Virtual Network Communities] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Novgorod State University*. 2017. No. 1. Pp. 55–57. EDN: YLGBFR.
25. Tamara Bogina [Tamara Bogina] // Stihi.ru. Available at: <https://stihi.ru/avtor/bochinatamara> (date accessed: 30.07.2025).
26. Tarasov A. P. *S nadezhdoj otpravlyalsya v put'...* [Setting Out with Hope...]. Cheboksary, Tipografiya No. 7 (Printing House No. 7), 2022. P. 31.
27. *Tatarstanskoe regional'noe otdelenie* [The Tatarstan Regional Branch] // Rossijskij soyuz pisatelej [The Russian Union of Writers]. Available at: <https://reg.rossp.ru/tatarstan> (date accessed: 30.07.2025).
28. Shikula D. *Internet-soobshchestva kak sub'ekty, formiruyushchie global'nyuyu informacionnyuyu sredu: ponyatie, proiskhozhdenie, tipy* [Internet Communities as Actors Shaping the Global Information Environment: Concept, Origin, Types] // *Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal – Scientific and Culturological Journal*. 2006. No. 10. Available at: <http://relga.ru/articles/1055/> (date accessed: 30.07.2025).

29. Shurygin A. V. *Setevye literaturnye soobshchestva: iz opyta tvorcheskoy deyatel'nosti* [Online Literary Communities: From the Experience of Creative Activity] // *Mirovaya klassika i molodezhnaya kul'tura : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [World Classics and Youth Culture : Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation] / Mari State University. Yoshkar-Ola, 2014. Pp. 113–119.

Поступила в редакцию: 27.08.2025

Принята к публикации: 26.11.2025

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (42) (2026)

16+

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.08.2026 г.
Дата выхода в свет 20.08.2026 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20. Тираж 100 экз. Заказ № 187.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36